

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

А. И. Кравченко

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

УЧЕБНИК

*Допущено Научно-методическим советом по социологии
Министерства образования и науки Российской Федерации
для студентов высших учебных заведений гуманитарного профиля*

• ПРОСПЕКТ •

МОСКВА
2008

УДК 316(091)(075.8)
ББК 60.5я73
К78

Кравченко А. И.
К78 История социологии: учеб. – М.: Проспект, 2008. – 408 с.

ISBN 978-5-392-00020-3

В учебнике рассмотрены основные этапы становления и развития социологии как науки, представлены школы социологии, ее отрасли и направления, определены парадигмы и перспективы. Особое внимание уделено анализу классических теорий и учений мировой социологии: Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, О. Конта, Ф. Тенниса, М. Вебера, П. Сорокина и др.

Учебник соответствует государственным образовательным стандартам высшего профессионального образования Российской Федерации.

Для студентов, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений.

УДК 316(091)(075.8)
ББК 60.5я73

Учебное издание

Кравченко Альберт Иванович
ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Учебник

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.013883.11.07 от 28.11.2007 г.

Подписано в печать 01.02.08. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Печ. л. 25,5. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано с диапозитивов
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

ISBN 978-5-392-00020-3

© А. И. Кравченко, 2008
© ООО «Издательство Проспект», 2008

РАЗДЕЛ I

ГЛАВА 1. Исторические траектории социологии

Нередко студенты задают вопрос: зачем нам изучать историю социологии, зная то, что навсегда ушло в прошлое и в текущей деятельности вряд ли пригодится? Не лучше ли сразу начать с изучения методик и принципов разработки социальных технологий, не забывая голову излишней информацией?

Но подлинный профессионализм невозможен без истоков знаний. Без знания истории своей науки невозможны профессиональная культура человека, аналитическое мышление, сформировать которые призвано университетское образование. Интерес к истории — не досужее любопытство, а естественная необходимость и внутренняя потребность тех, кто стремится выйти за грань поверхностного усвоения предмета.

Начальный этап развития социологической мысли

Один из патриархов мировой социологии Роберт Мертон (1910) как-то сказал: «Социология — это очень молодая наука об очень древнем предмете изучения».

Точнее и не скажешь. Тем, что сегодня мы называем обществом, люди заинтересовались в глубокой древности. В течение 2,5 тыс. лет мыслители анализировали и описывали общество, не называя, однако, полученные знания социологией.

Античность. Первое (и достаточно полное) представление о строении общества дали античные философы Платон и Аристотель. Первых социологов античности называют *социальными философами*. Среди них выделяются два гиганта — Платон (427—347 до н. э.) и Аристотель (384—322 до н. э.). Они, как и нынешние социологи, изучали традиции, обычаи, нравы и взаимоотношения людей, обобщали факты, строили концепции, которые завершались практическими рекомендациями о том, как усовершенствовать общество.

Платон. Первым в истории трудом по «общей социологии» считают «Государство» Платона. Он подчеркивал особую роль разделения труда и создал первую в мире *теорию стратификации*, согласно которой любое общество делится на три класса: *высший*,

состоящий из мудрецов, управляющих государством; *средний*, включающий воинов (видимо, и в древности военно-промышленный комплекс играл не последнюю роль), охраняющих его от смуты и беспорядка; *низший*, где числились ремесленники и крестьяне.

Высший класс наделен огромными привилегиями, но он постоянно злоупотребляет властью. Чтобы этого не происходило, его необходимо лишить частной собственности, которая, согласно Платону, развращает нравы людей. К управлению обществом следовало допускать людей, достигших 50 лет, высокообразованных и талантливых. Они должны вести суровый образ жизни и не предаваться земным утехам. (Как вы думаете, а сегодня высший класс следует этим требованиям?)

Наилучшей формой правления Платон считал *аристократию* — власть избранных. В порядке ухудшения располагаются *тимократия* (власть воинов), *олигархия* (власть богатей) и *демократия* (власть народа), крайней формой которой является *охлакратия* (власть толпы). Демократия является худшей формой правления потому, что из нее обычно вырастает *тирания*, наихудшая форма, при которой царят произвол и насилие. Ведь тиран приходит к власти как ставленник народа.

В плохом государстве над всеми стоят правители, в разумном — законы. Закон призван ограничивать как власть правителей, так и свободу управляемых. На страже законов стоит правосудие. К отправлению правосудия должны быть причастны все граждане государства.

Аристотель. У него опорой порядка выступал *средний класс*. Кроме него, существуют еще два класса — богатая *плутократия* и лишенный собственности *пролетариат*. Государство лучше всего управляется в том случае, если: 1) масса бедняков не отстранена от участия в управлении; 2) эгоистические интересы богатых ограничены; 3) средний класс многочисленнее и сильнее, чем два других.

Аристотель, как подлинный государственный деятель (если к нему можно применить подобное выражение), осуждал любые проявления духа наживы и погони за прибылью, приветствовал нравственно-этические отношения между людьми, не зараженные алчностью и рыночными извращениями. Погоня за деньгами становится самоцелью, она превращается в манию преследования и развращает нравственность. Конечным пунктом на этом пути является *плеонаксия* (*pleonastos* — чрезмерность, излишество) — осуждаемое всеми греками чрезмерное увлечение чем-либо, не обязательно деньгами, но властью, словотворчеством, роскошью и т. д.

Аристотелевская этика деловых отношений последовательно реализовывалась древнегреческим рынком, который был ориен-

тирован не только и не столько на интересы богатых клиентов, сколько на удовлетворение повседневных запросов рядовых, среднего достатка афинян. Духовные ценности и гражданские доблести ставились греческой культурой много выше, чем владение вещами и деньгами. Да и сами деньги должны добываться честным и добросовестным трудом.

Несовершенство общества, учил Аристотель, исправляются не уравнительным распределением, а моральным улучшением людей. *Законодатель должен стремиться не к всеобщему равенству, а к выравниванию жизненных шансов.* Частной собственностью может владеть каждый, она не вредит нравам людей и развивает здоровые эгоистические интересы. Человеком управляет множество стремлений, но главное среди них — любовь к деньгам. *При коллективной собственности все или большинство бедны и озлоблены.* С другой стороны, не менее опасно для государства и чрезмерное неравенство людей. Аристотель превозносит общество, в котором средний класс сильнее всех других.

Новое время (XV—XVII вв.). Только через две тысячи лет европейская научная мысль смогла подарить миру выдающиеся труды об обществе, прежде всего благодаря усилиям Н. Макиавелли, Дж. Локка и Т. Гоббса, которые были непосредственными предшественниками научного этапа социологии.

Еще в Средневековье арабский мыслитель Ибн-Хальдун пристально изучал поведение больших социальных групп людей, составляя анатомию человеческого общества. Многие европейские мыслители XVII—XIX вв. (Вольтер, Дидро, Кант, Гегель, Гоббс) задолго до официального рождения социологии писали о нравах людей, общественной морали и традициях, характере народов, поведении социальных типажей.

Николо Макиавелли (1469—1527 гг.) первым из мыслителей Нового времени обратился к идеям Платона и Аристотеля и создал на их основе оригинальную *теорию общества и государства*. Его главное произведение «Государь» как бы продолжает основную линию рассуждения платоновского «Государства», но акцент поставлен не на структуре общества, а на поведении политического лидера. Он впервые вывел государственно-политические вопросы из-под сферы влияния религии и морали. Труды Макиавелли придали социологии и политологии новое измерение: они стали наукой о поведении людей в обществе.

Макиавелли говорил, что правитель, желающий добиться успеха, должен знать мотивы поведения людей и руководствоваться в своей деятельности тремя основными принципами (законами). Первый принцип: *человеческими действиями правят честолюбие и мотив власти.* Состоятельными людьми движет страх поте-

рять то, что они накопили, а бедняками — страсть приобрести то, чего их лишили. Второй принцип: *умный правитель не должен выполнять все свои обещания*. Ведь и подданные не очень спешат с выполнением своих обязательств. Добиваясь власти, можно расточать обещания, но, придя к ней, не обязательно их выполнять, иначе попадешь в зависимость от подчиненных, а где зависимость — там нерешительность, малодушие и легкомыслие. Третий принцип: использование любви подчиненных в начале карьеры правителя и использование их страха при достижении им власти. Четвертый принцип: *творить зло надо сразу, а добро — постепенно*. Наградой люди дорожат, когда они редки, наказания же нужно производить сразу и в больших дозах. Единовременная жесткость переносится с меньшим раздражением и считается более справедливой, чем растянутая во времени (хвост собаке лучше отрубить сразу, а не по частям). Пятый принцип: можно отобрать у подчиненных жизнь, но нельзя посягать на имущество.

В «Государе» Макиавелли нарисовал образ идеального правителя и политическую технологию удержания власти. Надо сказать, прообразом такого правителя для него был Цезарь Борджиа, чьи жестокость и коварство долгое время считались непревзойденными.

Следующий шаг сделал **Томас Гоббс** (1588—1679 гг.), разработав *теорию общественного договора*, послужившую основой учения о гражданском обществе. У животных нет борьбы за почести и звания, поэтому у них нет ненависти и зависти — причин мятежей и войн. У людей все это есть. Неправильно думать, будто люди от рождения склонны к сотрудничеству. Если бы человек любил другого по естественному побуждению, то он искал общения со всеми в равной мере. Но каждый из нас предпочитает общество тех, кто ему полезнее. Именно наша природа толкает искать не друзей, а почета и выгод.

Что побуждает людей создавать общество? Взаимное опасение. Оно сбивает людей в группы, помогая выжить в условиях конкуренции. Но, объединившись, люди преследуют вовсе не общественное благо, а стремятся даже из этого извлечь себе выгоду либо достичь уважения и почестей. Поэтому человеческое общество не будет ни очень большим, ни очень устойчивым. Оно стабильно, если слава и почет возданы всем. Но так не бывает. *Обойденным оказывается всегда большинство, почет достается немногим, следовательно, общество со временем обязательно распадется*. Страх не разъединяет, а объединяет людей, вынуждает заботиться о взаимной безопасности. Государство — наилучший способ удовлетворить такую потребность. Поэтому причина возникновения стабильного, длительно существующего общества — взаимный страх, а не любовь и расположение.

Естественное состояние — война всех против всех или *социальная борьба за выживание*. Она характеризует повседневную жизнь людей в догражданском обществе.

Иное дело — гражданское общество — высший этап развития. Оно покоится на общественном договоре и юридических законах. У него три формы правления: демократия, аристократия, монархия. Только с появлением государства возникает собственность в истинном смысле слова и соответствующие учреждения (суд, правительство, армия, полиция), защищающие ее. В результате прекращается война всех против всех.

Становление и развитие социологии как науки

Этот этап отличается от предшествующего тем, что европейское общество окончательно и бесповоротно вступает на путь капиталистического развития. Два первых из рассматриваемых нами мыслителей (О. Конт и К. Маркс) застали начальную стадию капитализма, а два других (Э. Дюркгейм и М. Вебер) — продвинутую. Между этими стадиями существует качественная разница. Естественно, что первые и вторые описывали совершенно разные общества. Отсюда и различие их взглядов.

В XVII—XVIII вв. впервые появились термины, призванные сыграть решающую роль в формировании социологии: «общество», «культура», «цивилизация», «классы», «структура», «функция» и др. А это значит, что отдельные мыслители предыдущих веков, которые в одиночку пытались пробраться к тайнам социальной жизни, не имели адекватного своим усилиям понятийного аппарата. Естественно, что они получили и неадекватные результаты. Кто сегодня роет лопатой траншею, если можно использовать экскаватор?

Поначалу новые понятия были всеобщим достоянием. Намного позже социологи усмотрели в них свою законную собственность. Естествоиспытатели, врачи, философы, инженеры, предприниматели в начале и середине XIX в. толпой навалились на новый объект изучения — общество (новый, конечно, относительно). Почему?

А потому что в европейском обществе в это время происходили потрясающе интересные события. Капитализм благодаря индустриальной революции разворачивался во всю свою мощь: рост промышленных городов-спрутов, обезземеливание крестьян, концентрация преступности и проституции, торговля детьми, пауперизация и обнищание широких масс — и все это на фоне невиданного расширения политических прав прежде всего для средних слоев, а не только аристократии, как прежде, появления железных до-

рог, газовых фонарей, синематографа, пароходов и других невиданных ранее чудес «века железа», как его окрестили позже историки.

Европейская интеллигенция искренне интересовалась положением малоимущих слоев населения, поэтому регулярно обследовались фабрики и заводы, детские приюты и городские кварталы, проводилась перепись населения. Зарождается социальная статистика как черта европейской культуры. Для нее требуются тысячи анкетных опросов. Стало быть, развиваются методика, техника и методология эмпирического исследования. Больше других преуспел в этом бельгиец А. Кетле, внесший серьезный вклад в методологию опросов и социального измерения.

Беда лишь в том, что поиски велись разрозненно, с разных концов, разными методами, и получались не только разные, но порой несовместимые результаты. Нарождающаяся социология во второй половине XIX в. буквально обвалилась под грузом эмпирических фактов. Разумеется, целостной картины общества они не дали и не могли дать.

И вот на исторической сцене всплывает могучая фигура О. Конта (1798—1857), философа по образованию, социолога по ориентации. Конт был философом не таким выдающимся, как, скажем, Кант или Гегель, но зато весьма проницательным. Во-первых, его считают родоначальником одного из самых мощных и плодотворных философских направлений — позитивизма. Во-вторых, он является отцом мощной эмпирической науки — социологии. О. Конт дал ей имя (термин «социология» принадлежит именно ему и возник в 1838 г.), определил ее предмет и методы, хотя ничем из созданного на практике не воспользовался. Выдвинутые им глобальные социологические теории, в частности трех стадий эволюции общества, вспоминают сегодня разве что из уважения к метру, но никакой пользы науке они еще не принесли, поскольку с самого начала были слишком умозрительными и претенциозными. В-третьих, его именуют отцом теории индустриального общества, теории, составляющей основание современной социологии. Но и здесь он прославился больше грамотной постановкой проблемы, нежели эффективно найденным решением.

О. Конт расписал, кажется, всю структуру новой науки, определил ее место в системе научного знания, составил типологию обществ, разработал новую методологию. Интеллигенция с облегчением вздохнула: наконец-то появился ум, способный все обобщить и создать единую картину мира. Но не тут-то было. Абстрактный теоретик, О. Конт, как уже говорилось ранее, не провел в своей жизни ни одного анкетного опроса, не сделал ни одного наблюдения и не поставил ни одного эксперимента. Методы, к которым он

призывал страждущее племя социальных ученых, оказались кабинетной выдумкой. Много позже появится поколение социологов — прежде всего Э. Дюркгейм и М. Вебер, — которые окажутся способными и на эмпирические исследования, и на глубокие теоретические обобщения. Они-то и создадут новую систему социологического знания. Если приглядеться к ней внимательнее, то окажется, что практически ни одного принадлежащего Конту понятия в нее не вошло. Так мировая социология появилась на свет во второй раз. И случилось это в конце XIX в.

Возникновение в XIX в. опытной, эмпирической науки об обществе не случайно, а имеет определенные гносеологические и социально-экономические предпосылки. XIX век — это век естествознания, его идеалом является опытное, «позитивное» знание. Наука не знает границ, естественно-научному методу подвластно все, в том числе мораль, право, общественное устройство — все, что раньше было предметом метафизики и спекулятивных домыслов.

Научному мышлению XIX в. были одинаково чужды как обскурантизм Средневековья, так и морализаторство просветителей. Лидерами естествознания в XIX в. являлись физика (механика И. Ньютона) и биология (эволюционная теория видов Ч. Дарвина). Именно эти науки определяли стиль научного мышления своей эпохи. Особенности этого стиля мышления наложили зримый отпечаток на процесс формирования социологии и криминологии. Общество (и преступность) стали рассматриваться как объективное явление, ничем в принципе не отличающееся от объектов познания физики и биологии. И достаточно долго опытная, позитивная наука об обществе называлась социальной физикой, а ее разделы по аналогии с механикой назывались социальной статикой и социальной динамикой.

Социология, по мнению А. Гоулднера, возникла как идеология среднего класса. Именно в XIX в. мы видим широкое движение интеллигенции, причем во всех европейских странах, включая и Россию, в помощь социальным аутсайдерам. Множащийся средний класс горел желанием улучшить положение дел в обществе. Социология рождалась как наука об обществе и его трансформации. Если европейские пионеры социологии были в основном философами, то американские — проповедниками и священниками. Это свидетельствует не только о романтическом ореоле зарождения социологии, но и о том утопическом проекте, который был выбран в качестве некой теоретической платформы. XIX век, судя также и по русской литературе (вспомнить хотя бы Базарова из произведения И. Тургенева «Отцы и дети»), был весьма деятельным — все что-то улучшали, изменяли, преобразовывали. О. Конт, создавая новую науку, мечтал сделать ее разновидностью научной

религии, поверив в которую правители смогут править в соответствии с объективными и надежными законами. Алгеброй они повесят общественную гармонию. (А что вы думаете о положении дел в XX и XXI вв.? Сохранился ли прежний героический пафос в социологии?)

Создавая новую науку, О. Конт рассуждал примерно так: для того чтобы познать общество во всем многообразии его проявлений, философии уже недостаточно. Нужна специальная наука, которая занималась бы обществом не наряду с другими вопросами, а посвятив все внимание только ему. Для того чтобы состоялась новая наука об обществе как самостоятельное знание, ей нужно отказаться от философского метода познания и придумать собственный. Но пока своих методов еще нет, социология должна взять из естествознания такие методы, как наблюдение, эксперимент и сравнительный анализ.

О. Конт в своем творчестве руководствовался идеалами прогресса, политической и экономической свободы, надеждой на то, что с помощью науки и просвещения можно решить все социальные проблемы. На вопрос о том, как вылечить больное общество, Конт отвечал: надо создать такую же точную и объективную науку об обществе, какой является естествознание.

Социологическая мысль явилась ответом на кризис динамично развивающегося европейского общества. Цель нового мышления — развить интеллектуальные инструменты, которые сделали социальные отношения в обществе более прозрачными. Социология родилась и выросла в быстро изменяющемся мире: борьба за независимость в Европе и Америке, возрождение и падение Наполеона, расцвет Британской империи...

Подчеркивая роль конкретных методов в познании, О. Конт тем не менее оставался представителем прошлого — поколения социальных философов, создающих всеобщие законы человечества. Только через 50 лет, в конце XIX в., появилось первое поколение социологов, лидерами которого стали всемирно известные ученые Э. Дюркгейм и М. Вебер, к идеям которых мы еще не раз будем возвращаться.

Соотечественника О. Конта Эмиля Дюркгейма называют пионером практической социологии. Он разработал методологию функционального анализа, которая применяется по сей день, провел глубокий анализ проблемы самоубийства, который и сегодня служит классическим примером того, каким должно быть социологическое исследование, заложил основы теории аномии, и в наше время не потерявшей своей ценности. Его учения о разделении общественного труда, механической и органической солидарности, природе социального факта, коллективном сознании и ценностях, эволюции религии вошли в золотой фонд мировой социологии.

Не только Франция, но и Германия удивила мир блестящей плеядой социологов: Макс Вебер, Георг Зиммель, Фердинанд Теннис — это самые крупные ученые.

Карла Маркса (1818—1883) считают основателем теории социального конфликта, учения о структуре и развитии общества, концепции социальных классов. Это самая крупная фигура среди социальных философов.

Другой немецкий мыслитель **Макс Вебер** (1864—1920) может быть назван Леонардо да Винчи социологии. Он разработал все базисные теории, которые сегодня составляют фундамент социологии: учения о социальном действии и мотивации, общественном разделении труда, отчуждении, профессии как призвании, основы социологии религии, экономической социологии и социологии труда, социологии города, теории бюрократии, концепцию социальной стратификации и статусных групп, основы политологии и института власти, учения о социальной истории общества и рационализации, об эволюции капитализма и института собственности. Все достижения М. Вебера просто невозможно перечислить, настолько они огромны. В области методологии одним из главных его достижений является введение идеальных типов.

Благодаря М. Веберу, а также его коллегам **Ф. Теннису** (1855—1936) и Г. Зиммелю (1858—1918) немецкая школа доминировала в мировой социологии вплоть до Первой мировой войны.

Ф. Теннис выдвинул ставшую классической типологию социальности: сообщество (община), где господствуют непосредственно личные и родственные отношения, и общество, где преобладают формальные институты. «Общинные» отношения по его типологии предполагают «высшую самость», а «общественные» имеют «искусственное лицо». Отсюда он логически вывел различие главных экономико-правовых категорий: рассуждая об общине, он говорит о «владении», «земле», «территории», «семейном праве»: а рассматривая общество — об «имуществе», «деньгах», «обязательственном» (торговом) праве. Здесь же Теннис говорит и о противоположности статуса и контракта (договора).

Рассматривая вопрос о динамике общества, Теннис считал, что «общинная» социальность в ходе истории все больше вытесняется «общественной» социальностью. Здесь можно найти путь для анализа нравов, права, семьи, хозяйствования, деревенской и городской жизни, религии, государства, политики, общественного мнения и т. д.

В Англии наибольший вклад в мировую социологию внес **Герберт Спенсер** (1820—1903), создавший учение о социальной эволюции и рассматривавший человеческое общество наподобие живого организма.

Центром мировой социологии на первом этапе (конец XIX — начало XX в.) были три европейские страны — Франция, Германия, Англия. Конечно, и в других странах трудились замечательные мыслители, сделавшие немало для развития национальной социологии. В России это Н. Кареев, Н. Михайловский, М. Ковалевский, В. Хвостов. Но они не оказали заметного влияния на развитие мировой социологии.

Исключение представляет **Питирим Сорокин** (1889—1968), которого по универсальности охвата социологической проблематики, значению теоретического и методологического вклада в мировую социологию можно сравнить разве что с М. Вебером. Именно этот мыслитель, родившийся в России, а умерший в США, прославил нашу социологию. Именно благодаря в первую очередь ему Россию наряду с Италией (где жили и трудились выдающиеся социологи XIX—XX вв. Вильфредо Парето, Гаэтано Моска и Михельс) можно причислить к разряду социологических держав мира, но, быть может, поставив ее не в первый, а во второй эшелон.

На следующем этапе, который начинался в 20-е гг. XX в. и продолжается по сей день, центр мировой социологии переместился в США, где эта наука сразу же получила помощь государства и поддержку большинства университетов. Первый в мире социологический факультет, присваивающий докторские степени, возник, как уже упоминалось, в 1892 г. в Чикагском университете. Уже к 1910 г. большинство американских университетов и колледжей организовали курсы социологии.

В Европе же социология не пользовалась поддержкой ни со стороны государства, ни со стороны университетов. Эмиграция социологов ослабила европейскую и усилила американскую науку. В XIX в. социологическое обучение в Европе, в отличие от США, играло роль пасынка. Если оно и получало прибежище в университетах, то не так, как в США: независимым частным ученым разрешали читать лекции или, еще ранее, создавали кафедру социологии для известных ученых. Чаще профессор экономики, истории, права, политической экономики или философии предлагал обучение по «социологии», не употребляя этого названия: Георг Зиммель преподавал социологию под видом философии, М. Вебер и В. Парето — под названием «экономика». Только **Э. Дюркгейм** (1858—1917) и еще немногие европейцы в XIX в. получили академический титул как социологии. Дюркгейм был профессором социологии и образования в Парижском университете.

Эмиль Дюркгейм углубил, а во многом переориентировал позитивистскую методологию О. Конта. Дюркгейм предлагал опираться на социальные факты и изучать их статистически. Одни социальные факты (самоубийства) Дюркгейм объяснял при помощи других со-

циальных фактов (интеграция). По существу, Дюркгейм дал новую методологию современной социологии. Его методологической позиции присущи две особенности: 1) натурализм — понимание законов общества по аналогии с законами природы и 2) социологизм — утверждение специфичности и автономности социальной реальности, ее превосходства индивидами. Центральной в научном творчестве Дюркгейма, как и всей французской школы, является проблема социальной солидарности. Согласно Дюркгейму, развитие человеческого общества проходит две фазы: 1) механической солидарности (доиндустриальное, или традиционное, общество); 2) органической солидарности (доиндустриальное, а затем индустриальное общество).

В США вокруг ведущих университетов (Чикагского, Гарвардского, Мичиганского) в конце XIX — начале XX в. сформировались крупные научные школы. Десятки тысяч проведенных в первой половине XX в. эмпирических исследований заложили прочный фундамент научной социологии. Если европейцы под научной социологией понимали прежде всего теоретическую науку, опирающуюся на мощные традиции классической философии, то американцы сводили научную социологию прежде всего к эмпирической, созданной по образцу классического естествознания. Именно благодаря новому взгляду на природу социологии Америка вскоре опередила Европу в деле создания научной социологии.

К 1960 г. большинство американских университетов и колледжей имели департаменты социологии. В 1960-е гг. в США социологов было больше, чем во всех странах мира, вместе взятых. Сегодня здесь более 20 тыс. профессиональных социологов, которых готовят 250 университетов и колледжей. Но вот парадокс: несмотря на обилие социологов, Америка дала миру лишь одно чисто национальное течение — символический интеракционизм, и только одного великого социолога — **Толкотта Парсонса** (1902—1979).

Он сыграл в развитии американской социологии особую роль. По словам А. Гоулднера, Т. Парсонс осуществил грандиозный синтез немецкого романтизма с французским функционализмом, которые, как казалось прежде, были несовместимы. Он американизировал немецкое социологическое наследие. Однако неправильно считать, утверждает Гоулднер, что Парсонс, как всякий эмигрант, просто перенес европейскую традицию на почву американской культуры. Вначале он с немецкой дотошностью разобрал социологическое наследие европейцев на составные элементы, а затем с чисто американской деловитостью, прежде переинтерпретировав каждый элемент, заново соединил их в новую конструкцию. Возможно, синтез получился несколько формалистическим (а потому язык парсоновской теории до конца так и не понят — он чрез-

вычайно сложен и схематичен), но он был крайне необходим, ведь большинство американцев считают, что Америке не хватает глубокой теории, хотя у нее в избытке надежная и эффективная практика. Новая теория, по оценке Гоулднера, получилась излишне метафизической по причине гипертрофирования роли стабилизирующих факторов развития общества и недооценки роли конфликта. Это даже не теория, а нечто другое, что больше походит на социологическую парадигму или перспективу, не имеющую строгой логики, но поражающую своей энциклопедичностью и творческим потенциалом.

Парсонс пытался сделать в социологии то же, что в физике стремился совершить великий Альберт Эйнштейн — создать всеохватывающую социологическую теорию, которая объясняла бы все уровни общества и все формы движения социальной материи. Ему удалось сотворить гигантскую дедуктивную систему абстрактных понятий, охватывающую человеческую реальность во всем ее многообразии.

Но вот незадача: в эмпирическом исследовании и в повседневной социологической практике ни один социолог в мире не пользуется этой системой, предпочитая менее емкие, но более оперативные частные теории, объясняющие небольшую часть социальной вселенной, но с гораздо большей точностью и разрешающими возможностями.

Т. Парсонс, как и А. Эйнштейн (который, кстати, творил свою общую физическую теорию почти в те же годы, что и Парсонс создавал свою общую социологическую теорию), потерпел неудачу. Общей теории, охватывающей все другие в качестве своих частных случаев, нет ни в физике, ни в социологии. А многие специалисты считают, что таковые вовсе не нужны. Зато на поприще частных социологических теорий США значительно преуспели. Америка дала миру большое количество известных мыслителей — Э. Шилз, П. Лазарсфельд, Р. Мертон, П. Блау, Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Парк, И. Гофман, Дж. Александер, Д. Белл, Т. Веблен, А. Гоулднер, Р. Миллс, Д. Рисмен, У. Самнер, А. Смолл, А. Тоффлер, Дж. Хоманс, — которые определили научное содержание современной социологии.

Если в Европе социологическая мысль развивалась в тесном контакте с философией, то в Америке среди социологов получила широкое распространение социальная психология. Представители обеих культур стремились объяснить эволюцию и функционирование общества, но европейцы больше тяготели к глобальным историческим схемам, а американцы — к конкретным моделям и прикладным разработкам.

Вместо философской субстанции американцы делали акцент на поведении и действии. Их не интересовало то, что скрыто внут-

ри разума и что не поддается точному измерению, — их привлекало то, что проявляется в так называемом открытом поведении. Так появился *бихевиоризм* (англ. *behavior* — поведение), подчинивший себе в первой половине все социальные науки (экономику, психологию, социологию, политологию). Теперь уже за ними закрепились ярлык поведенческих, или бихевиориальных, наук. С этим званием, а именно поведенческой (а не философской, какой она была в Европе в начале XX в.), социология и дожила до наших дней.

Загадки и парадоксы социологии

История этой науки полна загадок и тайн. Взять хотя бы факт рождения социологии (как известно, О. Конт придумал термин «социология» в 1838 г.) и факт ее признания в качестве науки и учебной дисциплины (первые курсы в университете, первые журналы, ученые степени, первые признанные научные открытия).

Так вот, между этими двумя событиями насчитывается 50 лет, в течение которых о молодой науке никто всерьез не вспоминал. Не было в ней потребности? Она никому не нужна? Или родилась раньше времени? Возможно, что в истории какой-то другой науки найдется похожий факт. Но много ли их?

На протяжении всех 50 лет самым примечательным было, пожалуй, только одно событие — активная деятельность двух ярых врагов социологии — К. Маркса и Ф. Энгельса. Кажется, они на дух не переносили ни термина, ни самой сути «социологии», а «позитивизм» О. Конта ругали на чем свет стоит. Тем не менее именно К. Маркс (наряду с Э. Дюркгеймом и М. Вебером), а не О. Конт входит в число родоначальников мировой социологии. Конту как бы отведена роль «свадебного генерала».

А объяснение простое: трое родоначальников подарили социологии самые плодотворные идеи, методологию познания, а Конт — только название.

Но парадоксы на том не заканчиваются. Специалисты уверены, что вся мировая социология рождалась как противовес марксизму. Почему? Маркс создал социальное учение о том, как разрушить европейское общество, а Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин, Т. Парсонс и другие разрабатывали идеи о том, как стабилизировать человеческое общество, избежать разрушительных войн и классовых конфликтов. Первым с подобным проектом, поначалу в весьма утопическом виде, выступил не кто иной, как О. Конт. Именно он ввел в научный и повседневный оборот слово «консенсус», без которого теперь не могут обойтись не только политики и ученые, но, кажется, и домохозяйки.

Драматургия истории социологии закручивается еще больше. Вот мы узнаем, что в конце XIX — начале XX в. официальные власти Германии запрещали преподавать социологию на том якобы основании, что она является рассадником идей марксизма. Ситуация повторилась спустя 50 лет, но уже совсем в другой стране: в конце 1950-х — начале 1960-х гг. официальные власти СССР запрещали преподавание социологии на том якобы основании, что она является проводником буржуазных идей.

Чего на этот раз испугались власть предрежащие — умиротворяющего пафоса социологии или бунтарского духа марксизма, которому они к тому времени успели изменить? Что больше подходило «строителям коммунизма» — теория о том, как укреплять человеческое общество, или теория о том, как его разрушать, разжигая в людях непримиримые классовые страсти? И как понимать дальнейшую (1970—1990-е гг.) легализацию социологии в России — как признак либерализации самого общества или «омарксовления» мировой социологии?

ГЛАВА 2. Основные школы социологии

В социологии, как и в большинстве других наук, можно встретить не только мыслителей-одиночек, опередивших свое время и создавших неповторимый свод интеллектуальных знаний, но и крупные (а иногда и не очень крупные) научные школы, представляющие собой коллективы единомышленников, разделяющих общие идеи и методы исследования.

Научная школа — это одновременно форма кооперации ученых и закрепление исследовательских традиций. Единодушие в профессиональных суждениях по поводу принципиальных вопросов (в деталях они могут расходиться) формирует партию в сфере политики и школу в сфере науки. Представителей одной научной школы характеризует: 1) консенсус, т. е. профессиональное единодушие, согласованность установок, общность оценок; 2) социтирование — взаимные ссылки друг на друга (на «своих» при этом ссылаются чаще, чем на «чужих») в статьях и монографиях; 3) кумулятивное развитие — накопление знаний всеми сторонниками одной школы по принципу пчелиного улья или «общего котла»; 4) преемственность развития — наличие учителей и учеников, лидеров и ведомых, соединение в одно целое преподавания и исследования.

Часто научная школа — как организованная группа специалистов — арендует или имеет постоянное помещение для проведения дискуссий, конференций, семинаров. Она выпускает коллективные монографии для демонстрации теоретической платформы и сообщения эмпирических данных. Иногда на ее базе организуется какое-либо общество, союз или ассоциация. Научная школа предлагает свою методiku, реже — методологию решения проблемы, вырабатывает специфические средства анализа и концептуальную схему, которая затем развертывается в широкую исследовательскую программу. Разработки первого поколения постепенно составляют «жесткое ядро» программы или научную доктрину, которая обычно не подвергается сомнению и, став основой учебника или учебного пособия, преподается второму и последующему поколениям. Новые поколения образуют «исследовательский фронт», или передний край науки. Здесь уже речь идет не о передаче знаний, а об их добыче, открытии новых явлений, интенсивном эмпирическом исследовании.

Рассмотрим в этой связи основные школы классического и современного периодов (XIX—XX вв.) в истории мировой социологии.

Французская социологическая школа

Первой школой в европейской социологии, оказавшей на нее огромное влияние, принято считать *французскую социологическую школу*. В ней выделяются два поколения. К старшему следует отнести двух великих социалистов-утопистов — **Шарля Фурье** (1772—1837) и **Клода Анри де Сен-Симона** (1760—1825). Молодое поколение составили два других великих француза — «отец социологии» **Огюст Конт** (1798—1857) и **Эмиль Дюркгейм** (1858—1917).

Всем им присущи некоторые общие черты. Так, социалистическим идеям сочувствовали не только Фурье и Сен-Симон, но и Конт и Дюркгейм, хотя понимали социализм первое и второе поколения по-разному. Вторая общая особенность — стремление соединить научно-технический и социальный прогресс в некоем утопическом проекте; третья — приоритет коллективного труда над индивидуальным, альтруистических ценностей над эгоистическими.

А. Сен-Симон придавал промышленности исключительную роль в историческом движении общества. Смена общественных систем у него происходила под влиянием господствующих форм собственности и производства. Критерием прогресса было удовлетворение важнейших жизненных потребностей. Будущее общество рисовалось как огромная добровольная ассоциация людей, основанная на плановой организации производства и обязательном труде членов ассоциации. Сен-Симон ввел в научный оборот термин «индустриальное общество», положив начало теоретической линии, которую продолжили Конт, Спенсер, Дюркгейм и другие и которая получила широкое распространение в США и Западной Европе в середине XX в. (Р. Дарендорф, Р. Арон, У. Ростоу, Д. Белл, А. Турен и т. д.). У Сен-Симона нет четкого классового деления населения: буржуазия и пролетариат объединены в один класс — «индустриалы».

Ш. Фурье, как и Сен-Симон, резко критиковал существовавший строй, хотя в его суждениях доминировали романтически-утопические мотивы. Его никак не назовешь сторонником «индустриализма». Промышленное общество вызывало в нем открытый и скрытый протест. Не отрицая необходимости разделения труда как экономического института, ведущего к прогрессу общества, Фурье предлагал задуматься о той социальной цене (рост преступности и социальная дифференциация населения), которую приходилось платить за технический прогресс. Фурье предлагал

уничтожить губящую людей узкую специализацию труда и выдвинул принцип перемены труда. К Фурье восходят идеи превращения труда в первую жизненную потребность и уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом.

Второму поколению французской школы принадлежит слава родоначальников научной социологии. Ее открытие связано с именем О. Конта. Кроме того, многие историки называют его «отцом индустриальной социологии» (право называться «отцом экономической социологии» принадлежит М. Веберу). Конт продолжил дело, начатое его учителем Сен-Симоном, т. е. довел до завершения раннюю теорию индустриального общества.

О. Конт, давший название науке социологии, в своем творчестве руководствовался идеалами прогресса и свободы, он надеялся на то, что наука и просвещение помогут решить социальные проблемы. Конт считал, что для излечения больного общества надо создать такую же точную и объективную науку об обществе, какой является естествознание. Новая наука получила название «социология». Открытые наукой законы общества надо преподавать в школах и университетах, дабы просветить людей, научить их, как правильно и разумно строить свои взаимоотношения. В этом он был близок к взглядам просветителей.

Проведя всеобщую классификацию наук, О. Конт поставил социологию выше всех других наук — математики, физики и биологии, а преобразующую роль социологии в обществе (она должна произвести революцию в умах людей) считал столь же важной, как и роль религии. Социология призвана открывать универсальные законы развития и функционирования общества, неотделимые от законов природы. Свои открытия она совершает, используя четыре метода: наблюдение, эксперимент, сравнение и исторический метод. Причем применяться они должны объективно и независимо от оценочных суждений исследователя. Такой подход с тех пор называют *позитивизмом*.

Конт преклонялся не только перед социологией, но и перед человеческим обществом, которое она призвана описывать. Для него отдельный индивид — почти ничто. Общество состоит не из отдельных индивидов, а из социальных систем. Под обществом подразумевалось все человечество или какая-то его часть, связанная консенсусом (всеобщим согласием). Посредником между индивидом и обществом является семья, и семейная связь имеет совсем иную природу, нежели социальная. Учение Конта состояло из двух частей — социальной статики, описывающей законы существования, и социальной динамики, описывающей законы и этапы изменения общества.

О. Конт сформулировал основной закон общественного прогресса, или *закон трех стадий*, согласно которому стадии развития общества соответствуют стадиям развития человеческого ума.

Теологическую, или фиктивную, стадию, охватывающую древность и раннее Средневековье (до 1300 г.), Конт делил на три периода: фетишизм, политеизм и монотеизм. При фетишизме люди приписывали жизнь окружающим предметам и видели в них богов; при политеизме (Древняя Греция и Рим) обожествлялись природные явления; эпоха монотеизма — эпоха христианства.

Метафизическую стадию (1300—1800 гг.) Конт рассматривал как переходную, для которой характерно разрушение старых верований — фундамента общественного порядка. Важнейшие события этой эпохи — Реформация и Французская революция. Им сопутствовало распространение критической философии, приведшей к упадку авторитетов. Общество, погруженное в анархию, нуждается в новой идеологии, выполняющей интегрирующую роль. Такова, по Конту, философия позитивизма, знаменующая наступление третьей стадии — позитивной.

Свидетельством вступления в последнюю, *позитивную*, эру является распространение наук, рост их общественного значения, развитие промышленности, гармоничное развитие всех элементов социальной жизни.

Конт совершил поистине *революционный переворот* в науках об обществе, определил предмет и метод социологии. По его мнению, наука должна раз и навсегда отказаться от нерешаемых вопросов. К ним Конт относил те, которые нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, опираясь на факты — прежде всего философские суждения, оторванные от жизни.

Следующий и более глубокий вклад в развитие научной социологии, особенно в сфере методологии и учении о разделении труда, сделал *Э. Дюркгейм*. Из социологического позитивизма Сен-Симона и Конта вырос современный функционализм, первым представителем которого явился Дюркгейм. Позитивизм рассматривался ранними социологами в двух смыслах: 1) как синоним научного метода; 2) как противопоставление критической социологии Маркса.

Э. Дюркгейм углубил, а во многом переориентировал позитивистскую методологию О. Конта. Предметом социологии является совокупность социальных фактов. Социальным фактом является, например, плотность населения, частота контактов между людьми или форма жилища. В трактовке предмета социологии видна определенная противоречивость, на что неоднократно указывали историки.

Под *социальными фактами* Дюркгейм понимал коллективные привычки, традиции, обычаи, правила поведения, обряды. Счи-

тать их фактами, доступными объективному изучению наряду с магнетизмом или гравитацией, было по тем временам революционным шагом. Но Дюркгейм был уверен, что они существуют независимо от индивида наподобие природных фактов. Собрав обширный фактический материал, он доказал, что число самоубийств в разных социальных группах неодинаково: у католиков их меньше, чем у протестантов, а у горожан больше, чем у сельчан. Почему так происходит? Дело в том, что чем выше уровень интеграции (сплоченности, солидарности) социальной группы, тем ниже уровень самоубийств. Горожане и протестанты больше разобщены и индивидуалистичны, нежели сельчане и католики.

Как уже говорилось в гл. 5 раздела I, одни социальные факты (самоубийства) Дюркгейм объяснял при помощи других социальных фактов (интеграции), не прибегая к психологическим или физическим причинам, например расстройству памяти или росту человека. И это еще одно достижение французского социолога.

Его методологической позиции присущи две особенности: 1) *натурализм* и 2) *социологизм*.

Как уже упоминалось, центральной в научном творчестве Дюркгейма, как и всей французской школы, является проблема *социальной солидарности*. Для социологии нет более гуманной задачи — и в теоретическом, и в практическом плане, — чем понять, что побуждает людей жить сообща, почему стабильный социальный порядок является для них наивысшей ценностью, какие законы управляют межличностными отношениями, — а после этого предложить правительству конкретные рекомендации по устройству современной жизни. Не борьбу классов, а совместное существование всесторонне развитых личностей (не замкнутых в классовые, профессиональные или кастовые интересы), «солидарное бытие» считает Дюркгейм высшей целью.

В соответствии с таким гуманистическим замыслом он строит всю программу своей деятельности, которую можно подразделить на четыре части: 1) построение «правильной» методологии должно вооружить социолога надежным инструментом познания; 2) анализ исторической эволюции разделения труда призван показать «правильный» путь движения человечества от механической (примитивно-принудительной) к органической (сознательно-добровольной) солидарности; 3) конкретное (статистическое) исследование сущности самоубийства ставит своей целью выявить аномальные состояния, отклонения от «правильного» пути (т. е. солидарности) и предупредить человечество о возможных последствиях разрушения общественного порядка; 4) учение о религии и воспитании вооружает «правильной» технологией преодоления кризисных состояний и укрепления солидарности.

Социальная солидарность — главная сила, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое. Она возникает как логическое следствие общественного разделения труда, т. е. специализации и распределения людей по профессиям. Солидарность основана на *коллективном сознании* — совокупности общих верований и чувств, которые разделяют члены одной группы или общества. Коллективное сознание отражает характер народа, его идеалы и традиции.

Разделение труда вносит разнообразие, и чем оно больше, тем сильнее у людей *стремление к единству и обмену*. Символом обмена, его юридической формой является договор. Обмен предполагает, что два человека берут на себя *взаимные обязательства*. Из этого проистекают сотрудничество и кооперация. Кооперироваться — значит поделить между собой общее занятие. Договор покупателя с продавцом или предпринимателя с рабочим — форма *социального взаимодействия*. Их отношения регламентируются правами и законами, на которых покоятся социальные институты общества.

Как уже говорилось, согласно Дюркгейму, развитие человеческого общества проходит две фазы: 1) *механической солидарности* (доиндустриальное, или традиционное, общество); 2) *органической солидарности* (доиндустриальное, а затем индустриальное общество). Для ранней стадии характерны жесткая регламентация, подчинение личности требованиям коллектива, минимальный уровень разделения труда, отсутствие специализации, единообразие чувств и верований, господство обычаев над формальным правом, деспотическое управление, неразвитость личности, преобладание коллективной собственности.

В примитивных обществах, основанных на механической солидарности, личность не принадлежит себе и поглощается коллективом. Напротив, в развитом обществе, основанном на органической солидарности, личность и коллектив дополняют друг друга. *Чем примитивнее общество, тем больше люди похожи друг на друга, тем выше уровень принуждения и насилия, ниже ступень разделения труда и разнообразия индивидов*. Чем больше в обществе разнообразия, тем выше терпимость людей друг к другу, шире базис демократии. Чем глубже разделение труда, тем больше новых профессий.

Дюркгейма меньше привлекал анализ непрерывной линии эволюции человеческого общества с древнейших времен до современности и построение глобальных метафизических схем истории. Он отдавал предпочтение историко-сравнительному методу, который ныне называется *компаративистикой*. Его вклад заключался в том, что в поле научного поиска он вовлек не только современ-

ную Европу, но и архаические цивилизации и племенные общества. Он полагал, что если появляется какой-то социальный институт, например семья, то это кому-то нужно. Конкретно это нужно прежде всего обществу. Институты возникают потому, что выполняют полезную функцию. Функция — это и есть вклад социального института в стабильное функционирование общества. Поэтому его социологию именуют *функционализмом*.

Влияние Дюркгейма на советскую социологию. Э. Дюркгейм оказал косвенное влияние на фундамент теоретической социологии в СССР. И французский социолог, и советские социологи исходили из посылки о том, что коллектив первичен, а отдельный человек вторичен. Он создается, творится коллективным сознанием общества. Суть выражает ленинский тезис о том, что в обществе человек — все, а без общества — ничто, или его более мягкий вариант: «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

В советской социологии действительно господствовали принципы, напоминающие социологический реализм Дюркгейма. Коллективное сознание признавалось таким же реальным фактом, как индивидуальное поведение или материальные орудия труда.

Реализм дюркгеймовского толка получал легитимизацию также благодаря особой интерпретации категории объективности. Для материалиста объективно все, что существует независимо от воли и сознания людей. Межличностные отношения субъективны, поэтому они вторичны. Общественные (т. е. коллективные) отношения объективны, поэтому они первичны и являются главными.

Признак независимости от сознания и воли людей означает тот факт, что на общественные отношения отдельный индивид не в силах влиять или их изменять, следовательно, они объективны. Неподвластность изменению одновременно означает отчужденность. Марксистские социологи, критикуя буржуазное общество, обязательно подчеркивали отчужденный характер господствующих в нем социальных отношений. Но когда они переходили к рассмотрению своего общества, то понятие отчуждения заменяли понятием объективности¹.

В советской социологии, как и в советском обществе, коллектив доминировал над личностью, государство — над гражданином, общество — над индивидом. Индивид вне своей общности — вроде бы как и не индивид, почти ничто. Он обретает свои права и свое существование только в коллективности и через нее. Только коллектив являлся в коллективистском обществе реальным субъектом действия. Так, В. Б. Ольшанский замечает: «Особенности людей преломляются, как бы перевариваются на социальной основе

¹ См.: Социологические исследования. 1982. № 3. С. 32.

в производственном коллективе, образуя нечто отличное от их простой суммы, некое социально-психологическое качество — «сознание» коллектива»¹.

По мнению большинства советских социологов 1960—1980-х гг., работник, становясь членом трудового коллектива, постепенно убеждается, что существует мнение коллектива, которое может не совпадать с мнением отдельных его членов. А это означает, что коллективное мнение или сознание — особая реальность, существующая независимо от отдельных индивидов, нечто большее, чем сумма мнений отдельных людей. У коллективного сознания существует некое надбытие. Подобное положение прямо восходит к социологическому реализму Дюркгейма и продолжает его философскую линию.

Марксистская школа социологии

В истории новоевропейской социально-экономической мысли эта школа представляет явление необычное, экстраординарное. Используя лучшие достижения классической социально-философской мысли — французскую просветительскую философию, французский и английский утопический социализм, немецкую классическую философию и английскую политэкономия, — марксизм в то же время резко порывал со всеми интеллектуальными традициями, предлагая свой, *лево-радикальный*, проект переустройства общества. И Руссо, и Фурье, и Смит, и Гегель были исключительно реформистами, т. е. сторонниками мирного решения экономических проблем и трудовых конфликтов. И это, несомненно, отразилось на характере их учения.

Карл Маркс (1818—1883) и **Фридрих Энгельс** (1820—1895) уже в 1844—1848 гг. постулировали принципиальный разрыв со всеми теоретическими традициями, провозгласили необходимость создания нового — коммунистического — общества, еще не имея развернутого и эмпирически доказанного анализа существующего общества. По всей видимости, целевая заданность — необходимость устранения старого и построения нового общества — сказалась на методологии исследования, содержании теоретических выводов и направленности практических рекомендаций.

Методология К. Маркса при анализе социальных проблем общественного труда, с одной стороны, исходила из натуралистических установок позитивизма (хотя сам Маркс в этом никогда не

¹ *Ольшанский В. Б. Личность и социальные ценности // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 505.*

признавался), требовавшего рассматривать социальные явления как факты и строить обществоведение по примеру естественных наук с характерными для них причинно-следственным объяснением событий и индуктивным методом. Отсюда тезис о естественно-историческом развитии общества и конкретно-эмпирическая аргументация теоретических обобщений. С другой стороны, его методология сознательно ориентировалась на то, что позднее у М. Вебера получило название принципа отнесения к ценности, т. е. согласование эмпирических данных и теоретических выводов с «историческим интересом эпохи», под которым Маркс понимал исключительно интересы пролетариата. (В советский период данная установка трансформировалась в принцип партийности, необходимость изображать события с позиций рабочего класса, а на самом деле — с позиций административной бюрократии.)

К. Маркс не отрицал прогрессивной роли разделения труда — напротив, как и Э. Дюркгейм (но задолго до него), отводил ему роль механизма исторического генезиса общества. Однако в отличие от Дюркгейма он придавал аномальным функциям разделения труда (эксплуатации, безработице, обнищанию и т. д.) не случайный и преходящий, а фаталистический и неустранимый характер. Разделение труда ведет не просто к зарождению социальной структуры общества, а расколу ее на два антагонистических класса — эксплуататоров и эксплуатируемых. Первые существуют за счет безвозмездного присвоения прибавочного продукта, созданного трудом вторых. Рабовладельческий строй и феодализм создают то, что капитализм доводит до своего логического конца, — неустранимость антагонизма между трудом и капиталом, неизбежность революционной замены старого режима и установления нового, социально справедливого общества (коммунизма).

Механическая солидарность, если применять терминологию Дюркгейма, свойственна, по Марксу, всем реально существовавшим формациям, в том числе и первобытно-общинному строю. Только новая — коммунистическая — формация создает органическую солидарность, т. е. такой коллективизм, который является условием для всестороннего развития личности. Маркс называл его истинным коллективизмом. В отличие от него мнимый коллективизм (аналог дюркгеймовской механической солидарности) основан на корпоративной, или классовой, солидарности — пролетариев и буржуазии внутри своего класса — и классовой борьбе. Никакие реформы свергнуть старый строй не могут, необходимы социалистическая революция и диктатура пролетариата. При социализме частная собственность существовать не может, классы исчезают с исторической арены, уничтожается различие между умственным и физическим трудом, а основным законом плано-

мерной организации общественного труда станут пропорциональное распределение рабочей силы по отраслям народного хозяйства, перемена труда (фактически его деспециализация), уравнительность (не путать с уравниловкой) в оплате труда (в зависимости от вложенного труда и размера семьи, а не от социального и должностного статуса индивида) и механизм априорного (внерыночного) ценообразования.

Методология К. Маркса оказалась крайне эвристичной. Диалектическая логика, доставшаяся марксизму от Гегеля, была очищена от многих схоластических напластований и настолько сильно переориентировала позитивистские установки, что свела их, по сути, к общенаучным требованиям проверять теорию практикой и опираться на силу фактов. Диалектический метод придал особую стройность теоретическим построениям Маркса. Учение об отчуждении труда, формальном и реальном подчинении труда капитализму, абстрактном и конкретном труде, социальных превращенных формах трудовой деятельности, трудовая теория стоимости, которые имеют для социологии первостепенное значение, появились благодаря не индуктивному обобщению фактов, а теоретическому методу анализа, объединившему в себе диалектическую логику, методологию «идеальных типов» и мысленного эксперимента (элементов сравнительно-исторического исследования), причинно-следственное объяснение. Именно теоретический метод Маркса послужил стимулирующим началом для возникновения в 30-е гг. XX в. Франкфуртской школы социологии труда (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас), представители которой внесли значительный вклад в разработку концепции «индустриального общества» и отчуждения труда.

Основным вкладом марксистской школы в мировую социологию считают *теорию социального конфликта* (посему марксизм как направление в социальной мысли именуют еще конфликтной перспективой). Гораздо меньшее влияние на современную науку оказала *экономическая теория* Маркса, которая большинством западных экономистов при разработке собственных моделей явным образом не учитывалась. Иными словами, в ряду чистых экономистов Маркс не числится. Серьезной критике, в частности со стороны Г. Зиммеля и М. Шелера, подверглась его *теория стоимости и концепция редукации труда* (сведения сложного труда к простому). Не выдержала испытания временем его *теория относительного и абсолютного обнищания пролетариата*, как не подтвердились и некоторые другие положения. Во многом это можно объяснить тем, что вопреки своим же методологическим установкам опираться на факты Маркс больше придерживался абстрактных формул английских политэкономов и фило-

софских схем Гегеля. Довольно странным, с точки зрения представителей немецкой исторической школы, должен был показаться и выбор объекта исследования: виданное ли это дело, что немец отправляется в Англию, где изучает законы развития капитализма, затем объявляет их универсально применимыми для всех стран независимо от культурной специфики, поучая немцев, как им обустроить свою жизнь? Законы капитализма, открытые Марксом на английской почве, были категорически отвергнуты многими немецкими интеллектуалами, в том числе и Вебером. Тем не менее учение К. Маркса остается великим достижением человеческой культуры, а время от времени возникающий на Западе интерес к его наследию («ренессансы Маркса») свидетельствует об огромном эвристическом потенциале радикалистски ориентированных социальных теорий.

Немецкая школа социологии

Если для французской школы основными темами исследования были разделение труда, коллективное сознание и солидарность, религия и самоубийство, историческая динамика общества, то для представителей немецкой школы социологии таковыми являлись отчуждение труда, рациональность и бюрократия, эволюция капитализма и развитие общества, религия, социальные институты и общности, мотивация экономического поведения. Основные представители этой школы — выдающиеся немецкие ученые Г. Зиммель, Ф. Теннис и М. Вебер.

На **Георга Зиммеля** (1858—1918), автора более 30 книг, посвященных философии культуры, социологии, этике, эстетике, истории философии, наибольшее влияние оказали идеи немецкой исторической школы, с представителями которой они поддерживали личные контакты, учение К. Маркса (это чувствуется в главной работе Зиммеля «Философии денег»), философия жизни (поздний период творчества Зиммеля), а самое главное — воззрения немецкого философа И. Канта (ему посвящены докторская диссертация Зиммеля и многочисленные работы по методологии).

Рассматривая динамику культуры, Зиммель предлагает глобальную схему ее развития, в которой описывается процесс бесконечного порождения жизнью новых культурных форм. Со временем последние окостеневают, становясь тормозом дальнейшего движения жизни, а потому заменяются новыми формами, обреченными пережить ту же судьбу. Развитие культуры проходит через противоборство и конфликт противоположных начал — содержания и формы, «души» и «духа», «субъективной» и «объек-

тивной» культур. «Трагедия культуры» заключается в неустранимости данного противоречия. Сама жизнь как неформальное начало противостоит культуре, воплотившей принцип формы вообще. Отсюда берет начало формальная социология, основными понятиями которой являются «содержание» (исторически обусловленные цели, мотивы, побуждения человеческих взаимодействий) и «форма» (универсальный способ воплощения и реализации исторически изменчивых содержаний). Человеческое общество — странная смесь и взаимодействие формы и содержания.

Важной категорией в его учении выступала ценность, которая, будучи фундаментальным отношением, определяла все другие отношения в обществе. Над миром конкретного бытия, считает Зиммель, возвышается мир идеальных ценностей, выстраивающий совершенно иную иерархию вещей и отношений, чем та, которая существует в материальном мире. Два мира — материальный (мир вещей) и идеациальный (мир ценностей) — сосуществуют как пересекающиеся вселенные, как два измерения одного мира — одновременно.

В «Философии денег» (1890) Г. Зиммель предпринял глубокий анализ влияния денежных отношений и разделения труда на социальную реальность, человеческую культуру и отчуждение труда. Он рассмотрел современный индустриальный мир, миграцию и подготовку рабочей силы, различия между умственным и физическим трудом, отношения лидерства, господства и подчинения, денежный обмен на бирже, механизм действия меновой и потребительной стоимости, наконец, проблемы социальной и групповой дифференциации.

Категория денег послужила Г. Зиммелю тем увеличительным стеклом, благодаря которому удалось лучше рассмотреть скрытые механизмы социальной жизни, общественный труд в его нормальных и патологических формах. Через категории «труд», «отчуждение», «ценности» Г. Зиммель выходит на феноменологию капитализма. Возникновение денег разрушает личностный характер отношений между людьми. Их место занимают анонимные, безличные отношения. Этот, казалось бы, негативный момент в социальной эволюции имеет неожиданные позитивные следствия: вместе с денежным расчетом и анонимностью в человеческие отношения вторгается рационализм, или рациональность. Проникшая в сферу делового предпринимательства рациональность формирует совершенно новый тип человека — принципиально открытого для отчуждения и денежного расчета. Его субъективный мир не защищен перед неумолимой логикой объективации. Деньги — символическая мера равенства людей перед небытием. В чистом виде деньги сначала отражают ценностное отношение вещей (хро-

нологически раньше люди стали сравнивать и оценивать друг с другом две вещи как два товара), а затем проникают в мир человеческих отношений и становятся мерой ценностного отношения людей. Деньги уравнивают людей (негативное равенство) как производителей или потребителей вещей, созданных человеческим трудом. По мере того как вещь из цели превращается в средство достижения чего-либо, работник все больше отчуждается от продукта и средств труда.

Зиммель внес вклад в развитие социологического анализа города, религии, познания, его идеи нашли отражение в философской антропологии. Г. Зиммель и М. Вебер разработали принципиально новую методологию социального познания, совершив своего рода коперниканский переворот в социологии. С них, да еще с Э. Дюркгейма она, собственно, и начинается как строгая научная дисциплина.

Социология **Фердинанда Тенниса** (1855—1936) — один из первых опытов построения системы формальных, «чистых» категорий социологии, позволяющих анализировать любые социальные явления в прошлом и настоящем, а также тенденции социальных изменений. Он разделил социологию на «общую» и «специальную». Первая должна изучать все формы сосуществования людей, включая биоантропологические, демографические и другие аспекты, общие с формами социальной жизни животных. Вторая, подразделяемая на «чистую» (теоретическую), «прикладную» и «эмпирическую» (социографию), изучает собственно социальную жизнь.

В своем главном труде «Община и общество» (1887) Теннис предложил ставшую позже классической типологию социальности: сообщество (община), где господствуют непосредственно личные и родственные отношения, и общество, где преобладают формальные институты. Субъектом отношений родства выступает семейная ячейка: мать и дети, братья и сестры, отец (различные виды отношений и позиций в семье). Наряду с семьей к отношениям «общинного» («сообщностного») типа относятся соседство и дружба. Субъектом общественных отношений является «лицо» — объект формально-юридических связей. «Лицо» есть внешнее механическое единство, определяемое внешним, случайным образом.

Множество лиц способно составить систему и конституировать «фиктивное лицо», представленное собранием или отдельным индивидом. Если «общинные» отношения предполагают «высшую самость», то «общественные» — «искусственное лицо». Отсюда следует и различие главных экономико-правовых категорий. В первом случае (община) речь идет о «владении», «земле», «территории», «семейном праве», во втором (обществе) — об «имуществе», «деньгах», «обязательственном» (торговом) праве. Сюда же Теннис добавляет и противоположность статуса и контракта (договора).

Касаясь динамики общества, Теннис полагал, что «общинная» социальность в ходе истории все больше вытесняется «общественной» социальностью. Отсюда открывался путь для анализа нравов, права, семьи, хозяйствования, деревенской и городской жизни, религии, государства, политики, общественного мнения и т. д. С течением времени Теннис включил в свою типологию дополнительные признаки: плотность социальной связи, количество участников, сотрудничающий или соперничающий характер связи, — в результате чего получалась очень подробная схема, которая в полном виде нашла отражение в одной из последних работ — «Введение в социологию» (1931).

Самым выдающимся представителем немецкой школы, без сомнения, является **Макс Вебер** (1864—1920), энциклопедически образованный ученый, внесший неоценимый вклад практически во все сферы социологии. Правовед по образованию (юриспруденцию он изучал в Гейдельбергском университете), он начинал свою научную деятельность с исследований в области экономической истории. Его диссертация, посвященная средневековым торговым компаниям, выполнена в духе исторической политэкономии.

Характерно, что с ранних работ Вебер заявляет основные принципы своей методологии: 1) тесная связь эмпирической социологии с исторической; 2) первичность социокультурных факторов (в частности, религии) при объяснении экономического и трудового поведения. Средний период творчества — с точки зрения социологии — отмечен его участием в эмпирических исследованиях в промышленности, и только поздний дает необходимые источники для идей Вебера как вполне определившегося теоретического социолога. В 1905 г. появляется его всемирно известная книга «Протестантская этика и дух капитализма», а в 1922 г. посмертно выходит фундаментальная работа «Хозяйство и общество».

В методологии М. Вебера можно выделить несколько основных моментов: 1) концепция идеального типа, 2) метод причинно-следственного (каузального) объяснения, 3) принцип сопереживающего понимания мотивов поведения, 4) принцип отнесения к ценности. Они возникли из попытки объединить эвристику естественных и гуманитарных наук, перенести в социологию все самое рациональное из них и таким способом усилить ее познавательные возможности. Из первых Вебер позаимствовал каузальный метод и приверженность точным фактам, из вторых — метод понимания и «отнесения к ценности». Он резко выступал против психологизации социологии и использования в ней оценочных суждений, основанных только на субъективных мнениях ученого. Одновременно Вебер не соглашался с применением метафизических универсалий типа «общество», «народ», «государство», «коллектив»,

полагая, что объектом исследования может быть только индивид, ведь только он обладает мотивацией, сознанием и рациональным поведением. Абстрактные же понятия суть метафоры, в которых нивелируется конкретный индивид. Это еще один шаг навстречу естествознанию и требованиям позитивизма. Но отступлением от него и шагом к чистой философии надо считать принятие понимания.

Разумеется, М. Вебер не выступал против вероятностно-статистических методов в социологии. Но статистическая связь повторяющихся явлений сама по себе еще мало что значит, ведь она может быть случайной. Обнаружение с помощью количественных методов статистических связей — лишь первый этап. Второй этап предполагает установление внутренней обусловленности связи между явлениями или поступками, т. е. поиск логики мотивов, содержания поступков или того социального смысла, который люди придают своим действиям, ориентируясь на «значимых других». Только в этом случае вероятность связи получит логическое доказательство. Стало быть, социологическое объяснение является не только фактуально вероятностным, но и субъективно значимым. Подобный синтез и дает причинное объяснение в социологии. Наблюдая цепочку реальных действий людей (например, забастовку), мы должны сконструировать их правдоподобное объяснение на основе внутренних мотивов. Мотивы мы приписываем благодаря знанию того, что в схожих ситуациях большинство людей поступает точно так же, руководствуясь аналогичными мотивами.

Суть социологии капитализма можно тезисно выразить так: 1) капитализм — это универсально-исторический процесс, охватывающий всю историю человечества; 2) в разные эпохи различные страны, начиная с Древнего Китая, Египта, Вавилона, предпринимали попытки приблизиться к рациональному (правильному, цивилизованному) капитализму, но удалось это сделать только нескольким наиболее развитым странам Западной Европы в Новое время; 3) ключевым моментом, предопределившим успех стран Запада в построении капитализма, явились не развитая промышленность или экономика, не преимущества политического устройства, а особый тип религии — протестантизм; 4) существует множество форм капитализма, среди них только одна является истинной, а все другие — ложными подобиями.

Процесс «капитализации» всех стран мира, их нацеленность на построение у себя высшей формы товарно-денежных отношений М. Вебер называет рационализацией, высшим проявлением которой стало зарождение современного капитализма. М. Вебер полагал, что западноевропейский капитализм — явление в мировой истории уникальное, оно может никогда больше не повториться, ибо не повторится то стечение обстоятельств, которые его вызвали

(главное среди них — протестантизм и соответствующая ему трудовая этика). К правильной модели капитализма не смогли приблизиться древние и средневековые государства, которым из общего набора предпосылок всякий раз недоставало то одного, то двух условий. Идеи западного капитализма не смогла реализовать Россия (ее анализу Вебер посвятил две крупные статьи). Причины — неразвитость средних городских слоев, господство традиционной общины и соответствующей ей крестьянской идеологии («архаического аграрного коммунизма»), утрата частной собственностью священного ореола неприкосновенности, неразвитость личностного начала и основ буржуазной демократии. Огромную роль здесь играет импортированный капитал, хотя общество в целом базируется на архаическом аграрном коммунизме. Иначе говоря, того стечения уникальных обстоятельств — оригинальная религиозная этика труда, необычная экономическая структура, индивидуальные свободы и независимая (секулярная) университетская наука, автохтонная буржуазия и сильный денежный класс, которые породили западный капитализм, — в России быть не может. Зрелый капитализм, импортированный в отсталую страну, только усилит, по мнению Вебера, радикальные социалистические элементы, которые приведут к революции, а та, в свою очередь, усилит власть бюрократии.

Ныне теория Вебера признана во всем мире. Именно ее считают наиболее правильной в объяснении природы капитализма. Ей отдают предпочтение даже экономисты, привыкшие выводить одни экономические явления из других. Заслуга Вебера в том, что он научил нас видеть за экономическими событиями более фундаментальные, не видимые глазу и не просчитываемые в денежном эквиваленте движущие силы, лежащие в складе мышления и образе жизни людей. Именно от них зависит то, какой капитализм они себе построят. Социология Вебера оказала фундаментальное влияние на западную социологию XX в. Интерес к ней не угасает многие десятилетия, а в середине 70-х и конце 80-х гг. возник своеобразный «веберовский ренессанс».

Чикагская социологическая школа

В США огромную известность приобрела Чикагская школа. Знаменитый Чикагский университет (сегодня в нем учится свыше 6 тыс. студентов), основанный в 1857 г. и уже в первой половине XX в. ставший крупным научным центром мира, дал жизнь нескольким научным школам, и не только в общественности. В 1942 г. здесь под руководством Э. Ферми осуществлена первая цепная ядерная реакция.

Чикагская экономическая школа (Г. Шульц, Дж. Л. Лафлин, Веблен, Ф. Найт, У. Митчелл) в середине 60-х гг. XX в. перешла на позиции неолиберализма. Ее главные представители второго поколения — М. Фридмен, Ф. Найт, Г. Саймонс, Дж. Стиглер — выступали за невмешательство государства в экономику, полагая, что рыночный механизм обеспечит ее функционирование. Чикагская психологическая школа (Л. Терстоун, Дж. Энджелл, Б. Рамп, Дж. Уотсон, Г. Лэдд, Г. Карр, Дж. Г. Мид) возникла в рамках функциональной психологии. Получили известность также Чикагская школа политических наук (Ч. Мерриам, Х. Госснелл, Лассуэлл, Л. Уайт, Э. Фройнд), Чикагская антропологическая школа (Ф. Старр, Ф. Коул, Э. Сепир, Редфилд), Чикагская школа философии, ориентировавшаяся на прагматизм (Дж. Дьюи, Дж. Тафте, Э. Мур).

Как уже говорилось, в Чикагском университете в 1892 г. возник первый в мире социологический университет, возглавляемый А. Смоллом, с которого началась институционализация университетской социологии. Сам университет был основан семейством Рокфеллеров. *Чикагская социологическая школа* (Chicago School of Sociology) — явление в социологической науке действительно уникальное, не только вызывающее интерес у исследователей, но и имеющее безусловную значимость для развития социологии и ее утверждения как академической дисциплины¹. Ее основателем считается Р. Парк.

Чикагская школа социологии одна из первых школ в социальных науках занимала доминирующее положение в американской социологии в 1915—1935 гг. и оказала значительное влияние на развитие социологии. Подготовительный период в развитии этой школы (1892—1915) связан с деятельностью так называемой большой четверки — А. Смолла, Дж. Винсента, Ч. Хендерсона, У. Томаса. В этот же период в Чикаго были основаны первый социологический журнал — «American Journal of Sociology» (1895) и Американское социологическое общество (1905). Отличительные черты творчества представителей Чикагской школы — органичное соединение эмпирических исследований с теоретическими обобщениями, соединение различных подходов и методов (в том числе «мягких» этнографических и «жестких» количественных методов), выдвижение гипотез в рамках единой организованной и направленной на конкретные практические цели программы².

¹ Об истории Чикагской школы см.: Blumer G. The Chicago School of Sociology. Chicago: University of Chicago, 1984. Faris R.E.L. Chicago Sociology, 1920—1932. San Francisco: Chandler, 1967.

² Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 395—396.

С точки зрения социологии труда в деятельности Чикагской школы можно выделить характерные особенности: 1) развитие так называемой социальной деятельности (social work) — практические решения социальных проблем, порожденных урбанизацией и индустриализацией: безработицы, нищеты, преступности. Социальный работник (психолог, юрист, социолог) в 1920—1930-е гг. занимался решением социальных проблем производства — предупреждением конфликтов и решением трудовых споров, улучшением условий труда и стабилизацией кадров. Постепенно его вытеснил специализированный отдел управления персоналом; 2) появление в 1918 г. совместной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», обозначившей новый рубеж в развитии современной социологии; 3) разработка социально-экологической теории Р. Парка и Э. Берджеса, основными элементами которой являлись «социальная мобильность», «социоэкономический статус», «маргинальная личность».

Для Чикагской школы характерно такое соединение эмпирических исследований с теоретическими обобщениями, которые в тот период не представляли собой «высокой теории» в духе структурного функционализма Т. Парсонса, т. е. высокоабстрактного, жестко кодифицированного теоретического построения, претендующего на универсальное объяснение социальной реальности. Среди методических новшеств, числящихся за Чикагской школой, историки называют особый жанр написания социологических работ. Наравне с социологическими работами, основной частью содержания которых были абстрактные теоретические рассуждения, стали появляться работы, основанные на детально изученных реальных жизненных ситуациях, имеющие множество иллюстрирующих теоретические размышления цитат из интервью, дневников и других личных документов исследуемых субъектов, что делало эти работы более живыми и близкими к изучаемому объекту. Кроме того, тот факт, что посредством цитат объект исследования в работах социологов «заговорил», во многом предопределил развитие дальнейших дискуссий о ролевых позициях исследователя и исследуемого. Работы чикагских социологов — яркий пример того, что исследуемый может быть представлен в работе как действующее лицо, имеющее право голоса¹.

Первой заявкой на лидерство Чикагской школы в социологии была работа У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Среди центральных тем исследования значилась

¹ Ключкина О. Б. Построение теории на основе качественных данных: из истории развития методологического направления // Социологические исследования. 2000. № 10. С. 92—101.

социология города, разрабатывавшаяся Р. Парком и Э. Берджесом в рамках социально-экологической теории («инвайронментальной социологии»). Городские исследования, проводившиеся в духе социального реформизма, были нацелены на установление «социального контроля» и «консенсуса». Соединение исследовательских программ с учебным процессом в университете способствовало появлению принципиально нового характера университетского обучения, его связи с решением конкретных эмпирических задач: Чикагский университет был третьим американским университетом такого типа после университетов Дж. Хопкинса и Кларка. Влияние Чикагской социологической школы на развитие социологии сказывалось на протяжении 1930—1940-х гг., после чего инициатива перешла к Гарвардскому и Колумбийскому университетам.

Л. Ньюман «Чикагская школа социологии»

Социологические полевые исследования в США стали проводить на отделении социологии Чикагского университета, где позже оформилась известная Чикагская школа социологии. Влияние Чикагской школы на полевые исследования прошло две стадии. На первой стадии, с 1910-х по 1930-е гг., школа использовала разнообразие методов, основанных на «кейс-стади», или историях жизни, включая непосредственные наблюдения, неформальные интервью, чтение документов, официальных отчетов. В 1916 г. Р. Е. Парк составил программу социального исследования города в Чикаго. Под влиянием собственного предшествующего опыта работы в качестве репортера он утверждал, что обществоведы должны оставить библиотеки и «запачкать руки», ведя непосредственные наблюдения и беседы на улицах, в барах, в холлах шикарных гостиниц. Несколько первых исследований стали основой ранней Чикагской школы социологии как описательного исследования уличной жизни, сопровождаемого небольшим анализом.

На первом этапе сочетались журналистская и антропологическая модели исследования. На втором (с начала 1940-х до 1960-х гг.) Чикагская школа разработала в качестве особой техники включенное наблюдение. В ней применялась расширенная антропологическая модель в отношении к группам и окружению в обществе, в котором жил сам исследователь. Появились три принципа: изучать людей в естественном окружении или ситуации; изучать людей посредством прямого взаимодействия с ними; достигать понимания социального мира и делать теоретические заключения о перспективах членов группы.

Со временем метод сместился от точного описания к теоретическому анализу, основанному на участии исследователя в поле.

После Второй мировой войны полевые исследования качественников столкнулись с возросшей конкуренцией со стороны анкетного опроса и количественных исследований. В период после Второй мировой войны до 1970-х гг. доля качественных полевых исследований среди всех социальных исследований сократилась. Однако в 1970—1980-х гг. произошли некоторые изменения, которые их вновь возродили. Впервые, полевые исследования многое заимствовали из когнитивной психологии, культурной антропологии, фольклора и лингвистики. Во-

вторых, исследователи пересмотрели эпистемологические корни и философские предпосылки общественной науки, что утвердило этот метод. Наконец, полевые исследователи стали лучше осознавать свою технику и методы. Они писали о методологии и систематизировали исследовательскую технику.

В настоящее время полевые исследователи-качественники имеют особый набор методологий. Они непосредственно наблюдают и взаимодействуют с членами группы в естественном для них окружении, чтобы понять их перспективу «изнутри». При этом они останавливаются на активистской или социально-конструктивистской перспективах социальной жизни.

Источник: Ньюман Л. Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 111.

Среди лидеров Чикагской школы обычно называют А. Смолла, Дж. Винсента, Ч. Хендерсона, У. Томаса. Свой вклад в ее становление внесли также Л. Уорд, У. Самнер, Ф. Гиддингс, Э. Росс, Ч. Кули. В рамках школы сформировалось три поколения исследователей: поколение А. Смолла, поколение Р. Парка, поколение У. Огборна; иногда к ним добавляют четвертое поколение — с начала 1950-х гг. до нашего времени¹, это поколение Г. Блумера.

Школа существует и пользуется высокой профессиональной репутацией и сегодня (ее представители специализируются на проблемах урбанизма и окружающей среды), но уже не в качестве безусловного научного лидера.

Франкфуртская школа социологии

Франкфуртская школа социологии, возглавляемая Теодором Адорно и Гербертом Маркузе, соединившими марксизм с психоанализом, оказала громадное влияние на умы современников. В ее недрах зародилась так называемая критическая теория (термин Хоркхаймера), которую еще именуют «тотальной диалектической критикой общества».

Влиятельное течение в неомарксизме организационно оформилось в 1930-е гг. на базе возглавлявшегося Хоркхаймером (с 1931 г.) Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне и руководимого им (с 1932 г.) «Журнала социальных исследований». В 1934—1939 гг. институциональный центр Школы располагался в Женеве, позднее в Париже (при Высшей нормальной школе), с 1939 г. — в США (при Колумбийском университете); с 1944 г. — во Франкфурте-на-Майне (ФРГ). Главные теоретики — Хоркхай-

¹ *Smith D.* The Chicago school. N. Y., 1988.

мер, Адорно, Фромм, Маркузе, Хабермас. Видными представителями Франкфуртской школы считаются также Л. Левенталь и Ф. Поллок — первое поколение, А. Шмидт, А. Вельмер — второе поколение этой школы. К теоретическим истокам школы относят марксизм и «левый» фрейдизм, принявший в Германии форму «фрейдомарксизма», а во Франции — сюрреализма (А. Бретон)¹. Определяющее влияние на взгляды представителей этой школы оказали идеи Гегеля, Маркса, Шопенгауэра, Ницше, Кьеркегора, ранних Лукача, Корша, Блоха, позднее — герменевтика Гадамера, связанная с Гуссерлем и Хайдеггером, а также психоанализ и реформированный фрейдизм. Углубление противоречий внутри франкфуртской школы привело к ее распаду в начале 70-х гг.

В одном из самых известных трудов «Диалектика Просвещения» (1947) Т. Адорно и М. Хоркхаймер дали программное изложение социальной философии неомарксизма и ее своеобразной философии истории, в свете которой эволюция человечества предстает как история «неудавшейся цивилизации», усугубляющегося «отчуждения», вызванного «буржуазным» разумом, противопоставившим себя природе. Адорно трактует историю Запада как патологический процесс усугубляющегося безумия и утраты индивидуальной свободы. В капитализме франкфурцам, кажется, не нравилось буквально все: социальные институты, правовые нормы, засилье техницизма, состояние культуры и искусства, а главное — положение человека, подавление личного начала в нем в условиях «высокоорганизованного» общества. По их мнению, культура в буржуазном обществе выполняет роль идеологии и средства поддержания господства, поэтому разрушение или кардинальное изменение основ этого общества приведет к восстановлению гуманистического облика культуры. Идеология индустрии культуры определяется как преднамеренная интеграция ее потребителей сверху, способствующая деградации сознания людей. В 1930—1940-е гг. представители Франкфуртской школы активно выступали против фашизма, участвовали в дискуссии о «молодом» Марксе-гуманисте, писали гневные эссе против дегуманизации культуры. Маркузе выступил против попыток использования нацистами философии Гегеля в защиту своей античеловеческой идеологии. Большой общественный резонанс получила защита ими классического культурного наследия человечества. В 1960-е гг. Фромм, Маркузе, Адорно, Хабермас выступили с критикой «высо-

¹ Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 374; Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977; Социальная философия Франкфуртской школы. М., 1978.

коразвитого» индустриального общества, глубоко и всесторонне проанализировав многочисленные формы социальной патологии, иррациональных проявлений заорганизованного (по терминологии Маркузе — «одномерного») общества, которые губительны для человека, его подлинно человеческих потребностей. Научно-технический прогресс оценивался франкфурцами как институт репрессивного подавления культуры. Культура и искусство в сфере господства технократического мышления утрачивают свою сущность: сфера технического подавляет сферу духовного.

Ими были исследованы социальные корни и природа авторитаризма (Хоркхаймер, Адорно, Фромм), психология нацизма. Опираясь на психоанализ, Фромм объяснил исторические типы социального характера и причины самоотчуждения, а также трансформацию человеческих потребностей и поведенческих структур, приводящую к «бегству от свободы». Восходящее к М. Веберу понятие «рационализации» трансформируется в одно из центральных понятий философии культуры: анализ внутренних противоречий «просвещения», отождествляемого с рациональным овладением природой вообще, становится ключом к пониманию культуры и общества нового времени, в частности массовой культуры и массового общества («Диалектика Просвещения»). Оба последних понятия, введенные в научный оборот именно представителями Франкфуртской школы, стали общемировым достоянием социологии. Не меньшей заслугой явилась разработка категории «отчуждение», впервые выдвинутой Марксом, но получившей обстоятельное приложение к современному обществу у Маркузе и Фромма. Идеи Франкфуртской школы сыграли большую роль в становлении идеологии «новых левых» (в 1968 г. они выдвинули знаменитый лозунг «Мао — Маркс — Маркузе»), хотя сами философы отрицали насильственные действия и экстремизм.

Оказывается, тесно был связан с Франкфуртской школой знаменитый советский разведчик Рихард Зорге. В 1918 г. он стал студентом факультета общественных наук Кильского университета, где изучал философию и экономику. К сожалению, Вторая мировая война не дала Зорге возможности закончить университет. Знакомство с марксизмом он начал с самостоятельного изучения работ К. Маркса и Ф. Энгельса. С ленинскими работами Зорге познакомился позже — после переезда в Советский Союз. Помимо классиков марксизма, Зорге интересовался философией Гегеля и работами германских социал-демократов. С весны 1918 г. Зорге начал заниматься активной партийной работой, став функционером Независимой социал-демократической партии (НСДП). В октябре 1919 г. он перешел из НСДП в только что созданную Компар-

тию Германии. В университетах, где учился Зорге, он создавал из революционно настроенных студентов группы по изучению марксизма. С 1922 г., переехав во Франкфурт-на-Майне, он принял участие в создании Франкфуртского института социальных исследований и начал работать в нем¹. Финансовую поддержку этому начинанию оказал предприниматель-меценат Вейль. Сотрудники этого института, задуманного как центр изучения марксизма, и составили впоследствии знаменитую в социологии Франкфуртскую школу.

¹ Рихард Зорге — марксистский исследователь // <http://www.japantoday.ru/books/biblioteka/zorge/02.shtml>.

ГЛАВА 3. Основные парадигмы и перспективы

Американская социология породила новое для мировой социологии явление — научная парадигма. Под парадигмой надо понимать «незримый колледж» — неформальное содружество ученых, работающих в разных городах и даже в разных странах над разными проблемами, но в едином теоретико-методологическом ключе, иначе говоря, имеющих примерно одинаковое социологическое видение мира.

Все символические интеракционисты (Дж. Мид, Г. Блумер, Ч. Кули, А. Страусс, Э. Гоффман, Г. Беккер и др.), несомненно, имеют сходные мнения о том, как устроена социальная реальность и какими должны быть методы познания, хотя они трудились в различных научных центрах и жили в разные исторические эпохи. Дж. Мид (1863—1931) жил в первой половине XX в. и работал в Чикагском университете, Говард Беккер (1899—1960) был профессором социологии в университете штата Висконсин, а расцвет его творчества приходится на середину XX в., Эрвину Гоффману пришлось завершать здание символического интеракционизма во второй половине XX в.

Ничего подобного в Западной Европе не наблюдалось. В европейской социологии существовали научные школы (скажем, немецкая и французская), объединявшиеся вокруг своих лидеров, журналов или обществ. Дюркгеймовская школа объединялась вокруг журнала «Социологический ежегодник» (М. Мосс, С. Бугле, Ж. Дави, П. Лапи, П. Факонне, М. Хальбвакс). Школа отличалась высокой идейной сплоченностью и единством взглядов, основанных на общности теоретических воззрений, активной деятельности в журнале в качестве его сотрудников, специализации в предметных областях социологии, авторитете Дюркгейма, разработавшего основные научные принципы.

Социология, как свидетельствуют ее история и особенно современность, — это не монопарадигмальная, а полипарадигмальная наука.

Полипарадигмальность обеспечивает разносторонность социологических исследований, создает возможность рассмотрения одного и того же явления в разных аспектах, обнаружения в нем многих граней. Вместе с тем она осложняет сопоставление полученных в разных исследованиях данных и выводов в ситуациях,

когда эти исследования основываются на разных парадигмах. «Одна и та же парадигма может выражаться в нескольких далеко неоднозначных теоретических построениях. Например, в рамках парадигмы интеракционизма сложились не только разные теории символического истолкования межличностных взаимодействий, но и теории социального обмена.

Современный этап в развитии мировой социологии принято рассматривать не столько в персоналиях и школах, сколько в перспективах и парадигмах. Первые два термина более или менее понятны: персоналии означают выдающихся социологов, а школы — группу их последователей, разделяющих сходные идеи. Сложнее обстоит дело с двумя другими терминами. Попробуем в них разобраться, так как в специальной литературе то и дело приходится с ними сталкиваться.

Парадигмой науки называют систему ее исходных категорий, идей, положений, допущений и принципов научного мышления, позволяющую давать непротиворечивое объяснение изучаемым явлениям, выстраивать теории и методы, на основе которых реализуются исследования. У каждой науки есть свои парадигмы. Крупные научные открытия всегда связаны со сменой парадигм, кардинальным изменением представлений об объекте и предмете науки, созданием новых теорий, обоснованием новых понятий и их систем, исследовательских методов и процедур. Парадигма определяет видение мира учеными, их картину мира, методы познания и характер выбираемых проблем.

Сциентистская и гуманистическая перспективы

Две социологические перспективы — это еще и две разные идеологии исследования, а не только геометрические проекции. Они касаются сущности социального познания, тех траекторий, по которым оно может развиваться.

Когда мы говорим о социологии как науке, изучающей общество и поведение людей, то редко задумываемся о ее собственной природе. Между тем социология, в отличие от многих других (если не всех) естественных и гуманитарных наук, обладает *двойственной природой*. Социолог, опрашивая людей и знакомясь с их внутренним миром, мнениями и пристрастиями, сам имеет определенные мнения и пристрастия, которые, осознает он это или нет, влияют на результаты познания.

Двойственность природы социологии означает, что основной предмет познания этой науки — общество — можно познавать двумя противоположными способами.

Первый вариант, или проект познания общества, называется, как вы уже знаете, *сциентистски ориентированным*. Он элиминирует человека как существо, наделенное мотивами, ценностями, целями и интересами. Человек рассматривается так же отстраненно и равнодушно, как булыжник, портфель или молекула кислорода, т. е. человеческая психика не учитывается, что необходимо ученым для чистоты эксперимента. Такой подход в социальном познании, отталкивающийся от идеалов строгого естествознания, называется позитивистским. Его родоначальником в социологии был О. Конт.

Суть позитивистского варианта социологии состоит в сведении ее к совокупности эмпирических данных и построенной на них системы теорий. Однако индексы, статистика, анкеты, опросы выполняют скорее служебную роль. Это инструменты, но не цель познания. Можно ли судить о социальной действительности на основе мнений случайно опрошенных людей, даже используя математические процедуры? Способны ли люди, вовлеченные в ход событий и так или иначе заинтересованные в их оценке, быть беспристрастными свидетелями? В чем различие изучения поверхностных суждений и строго достоверных, исчерпывающих проблему сведений? На каком этапе социология превращается в статистику мнений? Эти и многие другие вопросы не могут быть решены в рамках позитивистского варианта социологии.

К позитивистам причислял себя другой французский ученый — Э. Дюркгейм. Но он, как уже говорилось, предложил более утонченный вариант позитивизма, который позднее был назван функционализмом и в середине XX в. стал называться «структурным». Американский социолог Т. Парсонс развил наиболее интересные идеи Конта и Дюркгейма, обогатив науку новым, структурно-функциональным видением общества: любое социальное явление, учреждение или институт рассматриваются с точки зрения их вклада, в развитие общества. Этот вклад или польза называется функцией. Функция института образования — учить молодежь и социализировать ее к нормальному цивилизованному обществу. Если школа этого не делает, то надо говорить не о функции, а о дисфункции института образования. Таким же способом можно анализировать любое социальное явление.

И позитивизм, и структурный функционализм используют одну и ту же теоретическую платформу — элиминировать из познания любые признаки субъективизма, устранить человеческие эмоции, симпатии и антипатии.

Второй вариант, или проект познания общества, можно назвать *гуманистической ориентацией*. Он базируется на признании принципиальной неустранимости человека из процесса по-

знания общества. Изучая окружающий мир, человек, желая того или нет, обязательно вносит какие-либо помехи, связанные с его пристрастиями, симпатиями, эмоциями. Можно закрыть на это глаза и изучать человека наподобие графина, стоящего на столе. Но в глубине души мы все равно знаем, что человек, будучи одушевленным существом, рассчитывая коэффициенты смертности, анализируя удовлетворенность трудом или выстраивая динамику забастовочной борьбы, вносит в конечный результат какой-то неучитываемый довесок, который никакими инструментами не зарегистрируешь. Не будет ли поэтому честнее признаться в неустранимости влияния человеческого фактора на познание и глубже разобраться в его природе?

Гуманистическая ориентация качественной социологии расширяет социальные функции социологии: от познания действительности к ценностно-ориентированному осмыслению отношения «человек — общество».

Название «гуманистическая социология» нельзя считать строго научным термином. Скорее, это собирательное название ряда направлений в социологии и социальной философии, имеющих много общего: философии жизни, неокантианства, феноменологической философии и феноменологической социологии, социологии М. Вебера, интерпретативной социологии, драматургической социологии и др. Их можно объединить под другим названием, например «понимающая социология», как предложил Л. Г. Ионин. Но какие бы термины в дальнейшем ни использовались, речь пойдет о близких по духу направлениях мысли, признающих главную роль человеческого фактора в социальном познании, стремящихся разобраться в его природе и внести в методологию научного познания соответствующие коррективы.

Оба варианта видения социологии имеют равное право на существование. Не имеют права на существование лишь крайности, преувеличивающие или полностью умаляющие роль человеческого фактора в познании. Одинаково плохо стирать грани между объектом и субъектом познания, приравнивая человеческое Я к молекулам и прямым, либо превращать это Я в единственный источник истинной информации, полагая, что окружающий мир в конечном итоге — всего лишь проекция наших желаний, мнений, ценностей.

И в сциентистском, и в гуманистическом вариантах социологии есть множество рациональных и весьма плодотворных элементов, которые, если их соединить, составят фундамент подлинного познания общества. Можно назвать это третьим вариантом социологии. Первым его приверженцем в конце XIX в. стал М. Вебер; его стараются придерживаться многие современные социологи.

Но полностью и непротиворечиво объединить оба противоположных варианта на практике крайне сложно. Фактически социология по-прежнему осталась расколотой на две части, и никто не знает, осуществится ли когда-либо предложенный Вебером их синтез или он в принципе не нужен и социология может успешно развиваться, используя двойственность своего статуса.

Объединить две перспективы, познавать единое общество под разными углами зрения, получая многомерный и достаточно полный образ реальности, не так уж и трудно, поскольку между сциентизмом и гуманизмом, в чем мы неоднократно будем убеждаться, немало общего. Иногда бравирование представителями этих направлений своими различиями неискушенному читателю или слушателю может показаться неким эпатажем: каждый расхваливает себя и чернит соперника, убеждая, что он уж точно совсем другой.

Например, приверженцы гуманистической перспективы всячески подчеркивают, что только они проявляют интерес к разным формам социальной дискриминации по признаку пола, расы, этносу и проблемам девиантного поведения, только им удалось привлечь общественное внимание к проблеме дискриминации и восстановлению социальной справедливости, а в первых рядах шли рыцари Чикагской школы, не побоявшиеся проникнуть к жителям трущоб и преступникам и применившие описательные методы, пробудившие в общественном сознании интерес к филантропической и реформаторской деятельности. Само название «качественная социология» скрывает в себе глубокий интерес к человеческой личности и гуманистический пафос.

На самом деле в усовершенствовании общества, снижении уровня преступности, социальной напряженности и конфликтности, усилении борьбы с расовой сегрегацией и классовой ненавистью объективные опросы, оперативная и точная статистика, поставляемая в правительственные органы сторонниками количественной социологии, сыграла не меньшую, если не большую роль. Государственные чиновники любой страны проявляют полное равнодушие к гуманистическим лозунгам и «расколдовыванию» социальной реальности — им подавай голые факты, точные цифры и расчеты, на основании которых они могут выделить финансовые ресурсы. Получается, что чиновники и представители социологического сциентизма легче поймут друг друга, достигнут большего согласия и в большей степени помогут решить общественные проблемы, поскольку они разговаривают на одном языке. Большинство хозяйственных руководителей, вся бизнес-элита, значительная часть политического истеблишмента — это выходцы из среды «естественников» и «технарей», привыкших к точному языку цифр и проверенных фактов.

Развитие сциентистской перспективы

Исторические условия для возникновения количественной методологии возникли раньше, чем для качественной. XIX век вошел в историю как век естествознания, его идеалом является опытное, «позитивное» знание. Тогда верили, что наука не знает границ, а естественно-научному методу подвластно все.

Первым, кто подчеркивал роль конкретных методов в познании, был О. Конт. Однако основатель позитивизма не проводил эмпирических исследований, он скорее подчеркнул возможность (и даже необходимость) использовать в социальных науках естественно-научные методы. Иными словами, Конт санкционировал построение социологии по образцу физики и математики, но в деталях не рассказал, как это делать. До широкого применения количественных или, точнее, вычислительных методов в нашей науке было еще далеко. Надо было кому-то лично провести эмпирическое исследование, использовать математическую статистику и наглядно убедить научное сообщество в ее эффективности. Первым подобную попытку предпринял Э. Дюркгейм, которого многие считают одним из основателей эмпирической социологии. Он разработал методологию функционального анализа и провел глубокий анализ проблемы самоубийства на фактологическом материале. Считать Дюркгейма основателем количественной социологии в силу того, что он использовал статистику, сравнивал цифровые ряды, считал и вычислял проценты, все-таки нельзя. Он не был что называется фанатом математической статистики, не выступал за то, чтобы каждый атом социальной реальности пропускать через цифры, проценты, коэффициенты. Изучение проблемы самоубийства, которое прославило его эмпирическое мастерство, было подчинено теоретической задаче. Социологию как строгую науку он основал на базе исторических, т. е. неколичественных, исследований, в том числе посвященных религии. Социология, по Дюркгейму — это учение о «социальных фактах».

Если говорить в целом, то в Западной Европе традиция количественных исследований развивалась по двум направлениям: 1) сбор и квантификация социальных данных о государстве — это истоки политических наук (перепись населения, государственная статистика); 2) наблюдение социальной жизни и разработка техники сбора и анализа данных. Большую роль в становлении первого направления сыграли представители «политической арифметики» Англии, особенно Джон Граунт и Уильям Петти, а также «моральной статистики», развивавшейся в Бельгии и Франции. Предмет политической арифметики — дескриптивная статистика, используемая в общественной политике и администрации;

из политической арифметики возникла демография. Предмет моральной статистики, связанной с именем А. Кетле, — статистические исследования преступности, самоубийств.

Количественные закономерности начали активно исследоваться в рамках так называемой политической арифметики после выхода в 1662 г. известной работы английского статистика Дж. Граунта, посвященной анализу данных о смертности. «В XVII и XVIII веках появился ряд фундаментальных работ, направленных на изучение статистики народонаселения. Была выявлена устойчивость многих соотношений: соотношение рождений по полу, доля детской смертности, повышенная смертность в городских условиях и повышенная рождаемость — в сельских, процент смертности в определенном возрасте для определенных групп населения и т. д. Поиск подобных закономерностей в последующие века осуществлялся многими учеными. Наиболее известными, вероятно, можно считать Кетле (открывшего целый ряд подобных соотношений при изучении преступности) и Дюркгейма (с его классическими изысканиями в области изучения самоубийств)»¹.

Франция. В области моральной статистики известны работы А. Герри — директора департамента Криминальной юстиции министерства юстиции, а также Паран-Дюшатле, который в 1934 г. изучал общественные здравоохранение и проституцию. Моральные статистики ставили своей целью познакомить французскую общественность с эмпирической статистикой о социальной жизни в Париже, которую им удалось собрать. Они значительно шире пропагандировали свои работы, чем политические арифметики, и добились своего: Дюркгейм, например, был больше знаком с моральной статистикой, чем с арифметикой, изучая суицид. Вторая ветвь эмпирических исследований связана также с Францией, а именно с именем Фредерика Ле Пле. Он изобрел новую технику для сбора и анализа данных, в частности о семейном бюджете. При анализе эмпирических фактов он предложил использовать социальные индикаторы и классификацию.

Англия. Квантитативные исследования в Англии были начаты по инициативе Ч. Бута и С. Раунтри. В 1932 г. английские статистики супруги Бут опубликовали учебник, где рассматривались квантитативные методы социального исследования и техника наблюдения. Эта работа определила аналогичные работы, появившиеся в США. Тем не менее в Англии социальные исследования проводились правительством и частными фондами — вне стен

¹ Толстова Ю. Н. О системности социологических объектов (размышления над некоторыми публикациями) // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 119—131.

университетов и вне рамок социологии. Исключая Лондонскую экономическую школу, вплоть до 1850-х гг. в университетах Англии не проводилось квантитативных социологических исследований.

Попытки О. Конта в первой половине XIX в. поставить социологию на прочные рельсы позитивизма так и остались бы попытками одионого утописта, если бы в 1920—1930-е гг. практические американцы не воплотили в жизнь мечту О. Конта и не продвинулись в этом направлении гораздо дальше того, о чем он мог мечтать.

США. В 1920-е гг. центр мировой социологии постепенно перемещается из старой Европы в Новый свет, в США. В 1892 г., как уже говорилось, открыта первая в мире кафедра социологии в Чикагском университете, в 1901 г. курс социологии преподавался в 169, а в конце 1980-х гг. — почти в 250 университетах и колледжах. В США сложились благоприятные условия для формирования прежде всего эмпирической социологии. Уже к 1910 г. в стране было проведено около 3000 эмпирических исследований с использованием новейшей статистической техники. Социология в США утверждала свой престиж не за счет выдвижения новых, оригинальных идей (их было чрезвычайно мало), так как в сфере теоретической социологии США еще не могли конкурировать с Западной Европой. Новым было, во-первых, беспрецедентное развитие эмпирических исследований, во-вторых, разработка фундаментальной методологии, благодаря чему удалось соединить в единое целое эмпирию и теорию. Речь идет о создании *количественной методологии*.

В конце XIX в. трудно было предвидеть, что квантитативная социология получит наибольшее развитие именно в США, поскольку в то время интерес к эмпирическим исследованиям в США был гораздо менее выраженным, чем в Европе.

Тем не менее и в этот период были проведены статистические исследования. Одна из первых социологических диссертаций в Колумбийском университете (1899) была посвящена статистическому анализу роста городов в конце XIX в. Первый номер журнала «*American Journal of sociology*» содержал статью Ч. Уиллкокса о статистике населения. Еще большее влияние на становление эмпирической социологии оказали утверждение академической социологии в университетах, защита магистерских и докторских работ. Большинство ранних эмпирических исследований было связано с социальными реформами и социальным прогрессом общества в США и не затрагивали сравнительного и межстранового анализа.

Европа вошла в историю не только как центр классического образования, но и, если речь идет о социологии, как центр высокой теории. Напротив, США считаются родиной прагматизма и эмпи-

рических исследований. Европа задавала научную моду в XIX в., а США стали лидером социологической моды в XX в.

Два континента — две духовные ориентации, две разные социологические перспективы. В Европе зародилась качественная социология (неокантианство, феноменология, понимающая социология), которая затем была развита в США. С количественной социологией дело обстоит, скорее, наоборот. Хотя в XIX в. в Англии, Германии и во Франции проводилось множество эмпирических исследований, идеология, технология и методология эмпирической социологии сформировались в США.

Американские социологи преувеличивали роль естественнонаучных моделей по ряду причин: 1) традиционно сильное влияние практицизма в национальном менталитете; 2) значительная часть инженерной и научно-технической прослойки в составе рабочей силы; 3) стремление превратить социологию в точную науку, способную делать прогнозы и проводить практические реформы; 4) желание получить статус академической дисциплины в период, когда все социальные науки старались дистанцироваться от гуманитарных знаний и искусства в 1930-е гг.

В основном социология развивалась в рамках позитивизма. Первой отчетливой программой методологии явился *физикализм* Джорджа Ландберга (1895—1966), активного сторонника перенесения методов естественных наук в социологию. В 1930-е гг. он формулирует так называемую прагматическую эпистемологию, центральными принципами которой были операционализм, квантификация и бихевиоризм (который запрещал изучать субъективные состояния — мотивы, ценности, стремления — как не поддающиеся точной фиксации и количественному измерению). Дж. Ландберг был убежден, что в социологическом анализе должна использоваться концептуальная схема, выработанная в современной физике. Уравняв социологию и физику, он ликвидировал качественное своеобразие социального метода.

Предвидение Дж. Ландберга о том, что социология постепенно «перейдет на рельсы» естественной науки, во многом оправдалось. Усилиями Дж. Ландберга, П. Лазарсфельда, В. Кэттона, Р. Мертона, С. Додда, С. Стауффера, Р. Бартонна, М. Розенберга, Г. Блейлока, Г. Зеттерберга, У. Огборна, П. Бриджмена американская социология получает прочный методологический фундамент и на протяжении многих десятилетий развивается как точная наука, использующая современный математический аппарат и статистическую теорию. Благодаря сильному влиянию бихевиоризма западная социология развивается прежде всего как поведенческая наука и входит наряду с экономикой и психологией в систему социальных наук. Эпоха развития ее как гуманитарной (т. е. фило-

софской) науки с акцентом на интерпретивный метод, характерный для Вебера, уходит в прошлое вместе с эпохой «высокой классики».

Наряду с принципами бихевиоризма и «открытого» поведения в социологии главенствующими являются принципы операционализма и квантификации. *Операционализм* — это конкретизация социологических понятий или сведение их к таким индикаторам, которые можно описать некоторой совокупностью операций. *Квантификация* — это количественное выражение, измерение качественных признаков (например, оценка в баллах личных и деловых качеств работника). Проникновение математики в социологию обогатило ее кластерным, факторным, корреляционным, лонгитюдным и другими методами анализа данных. В то же время интерпретация ее в качестве поведенческой науки привела к обогащению социологии методами, применяемыми в психологии и экономике. Из экономики взяты эконометрические методы, моделирование, эксперимент, из психологии — психодиагностические методы. Уже к 1940–1950-м гг. была завершена разработка всех наиболее известных тестов (шкала измерения интеллекта Векслера, тест Роршаха, тест тематической апперцепции, шестнадцатифакторный личностный опросник Кэттелла), что обогатило прежде всего эмпирическую и прикладную социологию, в том числе индустриальную. Социологи-прикладники уже не могут обойтись без экономических моделей и психодиагностики. Во второй половине XX в. социология в США достигла такого развития, что некоторые ее методы заимствовали психологи.

Однако победа количественной перспективы не была столь бесспорной, как может показаться. Еще в 1920-е гг. среди американских социологов начались дебаты о подходящей методологии, методах и технике социологического исследования. Приехавшие из Европы и проповедующие традиции европейского Просвещения П. Сорокин и Ф. Знанецкий вступили в спор с получившими образование в Америке Дж. Ландбергом, С. Доффом, С. Стауффером и У. Огбурном, которые, будучи сторонниками количественной школы, преувеличивали роль статистики, лабораторного и научного эксперимента. Осуществлению всеобщей квантификации американской социологии помогли два выдающихся мыслителя — Т. Парсонс, предпринявший в 1940—1960-е гг. огромные усилия сделать теорию проверяемой, и Р. Мертон, который внес значительный вклад в сближение теории и эмпирии, создав концепцию среднеуровневой теории.

«Европейцы» относили социологию и социальные науки к культурным дисциплинам. Сорокин настаивал на исключительной природе социальных фактов, их принципиальном отличии от фи-

зических и требовал для них разработки специальной методологии, которую назвал интегралистским методом. Нельзя сказать, чтобы П. Сорокин был непримиримо настроен к квантификации социальных данных, но он выступал против того, что в количественных моделях можно разглядеть внутреннюю логику социальных процессов. Иными словами, признавая огромную роль количественных методов, П. Сорокин выступал против их неправильного применения, использования там, где не следует. Подмену истинно количественного метода псевдоматематической подделкой он называл квантофренией¹. Другой приверженец качественной методологии Ф. Знанецкий также отстаивал суверенитет социальной реальности, ее несводимости к физической, также видел в социологии социокультурную науку, выступал за применение неформализованных приемов исследования, в частности аналитической индукции. Повсеместное увлечение количественной методологией критиковал и А. Макчивер, считавший, что «квантификаторы» проверяют тавтологию гипотезы или формируют проблемы, которые тривиальны с точки зрения социологической теории.

Американцы были единственными в своей попытке развить исследовательскую методологию как специальную область социологии. Техника сбора и анализа данных вошла в учебные программы, а ее использование послужило критерием оценки состояния науки. В связи с этим получила развитие математическая социология. До 1940 г. исследовательских областей было меньше, чем учебных, или предметных, областей исследования. Интерес социологов сосредоточивался главным образом на сельской социологии, городской социологии, расовых отношениях, бедности, подростковой преступности, социальной психологии, демографии, семье. Предметная область учебных курсов, кроме того, содержала то, что не изучалось эмпирически, — социальные институты, социальную организацию и социальные изменения. После 1945 г. учебные курсы пополнились новыми областями.

Варианты гуманистической перспективы

Гуманистическая традиция отказывается считать социальные науки, прежде всего социологию, свободными от ценностей и оценочных суждений. Ее представители уверены, что социология не занимает нейтральную позицию по отношению к социальной ре-

¹ См.: Сорокин П. Квантофрения // Рубеж. 1999. Т. 13—14.

альности. Напротив, социологи должны активно вмешиваться и влиять на развитие общества и решение социальных проблем. Их профессиональный долг видится в том, чтобы, используя научные данные и научный инструментарий, помогать тем слоям общества, которые находятся внизу социальной пирамиды и лишены возможности активно влиять на изменение общества, активно участвовать в принятии важных управленческих решений, касающихся этого общества, например в определении социальной или семейной политики. Социологи гуманистической ориентации не должны ограничиваться созданием абстрактных теорий и поиском эмпирических знаний, которые обогащают исключительно самую науку. Социологические знания имеют явно выраженную практическую ориентацию. В этом смысле социология не может быть «искусством для искусства». Она должна быть наукой для людей.

Конечный результат гуманистической социологии видится ее представителям в установлении и укреплении не любого общества или социального порядка, а такого устройства и такого порядка, который соответствует принципам справедливости и идеалам гражданского общества. Социальная критика несправедливого устройства общества является таким же научным приемом социолога, как и изучение эмпирической реальности.

Гуманистическая социология в большей степени ориентирована не на количественные методы сбора данных, которые отвечают идеалам позитивистски ориентированной социологии, а скорее на качественные методы анализа социальных фактов. В этом смысле ей лучше всего соответствует так называемая интерпретативная перспектива социологии.

Интерпретативная перспектива в социологии делает упор на двух моментах: а) на микросоциологии и б) понимании социального взаимодействия. Оба принципа тесным образом связаны с понимающей социологией.

Понимающая социология

Понимающая социология сформировалась в конце XIX — начале XX в. как враждебное позитивизму направление. Она ведет свое происхождение от идей философии жизни и неокантианства. Основополагающую идею понимающей социологии сформулировал **Вильгельм Дильтей** (1833—1911), разграничивший природу и общество как чуждые друг другу сферы бытия. Общество создается бесконечной игрой человеческих взаимодействий и представляет собой духовное начало.

Поскольку природа и общество так сильно отличаются друг от друга, различными должны быть и методы их познания. Для природы больше подходят те приемы причинно-следственного и статистического объяснения, которые давно применяются в физике и других естественных дисциплинах. В социальном познании необходимы иные процедуры: *интроспекция* — самонаблюдение, благодаря которому человек заглядывает внутрь себя и изучает поток своего сознания; сопереживание, или *понимание*, благодаря которому мы можем заглянуть внутрь другого человека, поставив себя на его место и пережив то, что в данный момент переживает он; культурологический анализ — *интерпретация* духовных символов и объектов.

Единство этих трех методов познания заключается в том, что все они нацелены на постижение духовного мира, ибо отдельный индивид, другие люди и общество в целом суть духовные образования, которые открывают свою сущность только внутреннему взору. Духовное сопереживание и постижение Дильтей именуется «пониманием» (*das Verstehen*). Позднее данный термин станет одним из ключевых в социологии М. Вебера. Поскольку человек — существо духовное, то и во внешнем мире он должен искать проявления духовного начала, делая их предметом своего изучения. Отсюда и название «науки о духе», в число которых, по сложившейся в XIX в. традиции, включали также социологию.

В первой половине XX в. идеи понимающей социологии развивали в Германии, кроме В. Дильтей, также Г. Зиммель и М. Вебер, а в США — Ч. Кули, Дж. Г. Мид, Ф. Знанецкий и др.¹

Автором самого термина «пони­мающая социология» и первой концептуальной разработки понимающей социологии был М. Вебер.

Макс Вебер (1864—1920) органично продолжал великие традиции немецкой философии, прежде всего неокантианства и философии жизни. Тем не менее, обратившись к социологии, он предложил строить ее на совершенно ином фундаменте. Благодаря усилиям его предшественников, в частности представителей неокантианства (Г. Риккерт) и философии жизни (В. Дильтей), с одной стороны, и немецкой исторической школы (В. Рошер, К. Книс) — с другой, между естественными и гуманитарными науками образовалась такая глубокая пропасть, которая грозила разрушить целостность всего здания науки. Строить социологию по образу и подобию физики, опираясь на позитивистскую методологию, как это делали французы О. Конт и Э. Дюркгейм, Веберу не хотелось —

¹ История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979. С. 266; Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 268—269; Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tub., 1922; *Dilthey W. Gesammelte Schriften*. Lpz.; B., 1925.

слишком очевидным было различие двух родов знания. Но оно не было столь вопиющим, чтобы противопоставлять одно другому. Поэтому Вебер предложил свой путь, который можно назвать третьим путем: он объединил методы естественных и гуманитарных наук, но не механически, а органически.

Он намеревался оставить в социологии все ценное и от методов естествознания, и от методов гуманитарных наук. Вебер предложил объединить в социологии два метода — качественный, направленный на постижение скрытых мотивов и присущий гуманитарному знанию, и количественный, призванный измерять степень корреляции повторяющихся действий на основе статистических связей, присущий естествознанию. Социальную реальность, по Веберу, надо, во-первых, интерпретировать, постигая внутренний смысл человеческих поступков, сопереживая с другими, во-вторых, объективно измерять при помощи статистики. Оба метода не противостоят друг другу, они дополняют друг друга и только в совокупности дают полную картину реальности. Каждый порознь дает только частичную истину. Субъективное «подразумевание» значения или мотивов действия дает такую же приблизительную картину, как и объективное измерение при помощи статистических средних величин.

Предложенный М. Вебером проект переустройства социального знания можно сравнить только с научной революцией, совершенной Коперником. Гуманистическая и естественно-техническая составляющие социологического знания отныне не разрывались, а соединялись в некую органическую целостность. У социологии появился двойной статус, который одновременно и усложнял ее жизнь, и открывал ей новые перспективы в познании мира. Отметим, что сходную революцию примерно в то же время стала переживать и психология, но там революционный переворот до сих пор не завершился: гуманистическая и сциентистская составляющие находятся в противоборстве, чаще ослабляя, нежели усиливая позиции психологии.

По существу М. Вебер заложил фундамент современной социологии. Социология должна стремиться прежде всего к пониманию не просто человеческого поведения, а его *значения*. Любой общественный институт (государство, производство, право, семья), как и общество в целом, надо рассматривать как бы с точки зрения интересов индивида. Иными словами, в этих обобщающих абстракциях, отображающих совместные поведения людей, надо искать то, что имеет значение для человека, что значимо для него. Только то, что ценится им как влияющее на его поведение, то и реально с социологической точки зрения. Социолог призван *понять смысл поступков человека*. Ученый должен выяснить, какой

смысл придает своим поступкам сам человек, какую цель и значение вкладывает в них, какими мотивами и стимулами движим. Логика социологического изучения должна строиться таким образом, чтобы каждое отдельное действие можно было поместить в цепочку других мотивируемых и рационально понятых движений.

Символический интеракционизм

Немалый вклад в развитие интерпретативной социологии внесли символический интеракционизм и социальная психология, получившие наибольшее развитие в США в первой половине XX в.

Отличительной чертой ранней американской социологии является ярко выраженная гуманистическая направленность социологии и склонность к социальному реформаторству общества. Тому в немалой степени способствовало то обстоятельство, как уже говорилось, что очень многие из основателей американской социологии были священниками либо сыновьями священников. Анализ биографий, проведенный в 1927 г. Л. Бернгардом и П. Бэкером, показал, что более 70 социологов из 260 обследованных в прошлом являлись священниками либо закончили религиозную школу. Евангелическая страсть и моралистическая риторика, в тона которой окрашивались произведения ранних американских социологов, объясняются их социальным происхождением и полученным образованием.

Первый курс по методам социального исследования в Америке предложил в Чикагском университете бывший священник Ч. Хендерсон. Это произошло в 90-е гг. XIX в., после того как А. Смолл стал заведовать здесь кафедрой социологии. Лидеры и первого, и второго поколения американских социологов поддерживали прочные связи с христианской церковью. Один из первых социологических факультетов в 1894 г. открылся в Католическом университете США.

Л. Уорд (1841—1913), считающийся одним из основателей американской социологии, полагал, что человеческое существо раздвоено между миром природного и миром социального. Таким же раздвоенным оказалось и общество. В нем одновременно царствуют слепые законы естественного отбора, заставляющие людей не щадить друг друга в конкурентной борьбе, и разумные законы добра, основанные на высоких гуманистических ценностях.

Общество, согласно другому классику американской социологии **У. Самнеру** (1840—1910), необходимо рассматривать в социокультурном контексте, основой которого выступают социальные нормы, традиции и обычаи. *Обычаи* (folkways) напоминают прави-

ла приличия, например требование пользоваться ножом и вилкой. Они различаются у разных народов и культур. *Нравы* (*mores*) — более строгий вид норм. Они составляют групповую мораль, или нравственность. К ним относятся требования уважать старших, помогать родственникам. Нравы включают философские и этические оценки поступков. На обычаях и нравах основываются «естественные» институты, например религия, семья, собственность, а на законах — «предписанные» институты (банки, система выборов).

Еще большее развитие интерпретативная перспектива получила в символическом интеракционизме — первом собственно американском теоретическом течении в социологии.

У символического интеракционизма имеется немало предшественников, и не только на американском континенте. Классик немецкой социологии рубежа XX в. **Георг Зиммель** (1858—1918) утверждал, что общество не является жесткой структурой, где накрепко спаяны между собой учреждения, институты, классы, группы. Общество состоит из тех социальных событий, которыми наполнены будни простых людей. Общество превращается в *процесс*, постоянное созидание социальной реальности в повседневных актах жизнедеятельности людей.

В ряду основателей символического интеракционизма упоминают американского социального философа **Джорджа Герберта Мида** (1864—1931), его современника социолога **Чарльза Кули** (1864—1929) и, наконец, их предшественника, психолога **Уильяма Джеймса** (1842—1910).

Выражение *символический интеракционизм* ныне обозначает несколько направлений социологии и социальной психологии. Оно было пущено в обращение в 1937 г. одним из учеников и последователей Мида **Гербертом Блумером** (род. в 1910), который позднее стал главой второго поколения символического интеракционизма. Сам Мид полагал, что самое существенное у человека — это его *владение языком*. Способность говорить делает его социальным существом. Он хотел укоренить психологию в социальной действительности, поэтому считается, что интеракционизм появился как часть социальной психологии.

Социальное взаимодействие в символическом интеракционизме мыслится как исполнение человеком разнообразных ролей. В зависимости от того, какую социальную маску надевает на себя человек, тем он и становится в данный момент. В известном на весь мир эксперименте П. Г. Цимбардо студентов всего на две недели превратили в узников и надзирателей, но они настолько вжились в свои роли, начав преследовать, избивать и ненавидеть друг друга, что эксперимент, проводившийся в настоящей тюрьме, пришлось через неделю прекратить.

Таким образом, студенты приняли участие в своего рода ролевой игре, целью которой было выяснить, как сыгранная роль отразится на поведении и переживаниях людей. Игра была спланирована так, что участники ничего не подозревали. Их забирали ночью, они не знали, где находятся, эксперимент проходил непрерывно каждый день и каждую ночь, испытуемые не имели контактов с внешним миром.

«Тотальный институт», как назвал тюрьму в 1961 г. один из лидеров интеракционизма Эрвин Гоффман, целиком поглотил испытуемых. Они забыли прежние привычки, стереотипы и нормы поведения и полностью перевоплотились. Иными словами, в своих переживаниях и действиях студенты *превратились* в заключенных и надзирателей.

Так в социальном процессе формируется то, что интеракционисты называют «своим Я» (англ. — self), т. е. способность воспринимать себя как действующее лицо. Способность осознавать свое «я» развивается в социальной жизни посредством того, что Мид называет «взятием на себя роли» или «принятием отношения других к себе самому». Человек становится действующим лицом благодаря тому, как реагируют на него другие лица. Если мальчику с детства внушать, что он плохой, то он становится таковым. В эксперименте одни студенты превратились в настоящих надзирателей не потому, что так хотели они, а потому, что другая группа студентов воспринимала их и относилась к ним именно как к надзирателям.

Второе поколение символических интеракционистов во главе с Г. Блумером начиная с 1930-х гг. провело не только теоретическую, но и большую исследовательскую работу, опираясь в основном не на традиционные количественные методы, тесно связанные с математической статистикой, а на качественные, ориентирующиеся преимущественно на интервью, наблюдение и эксперимент, которые не обязательно завершаются построением статистических таблиц.

В ходе такой работы выяснилось, что никакой объективной реальности, одинаковой для всех людей, никогда не существовало и не существует. Одно и то же событие в передаче его разными людьми выглядит совершенно по-разному. У каждого человека есть собственная интерпретация социальной реальности, которую он сам постоянно создает и пересоздает, наполняет смыслом и значениями, в которой живет только он сам и которая оказывает решающее влияние на его роли и поступки.

Индивид является создателем окружающего мира и придает ему смысл. Человек выступает одновременно субъектом и объектом для самого себя. Как субъект человек творит свое социальное окружение, а как объект испытывает воздействие этого окруже-

ния на себя. Посредниками здесь выступают *значимые другие*, прежде всего самые близкие ему люди. В отличие от них незначимые люди, не имеющие конкретного лица и превратившиеся в «людей» или «народ» вообще, называются «обобщенными другими». «Обобщенный другой» у Мида обозначает общество как абстрактное целое, как систему институтов, в которых приходится участвовать людям: семья, образование, религия, экономические и политические институты. Для успешной социализации необходимы оба компонента — «значимые другие» и «обобщенные другие», по отношению к которым ребенок по-разному дистанцирован.

Интеракционисты считают, что общество не обладает тем, что можно было бы назвать объективной структурой. Общество следует понимать как постоянно происходящее взаимодействие между миллионами индивидов, каждый из которых несет свой смысл, имеет свои намерения и дает миру свою интерпретацию событий. Ни человек, ни общество не являются *статичными*, оба следует понимать как *процесс*. И индивидуальное, и коллективное действия создаются посредством того, что действующие индивиды *интерпретируют* ситуацию, а не благодаря тому, что какие-то внешние движущие силы вызывают определенное поведение индивидов.

По мнению социального философа Джорджа Мида, который и заложил основы интеракционизма, сознательное «я» вырастает из социального процесса. Социализация и взросление человека понимаются как «*обретение роли*». Окружающие человека объекты становятся *носителями смысла*, они оказываются связанными с тем, что мы называем символами.

Один из важных принципов интеракционизма — принцип обретения общности в разговоре — предполагает, что человек создается только в процессе социального взаимодействия, прежде всего речевого, но не до и не после него. Возникающая в ходе такого взаимодействия общность, или социальность, составляет суть человеческой природы, без и вне которой индивид — ничто.

Многие идеи Мида совпадали с установками так называемой культурной школы, лидером которой признавался советский психолог Выготский, считавший, что если лишить ребенка многообразия исполняемых ролей, он лишается и своего интеллекта и возможности развивать самосознание.

В числе тех, кто внес серьезный вклад в развитие символического интеракционизма, называют также У. Томаса, Р. Парка, Г. Блумера, Э. Хьюза, А. Стросса, Г. Бекера, Т. Шибутани, М. Куна, Т. Партленда, К. Берка, Э. Гоффмана и др. Наибольший успех сопутствовал интеракционизму в 1970—1980-е гг., когда получают широкое признание такие родственные направления, как социальная феноменология и этнометодология.

Феноменологическая социология

Самым последовательным выражением идей понимающей социологии стала *феноменологическая социология*, основателем которой был австрийский философ и социолог, последователь Гуссерля, *Альфред Шюц* (1899—1959). Основное внимание он уделил созданию философского фундамента социальных наук, оригинальным образом соединив экзистенциализм Хайдеггера, феноменологию Гуссерля, понимающую социологию М. Вебера и Дж. Мида и философию жизни А. Бергсона.

Методологию понимания (в веберовском смысле как постижение субъективно подразумеваемого смысла социального действия) Шюц перенес из сферы гносеологии в область онтологии. Иными словами, понимание перестало служить исключительным методом социальных наук. Оно превратилось в универсальный прием конструирования любого социального действия, института, статуса, роли и т. д., который присущ любому человеку.

Шюц продолжил идею Дильтея о внутреннем мире человека как потоке переживаний, отображенных в социальных символах и значениях. Жизненный мир, ключевая категория феноменологической социологии, обозначает мир повседневного знания и деятельности. На его базе формируется сложнейший мир научных абстракций. Шюц проследил эту связь и доказал, что прототип научных понятий кроется в повседневном знании людей. Он открыл множественность миров, из которых состоит вселенная человеческого существования: жизненный мир повседневности, мир науки, мир художественной фантазии, мир религиозной веры, мир душевной болезни и т. д. Высшее место в иерархии миров занимает повседневность, на основе которой формируются все прочие миры. Каждый из этих миров представляет собой совокупность данных опыта, характеризующуюся определенным когнитивным стилем. Когнитивный стиль — неповторимый узор, включающий личное отношение к миру, способы решения проблем существования, формы восприятия и осмысления мира и т. п.¹

Идеи Шюца получили распространение в 1960—1970-х гг., став исходным пунктом множества концепций феноменологической социологии («структурная социология» Э. Тириакияна, социология знания Бергера и Лукмана, этнометодология Гарфинкеля, когнитивная социология А. Сикурела, многочисленные версии социологии повседневности). Феноменологическая социология («социология знания») в лице П. Бергера и Т. Лукмана дает следующий от-

¹ Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 405; Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.

вет об «Основах знания в повседневной жизни»: «Метод, который мы считаем соответствующим прояснению оснований знания в повседневной жизни, — это феноменологический анализ, чисто описательный «эмпирический» метод», тяготеющий к «естественным» (natural) данным»¹.

В феноменологической социологии, как и во всех прочих ответвлениях понимающей социологии, общество рассматривается не как жесткий каркас, структурирующий вокруг себя множество текущих событий, а как неустойчивое образование, созданное и постоянно воссоздаваемое в духовном взаимодействии индивидов. Общеродовая черта, объединяющая все эти направления, — сознательное противопоставление количественной методологии позитивизма новым приемам познания, свойственных только гуманитарному знанию, стремление осмыслить социальный мир в его человеческом измерении, в соотношении с ценностными ориентациями, идеями, целями и мотивами реальных людей.

Общие для всей гуманистически ориентированной социологии идеи о том, что демиургом социальной реальности выступает сам человек, который наделяет смыслом окружающий мир и конструирует его в ходе ежедневного взаимодействия с себе подобными, нашли дальнейшее развитие в двух следующих ответвлениях понимающей социологии — драматургической социологии Эрвина Гоффмана и этнометодологии Гарольда Гарфинкеля.

Драматургическая социология

Эрвин Гоффман, ученик Мида, считается создателем *драматургической социологии* — одной из разновидностей символического интеракционизма и понимающей социологии. У Э. Гоффмана мир взаимодействия людей — поле игры, замысел которой надо установить посредством социологического исследования. В основе социодраматургической перспективы лежит сравнение повседневного мира с театральным действием.

Социальное взаимодействие он представлял как непрерывную череду небольших драм, которые случаются с каждым из нас и где мы в качестве актеров играем самих себя. Драмой могут быть не только бытовые ссоры, перебранки или конфликты, где всплеск эмоций и страстей достигает, кажется, своего апогея, — любое повседневное событие по сути своей уже есть драматическое представление, поскольку мы, даже в кругу близких, постоянно наде-

¹ Бергер П., Лукман Т. Основы знания в повседневной жизни // РЖ ИНИОН, серия «Социология». № 1. 1992. С. 149.

ваем и снимаем социальные маски, сами создаем сценарии каждой следующей ситуации и разыгрываем ее по неписанным социальным правилам, созданным традициями и обычаями либо нашим воображением и фантазией. Вступив в конфликт, муж, жена, ребенок или теща упорно держатся предписанных им социальных ролей, которые нередко противоречат их собственным интересам. Муж, отвечая на обвинения жены в том, что он почти перестал бывать дома и видеть своих детей, защищается тем, что выставляет себя в качестве хорошего исполнителя роли отца или мужа, а нападая на жену, старается обнаружить у нее такие же ролевые недостатки: она плохая домохозяйка или равнодушная мать.

Любой человек в течение одного дня бывает задействован сразу в нескольких «театрах жизни» — в семье, на улице, в транспорте, в магазине, на работе. Смена подмостков, как и смена ролей, вносит динамику в повседневное существование, оттачивая наш социальный профессионализм. Чем в большем количестве социальных групп и ситуаций мы участвуем, тем больше социальных ролей исполняем. Но в отличие от литературного театра в «театре жизни» конец пьесы неизвестен ее нельзя переиграть заново. В жизни многие драмы связаны с серьезным риском, иногда с риском для жизни, и большинство из них разворачиваются по неизвестному для актеров сценарию.

Театр жизни имеет собственную драматургию, которая лучше всего описывается философией экзистенциализма. Анализируя пограничные ситуации, где человеку приходится принимать вызов судьбы, решать такие проблемные ситуации, которые связаны с выбором, жить или умереть, Э. Гоффман вторгается в традиционную область экзистенциальной социологии. Экзистенциалисты определяют акт социального действия как свободный выбор человека в пограничной ситуации, т. е. в фатальных обстоятельствах, где индивид либо отстаивает свое право на существование, либо не делает этого.

Этнометодология

Название данной перспективы происходит от слов этнос (люди, народ) и методология (наука о правилах) и обозначает «науку, исследующую правила повседневной жизни людей». В этнометодологии речь идет о методах описания и конструирования социальной реальности, которые используются людьми в их повседневной обыденности. Причем этнометодологи особенно подчеркивают тот факт, что описание социальной реальности тождественно ее конструированию.

Этнометодология разделяет идеи символического интеракционизма и феноменологической социологии. Она представляет собой такую разновидность понимающей социологии, которая сосредоточила свое внимание не на философских вопросах бытия и познания, как делала феноменологическая социология, а на вполне конкретных данных этнографии и социальной антропологии, но также препарированных под своеобразным философским ракурсом. И хотя этнометодологи во главе со своим лидером Г. Гарфинкелем не задавались глубокомысленным вопросом о том, что есть реальность, они с не меньшим философским упорством пытались выяснить, при каких обстоятельствах и почему мы считаем вещи реальными, действительно существующими. Иными словами, во главу угла они поставили проблему расколдовывания структуры повседневной реальности и способов, какими мы, простые люди, творим ее в своей ежедневной жизнедеятельности.

Как известно, методы этнографии и культурной антропологии были сформированы с учетом специфики изучаемого объекта — быта и образа жизни примитивных племен, среди которых ученые проводили полевые исследования. Так продолжалось более 100 лет, пока в 1967 г. Г. Гарфинкель, написавший книгу «Исследования по этнометодологии», не попытался перенести в современное цивилизованное общество процедуры, применявшиеся антропологами при изучении примитивных культур.

В результате проблематичным стало то, что ни у кого и никогда не вызывало никакого сомнения. Сотни лет ученые считали, что нужно изучать те процессы и структуры, которые существуют в социальной реальности и обусловлены ею. Действительно, манеры поведения, язык, форму одежды, образ жизни любого человека, скажем инженера или предпринимателя, определяются его социальным, в частности классовым, положением, т. е. социальной реальностью. Но Г. Гарфинкель подставил под сомнение саму социальную реальность. С этой целью он перевернул традиционное социологическое анкетирование и интервью. Если обычно социолог стремится задавать простые и понятные респонденту вопросы, чтобы получить четкую и ясную информацию о том, где он, к примеру, проводит свой досуг или какие газеты читает, то необычный социолог Гарфинкель «намеренно» ставил опрашиваемых в тупик, задавая «дурацкие» вопросы. Однажды он спросил юношей, почему они придерживают дверь, пропуская вперед девушку. Большинство из них сослалось на правила вежливости. Но Гарфинкель заметил, что двери почему-то придерживают также перед пожилыми людьми, инвалидами и детьми. В этом случае этикет учтивости не действует — этим категориям населения помогают потому, что они беспомощны. Возможно, здесь действует какая-то иная со-

циальная причина, нежели в первом случае. Задача этнометодолога — проникнуть за уровень поверхностного впечатления и выявить глубинные механизмы формирования социальной реальности. Может оказаться, что юноша, придерживающийся перед девушкой дверь, только прикрывается этикетом вежливости, отвечая на вопрос анкетера, а на самом деле, в глубине своего подсознания, автоматически зачисляет ее в разряд беспомощных людей. В таком случае его действия мотивированы ощущением превосходства сильного пола над слабым, заложившим фундамент патриархата. Правда, причиной поступка могут быть мотивы ухаживания юноши за девушкой, поскольку и во множестве других ситуаций, например подавая женщине пальто, мужчина делает то, чего он не сделал бы по отношению к другому мужчине. Г. Галфинкель не единожды ставил респондентов в экстремальные условия, стремясь разрушить привычные стереотипы, заглянуть за горизонт повседневности, выявив лежащие за ними фундаментальные структуры сознания и поведения людей.

Метод провоцирования и разрушения привычных структур повседневности, несомненно, расширил горизонт познания в гуманитарных науках. Он выходит за рамки привычных анкетных опросов, свойственных традиционной социальной науке (не только социологии, но антропологии, психологии, экономики, социальной психологии).

Этнометодология учит нас не воспринимать повседневность как само собой разумеющуюся, а предлагает заглянуть по ту сторону одномерной реальности и выяснить скрытые механизмы, которыми мы конструируем свое бытие. Социологу, проводящему традиционное анкетирование, придется спросить себя: какую реальность он изучает? о чем свидетельствуют мнения опрашиваемых? не попадает ли ученый в ту же ловушку, в какой уже находится респондент — принимает на веру существующую реальность? и наконец, не строит ли социолог свои научные теории на почве обыденных представлений?

РАЗДЕЛ II

ГЛАВА 1. Социологическая классика

Тем, что сегодня мы называем обществом, люди заинтересовались в глубокой древности. В течение 2,5 тыс. лет мыслители анализировали и описывали общество, не называя, однако, полученные знания социологией.

В эволюции представлений об обществе можно выделить три периода: *донаучный, классический и современный*.

На наш взгляд, первое и достаточно полное представление о строении общества дали античные философы Платон и Аристотель. Затем наступила очень долгая, растянувшаяся на две тысячи лет, историческая пауза, прежде чем появились выдающиеся ученые и мыслители (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Ф. Бэкон, Ж.-Ж. Руссо, А. Гельвеций, И. Кант и многие другие), которые серьезно обогатили наши знания об обществе и поведении людей. Наконец, в XIX в. рождается собственно социология, вобравшая в себя лучшие достижения человеческой мысли об обществе и благодаря применению конкретно-научных методов продвинувшая наши знания дальше. В ряду творцов научной социологии выделяются О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм и М. Вебер. С них открывается собственно научный период истории социологии.

Античная Греция

Первых социологов античности называют *социальными философами*. Они рассуждали о природе общества, государства и отношении к ним индивида. Эпикур (341—270 гг. до н.э.) и Лукреций (около 99—55 гг. до н. э.) вошли в историю социальной мысли как первые теоретики индивидуализма, а в теории познания — как продолжатели атомистической линии. Общество понималось ими не как самодовлеющая над индивидом величина (как у Платона и Аристотеля), а как производное от взаимодействий людей-атомов. Не общество (община, город-полис, государство) делает людей такими, каковы они есть, а люди делают общество таким, каковы они сами. Совершенствуя самих себя, люди формируют такое общество, которое они хотят получить.

За вклад в создание учения об обществе их называют социальными философами. Философами они были по своему образованию и призванию, а социальными их сделал живейший интерес к тому, как живут люди, на какие классы или страты делится общество, какими должны быть отношения между ними. Они, как и нынешние социологи, изучали традиции, обычаи, нравы и взаимоотношения людей, обобщали факты, строили концепции, которые завершались практическими рекомендациями о том, как усовершенствовать жизнь людей (Платон за свою рекомендацию едва не поплатился жизнью).

Социально-философское учение Платона

Среди них выделяются два гиганта — **Платон** (427—347 до н. э.) и **Аристотель** (384—322 до н. э.). Они, как и нынешние социологи, изучали традиции, обычаи, нравы и взаимоотношения людей, обобщали факты, строили концепции, которые завершались практическими рекомендациями о том, как усовершенствовать общество. Поскольку в античности «общество» и «государство» не различали, то оба понятия употреблялись в качестве синонимов.

Платон, считающийся наиболее влиятельным мыслителем в истории западной философии, еще в молодости имел определенные политические амбиции, стремясь завоевать симпатии афинян и стать безусловным лидером столичного полиса. Однако ему пришлось пережить разочарование. И оно было не единственным. В 367 г. до н. э., подучившись у Сократа, он отправляется на Сицилию в свою очередь обучать молодого тирана Дионисия искусству управления страной. Чему он там его учил, неизвестно, но педагогический эксперимент провалился. В 361 г. Платон повторил свою попытку, но также безрезультатно: Платона даже посадили за решетку, а потом продали на рынке как раба. Выкупленный состоятельными друзьями (Платон и сам происходил не из бедной семьи), он вернулся на родину, основал собственную академию, полностью отдался преподавательской деятельности и умер в возрасте 80 лет. Его сочинения, написанные в форме философских диалогов, представляют результат мысленных фокус-групп: выдуманные герои, собравшись на дружескую пирушку, обсуждают самые разные темы, но каждое заседание, как правило, всегда посвящено только одному фундаментальному вопросу, например что есть справедливость. Они долго спорят между собой по формулировке понятий, изоцряются в остроте ума, блещут эрудицией или проявляют полную растерянность перед элементарной логикой. Выдвигая что-либо, оспаривая его или доказывая противоположное, антич-

ные «академики» доводят до совершенства главное орудие теоретической мысли, которое на протяжении двух тысяч лет так не было никем превзойдено. Диалектические споры можно назвать Великими играми ума, по значимости равными Олимпийским играм, в которых, кстати сказать, Платон тоже выступал, и весьма успешно. Результаты мыслительных экспериментов, думается, небесполезны и для нынешних социологов, ибо в ходе подобных упражнений конструировались блестящие идеальные типы, в том числе и из социальной области.

Есть два рода благ: одни — человеческие, другие — божественные. Человеческие зависят от божественных. И если какое-либо государство получает большие блага, оно одновременно приобретает и меньшие, в противном же случае лишается и тех и других. Меньшие блага — это те, во главе которых стоит здоровье, затем идет красота, на третьем месте — сила в беге и остальных телесных движениях, на четвертом — богатство, но не слепое, а зоркое, спутник разумности. Первое же и главенствующее из божественных благ — это разумение...

Платон «Законы»

Уже в первой половине жизни Платон в общих чертах сформулировал свое общественно-политическое учение и изложил его полностью — в «Государстве» и «Законах» (двух наиболее крупных своих произведений), частично — в диалогах «Политик» и «Критон». В его учении об обществе весьма удачно нашли друг друга две абсолютные противоположности — философия и политическая практика. Только в античности можно было простить людям то, чего не прощали позже. Где это видано, чтобы философ, мудрый и отстраненный от жизненной суеты правдолюбец, активно вмешивался в политические свары, взывал к толпе, затевал политические интриги. Сократ не был политиком, но по афинским улицам он тоже расхаживал, спорил, горячился, в чем-то участвовал, кого-то обличал. В конце концов, обвинили и его, да не в чем-нибудь, а в политическом заговоре, выступлении против демократии (читай: в государственной измене), посадили в тюрьму и казнили. Да и другие светила философии не оставались вне политических схваток и общественной жизни страны. К тому же страна была крохотной, а Афины, где почти все друг друга знали в лицо, напоминали большую или очень большую деревню. Жить в таком обществе и быть свободным от него, как говорил в свое время другой классик политической мысли, нельзя.

Да и не о политике — по крайней мере, в современном ее значении — надо вести здесь речь. Античные философы просто занимали активную гражданскую позицию в только еще формирующемся гражданском обществе. Для него они создавали свои утопиче-

ские проекты, рисовали картины идеального государства. Общества-государства, которым должны были править мудрейшие его члены — философы-цари. Таким нарисовал идеальный коммунизм Платон. Но он так никогда и не осуществился. В реальном обществе над философами смеялись (Фалес), издевались (Диоген), травили (Сократ), изгоняли (Платон).

Несомненно, в античности общество и государство не различались, оба понятия употреблялись в качестве синонимов. А когда Аристотель называл человека «зоон политикон», то подразумевал не столько существо политическое, сколько и по преимуществу существо общественное.

Идеальное общество-государство (у античных мыслителей два понятия, как мы выяснили, сливались) Платон обосновывает: а) исторически, считая, что оно уже существовало раньше и его придумывать не надо (иными словами, человечество имеет реальный опыт государственного строительства, надо лишь учесть ошибки и перенести в настоящее все самое ценное); б) политически, опираясь на свое учение о положительных и отрицательных формах правления (поскольку правители играют в жизни общества чуть ли не решающую роль, с них и надо начинать перестройку); в) социально, предложив как альтернативу существующей социальной структуре свою идеально-типическую конструкцию, где каждому классу отведено свое место в иерархии, предписаны функции и даже нравственный характер, которому обязан следовать каждый представитель своей страны.

С историческим обоснованием Платон, возможно, промахнулся, поскольку первобытно-общинный строй, который он считал идеальной формой государства (там господствовала общественная собственность, высокая нравственность, равенство и справедливость), на самом деле государства не знал. Это было протогосударственное социополитическое образование.

Впрочем, древнее государство необходимо было ему не как политическая реальность, а как некий эталон сравнения, идеальный (не в веберовском социологическом, а в обычном этическом смысле — как наилучший) тип. Этому идеальному типу Платон противопоставил отрицательный тип государства, который у него выражается в четырех формах: тимократии, олигархии, демократии, тирании. Тимократия — это форма правления, при которой власть принадлежит честолюбцам и процветает страсть к обогащению, при этом образ жизни становится роскошным. После тимократии следует олигархия, при которой власть принадлежит немногим, господствующим над большинством. Она находится в руках богатых, которые постепенно растрачивают свое имущество и превращаются в бедняков и совершенно бесполезных членов общества.

Олигархия в своем развитии приводит к демократии, при которой власть находится в руках большинства, но при которой противоположность между богатыми и бедными еще больше обостряется. Демократия возникает как результат восстания бедняков против богатых, в результате которого богатые уничтожаются или изгоняются, а власть распределяется между оставшимися членами общества. За демократией следует тирания, являющаяся результатом вырождения демократии.

Обратим внимание вот на что. Во-первых, Платон дает отнюдь не политологическую, а социологическую — причем в самом правильном и современном понимании, — трактовку формам правления. Критериями, позволяющими нам отличить одну форму от другой, у него выступают: а) численность той социальной группы, в руках которой находится власть; б) уровень, характер и степень социальной дифференциации, расслоение на бедных и богатых; в) образ жизни отдельных социальных групп или населения в целом (жизнь в роскоши, страсть к обогащению и т. п.); г) уровень социальной напряженности в обществе, превышение которого приводит к замене одного политического режима другим.

Во-вторых, в политологической аргументации чуть ли не основным моментом выступает динамический, а не структурный. Платон ничего не говорит о том, как устроены и каковы функции исполнительной, законодательной и судебной власти, как должна строиться избирательная система, какие функции должны выполнять институты государства, армии, полиции и т. д. Платон говорит о смене или чередовании форм правления в историческом времени: тимократию сменяет олигархия, ее вытесняет демократия, которую устраняет тирания.

Социополитическая динамика для нас, социологов, чрезвычайно важна. Мы стремимся описывать общество в движении, развитии, прогрессе. Но не знаем, как это правильно сделать, а если знаем, то не всегда убедительно излагаем свои взгляды. И Платон не во всем был совершенен, но это была первая фундаментальная теория общества, где: а) воедино слиты статика и динамика; б) развитие общества понималось как многосторонний процесс (исторический, социальный, политический, духовный).

Платон даже указал причину социополитической динамики общества — переизбыточное развитие. Согласно Платону, наличие чего-либо в излишней степени приводит к своей противоположности. Поэтому избыток свободы, как считает Платон, приводит к рабству, тирания рождается из демократии как высочайшей свободы. Сначала, при установлении тирании, тиран «улыбается и обнимает всех, с кем встречается, не называет себя тираном, обещает многое в частном и общем, освобождает от долгов, народу и

близким к себе раздает земли и притворяется милостивым и кротким в отношении ко всем» [Государство. VIII. 566]. Постепенно тиран уничтожает всех своих противников, «пока не останется у него ни друзей, ни врагов, от которых можно было бы ожидать какой-либо пользы».

На языке социологии избыточность означает вот что. Любое социальное явление, если оно подчиняется закону больших чисел, а в своем естественном состоянии оно так и поступает, 70% своей массы оставляет для положительно-отрицательных черт, а по 15% — на крайне положительные и крайне отрицательные. Об этом шла речь во втором томе, в разделе о статистике. В любом обществе подавляющее большинство населения составляют сомневающиеся, а не религиозные фанаты или воинственные атеисты; полухрабрцы, полутруссы, а не отчаянные сорвиголовы или прячущие голову в песок страусы; скорее удовлетворенные существующим строем (50 : 50), чем готовые его свергнуть или беззаветно защищать. И так далее. Этот статистический ряд уходит в бесконечность, ибо свойства массовых явлений, человеческих характеров, эмоций, ценностных ориентаций и многое другое в любом обществе, если оно достаточно велико и не подвергается сильным возмущениям, всегда подчиняются гауссовой кривой.

Как только колокол закона больших чисел сместился влево или вправо, как только революционеров стало очень много, немедленно повышается критическая масса той социальной группы, которая готова стереть в порошок существующий строй. Превышение критической черты опасно для любой социальной группы, ибо каждая из них выступает выразителями той или иной политической идеи, интересов, неудовлетворенных амбиций и властных притязаний. Если консерваторов (защитников существующего строя) больше меры, то никаких перемен в обозримом будущем мы не дождемся. Российское общество тоже подчинялось в своем развитии платоновской динамике. Большевики пришли к власти на волне народного негодования, когда доля населения, готовая поддержать радикалов и революционеров, превысила критическую черту, а сторонники или равнодушные уступили напору. Произошла смена политического режима. А в основе этой смены находились социальные факторы. В годы сталинщины новый строй только укреплялся, всех бунтовщиков, потенциальных революционеров арестовывали, сажали, расстреливали. Потенциал защитников нового строя превышал мощь его противников. Но через 70 лет он поистощился, произошел мирный переворот, социалистическое общество превратилось в капиталистическое.

Происходящий переворот означает, что общество, долго развивавшееся в своем прежнем качестве, исчерпало свой потенциал.

Ему нужно обновление, переход в иной режим функционирования. Платон так и говорил: наличие чего-либо в излишней степени приводит к своей противоположности; избыток свободы приводит к рабству, тирания рождается из демократии как высочайшей свободы.

В противовес всем отрицательным формам государства Платон выдвигает свой проект идеального государства, который явился первой социальной утопией в истории общества. Заметьте: всем формам противопоставляет одну, всем плохим — единственную хорошую. Так в жизни не бывает. Но Платон и не создавал жизнь, он создавал утопию. Через 2500 лет другой социальный мыслитель, не менее великий и значительный, а именно Карл Маркс, тоже назовет своих врагов. Для него плохими общественно-экономическими формациями являлись рабовладение, феодализм и капитализм. Хорош был только коммунизм с его первой социалистической фазой. И здесь всем противопоставляет одно. И здесь в древние времена было идеальное государство, которое потом выродилось. Оно, как и у Платона, называлось первобытно-общинным, или первобытным коммунизмом. Коммунизм виделся Марксу как подобие первобытности на более высокой ступени развития, этакий новый «золотой век». Как известно, коммунизм так и не наступил, а созданный большевиками социализм ничуть не напоминал первобытный рай или «светлое будущее» для всего человечества.

Обе великие идеи имеют множество изъянов, и они исчерпывающим образом освещены в научной литературе. Мы обратим внимание на другое. Противопоставляя всем одно, мыслитель неизбежно останавливает развитие человеческого общества. Маркса неоднократно спрашивали: а что будет после коммунизма? Ничего, — отвечал он. История остановилась, исчерпала себя, удовлетворила все свои притязания на справедливость, разрешила, кажется, все противоречия. Наступила безмятежная гармония. Ни Платон, ни Маркс не допускали в своем идеальном проекте общественных конфликтов и противоречий. И правильно, иначе какое это идеальное государство?

Но в этом и заключается неправдоподобие их учений. Живое общество всегда противоречиво, непоследовательно, кризисно, если хотите, трагично. Два великих диалектика, красиво описавшие отрицательные формы общества-государства, оказались метафизиками, когда речь зашла об их собственных проектах.

Идеальное государство как у Маркса, так и у Платона должно быть построено на принципе справедливости. Правда, справедливость они понимали каждый по-своему. Исходя из платоновской справедливости каждый гражданин должен занимать свое особое

положение в соответствии с общественным разделением труда, границы между стратами в социальной пирамиде закрыты, переходы, а значит, и социальная мобильность, невозможны. Поскольку бедность и богатство у Платона исчезают — вслед за уничтожением частной собственности, — то единственным критерием социальной дифференциации остается моральный и образовательный. Различие между отдельными группами людей у Платона определяется нравственными задатками. Низший класс (земледельцы, ремесленники, купцы) обладает не только более низким нравственным характером, но и низким уровнем образования. У двух следующих классов выше нравственность и уровень образования.

Платон явился первым европейским мыслителем, создавшим законченную и подробно разработанную концепцию социальной стратификации общества. Согласно его воззрениям, любое общество делилось на три класса: высший, состоявший из мудрецов, управлявших государством; средний, включавший воинов, охранявших его от смуты и беспорядка; низший класс — ремесленники, крестьяне и торговцы (купцы), — занятые физическим трудом и сервисом.

Главный методологический тезис Платона — правильное государство — можно обосновать и построить с помощью науки, которая начинает с критического анализа социальных проблем, а заканчивает политическими рекомендациями усовершенствования общества.

Общество пребывает в состоянии хаоса, социальной напряженности и смуты до тех пор, пока в нем не установлен твердый порядок, при котором каждый гражданин занимается своим делом (разделение труда), но не вмешивается в дела других граждан, сословий, классов (социальное разделение). Стабильным надо считать не то общество, которое начисто лишено классов, а то, где их три и каждый, выполняя предписанные функции, занимает свое место в иерархии. Кстати сказать, Платон был недалек от истины: самыми стабильными и длительными считаются кастовое и сословные общества, где каждая страта занимала строго отведенное место в иерархии. Напротив, общества, где революционеры сметали всякие социальные барьеры и классовые перегородки, в скором времени распадались.

Итак, идеальное общество-государство Платона состояло из трех классов (у Маркса, его последователя, в коммунистическом обществе вообще исчезали всякие классы). Экономическую структуру общества, согласно античному философу, формировали и поддерживали в исправном состоянии купцы. За безопасность страны отвечал класс воинов, а руководить государством должны

философы. То, в каком социальном классе окажется конкретный человек, определялось полученным образованием, который начинался с рождения и продолжался до тех пор, пока индивид не достигнет того образовательного уровня, который в максимальной степени соответствует его способностям и интересам. Индивиды, прошедшие весь путь до конца, не испугавшиеся трудностей, получившие достойное образование, получали место в классе философов-правителей. Достичь такого статуса было чрезвычайно непросто, поскольку на завершающей стадии человеку пришлось бы изучать философскую систему Платона — самую сложную, изощренную и профессионально изготовленную теорию античного мира. Лишь после этого правитель становился истинным философом, способным принимать справедливые, с точки зрения интересов своего народа, и мудрые (по отношению к другим народам) решения.

Классовая структура идеального общества получила у Платона мощное этическое закрепление. Умеренность и трезвость — главные добродетели ремесленников; мужество и доблесть — отличительные черты военных; мудрость должна характеризовать правителей. Три основных класса и три главные для античного общества этические идеала. Вряд ли кто в те времена мог бы возражать против того, чтобы ремесленники были умеренны, воины — смелы, а правители — мудры. Платон, выражаясь современным языком, запараллелил два традиционных для древнегреческого общества понятия — три класса и три добродетели. Каждый класс, или, точнее сказать, социальная страта, не только воплощает строго отведенный ей в общей моральной картине мира нравственный идеал, но и четко определенный круг функций, тем самым не захватывая чужих и не посягая на социальные функции (а соответственно и место в общественном разделении труда) другой страты. Платон считал жесткое разделение общественного труда основой устойчивости общества и основным механизмом поддержания социального порядка.

Таким способом философ получил морально-нравственное обоснование предлагаемой им первой в истории инженерного проекта создания нового типа социальной структуры. Возможно, предпосылки для него уже существовали в самой реальности, а мудрец лишь подсмотрел у природы. Тем не менее ясный и четкий взгляд на социальную структуру общества, распределение функций и обязанностей каждого класса, закрепление за каждым социальным слоем нравственных норм впечатляют. По существу проект идеального государства-общества Платона в чем-то самом главном напоминает более позднюю теорию капитализма М. Вебера, который отводил именно этическому фактору наиглавнейшую

роль в трансформации экономического базиса, а вместе с ней и социальной структуры новоевропейского общества.

Четвертая добродетель, справедливость, должна быть присуща всему обществу. Здесь Платон, кажется, перегнул палку. Ни одно общество во всей мировой истории никогда не являлось справедливым. Такого ни разу не было и никогда не будет. Дело не в порочности людей или общественного устройства. Общество как живое и развивающееся целое, преследующее собственные интересы перед лицом других народов, также поступающих эгоистически, не сможет выжить, руководствуясь абстрактными идеалами. В постулировании четвертой добродетели Платон с головой выдает себя как отъявленный утопист. Возможно, потому он и потерпел неудачу на поприще обучения тиранов.

Трехчастная концепция общества-государства имела у Платона продолжение в физиологии. На этот раз он запараллелил три класса, три добродетели и три части человеческого организма: ум, волю и потребности. Понятно, что воплощением ума у Платона выступал высший класс, воли — средний, военный, потребностей (а вместе с ними смутных желаний и аппетита) — низший, куда он наряду с ремесленниками включал крестьян. Аппетит характеризует существо, которое думает только о пропитании, о том, как набить свой живот, но ничего возвышенного в его голову не приходит. Волевое начало просто необходимо было отдать солдатам, так как проливать кровь и отдавать свою жизнь за родину (если убрать поэтический налет с этого понятия, то родиной надо назвать два оставшихся класса, «откосивших» от воинской службы) можно только при беспримерном волевом усилии над собой. Наконец, разум по определению должен отойти мудрецам-правителям, которым без него ну никак не одолеть хитроумную диалектику Платона.

Конечно, в той или иной степени разум нужен всем стратам общества, ведь каждый грек обязан был, согласно социоинженерной (выражение К. Поппера) теории Платона, начинать обучение в раннем детстве и заканчивать с сединой в висках. Причем учиться, говорил первый античный академик (так оно и есть, ибо Платон создал первую академию — прообраз современного университета), можно буквально всему (даже добродетели), а изучать придется несколько предметов: астрономию, биологию, математику, политологию и философию. Если приобретенные навыки имеют несомненный приоритет у Платона над врожденными, то это может означать две вещи: 1) основным механизмом превращения человека в общественное существо является социализация (в узком значении — воспитание), а 2) этика — на самом деле не столько философская, сколько социальная наука.

И социализация, и воспитание продолжают у Платона, кажется, всю жизнь. Только не всем даются они в равной степени.

Неучи опускаются на самое дно общества — в андеркласс: рабы, беглые, попрошайки, спившиеся, продажные и бездомные. Недоучки оседают в низшем классе, пополняя ряды ремесленников и крестьян. Хорошисты попадают в рыцарскую страту воинов, которые во все времена относились к аристократии. И наконец, круглые отличники, а их всегда меньшинство, вырастали в мудрых правителей. Напомним, речь идет не о формальной системе образования наподобие нынешней, где и двоечник (если поможет фортуна или богатые родственники) может оказаться в кресле начальника, а о платоновской. А это была система элитарного образования, требовавшая огромного напряжения ума и широких познаний. К тому же система, которая в реальности нигде не существовала, за исключением платоновской академии и сочинений великого диалектика. Так что вполне возможно, будь она осуществленной, школьная система могла бы стать самым мощным механизмом социального рекрутирования. На практике Платону это не удалось. Зато китайцы, опробовав школьную систему в качестве социального фильтра, отбора лучших на управленческие посты, во многом преуспели. Во всяком случае, о средневековой системе образования в Китае сегодня ходят легенды.

В социологической концепции общества Платона не все до конца ясно, или, лучше сказать, не все акценты расставлены историками так, как это должно быть. Взять хотя бы ее утопичность. Великий мыслитель мечтал о том времени, когда во главе государства будут стоять самые мудрые и просвещенные. И эти времена наступили. Во всех цивилизованных странах общество стремится поставить у руля самых образованных и просвещенных. Другое дело, что такое не всегда удается. Но и Платону, думается, это было бы не под силу, даже предоставь ему все возможности. Сегодня, как и предвидел Платон, высоко ценится не столько материальный капитал (денежное богатство, частная собственность), сколько интеллектуальный: знания, квалификация, воспитание. Разумеется, это еще не воплощение задуманного в жизнь, ведь Платон говорил о нравственных требованиях, предъявляемых к элите, а сегодня все говорят о духовном кризисе, в разной степени поразившем разные страны.

В современном обществе высший класс наделен огромными привилегиями, но он постоянно злоупотребляет властью. У Платона не так. Философ защищает не высший класс от общества, а общество от него. Поэтому элиту он лишил права иметь собственность (она только развращает нравы людей), но обязал регулярно проходить специальную подготовку и отбор — своеобразную ротацию кадров. Элита не элита, если она не знает литературы, музыки, философии и математики. К управлению следовало допус-

кать только достигших 50 лет. Аскетизм и суровый образ жизни уравнивались правом беспрекословно командовать.

Зная, что общество начинает гнить с головы, Платон требовал от элиты нравственной чистоты. Не власть, а авторитет — основное орудие управления обществом. Подданные берут пример с правителей и ведут себя как они. Это социальная аксиома. Отсюда вывод: характер правительства в конечном итоге определяется социальным характером людей. В плохом государстве над всеми стоят правители, в разумном — над всеми стоят законы. Закон призван ограничивать как власть правителей, так и свободу управляемых. На страже законов стоит правосудие. К отправлению правосудия должны быть причастны все граждане государства.

Такова в общих чертах социологическая теория правильного государства Платона, где он пытается ответить на вопрос всех вопросов: как правительству удержаться у власти и получить поддержку населения. Платон был первым, кто задумался о сущности политики и организации политической жизни, кто попытался, обобщая главным образом собственные наблюдения, изучить ее сущность. Согласно платоновской концепции, мерилом политики служат структура и толкование человеческого бытия. Участие в политической жизни предполагает наличие различных качеств: практического ума, способности к трезвой оценке обстановки, умение правильно владеть конкретными ситуациями, ораторских способностей, справедливости, опытности, бескорыстия и т. п. Главное, что отличает платоновское учение о политике и делает его чрезвычайно актуальным, — это утверждение о том, что стихия политической жизни общества, творимая повседневной деятельностью граждан, столкновением партий и группировок, должна разумно регулироваться государством во благо общества. Он первым предложил технологию рекрутирования и воспитания государственных мужей. Платон считал: править должны лучшие. Их необходимо не только правильно отбирать, но и правильно воспитывать, а главное — не допускать к частной собственности, которая извращает нравы людей. Частный собственник власти — это олигарх, но не объективный ко всем гражданам мудрец. Аристотель сделал шаг вперед, предположив, что политической жизнью правят не личности, пусть и самые мудрые, а объективные законы. Аристотель указывал, что государство не может быть стабильным, если оно не выполняет желание граждан. На место платоновского государственного единства он ставил плюрализм сталкивающихся в государстве интересов. В его системе конституция и законы являются высшей инстанцией; тем самым он хотел дать в руки людей объективные критерии управления государством. Человека он рассматривал как существо политическое, и в отличие от Платона этика и политика у него выступают порознь.

Социополитическое учение Аристотеля

Свой вариант теории стратификации предложил другой энциклопедический ум античности — **Аристотель** (384—322 до н. э.). У него опорой порядка выступал *средний класс*. Кроме него, существуют еще два класса — богатая *плутократия* и лишенный собственности *пролетариат*. Государство лучше всего управляется в том случае, если: 1) масса бедняков не отстранена от участия в управлении; 2) эгоистические интересы богатых ограничены; 3) средний класс многочисленнее и сильнее, чем два других. Аристотель писал:

«В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина — наилучшее, то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума... Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним... Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому, как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности»¹.

Основные положения социологического учения Аристотеля как в зеркале отражали изменения, происходившие или уже произошедшие в античном обществе.

В VII—VI вв. до н. э. в Древней Греции происходили примечательные изменения: появились невиданные прежде формы общественной жизни: города-государства (полисы), которыми управляют сами свободные граждане. Резко снижается статус сословия жрецов: теперь это всего лишь выборная должность, а не великая духовная власть. Утрачивают монополию на принятие жизненно важных для общества решений аристократы: не происхождение, а личные достоинства и собственность делают человека уважаемым и влиятельным гражданином. Появляется новый тип человека, еще неизвестный истории. Это человек, который дорожит своей независимостью и индивидуальностью, принимает на себя ответственность за решения, гордится своей свободой и презирает «варваров» за рабство, лень и необразованность. Новый тип человека, получивший массовое распространение в период наивысшего расцвета Греции в эпоху Перикла (V в. до н. э.), послужил прообразом среднего класса, ставку на который в своем учении делал Аристотель.

¹ Мир философии: Книга для чтения. Ч. 2. М., 1991. С. 414—415.

К этому времени политика уже не концентрировалась в закрытой коррумпированной группе (политическая элита). Она осуществлялась на городской площади. Население самих полисов колебалось от тысячи до нескольких десятков тысяч человек. Политически активная часть полиса, состоящая из свободных и полноправных граждан, достигших 30 лет, была еще меньше. Все они разбивались на множество партий, родовых и культовых объединений, увеселительных клубов, деловых товариществ, неформальных обществ, профессиональных корпораций. Не было в истории мира страны, где активность частных ассоциаций была бы выше, чем в Древней Греции.

Политика и общественные дела стали предметом публичного дискурса. О них много говорили, без конца спорили, и каждый обыватель почитал себя глубоким знатоком дела. Вскоре появилась специальная отрасль рассудительных знаний — философия, которую греки называли любовью к мудрым и логичным умозаключениям. На смену мифологической картине мира, еще недавно господствовавшей в массовом сознании греков, приходит рациональная, где главные роли играют мера, пропорция. Новый тип человека общественного, а стало быть, и политического Аристотель выразил в своей знаменитой фразе о «зоон политикон».

Каждого грека обязывали участвовать в политической жизни и диспутах. Все вопросы решались не за кулисами, а прилюдно, и каждый был обязан выступить. Более того, за участие в общественной жизни платили, и это был хороший приработок для бедняков. Они превращались в профессиональных трибунов, демагогов. Благодаря всеобщему участию в политической жизни повышалась грамотность населения. Не надо было проводить мониторинги общественного мнения, референдумы и прочие мероприятия. Никто не мог фальсифицировать ваш голос. У народа создавалась иллюзия неотчужденности его от власти, ощущение, что это его власти и его правительство, так как он повлиял на выбор и принимаемое этой властью решение. Возникала иллюзия, что, каковы бы ни были разногласия между классами, они могли жить в мире.

Греция воспитала несколько поколений компетентных, инициативных, высоко мотивированных граждан, с удовольствием участвовавших в управлении делами полиса. Они заложили основы цивилизованной политики. Современный термин «цивилизация» произошел от *civitas*. Так римляне называли греческий полис. Цивилизация и есть «гражданская община» или, выражаясь словами К. Маркса, гражданское общество, которое появилось в полном своем великолепии только с зарождением буржуазии. Таким образом, начальной точкой цивилизации служит «гражданская община» древних греков, а ее высшим этапом является западноевропейское «гражданское общество».

Формируя свою цивилизацию — цивилизацию принципиально нового исторического типа по сравнению с цивилизацией шумерцев, египтян, вавилонян, ассирийцев, — греки учились красиво и со вкусом работать, интересно проводить свободное время, активно участвовать в политических делах. Жить и работать без излишеств и восточной роскоши, но скромно и изысканно.

Всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага... причем больше других и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством, или общением политическим.

Аристотель. «Политика»

Аристотель считал, что хребтом социального порядка выступают классы, но не все и не любой, а именно средний класс. Вот кто стабилизирует общество. Два других, полярных класса, а именно богатая плутократия и пролетариат, расположенные в самой верхней и в самой нижней частях общественной пирамиды, представляют своего рода социальные девиации (отклонения), и им свойственны множество недостатков. Аристократия — это праздный класс, не занимающийся общественно-полезным трудом, но зато вовлеченный в постоянные интриги, козни и борьбу за власть. На социальном дне находится плебс, который существует за счет государственной помощи, привилегий и отчислений. И его можно называть социальным паразитом. Рабы вообще не включались ни Платоном, ни Аристотелем в общественную структуру, так как к обществу античные философы причисляли только свободное население, прежде всего афинских граждан. Представитель среднего класса — ремесленник, торговец, моряк, воин, земледелец — внимателен к любому новшеству, любому усовершенствованию (и отечественному, и заграничному), способному хоть ненамного повысить производительность и качество продукции.

Если привести в действие указанные выше три условия процветания античного общества у Аристотеля, а именно опора на многочисленный средний класс, привлечение к управлению широких слоев населения и обуздание политических амбиций элиты, мы получим современную ромбовидную форму социальной стратификации: богатых — 5—6%, бедных — 14—15%, и 80% — средний класс. Только при таком профиле социальной структуры можно достичь стабильности в обществе. В подобных условиях средний класс выполняет функцию промежуточного звена, которое разъединяет два полюса стратификационной шкалы, не позволяя им конфликтовать между собой. Средний класс разводит по разные

стороны две враждебные группировки — класс богатых, в руках которого концентрируются наибольшие богатства, которому завидуют другие слои, и класс бедных, который ничем не обладает, которому никто не завидует, но который, в свою очередь, завидует всем другим слоям общества. Многочисленный средний класс выполняет функцию межклассовой прослойки, которая разводит враждующие стороны и позволяет достичь социальной стабильности. По существу, Аристотель 2500 лет назад предвосхитил ту модель, которую сегодня на практике реализует постиндустриальное общество.

Аристотеля можно назвать философом золотой середины. Избегая крайностей в социальных воззрениях на структуру общества, Аристотель избегал их также в своем экономическом и политическом учениях.

Положение Аристотеля о том, что бедные ни в коем случае не должны быть отстранены от участия в управлении общественной жизнью, очень актуально сегодня. По существу в нем сконцентрирована формула современной демократии. Государство политически процветает лишь при всеобщем участии граждан в политической жизни. Привлечение к управлению социальных низов открывает им доступ к каналам социальной мобильности, продвижению наверх, дает возможность наиболее одаренным личностям проявить себя и добиться политического успеха во благо общему делу. Средний класс должен рекрутироваться за счет лучших представителей низшего класса. Ему необходима свежая и здоровая кровь. Хуже обстоит дело, если средний класс будет пополняться за счет представителей высшего класса, поскольку для них межклассовый переход означает падение, а не восхождение. Опускаются на ступеньку ниже те, кто не выдержал конкуренции, погряз в разврате и чревоугодии, промотал состояние, вытеснен представителями своего же класса. Короче говоря, таким путем средний класс пополняется наихудшими элементами.

В своем экономическом учении Аристотель выделил два типа ведения хозяйства: натуральное, нетоварное — *ойкономия*, и денежное — *хрематистика* (*chrematico* — заниматься денежными делами, наживаться). В ойкономии отношения между главой дома и домочадцами — членами семьи и работниками — не оформлялись юридическим документом. Иными словами, они не были договорные. То были отношения господства и подчинения. Напротив, хрематические отношения, в отличие от экономических, строились на договорной основе вне отдельной семьи. То были формальные товарно-денежные отношения между юридическими и физическими лицами в рамках общества, а не внутри отдельной семьи.

Социально-экономическое учение Аристотеля, так же как и политическое, отражало новые реалии древнегреческого общества. Ойкономия и хрематистика — две части одного целого. Первая регулировалась этическими и политическими соображениями, вторая управлялась стихией рынка. Оба хозяйственных начала в древнегреческой цивилизации соединялись весьма противоречивым образом. Афиняне строили свою цивилизацию, планомерно соединяя государственную и частную собственность. Опора частного сектора — малое семейное хозяйство, использующее личный труд крестьянина и его семьи (ойкос). Хрематистическое плановое начало существовало внутри отдельной семьи и внутри государства в целом, а рыночное экономическое начало главенствовало между семьями и между государствами.

Древнегреческое хозяйство — это гибкая система небольших автономных семейных предприятий в сельском хозяйстве. Засушливый и некогда пустынный горный край, пришедший в эпоху варварства к пределу экологического истощения, трудолюбивые греки превратили в цветущую землю с прекрасными городами, продуктивным земледелием и скотоводством.

Древние греки говорили:

«Мудрец не примет участия в государственных делах, если только к этому его кто-нибудь не принудит» (Эпикур);

«Мудрец примет участие в государственных делах, если только ему что-нибудь не помешает» (Зенон (стоик)).

Демократия выражалась и в том, что государство охраняло законами крестьянское хозяйство. Каждый гражданин полиса имел право владеть лишь небольшим участком земли, который могла обрабатывать его семья. Крупное землевладение не допускалось, а следовательно, применение труда рабов в сельском хозяйстве было ограниченным. Крупные капиталы не только привлекают к себе воров и мошенников, но и сами они могут быть созданы далеко не праведным путем. Аристотель, да и не только он один, прекрасно это понимал. Большие деньги легко наживаются, но и легко тратятся. Великий Демокрит получил от отца наследство и промотал его, десять лет путешествуя в свое удовольствие. Такое поведение считалось тяжким грехом и требовало сурового наказания. Согласно воззрениям греков и поучению Аристотеля, порицания заслуживали те, кто тратил чужое, не зарабатывая своего.

Аристотель, как подлинный государственный деятель, если к нему можно применить подобное выражение, осуждал хрематистику как проявление духа капитализма и наживы и приветствовал ойкономию как форму нравственно-этических отношений между людьми.

ми в сфере хозяйства¹. Хрематистика негативно отражается на мышлении и судьбах людей. Погоня за деньгами становится самоцелью, она превращается в манию преследования и развращает нравственность. Конечным пунктом на этом пути является *плеонаксия*² — осуждаемое всеми греками чрезмерное увлечение чем-либо, необязательно деньгами, но также властью, словотворчеством, роскошью и т. д. Денежное богатство не имеет пределов. Хрематистика заботится не столько об обеспеченном существовании, сколько о том, как лучше обменивать блага, чтобы получить наибольшую прибыль. Здесь деньги превращаются в средство добывания новых денег, деньги становятся средством и целью. Алчность нарушает основы аристотелевской философии — меру и гармонию формы.

Ограниченные размеры частной собственности, находящейся в руках свободных граждан, принадлежащих к среднему классу, Аристотель считал залогом общественного благополучия. Важно не то, у кого сколько собственности, а то, как ее используют. Частная собственность развивает достижительную мотивацию. Когда она есть, люди не ропщут друг на друга, ибо каждый занят своим делом. Если в обществе есть те, кто работает много, а получает мало, они всегда будут недовольны теми, кто работает мало, но получает много. Человеком управляет множество потребностей и стремлений, но главная движущая сила — любовь к деньгам, ибо этой страстью больны все. При коллективной собственности все или большинство бедны и озлоблены. При частной появляются богатство и неравенство, но только она дает возможность гражданам проявить щедрость и милосердие. Правда, чрезмерное неравенство в собственности опасно для государства³. Процитированных философов разделяют не только два тысячелетия, но и противоположное отношение к собственности. Для Аристотеля собственность (но не чрезмерная, а умеренная, разумная) — признак среднего класса. Аристотель признает, что не имеющий собственности, как и имеющий ее чрезмерно, склонен к противоправным действиям, потому оба они не могут способствовать сохранению стабильности государства.

С позиций защиты частной собственности, семьи и прав гражданина Аристотель критиковал Платона, полагая, что предлагаемое им обобществление имущества, жен и детей ведет к уничтожению государства.

¹ Аристотель. Политика I, 1258a, 1—14; Никомахова этика IX, 1170a, 20.

² Pleonexia (*pleonasmus* — чрезмерность, излишество) — привилегии и преимущества, даваемые близостью к власти.

³ Подробнее см.: Гуторов В. А. Античная социальная утопия: вопросы истории и теории. Л., 1989.

Разумеется, Аристотеля нельзя представлять защитником социалистических идеалов. Несовершенства общества, учил Аристотель, исправляются не уравнительным распределением, а моральным улучшением людей. Законодатель должен стремиться не к всеобщему равенству, а к выравниванию жизненных шансов. Частной собственностью может владеть каждый, она не вредит нравам людей и развивает здоровые эгоистические интересы. Человеком управляет множество стремлений, но главное среди них — любовь к деньгам. При коллективной собственности все или большинство бедны и озлоблены. С другой стороны, не менее опасно для государства и чрезмерное неравенство людей, оно ведет к возмущениям и переворотам. Аристотель считает лучшим общество, в котором средний класс сильнее всех других.

Аристотель о демократии: «Равенство же бывает двоякого рода: по количеству и по достоинству... Отсюда и возникают преимущественно два вида государственного устройства — демократия и олигархия... Вообще ошибка — стремиться провести повсюду тот и другой вид равенства. И доказательством служит то, что после этого происходит: ни один из видов государственного устройства, основанный на таком равенстве, не остается устойчивым... Как бы то ни было, демократический строй представляет собой большую безопасность и реже влечет за собой внутренние распри, нежели строй олигархический. В олигархиях таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры друг с другом и с народом; в демократиях же — только с олигархией; сам против себя народ — и это следует подчеркнуть — бунтовать не станет».

(Политика, книга пятая, 1,7—9)

Воззрения Аристотеля на общество скорее близки нынешним социал-демократическим идеалам. В основании тех и других лежит тезис о ведущей роли в обществе среднего класса, осуждение любых крайностей, прославление частной собственности и свободного профессионального труда. Аристотель ищет меру во всем, а крайности стремится нивелировать. Его даже можно назвать первым идеологом среднего класса и регулируемой рыночной экономики, основанной на приоритете нравственных идеалов.

Аристотель заложил основы античной этики деловых отношений и изложил принципы регулирования общественных отношений. Он различает два вида справедливости: *уравнительную и распределительную*. Первая является простым, «арифметическим равенством», она действует в области гражданско-правовых сделок (возмещение ущерба). Вторая является «геометрическим равенством», она предполагает распределение благ пропорционально вкладу в общее дело (от каждого по способностям, каждому —

по труду). Второй вид справедливости покоится на принципе «пропорциональной взаимности», который, по мнению Аристотеля, выступает фундаментом древнегреческой цивилизации.

В «Никомаховой этике» Стагирит писал о том, что общественные отношения по поводу обмена поддерживаются особым видом справедливости. Она подразумевает пропорциональность, но не равенство. Общество, учил Аристотель, держится тем, что каждому воздается пропорционально его деятельности. Стало быть, рынок и обмен должны строиться на взаимных услугах. Услуга должна оплачиваться услугой. Получивший одолжение не только отвечает услугой, но сам начинает с одолжения.

Государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, — либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек... Это свойство людей отличает их от остальных, живых существ: только человек способен к восприятию таких понятий, как добро и зло, справедливость и несправедливость и т. п. А совокупность всего этого и создает основу семьи и государства. Первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части.

Аристотель. «Политика»

В аристотелевской концепции общества нет места ни чрезмерному обогащению, ни чрезмерному обнищанию. Хотя богатство само по себе не презирается, но безудержная погоня за деньгами и роскошью осуждается. Как осуждается и бравада нищеты. Она для греков является причиной нежелания работать. Если не приложено упорного труда, сноровки и сообразительности, либо человек впадал в расточительность, чревоугодие или иной порок, связанный с погоней за удовольствиями, его ждала неизбежная расплата — обнищание. Ведь каждому предоставлена возможность трудиться, надо лишь ею умело воспользоваться. Не умеющий трудиться, конечно же, лучше не желающего трудиться, но это не может служить оправданием.

Духовные ценности и гражданские доблести ставились греческой культурой много выше, чем владение вещами и деньгами. Да и сами деньги должны добываться честным и добросовестным трудом. Только через две тысячи лет нормы античной трудовой этики, помноженные на деловой практицизм, были восстановлены в правах западноевропейским протестантизмом.

Аристотель развивал традицию понимания общества как государства. По его мнению, государство предшествует каждому отдельному человеку, поскольку тот, оказавшись в изолированном

состоянии, теряет свою самостоятельность и специфику как существа общественного (у него это звучало как существа политического)¹. Деление людей на тех, кто властвует и кто подчиняется, Аристотель считает естественным законом природы и общества. Сущность общественной жизни он усматривал не столько в государственном ее оформлении, сколько во властных отношениях. Они извечны и полезны как государству, так и отдельному человеку. На этом основании Аристотель оценивает рабовладение как благо и проявление справедливости. Однако своекорыстное использование власти ведет к нарушению справедливости в распределении имущества и почестей. Тщеславие и стремление к почестям знатных людей вызывает недовольство простых граждан, их недоброжелательство и злобу, что угрожает государству гибелью. Поэтому Аристотель призывал к установлению власти, служащей всему народу и обществу.

Древнегреческие мыслители Геродот, Платон и Аристотель, рассуждая о природе и функциях правительства, пришли к выводу о том, что оно может быть трех типов:

- правление одного;
- правление немногих;
- правление многих (или большинства).

Каждый из этих нормальных типов правления может *искажаться*. Правление доброго царя называется монархией, а правление злого — тиранией (которая сегодня именуется диктатурой). Сегодня тиранию и диктатуру относят к разновидностям *автократии*. Правление небольшого числа благородных граждан называется *аристократией* (правление лучших), а управление страной кучкой нечестных граждан зовется олигархией. Аристократ в наименьшей степени, чем будущий монарх, и в большей степени, чем представитель демократических кругов, с детства воспитывается для занятия управленческим трудом. Сам характер его воспитания оправдывает, вероятно, название сословия: аристократ — лучший, или благороднейший. Слово восходит к общеиндоевропейскому корню «арья» — благородный.

Если у власти стоит большинство населения и оно благородное, то власть называется *тимократией*, или, по Аристотелю, *политией*. Но если это большинство представлено не лучшими людьми, то их правление называется *демократией*. Греки были невысокого мнения о демократии в принципе, называется ее властью толпы.

Итак, античные философы выделяли три *правильные* формы государства: монархию, аристократию и демократию, — а также

¹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 378—379.

формы, *отклоняющиеся* формы, означающие упадок или искажение правильных форм: неограниченная монархия превращается в автократию (тиранию), неограниченная аристократия — в олигархию, неограниченная демократия — в охлократию (господство черни, толпы), или анархию.

Для политики Аристотель полагал искажением демократию, т. е. власть, не ограниченную цензом, власть всего населения. С этими терминами произошла некоторая эволюция уже в античные времена. Вместо «полития» в аристотелевом смысле говорили «демократия», отнюдь не в ругательном значении, поскольку подразумевалась именно ограниченная демократия, власть граждан. А вместо аристотелевой демократии в негативном значении укрепился термин «охлократия», т. е. власть толпы.

Согласно политическому учению Аристотеля чем больше людей толпится у кормила власти, тем хуже для страны. Наилучшей формой правления он считал монархию, чуть хуже — аристократию, а самой плохой признавал политию. Выстраивается довольно четкая закономерность, которую можно выразить графически.

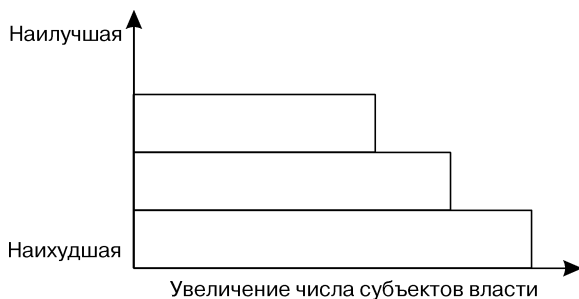

Рис. 1. Типология форм правления Аристотеля

Если правильные формы, согласно «политическому рейтингу» Аристотеля, убывают сверху вниз, то картина искаженных форм правления у него, как отметил В. Махнач, прямо противоположная. Демократия немногим отличается от политии. Олигархия значительно хуже, и она далеко ушла от аристократии. А самое омерзительное искажение — тирания. То есть лучшая форма власти порождает наихудшее искажение. В «Политике» описано, как одна форма власти переходит в другую. Иными словами, чем совершеннее оригинал, тем омерзительнее копия. Самой совершенной является монархия, стало быть, ее антикопия — наихудшая. А демократия, которой Аристотель вслед за Платоном не благоволил, мало чем отличается от своей карикатуры. Видимо, от плохой формы идти уже некуда.

Не лучше ситуация, полагал Аристотель, в тех странах, которые задумали комбинировать нормальные формы правления, понемногу добавляя от каждой. Так, в спартанской политике соединялись три элемента: власть двух царей (двух царских родов) давала Спарте элемент монархии, герусия — совет старейшин — аристократии, а демократия была представлена эфорами, которые обладали правами надзирать за царями и геронтами. Можно сказать, что три вида власти компенсировали друг друга, а можно говорить о том, что они мешали друг другу.

Аристотель был близок современным воззрениям на правительство, подчеркивая, что оно должно быть конституционным и опираться на закон. Законам в равной мере подчиняются и правители, и простые граждане, под которыми Аристотель понимал лишь небольшую часть жителей афинского города-полиса, относимых к категории свободных граждан.

Новое время

Только через две тысячи лет европейская научная мысль смогла подарить миру выдающиеся труды об обществе, прежде всего благодаря усилиям Н. Макиавелли и Т. Гоббса, которые послужили непосредственными предшественниками научного этапа социологии.

Учение о государстве и обществе Н. Макиавелли

Николо Макиавелли (1469—1527), итальянский политик и дипломат. Он первым из мыслителей нового времени обратился к идеям Платона и Аристотеля и создал на их основе оригинальную теорию общества и государства. Его главное произведение «Государь» продолжало линию, но не логику платоновского «Государства», так как он был озабочен стабильностью общества, взаимоотношениями различных классов и законами или правилами, на основе которых люди должны строить свое поведение. Логику он предложил свою, так как его учение можно назвать учением о поведении людей в обществе.

Макиавелли начал с того, что определился в своем отношении к верхам и низам и поставил вопрос о том, как правитель, думающий о благе других людей, должен выстраивать свою стратегию поведения. Акцент у итальянского мыслителя поставлен не на структуре общества, а на поведении политического лидера. Он

впервые государственно-политические вопросы вывел из-под сферы влияния религии и морали. В лице Макиавелли социология и политология обрели новое измерение, они стали наукой о поведении людей в обществе.

Макиавелли говорил, что правитель, желающий добиться успеха, должен знать мотивы поведения людей и руководствоваться в своей деятельности тремя основными принципами (законами). Первый закон гласит: *человеческими действиями правят честолюбие и мотив власти*. Состоятельными людьми движет страх потерять то, что они накопили, а бедняками — страсть приобрести то, чего их лишили. Независимо от социального происхождения и положения мотив честолюбия свойствен всем в равной степени; после этого он задал себе вопрос: как по отношению к власти распределяется это честолюбие? Кто больше стремится к тому, чтобы получить больше благ, — высший класс, который уже имеет эти блага, или те, кто не имеет, но стремиться их получить?

Размышляя о ходе дел человеческих, я прихожу к выводу, что мир всегда остается одинаковым, что в мире этом столько же дурного, сколько и хорошего, но что зло и добро перекочевывают из страны в страну. Это подтверждают имеющиеся у нас сведения о древних царствах, которые сменяли друг друга вследствие изменения нравов, а мир при этом оставался одним и тем же.

Н. Макиавелли

Второй закон гласит: *умный правитель не должен выполнять все свои обещания*. Ведь и подданные не очень спешат с выполнением своих обязательств. Добиваясь власти, можно расточать обещания, но, придя к ней, не обязательно их выполнять, иначе попадешь в зависимость от подчиненных. А где зависимость, там нерешительность, малодушие и легкомыслие.

Желающие сохранить то, что они имеют, и стремящиеся получить то, чего у них нет, рассматривают честолюбие с разных позиций. Высшие считают, что они заслуженно обладают этим благом и стараются не допустить стремящихся их приобрести к кормилам власти. Те, кто внизу, считают, что их несправедливо обделили властью, следовательно, стараются отобрать ее. Если на чашу весов положено общественное благо и за него борются две столь противоречивые силы, то правитель не должен питать иллюзию, что он добьется классового мира уговорами, раздачей привилегий или др. Если все одинаково корыстны, то и правитель должен быть корыстным. Богатые, достигшие власти, знают, какой ценой они ее добились, и понимают, что если на их место придут бедные, они будут ничуть не лучше, ибо от своего честолюбия они не избавятся.

Но создать иллюзию временного примирения классовой борьбы можно, и это во власти правителя. Он должен вести себя следующим образом: когда он идет к власти, он расточает обещания, заигрывает с публикой, добиваясь поддержки низов. Но как только он дошел до власти, он должен забыть о своих обещаниях и никогда к ним не возвращаться. Почему? Ведь здравый смысл нам подсказывает, что низы обидятся и будут спрашивать с правителя выполнения его обещаний. Но они тем самым будут проецировать свою логику и упрекать правителя: мы бы так не поступили. Но они не знают, как бы они поступили, пройдя такой путь. Им никто не позволил это сделать, значит, они себя в этой ситуации еще не проверяли, а правитель мудр, и он знает, что с ними будет то же самое. Если он начинает реализовывать свои обещания, то он ставит себя в зависимость от низов. Но зависимый правитель — самый слабый, нерешительный и наиболее ограниченный в своих возможностях правитель. Он будет вечно оглядываться на интересы масс, а интересы государства могут им противоречить. Если бы правитель проявил свою нерешительность и зависимость от низов, то они ему этого никогда не простят, ибо больше всего они ценят в правителе его решительность, независимость и даже в какой-то степени социальную наглость. За подобные качества они будут уважать его.

Третий закон: *творить зло надо сразу, а добро — постепенно*. Наградями люди дорожат, когда они редки, наказания же нужно производить сразу и в больших дозах. Единовременная жесткость переносится с меньшим раздражением и считается более справедливой, чем растянутая во времени (хвост собаке лучше отрубать сразу, а не по частям).

Нужно говорить громко, чтобы тебя услышали. Нужно говорить тихо, чтобы тебя послушали.

Поль Клодель

С ними тесно связан другой принцип Макиавелли (мотив любви и страха). Что выгодно государю: опираться на любовь своих подчиненных или держать их в страхе? Анализируя огромный исторический материал, Макиавелли приходит к выводу, что так ставить вопрос нельзя. Правильная постановка такая: когда ему выгодно опираться на любовь своих подданных, а когда их выгодно держать в страхе? На любовь правитель должен опираться в начале своей карьеры, когда он идет к власти. Тут он может заигрывать с подчиненными, расточая им похвалы, награды, обещания, но когда он достиг власти, строя свою власть, если это твердый властитель, он обязан исходить из мотива страха.

Как добиться страха и трепета подчиненных? Это еще одна составляющая стратегии руководства по Макиавелли. Этот принцип гласит: позитивные стимулы расточай по капле, постепенно, а негативные санкции давай сразу и в как можно большем объеме, так как у негативных и позитивных санкций разные мотивационные зоны и реагируют на них люди по-разному. Когда правитель раздает вознаграждения, то, раздвигая временные параметры (достаточно редко награждая подчиненных), он вынуждает оценивать их. Подчиненный должен проникнуться уважением.

А когда он раздает негативные санкции, то мотивация у них другая. Первое, что возникает, — это злость, раздражение. Не надо делать так, чтобы эти отрицательные эмоции накапливались, ибо их накопление ведет к желанию отомстить. Тогда у правителя появляются враги. Поэтому надо «ошарашить» жесткой мерой, чтобы повергнуть подчиненных в трепет, но не вызвать у них желания отомстить.

Макиавелли считал, что можно отобрать у своих подчиненных все, вплоть до жизни, но не посягать на имущество, так как это — главная точка, где концентрируется все интересы индивида, это — средство к существованию. Можно казнить его родственников, сослать его, но нельзя лишать его собственности.

Используя аристотелевскую типологию форм правления (монархия, аристократия и демократия), Макиавелли доказал, что ни одна из этих форм не может считаться совершенной и пригодной во всех обстоятельствах. Именно поэтому он в «Государе» превозносит сильную личность властителя, а в «Рассуждениях о первой декаде Тита Левия» недвусмысленно высказывается в пользу республики и народа, который «много мудрее и постояннее» государей и в добродетели, и в славе... в умении сохранять учрежденный строй. Но если «народ развращен» и погряз в «материальном интересе», нужны чрезвычайные меры по мобилизации его сил, нужен властитель, «превосходящий народ» в умении давать законы, образовывать гражданскую жизнь, устанавливая новый строй и новые учреждения¹.

У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы.

Бенджамин Дизраэли

Как мы помним, Аристотель выделял *три основных вида*: монархию, аристократию, демократию, и *три их извращенные фор-*

¹ Макиавелли. Государь // Соч. М., 1998. С. 181—184.

мы — тиранию, олигархию и охлократию. Прошло две тысячи лет, и к античной теории форм правления Аристотеля вернулся итальянский мыслитель Н. Макиавелли, создавший концепцию циклического развития государственных форм. Согласно Макиавелли, существуют три хорошие, или основные, формы управления (монархия, аристократия и демократия) и три плохие, или извращенные (тирания, олигархия и анархия). Вторые так похожи на первые, что легко переходят одна в другую: монархия легко переходит в тиранию, а демократия — в анархию. Как видим, Макиавелли слегка изменил названия: вместо автократии у него тирания, а вместо охлократии — анархия. Но суть дела от этого не меняется. Главное — во что они превращаются. Как и у античных философов, у Макиавелли правильные формы превращаются в неправильные.

Основатель любой из трех хороших форм правления способен установить ее лишь на малое время, ибо никакое средство не удержит ее от превращения в свою противоположность из-за подобия. Так и в человеческих делах: добродетель легко перетекает в порок, а порок принимает обличье добродетели. Циклическое развитие форм управления напоминает идею кругооборота, взаимообращение добра и зла. Кругооборот возможен в силу относительности противоположных состояний — добра и зла, низа и верха, упадка и подъема. Противоположности легко превращаются друг в друга.

Мы знаем, что у любого общественного явления две стороны — негативная и позитивная. Для одних людей сталинизм воплощает величие духа, твердость государственной власти, торжество дисциплины и всеобщей справедливости. Для других он — олицетворение вселенского зла, геноцид против собственного народа, попрание человеческого достоинства, жертвы и репрессии. Вы скажите: это крайности, а истина посередине. Но в человеческих делах редко когда достигается золотая середина, все больше крайности. Правитель хотел как лучше для народа и установил сильный режим, а потомки оценили его как покушение на человеческую свободу. Одни говорят: наконец-то в России установлена демократия, и человек свободно вздохнул (это о 1990-х годах), а другие возражают, нет, мол, воцарились анархия и произвол. Кому верить? Кто прав?

Так как желания человеческие ненасытны и так как природа наделила человека способностью все мочь и ко всему стремиться, а фортуна позволяет ему достигать лишь немногого, то следствием сего оказывается постоянная духовная неудовлетворенность и пресыщенность людей тем, чем они владеют.

Поскольку формы правления устанавливает не природа, а люди, причем много людей — сотни тысяч и десятки миллионов, угодить каждому невозможно и каждый старается предложить свое. В результате одни тянут одеяло вправо, а другие — влево. Когда побеждают первые, утверждается, скажем, аристократия, а когда их преодолевают противники, в стране воцаряется ее противоположность — олигархия. Смысл теории Макиавелли заключается именно в том, что формы правления очень легко переходят в свою противоположность. Их антиобразы всегда рядом, как тень. И избавиться от них невозможно. Надо просто постигнуть законы истории, а не витать в облаках, полагая, что демократию или монархию можно утвердить раз и навсегда. Их надо утверждать каждый день, иными словами, каждый день бороться за правильные формы правления, охранять их, очищать от болезней и коррозии.

Итак, все три формы правления раскачиваются, согласно Макиавелли, подобно маятнику, легко переходя в свои антиобразы.

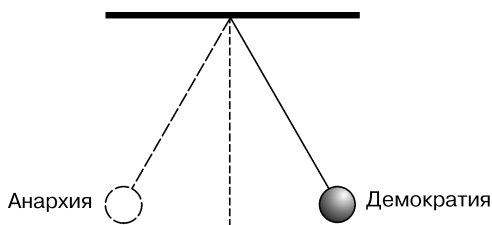

Рис. 2. Закон политической инверсии Макиавелли: каждая форма правления обязательно переходит в свою противоположность

В законе Макиавелли надо видеть воплощение процесса инверсии: когда маятник слишком отклонен в одну сторону, то в дальнейшем, минуя точку равновесия, он резко отклоняется в другую. **Инверсия** (от лат. *inversio* — перестановка) означает изменение обычного порядка на противоположный, изменение направления (полярности), переход в противоположное состояние. Одно время считалось, что она описывает только мир физических явлений. Но оказалось, что сфера действия инверсии гораздо шире.

И в Средние века, и в античности формы правления менялись как стеклышки в калейдоскопе: чуть повернул государственный руль, как глядишь — уже другой политический узор. В греческих полисах монархия уступала власть аристократии, олигархия — демократии, а иногда и тирании (639 до н. э.). Вокруг царя всегда роилась аристократия — узкий круг знатных семей-землевладельцев, из которой набирались воины, гарантировавшие внутреннюю и внешнюю безопасность. Охраняя монарха и родину,

аристократия приобретала влияние на решение политических вопросов. Наступало время, и она оказывалась наверху, а монарха свергали. Проходило еще какое-то время, и вот уже недовольный народ устраняет аристократию, называя ее кучкой продажных олигархов, и устанавливает демократию, которая по прошествии времени где-то сменяется тиранией, а где-то — охлократией (анархией), вслед за которой к власти приходит жестокий тиран.

Итак, согласно теории кругооборота форм правления Макиавелли у любого положительного режима власти, например демократии или аристократии, есть свой негативный двойник: у демократии — анархия, у аристократии — охлократия или плутократия (охлократия — власть плебса, плутократия — власть мошенников), и когда вы задумали устроить для своего общества положительный политический режим и последовательно двигаетесь по этому пути, наращивая демократические институты, то за высшей точкой развития будет движение в обратную сторону по принципу маятника. Следовательно, никакой политический режим на века не создается, у него есть свое время жизни.

Иногда поджигатели убеждены, что несли перед народом факел.

Станислав Ежи Лец

Н. Макиавелли первый из мыслителей Нового времени обратился к идеям Платона и Аристотеля и создал на их основе оригинальную теорию общества и государства. Его главное произведение «Государь» как бы продолжает основную линию рассуждения платоновского «Государства», но акцент поставлен не на структуре общества, а на поведении политического лидера. Он впервые государственно-политические вопросы вывел из-под сферы влияния религии и морали. В лице Макиавелли социология и политология обрели новое измерение, они стали наукой о поведении людей в обществе.

Теория общественного договора Т. Гоббса

Следующий шаг после Н. Макиавелли в развитии представлений об обществе сделал английский философ **Томас Гоббс** (1588—1679 гг.). Он разработал *теорию общественного договора*, послужившую основой современного учения о гражданском обществе.

Исторические истоки этого учения специалисты видят в воззрениях древнеиндийских и китайских мыслителей. Так, ранние буддисты считали, что для искоренения социального неравенства, обмана и воровства, если они воцаряются в обществе, нужно вы-

борным путем установить царскую власть, которая выполняла бы третейские функции. Древний философ Мо-цзы развивал представление о договорном происхождении государства, возникшего по воле народа, который избрал царя и советников с целью положить конец разногласиям в обществе. Еще более развитые идеи мы находим у Эпикура, который учил, что люди, стремясь к общей пользе, вступают между собой в договорные отношения и устанавливают законы. «Справедливость, происходящая от природы, есть договор о полезном — с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда»¹. Лукреций изображал переход от естественного состояния к общественному как результат договора между людьми об избрании властей и учреждении законов.

Когда государство создано и человеческое общество живет по определенным нормам, правилам и законам, кажется само собой разумеющимся, что так было всегда и что люди от рождения склонны к сотрудничеству. Так думали Платон и Аристотель. Но это неверно, полагал Гоббс. Если бы человек любил другого по естественному побуждению, то он искал общения со всеми в равной мере. Но каждый из нас предпочитает общество тех, кто ему наиболее выгоден. Именно наша природа толкает искать не друзей, а почета и выгод.

Для установления общей власти необходимо, чтобы люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями; чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признавал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению носителя общего лица. Это больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни — *civitas*. Таково рождение того великого Левиафана... которому мы... обязаны своим миром и своей защитой.

Т. Гоббс. «Левиафан»

Т. Гоббс высоко оценивал идеи своих предшественников, опираясь на них при создании собственной концепции. Однако он полагал, что нельзя представлять людей безвольными индивидами

¹ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 217.

или социальными атомами, от имени которых правители устанавливают свои порядки и заключают договоры. Такое общество могли бы построить и муравьи с пчелами со всеми его характерными чертами, но человек отличается от них тем, что у него есть амбиции, он стремится к получению престижа, к почестям. Человеческое общество — это производное от интересов, потребностей и взаимоотношений людей. Государство определял Гоббс как «искусственное тело», продукт человеческой деятельности, а не божественное установление.

Как государство, так и общество строится на определенных нормах, которые сознательно должны соблюдать люди. В отличие от них муравьи руководствуются слепыми инстинктами. Но как только мы наделяем людей этими качествами, мы понимаем, что каждый в обществе будет преследовать только свою выгоду.

У животных нет борьбы за почести и звания, поэтому у них нет ненависти и зависти — причины мятежей и войн. У людей все это есть. Животные не знают справедливости и вреда, поэтому не оценивают действия своих сородичей и не способны прийти к осознанию того, что обществу, помимо согласия, необходимо еще единство, основанное на власти. Такое единство называется государством, или гражданским обществом.

Неправильно думать, будто люди от рождения склонны к сотрудничеству. Если бы человек любил другого по естественному побуждению, то он искал общения со всеми в равной мере. Но каждый из нас предпочитает общество тех, кто ему полезнее. Именно наша природа толкает искать не друзей, а почета и выгод.

В том, что у людей нет врожденной тяги к сотрудничеству, главная проблема тех социальных мыслителей, кто пытается революционизировать или реформировать общество. Каждый стремится для себя добиться больших почестей, чем для других. Человеку не свойственно от природы любить ближнего. Эти качества приобретаются огромной ценой и усилиями по принуждению. Следовательно, врожденное качество — стремление к разъединению, к борьбе, к конкуренции, а значит, к вражде. Естественное состояние человечества — вражда всех со всеми (первобытное общество — постоянная борьба). Можно играть на вражде разных групп, и если одна оказывается сильной и побеждает другие, то тогда устанавливается порядок, так как сильный за него отвечает. Такие правила игры мы и называем социальным порядком.

Что побуждает людей создавать общество? Страх, отвечает Т. Гоббс. Взаимный страх удерживает людей от безудержной погони за господством. Он объединяет людей в группы, помогая выжить в конкуренции. Но, объединившись, люди стараются извлечь из этого выгоду для себя либо достичь уважения и почестей,

которых нельзя добиться, оставаясь в одиночестве. Естественное общество не может быть ни очень большим, ни очень устойчивым. Оно окажется стабильным, если слава и почет воздаются всем. Но так не бывает. Если почет воздается всем, то это значит, что он не воздается никому, ибо в его основе лежит превознесение одного над другим. Не добившийся почета считает себя обойденным. Того, ради чего он стремился в общество, не достигнуть. Стало быть, оно перестает быть выгодным ему. Обойденным оказывается всегда большинство, почет достается немногим, следовательно, общество со временем обязательно распадется.

Не добившись уважения одним путем, люди стремятся получить его иным, господствуя над другими. Хотя некоторое количество благ можно достичь, оказывая взаимные услуги, гораздо большего можно добиться, господствуя, а не сотрудничая с другими, пишет Гоббс в трактате «О гражданине». Отсюда следуют два принципиальных вывода: 1) люди рождаются неспособными к общественной жизни, но приобретают склонность к ней в результате воспитания (на современном языке — социализации); 2) гражданское общество возникает вследствие опасения одних перед другими.

Только взаимный страх удерживает людей от безудержной погоны за господством. Страх Гоббс понимает вполне социологически — как «ожидание будущего зла». Страх не разъединяет, а наоборот, объединяет, вынуждает заботиться о взаимной безопасности. Государство — наилучший способ удовлетворения такой потребности. Поэтому причина возникновения стабильного, длительно существующего общества — взаимный страх, а не любовь и расположение.

Цивилизацию создал гнев

Не любовь, не привязанность и даже не вульгарный личный интерес скрепляют человеческие сообщества. По мнению швейцарских ученых, это делает гнев. К такому сенсационному открытию они пришли, пытаясь выяснить, что же все-таки заставляет людей сотрудничать друг с другом.

Традиционно наука о поведении — этология — считает, что причиной сотрудничества общественных животных, к которым по праву относится и человек, кроется в родственных связях, взаимном альтруизме, доверии к генетическим связям или на банальном личном интересе. Это вполне справедливо для животных, но не объясняет, почему люди часто вступают во взаимодействие с неизвестными им людьми, которых могут никогда снова не встретить.

Такое взаимодействие может быть объяснено, если принимать во внимание наказание иждивенцев, которые не помогают группе, но используют создаваемые ею блага. Однако в реальности наказание редко проходит безнаказанно и для карателя. Так почему кто-то должен наказывать иждивенца? По мнению экономиста из университета Цюриха Е. Фера, виной всему служит альтруизм.

Для проверки гипотезы ученые провели экспериментальную игру с шестью группами по четыре студента в каждой. На кону были реальные деньги: каждому участнику было дано по 20 денежных единиц, которые можно было сохранить или «инвестировать» в группу (деньги вносились анонимно и одновременно). За каждую инвестированную в группу единицу она получала 1,6 единицы, которые делились поровну между всеми четырьмя членами группы. Поэтому если только один инвестировал 1 единицу, он получал обратно 0,4 единицы. Но если каждый инвестировал все имеющиеся у него деньги, он получал обратно 32 единицы, что позволяло извлекать выгоду из взаимодействия. Таким образом, инвестирование всегда было в интересах группы, но не отдельного человека. Иждивенец мог получить выгоду, воздерживаясь от инвестиций, получая деньги, внесенные другими. Но оказалось, что подобное ему не позволила сделать группа. Ей позволялось наказывать иждивенцев: если член группы наказывал другого, это стоило ему 1 единицы, а наказуемому — 3. В шести играх средние инвестиции существенно поднялись — до 16 единиц. Угроза наказания поддержала взаимодействие.

Важно, что наказание было альтруистическим действием, так как каратель никогда вновь не встречал того же иждивенца. Чтобы понять мотивы, стоящие за таким поведением, исследователи попросили студентов рассказать об их впечатлениях. Они обнаружили, что причиной был гнев, так как к концу игры ее участники были очень злы на иждивенцев. Негативные эмоции оказались движущей силой наказания.

News.Battery.Ru — Аккумулятор Новостей. 21.01.2002 // <http://coins.power.ru>

Современная физиология в какой-то мере подтверждает правоту Гоббса. Она экспериментально доказала, что страх соединяет людей. Людям, как и животным, легче его пережить, когда они вместе. Так они успешнее выживают. Общий страх создает общую цель — выжить. Страх лежит в основе современной концепции национальной безопасности. Опасность терроризма объединила все мировое сообщество, даже бывших врагов, США и Россию. Сообща люди учатся преодолевать страх. Не счесть культурных практик, социальных механизмов и технических открытий, которое придумало за свою историю человечество с одной-единственной целью — научиться преодолевать страх.

Итак, общество создается взаимными опасениями. Эти опасения сбивают людей в стаи. Человек мобилизует в корыстных целях весь потенциал группы. Люди никогда не перебьют друг друга, так как это противоречит принципу выживания. Основная идея Гоббса состоит в том, что можно устроить полноценное общество, если оно будет помогать каждому человеку извлекать собственную выгоду из коллективного дела. Разные люди видят выгоду в разном. Многообразием социальных благ человеческое общество и отличается от общества муравьев или пчел. После этого уже на-

кладываются социальные ограничения. Конституция, совокупность ограничивающих социальных институтов — это все следствия общественного договора.

Если в общественное стадо людей сгоняет страх быть уничтоженными друг другом, то в их интересах создать такой порядок, который будет гарантировать максимальную безопасность для всех и для каждого. Таким образом, страх приобретает не только мотивирующую силу, принуждая людей стремиться к согласию, но и конструктивную, подсказывая, каким именно должно быть такое согласие. Именно страх заставляет искать социальных гарантий, избегать риска, искать помощи других людей. Государство основывается на потребности в безопасности, которая есть позитивное лицо страха.

Согласно взглядам Гоббса, человеческая жизнь — взаимодействие двух состояний: естественного (дикого, догосударственного) и цивилизованного (государственного, гражданского). Чем больше зона их пересечения, тем более цивилизованно общество. Люди не смогут создать цивилизованное общество, если юридические законы им не выгодны. Граждане будут подчиняться им, но только принудительно — под пристальным взглядом наблюдающих и контролирурующих инстанций. Еще хуже положение обстоит там, где законы страны имеют избирательную силу действия, когда одним индивидам, прежде всего богатым, разрешается их нарушать, а другим — нет.

Гоббс признает, что люди от природы равны. Равными являются те, кто способен нанести друг другу взаимный равный ущерб. Неравенство — это порождение общества. За потомками тех, кто вначале оказался сильнее других и успел захватить максимальную добычу, потом закрепляются сословные привилегии. Остальные начинают старт с нуля. Когда нет ограничивающих социальных институтов, происходит свободное перераспределение социальных благ, а когда они есть, происходит закрепление благ.

Субъектом общественного договора на первых порах выступает сильнейший индивид. Он вводит институт престолонаследия. Вокруг наследника сплачивается группа (двор), которую удерживает вместе тот же страх. Таким образом, гражданское общество представляет собой временную гармонию при взаимовыгодности интересов.

Итак, все люди рождаются равными, и каждый имеет одинаковое с другими «право на все». Но человек — существо эгоистичное и окружают его такие же эгоисты, завистники, враги. Отсюда неизбежность в обществе *войны всех против всех*: человек человеку волк.

Почему же мы вредим друг другу и боремся между собой, будучи от природы вовсе не злодеями? Дело в том, что слишком многие,

причем одновременно, хотят обладать одной и той же вещью, которой пользоваться сообща нельзя. Ее невозможно поделить между всеми. Таково естественное состояние, отличное от гражданского общества. Оно покоится на естественном праве, т. е. субъективном суждении о том, как может поступить другой по отношению к тебе и как тебе следует поступать по отношению к нему в соответствии с твоим пониманием действий других людей.

Естественное состояние — война всех против всех. Правда, война более чем удивительная: в ней нет убитых и раненых. Это социальная борьба за выживание. Гоббс поясняет: подобная война — период, в течение которого желание вступить в насильственный поединок выражается в словах и поступках. Такова повседневная жизнь людей в догражданском обществе. Пример — современные нравы американцев и обычаи древних племен. В трактате «О гражданине» Гоббс описывает два основных естественных закона и 20 следствий из них. Одно такое следствие запрещает нам требовать для себя больших прав, чем мы уступаем остальным, а другое гласит: не допускай, чтобы тот, кто, доверяя тебе, первым оказал тебе услугу, попал из-за этого в худшее положение, чем раньше.

Ожесточенная война всех против всех, или социальная борьба за выживание, является естественным состоянием рода человеческого. Она характеризует повседневную жизнь людей в догражданском обществе.

Иное дело — *гражданское общество* — высший этап развития. Оно покоится на общественном договоре и юридических законах. Общественный договор, по словам Т. Гоббса, «...больше, чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал каждому другому человеку: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему право управлять собой при условии, что ты таким же образом передашь ему твое право и будешь санкционировать все его действия»¹.

Согласно договорной теории, государство возникло в результате соглашения между людьми, находившимися до этого в естественном состоянии. К необходимости подобного соглашения люди пришли из-за невозможности обеспечить свои природные права и безопасность вне государства. В результате общественного договора права отдельных граждан, добровольно ограничивающих свою свободу, были перенесены на государя (или государственные органы), на которого была возложена функция охраны мира и обеспечения благополучия граждан.

¹ Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 127.

По мнению Гоббса, общественный договор приводит к образованию общества и государства одновременно. Общественный договор представляет собой объединение каждого с каждым; это своего рода договор объединения, посредством которого масса, толпа превращается в организованное общество и образует единое лицо. Так возникает государство — новое лицо, «воля которого в силу соглашения многих людей считается за волю их всех, с тем чтобы государство могло распоряжаться силами и способностями отдельных членов в интересах общего мира и защиты».

Для достижения верховной власти имеются два пути. Один — это физическая сила, например когда кто-нибудь заставляет своих детей подчиниться своей власти под угрозой погубить их в случае отказа или когда путем войны подчиняют своей воле врагов, даруя им на этом условии жизнь. Второй — это добровольное соглашение людей подчиниться человеку или собранию людей в надежде, что этот человек или это собрание сумеет защитить их против всех других. Такое государство может быть названо политическим государством, или государством, основанным на установлении, а государство, основанное первым путем, — государством, основанным на приобретении.

Т. Гоббс. «Левиафан»

Гоббс называет государства, возникающие в результате добровольного соглашения, основанными на установлении, или политическими государствами. Строение государства он уподоблял устройству живого организма: суверена — душе государственности, тайных агентов — глазам государства и т. д. Гражданский мир сравнивался им со здоровьем, а мятежи, гражданские войны — с болезнью государства, влекущей за собой его распад и гибель.

Гражданское общество — высший этап развития человеческого общества. Оно покоится не на личном разумении о собственной выгоде и невыгоде, а на юридических законах, признаваемых всеми. Политической надстройкой гражданского общества выступает государство, имеющее вполне конкретные, исторически определенные формы правления. Гоббс называет три: демократия, аристократия, монархия.

Только с появлением государства возникает собственность в истинном смысле слова и соответствующие учреждения (суд, правительство, армия, полиция), защищающие ее. В результате общественного договора прекращается война всех против всех. Граждане добровольно ограничивают свою свободу, получая взамен защиту от государства.

Взгляды Т. Гоббса легли в основу представлений об общественном устройстве деятелей Просвещения XVIII в. — Руссо, Вольтера, Дидро, Монтескье.

Английский философ **Джон Локк** (1632—1704) является теоретиком конституционной монархии и правового государства. В книге «Два трактата о государственном правлении» утверждал, что государственная власть должна подразделяться на законодательную, исполнительную (включая судебную) и федеративную (внешних сношений), которые находятся в состоянии динамического равновесия в правильно устроенном государстве. Социально-политическая концепция Локка опирается на естественное право и теорию общественного договора. В отличие от Гоббса, трактовавшего «естественное состояние» общества как «войну всех против всех», Локк считал таковым состояние свободы и равенства людей, живущих своим трудом. Однако он полагал, что главное естественное право людей — право на собственность — должно быть закреплено с помощью разумных законов, дабы исключить возникновение конфликтов. Для этого, согласно Локку, путем общественного договора создается политическое общество, формирующее правительство, ответственное перед народом. Локк обосновал фундаментальные права человека: свобода, равенство, неприкосновенность личности и собственности.

Главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности. А для этого в естественном состоянии не хватает многого.

Во-первых, не хватает установленного, определенного, известного закона, который... служил бы тем общим мериллом, при помощи которого разрешались бы между ними все споры.

Во-вторых, в естественном состоянии не хватает знающего и беспристрастного судьи, который обладал бы властью разрешать все затруднения в соответствии с установленным законом.

В-третьих, в естественном состоянии часто недостает силы, которая могла бы подкрепить и поддержать справедливый приговор и привести его в исполнение.

Дж. Локк

Он одним из первых четко сформулировал принцип разделения властей. Его идеи подготовили «Славную революцию» в Англии (1689) и легли в основу американской и французской революций. Джон Локк считается одним из крупнейших мыслителей эпохи Просвещения.

Географическая школа

С эпохи Просвещения начинается Новое время и зарождение капитализма. Именно в это время наука становится производительной силой общества, а на историческую арену выходят два

класса, давшие начало двум разным ветвям или идеологическим вариантам социологии, — буржуазия, из среды которой вышел средний класс, явившийся выразителем западной социологии, и пролетариат, духовным устремлением взглядов которого стала впоследствии марксистская социология.

Важную роль в развитии представлений о государстве и обществе сыграл французский просветитель, правовед и философ **Шарль Луи Монтескье** (1689—1755). Он пытался вывести из географических условий характер, нравы и обычаи народов, их хозяйственный и политический строй. Средством обеспечения законности он считал *принцип разделения властей*. К основным сочинениям относят «Персидские письма» (1721) и «О Духе законов» (1748). Проследившая зависимость политического устройства от особенностей государства, его размеров, населенности, климата, географической среды, от религии, исповедуемой народом, и его нравов, Монтескье привнес в науку о праве и в гуманитарное знание вообще естественно-научный метод, выступив, в частности, основателем *географической школы* в социологии и политологии. В книге «О Духе законов» Монтескье изложил теорию форм власти, в основе которой лежали трехчастная схема — «республика — монархия — деспотия». Она развивала дальше положения локковской теории «разделения властей» (законодательной, исполнительной и судебной). Историческое значение «Духа законов» в формировании современной политической культуры определяют гуманистические идеи Монтескье: осуждение деспотизма, утверждение принципа гражданской и личной свободы, призыв к веротерпимости, политической умеренности, постепенности в проведении любых преобразований. Его теория «разделения властей» оказала большое влияние на развитие конституционной мысли XVIII—XX вв.

Ш.-Л. Монтескье явился одним из основателей современной географической школы в социологии и политологии. *Географическая школа* — направление в социологии и политологии, рассматривающее географическую среду (климат, реки, почву и т. п.) как определяющий фактор развития общества и государства (Ш. Монтескье, Г. Т. Бокль, немецкий географ Ф. Ратцель, российский социолог Л. И. Мечников). Идеи о роли географической среды в развитии государства и общества высказывали еще древние мыслители, в частности Демокрит, Геродот, Страбон, Полибий. Однако только в XIX в. они получили научное обобщение, во многом благодаря усилиям именно географической школы. Центральное место в ней занимало географическое положение государства. Исходным принципом в ней служил географический детерминизм.

Географический детерминизм основывается на признании того, что месторасположение страны, ее природно-климатические

условия, близость или отдаленность от морей и океанов и другие параметры определяют основные направления народа, его характер, поведение на международно-политической арене и т. д. Первоначально геополитика понималась в терминах завоевания прямого (военного или политического) контроля над соответствующими территориями. Традиционные представления о международных отношениях основывались на трех главных китах — территории, суверенитете, безопасности государств — акторов международной политики.

Признанным патриархом направления географического детерминизма в науке считается немецкий географ и этнограф, зачинатель *политической географии* конца XIX—начала XX в. **Фридрих Ратцель** (1844—1904). Изучая влияние природных условий на развитие народов и культур в разных географических зонах, он разработал своеобразную географическую карту культурной жизни человечества. В своих трудах «Антропогеография», «Народоведение», «Земля и жизнь» он дал общую картину расселения народов и распространения культур. По земной поверхности с различной скоростью перемещаются не только людские потоки, но и культурные изобретения, предметы, идеи, явления. Сложные явления передвигаются медленнее, простые — быстрее. Хозяйственные формы, экономические институты, навыки земледелия или металлургии, традиции и ценности перенимаются народами крайне медленно и с большим трудом. Гораздо быстрее и легче заимствуются украшения, предметы быта и одежда. Причиной служит то обстоятельство, что традиции и навыки распространяются только вместе со своими носителями, а одежда и мебель этого не требуют. Он считал, что собственное изобретение людьми не так высоко ценится, как заимствованное. Вместе с тем народ, изобретший хозяйственные приемы, может оценить их в меньшей степени, нежели другой, сумевший найти их. Они изобретаются одним народом, но наибольшее культурное применение получают у другого.

Главная заслуга Ратцеля состояла в том, что он предпринял попытку связать между собой *политику* и *географию*, изучить политику того или иного государства исходя из географического положения занимаемого им пространства. В своей «Политической географии», опубликованной в 1897 г., он обосновывал тезис о том, что государство представляет собой биологический организм, действующий в соответствии с биологическими законами. Более того, Ратцель видел в государстве продукт органической эволюции, укорененный в земле подобно дереву. Сущностные характеристики государства поэтому определяются его территорией и месторасположением, а его процветание зависит от того, насколько успешно оно приспосабливается к условиям среды. Одним из основных

путей наращивания мощи этого организма, считал Ратцель, является территориальная экспансия или расширение жизненного пространства. С помощью этого понятия он пытался обосновать мысль о том, что основные экономические и политические проблемы Германии вызваны несправедливыми, слишком тесными границами, стесняющими ее динамическое развитие.

Классический этап

Многие европейские мыслители XVII—XIX вв., в том числе Вольтер, Дидро, Кант, Гегель, Гоббс, задолго до официального рождения социологии писали о нравах людей, общественной морали и традициях, характере народов, поведении социальных типажей. В XVII—XVIII вв. впервые появились термины, призванные сыграть решающую роль в формировании социологии: общество, культура, цивилизация, классы, структура, функция и некоторые другие.

Возникновение в XIX в. опытной, эмпирической науки об обществе является не случайным, а имеет определенные гносеологические и социально-экономические предпосылки. XIX в. — это век естествознания, его идеалом является опытное, «позитивное» знание. Наука не знает границ, естественно-научному методу подвластно все, в том числе мораль, право, общественное устройство — все то, что раньше было предметом метафизики и спекулятивных домыслов.

Стилю научного мышления XIX в. были одинаково чужды как обскурантизм Средневековья, так и морализаторство просветителей. Говоря современным языком, лидерами естествознания в XIX в. являлись физика (механика И. Ньютона) и биология (эволюционная теория видов Ч. Дарвина). Именно эти науки определяли стиль научного мышления своей эпохи. Особенности этого стиля мышления наложили зримый отпечаток на сам процесс формирования социологии и криминологии. Общество стали рассматривать как объективное явление, ничем в принципе не отличающееся от объектов познания физики и биологии. И достаточно долго опытная, позитивная наука об обществе называлась социальной физикой, а ее разделы, по аналогии с механикой, назывались социальной статикой и социальной динамикой.

Сообразуясь с научными идеалами своего времени, один из основателей социологического направления в криминологии Адольф Кетле писал: «Цель моя — показать, что в мире, где многие упорно видят только беспорядочный хаос, существуют всемогущие и неизменные законы». Законы, управляющие социальными про-

цессами, столь же точны и неизменны, как законы механики, и аналогичны им (действие равно противодействию; общество, как любая система, стремится к равновесию и т. д.). Эти законы едины для всех эпох и народов. Поэтому неслучайно и главный труд А. Кетле назывался «Человек и развитие его способностей, или Опыт социальной физики».

Трехстадийная концепция О. Конта

В европейском обществе в это время происходили потрясающие интересные события. Капитализм благодаря индустриальной революции разворачивался во всю свою мощь. Буквально штаны трещали на теле старого общества: рост промышленных городов-спрутов, обезземеливание крестьян, концентрация преступности и проституции, торговля детьми, пауперизация и обнищание широких масс. И все это на фоне невиданного расширения политических прав прежде всего для средних слоев, а не только аристократии, как прежде, появление железных дорог, газовых фонарей, синематографа, пароходов и других невиданных ранее чудес «века железа», как его окрестили позже историки.

Окончание войны против всех, провозглашенное Гоббсом, так и не наступило. Напротив, Францию сотрясли экономические кризисы, классовые схватки, политические перевороты. Директория, Консульство, Империя, Реставрация, революция 1830 г., Июльская монархия, революция 1848 г., Вторая республика, Вторая империя — вот политические вехи творческого развития Конта. О. Конт волею судьбы был поставлен в необычные исторические условия: на коротком промежутке времени разыгрывались глобальные общественные процессы. Такому можно только позавидовать. Но сотрясаемое раздорами общество требовало не только бесстрастного диагноста, но и удачливого лекаря. Такую функцию была призвана выполнить социология.

Французское общество в контовские времена остро чувствовало потребность в ней. Уже в конце XVIII в. в научный обиход входит понятие «класс», заменившее собой расплывчатое «сословие». Французские историки вводят в употребление понятие классовой борьбы, которое описывает новую социальную структуру. Сен-Симон и Шарль Фурье первыми поставили проблему человеческого фактора в производстве. Не отрицая необходимости и пользы разделения труда в обществе, они, как и Руссо, предлагали задуматься о той гуманистической цене, которую приходится платить за технический прогресс.

Социологическая мысль явилась ответом на кризис динамично развивающегося европейского общества. Цель нового мышления — развить интеллектуальные инструменты, которые сделали социальные отношения в обществе более прозрачными. Социология родилась и выросла в быстро изменяющемся мире. Борьба за независимость в Европе и Америке, возрождение и падение Наполеона, расцвет Британской империи.

Именно в XIX в. мы видим широкое движение интеллигенции, причем во всех европейских странах, включая и Россию, в помощь социальным аутсайдерам. Врачи проводят инспекции на предприятиях и описывают условия труда, филантропы жертвуют деньги на помощь беднякам и сиротам, учителя дают бесплатные уроки и выявляют одаренных детишек. Множащийся числом средний класс горел желанием улучшить положение дел в обществе. Социология рождалась как наука об обществе и его трансформации. Если европейские пионеры социологии были философами, то американские — проповедниками и священниками. Это свидетельствует не только о романтическом ореоле зарождения социологии, но и о том утопическом проекте, который был выбран в качестве некой теоретической платформы. XIX в., судя также и по русской литературе (вспомнить хотя бы Базарова), был весьма деятельным. Все что-то улучшали, изменяли, преобразовывали. О. Конт, создавая новую науку, мечтал ее сделать разновидностью научной религии, поверив в которую правители смогут править в соответствии с объективными и надежными законами. Алгеброй они повесят общественную гармонию.

Именно тогда только и могла появиться социология. Она возникла как идеология среднего класса, изменив традиционные ценности и привнеся в европейскую культуру нечто новое — *социальный утилитаризм*. В этом учении интересы общества уже доминировали над индивидуальной выгодой. Целью социального утилитаризма у Сен-Симона и Конта явилась общественная солидарность (консенсус). Конт призывал к созданию нового типа социализма, где сплоченность общества достигалась на всеобщем стремлении всех людей к идеалам науки, на превращении научного знания в новую разновидность религии. Жрецами современного общества должны были выступить ученые. Ученые, вооруженные позитивным знанием об устройстве общества (позитивное у Конта служило синонимом опытного, научного знания). Еще раньше древнегреческий философ Платон призывал установить над обществом власть просвещенных философов, которые также были вооружены всеми необходимыми знаниями, но вдобавок к тому еще и определенным образом воспитанные.

Огюст Конт (1798—1857), давший название науке социологии, в своем творчестве руководствовался идеалами прогресса, поли-

тической и экономической свободы, надеждой на то, что с помощью науки и просвещения можно решить все социальные проблемы. На вопрос о том, как вылечить больное общество, Конт отвечал просто: надо создать такую же точную и объективную науку об обществе, какой является естествознание. Новая наука называется «социология». Открытые наукой законы общества надо преподавать в школах и университетах, дабы просветить людей, научить людей тому, как следует правильно и разумно строить свои взаимоотношения. В этом отношении он был близок к взглядам просветителей.

Создавая новую науку, О. Конт рассуждал примерно так: для того чтобы познать общество во всем многообразии его проявлений, философии уже недостаточно. Нужна специальная наука, которая занималась бы обществом не наряду с другими вопросами, а специально, посвятив все внимание только им. Для того чтобы состоялась новая наука об обществе как самостоятельное знание, ей нужно отказаться от философского метода познания и придумать свой собственный. Но вначале, пока своих методов нет, социология должна взять из естествознания такие методы, как наблюдение, эксперимент и сравнительный анализ.

В созданной им классификации наук социология считалась самым сложным, труднодостижимым видом знания. Как фундаментальная наука о законах общества, которое есть высшая реальность, подчиняющаяся только естественным законам. Историю творят не великие личности, а объективные законы. Индивид скорее абстракция. Общество — это все человечество или какая-то его часть, связанная консенсусом (всеобщим согласием). Историки находят у Конта зачатки того, что впоследствии стали называть системным подходом.

Конт преклонялся не только перед социологией, но и перед человеческим обществом, которое она призвана описывать. Для него отдельный индивид — почти ничто. Общество состоит не из отдельных индивидов, а из социальных систем. Под ним подразумевалось все человечество или какая-то его часть, связанная консенсусом (всеобщим согласием). Посредствующим звеном между индивидом и обществом выступает семья, и семейная связь совсем иной природы, нежели социальная. Учение Конта состояло из двух частей — *социальной статике*, описывающей законы существования, и *социальной динамики*, описывающей законы и этапы изменения общества.

Говоря о социальной статике, Конт отвергал рыночную конкуренцию, полагая, что она развивает в человеке самые худшие, эгоистические черты. Он считал разделение труда внутренней пружиной прогресса, но отрицательно относился к социальным по-

следствиям. Одно из них — специализация труда, превращающая человека в однобокого уродца. Разделение труда и конкуренция как бы выворачивают социальные отношения наизнанку: они разбивают только чувство профессиональной солидарности. Оно объединяет лиц одной профессии, но заставляет с враждебностью относиться к лицам другой. Возникают замкнутые корпорации типа мафиозных организаций (клан или каста). Концепция перерастания профессиональной солидарности в солидарность корпоративную актуальна и сегодня. Она хорошо описывает феномен круговой поруки и организованную преступность.

Разрушение общественного порядка может приостановить государство. Только оно может использовать всю мощь политической власти для того, чтобы восстановить социальную солидарность и политическое единство общества. Воистину, государство — блюститель социального порядка. Ему надо разрешить вмешиваться в экономическую и социальную сферы общества, но не в моральную. Конт исповедовал принцип разделения моральной и политической властей. Он высоко ценил Средневековье именно за то, что там четко соблюдалось разделение власти между церковью (мораль) и государством (политика). Оно — единственное средство удержать общество от интеллектуального и морального террора, в который неизбежно впадает всякое правительство, когда развитие мысли ставится в зависимость от политической выгоды.

Индивид должен почитать общество как высшее существо, которому он всем обязан. Подчинение ему — священный долг каждого гражданина. Это не подчинение Богу или государству, это подчинение одного всем. Основной этический принцип общественной жизни — «жизнь для других». Таков принцип единства альтруизма и консенсуса. На его основе Конт мыслил, как и Платон в свое время, перестроить человеческое общество. Совокупность утопических рекомендаций он назвал программой создания «позитивной религии».

В области социальной динамики О. Конт сформулировал основной закон общественного прогресса — закон *трех стадий*, по которому стадии развития общества соответствуют стадиям развития человеческого ума.

Первую *теологическую*, или фиктивную, стадию, охватывающую древность и раннее Средневековье (до 1300 г.), Конт делил на три периода: фетишизм, политеизм и монотеизм. При фетишизме люди приписывали жизнь окружающим предметам и видели в них богов. При политеизме (Древняя Греция и Рим) обожествлялись природные явления. Эпоха монотеизма — эпоха христианства.

Метафизическую стадию (с 1300 по 1800 гг.) Конт рассматривал как переходную, для которой характерно разрушение старых ве-

рований — фундамента общественного порядка. Важнейшие события этой эпохи — Реформация, Французская революция. Им сопутствовало распространение критической философии, приведшей к упадку авторитетов. Общество, погруженное в анархию, нуждается в новой идеологии, выполняющей интегрирующую роль.

Такова, по Конт, философия позитивизма, знаменующая наступление третьей стадии — *позитивной*. Свидетельством вступления в последнюю, позитивную эру является распространение наук, рост их общественного значения, развитие промышленности, гармоничное развитие всех элементов социальной жизни. Если для общества, находящегося на метафизической стадии, наиболее важной является фигура юриста, то в индустриальном на первый план выдвигаются ученые и промышленники¹.

Контская теория трех стадий развития общества осталась разве что музейным экспонатом, с которым вынуждены знакомиться студенты, посещающие раздел «История социологии». Это вам не Маркс, общественные идеи которого всколыхнули полмира и столкнули в классовой битве десятки миллионов людей.

Зато Конт совершил поистине революционный переворот в социологии как науке об обществе, определил ее предмет и методы. По его мнению, наука должна раз и навсегда отказаться от философских спекуляций и заняться реальным делом. Мы не можем выдумывать, предписывать или устанавливать законы природе, утверждает Конт. Все, на что способен настоящий ученый, изучающий общество (и потому именуемый социологом), — это *наблюдать, регистрировать и систематизировать* факты и на этой основе выявлять определенные *закономерности*. Правда, на практике Конт не провел ни одного социологического опроса, никогда не занимался научным наблюдением и не проводил контент-анализ. Он был философом, разочаровавшимся в философии, потому что она не способна объяснить общество, в котором Конт пришлось жить и пропагандировать свои идеи. Он не очень тщательно собирал исторические факты и больше грезил о будущем состоянии общества, стремясь сделать из социологии его главную религию.

Не только учение О. Конта, но и французская социология в целом была тесно связана с пророчеством. Об этом документально засвидетельствовал Ф. Мануэль в книге «Пророки Парижа»². Наука о «социальном человеке» родилась в узком кругу французских интеллектуалов-утопистов (Тюрго, Кондорсе, Сен-Симон, Фурье,

¹ Интересно, на какой стадии тогда находилась Россия в 1990-е гг., когда конкурс в юридические вузы превышал все мыслимые и немыслимые пороги?

² Manuel F. E. The Prophets of Paris. Harvard, 1962.

Конт), которые, подобно античным философам-перипатетикам, создавали новые идеи в неформальном общении и дружеских беседах — в небольших кафе, домашних гостиных, на улице. Произошло это в конце XVIII—начале XIX в.

Восхищенные техническими достижениями научного прогресса, они верили в то, что история складывается из человеческих поступков и движется энергией разума. Они верили, что социальный порядок можно изменить при помощи тех методов, какие они использовали при свершении революции в физических науках. Люди все больше тянутся к знаниям, и это превращается в мощное социальное движение. Человечество движется от теологической фазы к позитивной через метафизическую. Социология становится царицей социальных наук.

По данным Ф. Мануэля, французские утописты разработали практическую программу позитивной научной религии. Первосвященнику, в роли которого мыслился Конт, подчинялись национальные пророки-социологи, реализующие идеалы переустройства общества на принципах гуманизма в каждой европейской стране. Им подчинялись низшие чины, выполнявшие работу на местах. Получалась сложная иерархическая система, подобная Римской католической церкви. Всего предполагалось подготовить 20 тыс. позитивистских священников, одного на 10 тыс. европейских семей. Соглашаясь с мнением Ф. Мануэля, Р. Фридрихс полагает, что в своих сочинениях Конт настойчиво проводит мысль о социологе как священнике. Но своей жизнью, практическими шагами он демонстрирует иной образ: социолога как пророка¹.

Не только Конт, но и другие утописты рассуждали в подобном тоне. Каждый из них видел в себе мессию, который прибыл на землю, чтобы спасти людей. Сен-Симон воображал себя не кем иным, как перевоплотившимся Сократом, О. Конт предпочитал связывать свой образ с именем святого Павла².

В отличие от немецких социологов французские мыслители, пророчествовавшие по поводу социальной науки, не были академическими философами. Для них любое действие было связано не с практикой, а с теорией. Они были глубоко верующими людьми: знали, каким хотят видеть будущее устройство мира, и свои знания часто выражали в социальных манифестах. Подобно израильским мудрецам, они не были пророками в своем отечестве. Конта при жизни на родине не читали. Позитивизм получил признание и опору в Англии благодаря проявленному к нему интересу со стороны Джона Стюарта Милля и Герберта Спенсера. Конта чи-

¹ *Friedrichs R. E. A Sociology of Sociology. N.Y., 1970. P. 70.*

² *Friedrichs R. E. A Sociology of Sociology. N.Y., 1970. P. 71.*

тали в конце XIX в. многие интеллектуалы в России. Позитивизм оказал особое влияние на М. Ковалевского. Небольшими кружками интеллигентов позитивизм поддерживался в Голландии, Италии, Швеции и США. Зато очень ограниченное влияние он оказал на Дюркгейма. Конта почитали в Латинской Америке. В Бразилии его считали официальным философом, а на изображенном на национальном флаге гербе красовался девиз позитивистской церкви Конта — «Порядок и Прогресс».

Подчеркивая роль конкретных методов в познании, О. Конт тем не менее оставался представителем прошлого — поколения социальных философов, создающих всеобщие законы человечества. Только через 50 лет, а именно в конце XIX в., появилось первое поколение социологов, лидерами которого стали всемирно известные ученые Э. Дюркгейм и М. Вебер, к идеям которых мы еще не раз будем возвращаться.

Поколению Вебера и Дюркгейма пришлось сделать шаг вперед и доказать, что историю творят не великие личности, абсолютные идеи или безличные законы, а рядовые люди, обладающие мотивацией, интересами, потребностями и ценностными ориентациями, что история и биография приобретают значение только пропущенными через призму общественных отношений.

Оставаясь главным героем, индивид тем не менее растворился в социальном типе — в «капиталисте», «пролетарии» и «буржуа» К. Маркса, «протестанте», «бюрократе» и «политическом лидере» М. Вебера. Уникальная личность, герой исторических биографий и мемуаров уступил свое место идеальному типу. Типичный индивид стал прекрасным инструментом сравнительно-исторических и кросс-культурных исследований. Отдаленные тысячелетиями Александр Македонский и Наполеон превратились в действующих лиц одной драмы под названием «цезаризм». Оба они являлись идеальным типом цезарита. Если историк чтит неприкосновенность хронологического устройства вселенной, размещая уникальные личности и события по своим гнездам-эпохам, то для социолога все эти македонские, цезари и гитлеры, в какое время они ни жили, выступают иллюстрациями понятий «политический лидер», «авторитарное правление», «цезаризм». Дюркгейм и Вебер широко оперировали эмпирическими данными, изучая одну проблему самоубийства, а другой — профессиональной мобильности.

Еще дальше пошел Р. Парк, создатель Чикагской школы. Будучи журналистом, он обыскивал трущобы и описывал особенности поведения их обитателей. Посторонние принимали чикагских социологов за какое-то гостиничное сообщество, которое интересуется ночной жизнью граждан. Он изучал социальные типы там, где обитают их живые воплощения: преступников — в подвалах, ки-

тайских крестьян — в деревенских лачугах, соплеменников отважного Робин Гуда — в непроходимых лесах, ковбоев — на Диком Западе, последователей Аль Капоне и Анастаси — на улицах больших городов.

Поколение Конта и Спенсера постепенно уступило место поколению эмпириков, изучавших все более узкие проблемы: преступные группировки, малые группы, городские агломерации, расовые отношения и т. д. Активно использовалась статистика и собственные методы, изобретенные для целей эмпирического исследования. Европейская интеллигенция искренне интересовалась положением малоимущих слоев населения, поэтому активно проводились регулярные обследования фабрик и заводов, детских приютов и городских кварталов, переписи населения. Зарождается социальная статистика как неотъемлемая черта европейской культуры. Под нее требуются тысячи анкетных опросов. Стало быть, развиваются методика, техника и методология эмпирического исследования.

ГЛАВА 2. Общность и общество в учении Ф. Тенниса

Фердинанд Теннис (1855—1936) был одним из основоположников немецкой классической социологии, содействовал оформлению социологии как научной дисциплины и ее институционализации в Германии. Он проводил обширные эмпирические исследования, занимался историей философии и социальной мысли. Его основной вклад в социологию — разработка системы теоретических понятий, начало чему было положено в книге «*Gemeinschaft und Gesellschaft*» (1887). Социология Тенниса — один из первых опытов построения системы формальных, «чистых» категорий социологии, позволяющих анализировать любые социальные явления в прошлом и настоящем, а также тенденции социальных изменений.

Методология. Теннис разделил социологию на общую и специальную. *Общая социология* у Тенниса изучает социальные формы жизни везде, где они встречаются, стало быть, не только (и не столько) у людей, но и у животных. Он приписывал социальности универсально-историческое значение, полагая, что она зарождается у так называемых общественных животных (прежде всего насекомых). Мы уже рассмотрели вопросы социальности и эвсоциальности, а потому можем считать, что выполнили завет Тенниса начинать социологический анализ с общей социологии. Сюда же относятся проблемы социального дарвинизма и борьбы за существование, которые также затрагивались нами в соответствующем разделе. Наконец, третий элемент фундаментальной, или общей, социологии должен касаться биоантропологических, демографических и других аспектов, ронящих поведение людей с действиями и образом жизни животных. Мы о них поговорим в томе о личности.

Специальная социология подразделяется у Тенниса на чистую (теоретическую), прикладную и эмпирическую (социографию). Они изучают только социальную жизнь людей. «Социология — это исследование человека, но не его телесного, душевного, а его социального существа, стало быть, телесного и душевного лишь постольку, поскольку оно обуславливает социальное», — писал Ф. Теннис¹.

¹ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 207.

Наиболее полное освещение образ жизни, взаимодействие и поведение людей получили в его главном труде «Общность и общество. Рассмотрение коммунизма и социализма как эмпирических культурных форм» («*Gemeinschaft und Gesellschaft*», 1887). Во втором издании книги, существенно переработанном и расширенном и увидевшем свет в 1912 г., появился новый подзаголовок — «Основные понятия чистой социологии», который указывал на прямую отнесенность работы к области специальной социологии. Чистая социология по-другому называлась у него теоретической, иначе говоря, по своему стилю и содержанию, нагруженной и перегруженной философскими рассуждениями. Все это не могло не отразиться на манере изложения учения об обществе и общине — крайне витиеватым и мало понятным. Как правильно заметил знаток его творчества А. Н. Малинкин¹, Теннис относится к тем признанным классикам, которых больше почитают, чем почитывают. К нему обращаются, на него ссылаются, но последователей и учеников у него мало или практически нет. У него много комментаторов, но мало друзей и противников. Такая же судьба ожидала и учение О. Конта, идеи которого мало кого вдохновляли на новаторские разработки, зато в каждой монографии и учебнике он занимает почетное место в социологическом партере.

Тем не менее как идеи Тенниса, так и идеи Конта оказались чрезвычайно востребованными мировой социологией. В частности, понятия «общности» и «общества» Тенниса оказались в центре социологических размышлений других классиков немецкой социологии рубежа XX в. Г. Зиммеля и М. Вебера.

Только недавно главные идеи Тенниса стали достоянием читательской публики в России. Опубликованная в 1998 г. статья «Общность и общество»² была написана Ф. Теннисом для «Настольного словаря по социологии», а потому в простой и доступной манере, присущей словарному жанру, не отягощенная многочисленными сносками, подробностями и деталями, излагает суть его главной книги, которая впервые вышла в переводе на русский язык в 2002 г.³ В Германии под эгидой Общества Фер-

¹ Малинкин А. Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса // Социологический журнал. 1998. № 34.

² Теннис Ф. Общность и общество / пер. с нем. А. Н. Малинкина // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 207—227.

³ Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб., 2002. Краткое изложение основных положений учения Тенниса дается в статье А. Ф. Филиппова «Между социологией и социализмом: введение в концепцию Фердинанда Тенниса» (с. 386—446).

динанда Тенниса издается полное собрание научных трудов выдающегося социолога в 24 томах¹.

К наиболее важным категориям, получившим освещение в книге «Общество и общность», относятся: общность и общество; естественная — искусственная, или социальная, или коллективная личность; естественное — социальное отношение, социальная совокупность, корпорация; социальная связанность; социальная сущность, или социальная форма; сущностная воля и избирательная воля; знание другого человека, знакомость — чуждость, симпатия — антипатия, доверие — недоверие и др. Проведение различия между «общностью» и «обществом» лежит в основании его теоретической социологии. Оба фундаментальных понятия определяют направленность эмпирической и прикладной социологии на исследование перехода общества от общинных отношений к отношениям собственного общества.

Большинство из них, хотя и не все, относятся к так называемым *идеальным типам* — очень распространенному среди немецких социологов методологическому инструменту познания общества, составляющих его социальных групп и динамических процессов. У Тенниса идеальные типы призваны были служить «масштабом для познания и описания реалей». Они никак не привязаны к эпохе, культуре или конкретной стране, но выражают некую трансисторическую сущность или социальную универсалию как таковую. Если применить характеристики Теннисовской общности, скажем, к социальной организации родоплеменной, соседской общине либо к вождеству, пытаясь в них разглядеть те черты, которые пометил немецкий социолог, то у нас ничего не получится. Но и другой идеальный тип Тенниса — общество — ждет та же участь. Его неправильно применять к американскому или китайскому обществу, к западному или восточному. Хотя, несомненно, в том и другом, если речь идет о современном обществе, можно разглядеть множество черт, тонко подмеченных Ф. Теннисом еще в конце XIX в., например анонимность, утрату личных связей между людьми, отчуждение.

В отличие от него идеальный тип Маркса и Вебера строился как раз для того, чтобы его соотносили с конкретно-исторической ре-

¹ В последние годы вышли в свет следующие тома: *Toennies F. Gesamtausgabe. Band 22: 1932—1936 / Herausgegeben von Lars Clausen. Berlin: Walter de Gruyter, 1998; Toennies F. Gesamtausgabe. Band 9: 1911—1915 / Herausgegeben von Lars Clausen. Berlin: Walter de Gruyter, 1999; Toennies F. Gesamtausgabe. Band 15: 1923—1925 / Herausgegeben von Lars Clausen. Berlin: Walter de Gruyter, 2000; Toennies F. Gesamtausgabe. Band 14: 1922 / Herausgegeben von Lars Clausen. Berlin: Walter de Gruyter, 2002.*

альностью, выявляя главное и второстепенное, случайное и повторяющееся, форму и содержание в происходящих процессах. Это был емкий и обобщенный образ какого-либо явления или группы явлений, их теоретический эскиз. Вебер использовал его как эвристический инструмент, с помощью которого он намеревался открыть: а) сходные черты в исторических событиях, что было первым шагом на пути причинного объяснения; б) несходство и отличие похожих явлений (отрицательное сравнение), которое позволяло уйти в сторону от всеобщих универсальных схем эволюционно-прогрессистского образца. Выделяя сходное в исторических явлениях, Вебер обнаружил существование феодализма уже в античности и Средневековье. У него идеальный тип — это мыслительная конструкция, некий абстрактный эталон для измерения событий, процессов или явлений. Такой метод помог М. Веберу четко ориентироваться в бесконечном многообразии исторического материала, не подгоняя его под произвольные или предвзятые схемы. Для Тенниса идеальный тип был важен другой своей стороной, благодаря которой он служил ему своеобразным компасом, верно указывавшим главные тенденции или основные закономерности, по которым развивались объективная реальность, культура и общество.

Идеальный тип — весьма опасный инструмент познания. Управляться с ним надо чрезвычайно осторожно. Дело в том, что он берется не из гущи жизни, а придумывается ученым как некая мыслительная сетка, набрасываемая на реальность. Когда придуманный конструкт не совпадает с реальностью, от него не отказываются, а пытаются обвинить во всем самую реальность: мол, это она виновата в том, что не вписывается в идеально придуманные законы, постоянно отклоняется. В этом проявляются богатство и разнообразие жизни. Тем самым ученый говорит своим критикам: любая научная теория в сравнении с цветущей жизнью должна выглядеть сухопарой старушкой, а потому и менять в ней что-либо бесполезно.

Теннис обезопасил себя еще и тем, что заранее заявил: я изучаю не реальность, а некие чистые формы. В классической физике XIX в. тоже пытались найти чистую или всеобщую субстанцию. Назвали ее эфиром. Потом выяснилось, что это фикция, которую не подтверждал ни один эксперимент. Тем не менее от эфирной идеи не отказались и в XXI в. Утопии, как свидетельствует история, — чрезвычайно живучие создания.

Наконец, он принял еще и неявную посылку, которая предоставила ему еще больше свободы для научного маневра. Дело в том, что *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — не просто идеальные типы,

а неравные конструкции. В них есть определенное ценностное суждение: общность по сравнению с обществом, по мысли Тенниса, представляет собой высший способ ассоциации. Теннису явно не нравилось современное громыхающее, светливое и сумасшедшее общество, а потому он убегал в историческую архаику, идеализируя общину и семью. Подобная позиция чем-то напоминает тактику страуса: поскорее зарыть голову в песок, чтобы не видеть ужасы этой гнусной реальности. По-человечески это вполне понятно, но, вступая на путь научной социологии, нести с собой груз мещанских пережитков все-таки нельзя. Симпатизируя одному и отчуждаясь от другого, нельзя оставаться беспристрастным ученым, способным на глубокий философский анализ. Возможно, сквозь научную канву Теннисовского учения проступили контуры его политических пристрастий: он сочувствовал социалистам и ненавидел националистов, а в результате его концепция принесла пользу идеологии национал-социализма¹.

Таким образом, идеальный тип у Тенниса — это политически небеспристрастная, морально асимметричная абстрактная модель, при помощи которой описываются не реальные события, а чистые формы социальных явлений.

К числу методологических вопросов следует отнести трудности перевода на русский язык терминологии Тенниса. Центральное понятие социологии Ф. Тенниса «*Gemeinschaft*» наши специалисты переводят либо как «община», либо как «сообщество». Если искать наиболее точный с филологической, корректный с логической и наиболее адекватный с социологической точки зрения перевод этого термина, то можно согласиться с вариантом А. Н. Малинкина, предложившего считать «*Gemeinschaft*» «общностью»². Поскольку община означает местное самоуправление и церковный приход, то абстрактный и одновременно формальный смысл слова «общность» лучше соответствует духу Теннисовской «чистой», или формальной, социологии. В свою очередь А. Ф. Филиппов, разбирающийся во всех нюансах немецкой классической социологии, отвергает все варианты русского перевода и предлагает слово *Gemeinschaft* оставить в оригинальном написании, поскольку лишь так можно сохранить тот эмоциональный оттенок, душевную привязанность и теплоту, которые имеет немецкое слово³.

¹ См.: Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000.

² Малинкин А. Н. О жизни и творчестве Фердинанда Тенниса // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 228.

³ Филиппов А. Ф. Ф. Теннис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. Социология XIX века. Профессионализация социально-научного знания. М., 1997. С. 315.

В одном из значений *Gemeinschaft* — это община, означает¹ совокупность людей, совместно проживающих на данной территории, характеризующаяся как минимум тремя признаками:

1) под общиной понимается совокупность людей, имеющая определенную социальную структуру (т. е. существуют совокупности людей, не являющиеся общинами). В этом случае община отождествляется с сельским (доиндустриальным обществом);

2) понятие общины связано с наличием определенного чувства принадлежности к общине, или «духа общины»;

3) все повседневные виды деятельности членов общины — как связанные, так и не связанные с трудом — протекают в пределах одной географической территории: в этом случае община рассматривается как самодостаточная форма взаимодействия людей, основанная на кровном родстве или других родственных чувствах. Именно понятие *Gemeinschaft* («община») Теннис намеревался использовать как идеально-типический конструкт для изучения перехода от сельской общины к индустриальному обществу (*Gesellschaft*).

Поэтому считаем возможным употребление термина *Gesellschaft* как в значении «общности», так и «общины», только первая трактовка в русском языке приобретает более обобщенный, теоретический смысл, а вторая — узкий, конкретно исторический.

В узком смысле слова современный термин «социальная общность», обозначающий территориальную группу, близок к понятию «совокупности», так как принадлежность к данной территории люди считают «природной данностью», их связывает постоянное место жительства и обуславливает совместную деятельность. Также можно в понятие «совокупность» включить «этнические общности», связанные также на основе «природных связей», в данном случае кровно-родственных.

Как общество, так и сообщество дают нам представления о некоторой совокупности социальных связей (по «количественному» признаку сообщество — это лишь ближайшая среда человека, либо маленькая модель общества, «субобщество», общество — и ближайшая, и дальняя среда человека), тогда как *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* Тенниса дают представление об особом типе социальных связей. Хотя в некоторых случаях понятия сообщества и *Gemeinschaft* будут совпадать. Например, такая группа, как родственники. Это ближайшая среда человека, т. е. сообщество, и при условии, что ее члены в своем поведении руководствуются инстинктом, привычкой и памятью, это будет и *Gemeinschaft*. Если

¹ Абекромби Н., Хиллс С., Тернер Б. // Социологический словарь. Казань, 1997. С. 197.

же вдруг эти родственники решат заняться предпринимательством, договорятся для этого, то это уже скорее будет сообщество типа *Gesellschaft*. Как бы то ни было, но понятие «общество» гораздо шире, чем «сообщество», так как сообщество — ближайшая среда человека, к которой относятся семья, родственники, друзья (т. е. люди, с которыми человек ежедневно вступает в тесный контакт), а общество — ближайшая и дальняя среды.

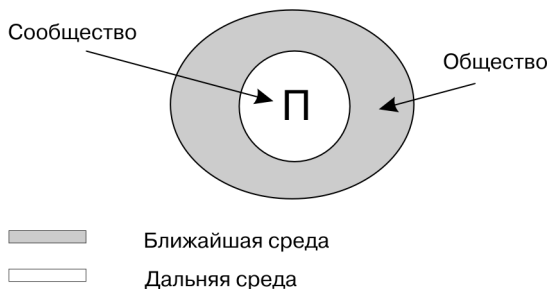

Рис. 1. Соотношение общества и сообщества

Иными словами, *Gemeinschaft* и *Gesellschaft* — это скорее свойства, типы, характеристики объединений, а не сами названия объединений, которые Теннис называет *социальными сущностями*, разделяя их на отношения, совокупности, корпорации. Соответственно, если сообщество является частью общества, то такого не может быть с *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Сообщество не может превратиться в общество (сообщество — часть общества), тогда как существует мнение, что *Gemeinschaft* может «эволюционировать и изменяться», и тогда можно «рассматривать *Gesellschaft* как извращенный, выродившийся *Gemeinschaft*»¹. Важным отличием сообщества от общества является то обстоятельство, что общество — всегда социальная организация, сообщество таковым выступает не всегда.

На наш взгляд, полного аналога немецкому слову *Gemeinschaft* в русском языке не существует. И это замечательно. В зависимости от обстоятельств его смысл можно передавать разными русскими терминами, которые все вместе входят в один и тот же смысловой ряд, а именно общность, сообщество, община.

Другое важнейшее для социологии Тенниса понятие — «*Gesellschaft*» — единодушно переводится как общество в значении крупномасштабной и сложно организованной ассоциации людей,

¹ История теоретической социологии: в 4 т. / ответ. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. Т. 1. М.: Канон+, 1997. С. 349.

объединенных социальными институтами, общественным разделением труда и профессиональной специализацией, системой экономического обмена, бюрократической иерархией и классовой стратификацией.

В английском переводе *Gemeinschaft* трудностей не вызывает и неизменно транслируется как «community». В противоположность нам проблемы возникают с переводом второго термина — *Gesellschaft*. На английском языке для него подбирают несколько вариантов: «association», «society», «civil society». Чаще всего «*Gesellschaft*» переводят как «association» либо как «society-association».

В теоретико-методологическом плане оба понятия выступают как особого рода абстрактные конструкции, а именно идеальные типы.

Gemeinschaft и Gesellschaft. Согласно Ф. Теннису в общине господствуют непосредственно личные и родственные отношения, а в обществе преобладают формальные институты. Общество типа *Gemeinschaft* придает решающее значение традиционным обычаям, верованиям и неписаным законам, а *Gemeinschaft* — юридическим законам. Если первое отличается ограниченной специализацией, складывающейся главным образом на основе родственных связей, то для второго характерны специализация профессиональных ролей и отделение последних от семейных ролей. В обществе типа *Gemeinschaft* культура формируется на основе религиозных ценностей, а в *Gemeinschaft* — на светских. Главными социальными институтами в *Gemeinschaft* являются семья, соседи и община; в *Gemeinschaft* складываются крупные объединения и ассоциации (деловые круги, правительство, политические партии, добровольные ассоциации)¹.

Ф. Теннис использует термины *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*, чтобы провести разграничения между традиционным и современным обществом на основе пяти основных типов социальной взаимосвязи. Понятие *Gemeinschaft* (община) применяется к крестьянской деревенской общине, а понятие *Gesellschaft* (общество) — к индустриальному городскому обществу. Основные различия между ними состоят в следующем: 1) *Gemeinschaft* предполагает, что люди живут в соответствии с общинным принципом и мирскими ценностями, а общество типа *Gesellschaft* основано на стремлении к личной выгоде; 2) *Gemeinschaft* придает основное значение обычаям, в то время как *Gesellschaft* основано на формальных законах; 3) *Gemeinschaft* предполагает ограниченную и неразвитую специализацию, в то время как в *Gesellschaft* проявляют специа-

¹ *Tonnies F. Community and society. East Lansing, Mich.: Michigan State University Press, 1970.*

лизированные профессиональные роли; 4) *Gemeinschaft* опирается на религиозные, а *Gesellschaft* — на светские ценности; 5) в основе *Gemeinschaft* лежат семья и община, а в основе *Gesellschaft* — крупные корпоративные и ассоциативные формы объединения людей.

Общность может строиться по следующим основаниям: 1) на географической близости (село, коммуна, приход, нация); 2) на психологической близости; 3) на кровно-родственной близости (семья); 4) на духовной близости (круг друзей и единомышленников).

Термин *Gemeinschaft* применяется у Тенниса по отношению к таким разным социальным единствам, какими выступают семья, корпорация, церковь, сельское товарищество, родовая, деревенская, политическая, христианская и городская общины. Все они — сплоченные совокупности, социальные солидарности, образованные на основе естественных человеческих отношений. В общность, строго говоря, не вступают — в ней оказываются автоматически, хотя бы того или нет. С общностью люди связаны родовыми узами, избежать которых они не могут. Индивид естественно принадлежит к своей семье, своей деревне, своей родине, своей расе, и принадлежность эта природная, произвольная.

Gemeinschaft и *Gesellschaft* — полярные типы, чистые оппозиции двух начал социального бытия: личного и безличного (персонального и имперсонального), чувственного и бесчувственного, индивидуального и коллективного. Теннис предложил ставшую позже классической типологию социальности: сообщество (община), где господствуют непосредственно личные и родственные отношения, и общество, где преобладают формальные институты. Субъектами отношений родства выступает семейная ячейка: мать и дети, братья и сестры, отец (различные виды отношений и позиций в семье).

Общество представляет собой сознательное социальное объединение, основанное на договоре и вступлении членов. В него входят свободно, по собственной воле, но могут и не входить. Общество — продукт целиком и полностью искусственный. В природе оно естественным образом не возникает и не существует. Его намеренно создают, затем часто изменяют, модифицируют, подправляют, переделывают.

Знаете ли вы, что

- В Древнем Риме был почти миллион жителей.
- В древнеегипетских Фивах 3,5 тыс. лет назад жило только воинов 700 тыс. человек, всего же — около 3 млн.
- В Древней Греции женщины считали свой возраст не со дня рождения, а со дня брака. Этим они показывали, что только брачная жизнь имеет для них смысл.

Общество основано не на соседстве, близости или кровном родстве — оно базируется на интересе. Людей сближают корыстные интересы, стремление к выгоде, рациональный расчет, общая профессия или место работы. Здесь нет и не должно быть никакой интимности, искренности, неподдельного интереса к близкому тебе человеку, с которым ты готов разделить пищу и кров. Ничего подобного коллегам по работе, сослуживцам, членам одной политической партии или профсоюзной организации не требуется. А самое главное — оно им претит. Как только личные отношения проникают в область служебных, начинаются такие негативные явления, как кумовство, блат, протекция. Две сферы — дружески-личные и служебно-деловые отношения — два разных мира, две вселенные, которые не должны пересекаться, вмешиваться, сталкиваться, вытеснять друг друга.

Материальные и денежные интересы служат основанием торговых товариществ, профсоюзов, страховых обществ, паевых, пенсионных и инвестиционных фондов. Интеллектуальные интересы объединяют людей в творческие союзы, литературные и философские кружки, научные ассоциации и ученые советы, содружества, академии, художественные объединения. Образовательные интересы людей приводят к созданию школ, институтов, университетов, курсов повышения квалификации, учебных программ. Нравственные интересы выступают источником появления религиозных объединений и сект, вызывают к жизни благотворительные объединения, общества трезвости, ассоциации взаимной помощи. К их числу можно добавить такие ассоциации и движения, которые сплачивают людей на идеологической основе, помогая отстаивать свои идейные принципы, выступать против кого-то: политические партии, движение за гражданские права, экологические движения, феминистские общества.

Досуговые потребности объединяют людей в клубы по интересам (клубы болельщиков или коллекционеров), молодежные дискотеки и бары, кружки для игры в бридж, общества игры в мяч, любителей рыбной ловли, ассоциации туристов, любительские театры, союзы биллиардистов, скаутов, т. е. порождают различные сообщества, помогающие индивидам развлечься и разнообразно провести свое свободное время.

В обществе коллективную волю рода и семьи заменяет корпоративная воля государства. На смену неформальному контролю родственников и соседей, которые были присущи кровно-родственной общности и общине, приходит формальный контроль со стороны полиции, судебных властей и армии¹. Вместо обычного

¹ Flora C. *Rural Communities: Legacy and Change*. Boulder, CO: Westview, 1992.

права и неписаных законов появляются юридические законы и писанные правила, регулирующие поведение больших групп людей¹. Чувства людей становятся все более произвольными и формальными. Функцию арбитра в решении нравственных вопросов берут на себя государство и уполномоченные им органы власти. В конечном счете именно государство, выступающее причиной появления *Gesellschaft*, разрушает либо необратимо изменяет *Gemeinschaft*². Со временем оно начинает восприниматься людьми как недружественная или враждебная сила, возвышающаяся над ними и требующая беспрекословного подчинения. В противоположность общине для общества характерна «механическая» связь отношений индивидов, построенных на рациональном расчете. Согласно Теннису, в обществе царит целерациональная воля и, соответственно, произвол.

Согласно Теннису, *Gemeinschaft* исторически возникло раньше и существует до сих пор в структуре *Gesellschaft*, пронизывая собой все его поры. Ныне два понятия не соотносительны. Их можно встретить вокруг нас. Они не исключают, а дополняют друг друга, как дополняют друг друга макроуровень и микроуровень общества.

Общество уже самим своим фактом появления на свет до основания смыкает кровно-родственные узы и старинные идеалы, религиозные культы и кодексы чести. Современное общество не знает расовой, религиозной и национальной дискриминации. Оно равно относится ко всем людям, открывая перед каждым индивидом двери к общественной карьере. Нынешний француз может числиться в американской нефтяной компании, работать в Венесуэле и быть женатым на китаянке. Информационные потоки, равно как денежное и товарное обращение, не знают государственных границ, а мультинациональные корпорации качают живительную кровь экономики по всему миру, не спрашивая ни прописки, ни классового происхождения. Интернациональность и глобализация — это лишь доведенные до наивысшей степени, обнаруженные еще Теннисом тенденции «обобществления» социальной жизни. Ликвидация общности как исторического этапа и социального института началась давно, но усилилась в связи с появлением крупных городов и мегаполисов. Сегодня этот процесс зашел так далеко, что обратного пути уже нет, а сохранившиеся кое-где островки истинной общности могут вот-вот погибнуть.

¹ Etzioni A. *The Spirit of Community: The Reinvention of American Society*. N.Y.: Touchstone Books, 1994.

² Truzzi M. *Sociology: The Classic Statements*. N.Y.: Oxford University Press, 1971. P. 145—154.

Современное общество не только многолико и полинационально. Оно еще и крайне гибко, мобильно и маневренно. «Неустанное стремление к переменам делает его лихорадочным и непостоянным», — сетовал Ф. Теннис, которого, видимо, крайне раздражал буржуазный мир. «Теперь в качестве действующих единиц существуют лишь государство с его институтами и индивиды — вместо естественно образовавшихся многочисленных и многообразных товариществ, общин и этнических сообществ — *Gemeinwesen*»¹. В новом мире все в диковинку: магия уступает место науке, религия — политике, нравы — юридическим документам, священники — чиновникам, друзья — коллегам и сотрудникам, народное творчество — массовой культуре, идеалы — идолам, естественные продукты — консервированной пище, чтение — телепросмотрам, личное общение — телефонным переговорам.

Ф. Теннис не только теоретически разграничил, но и противопоставил два типа социальных отношений: «общность», основанную на непосредственной эмоциональной близости людей, и «общество», построенное на холодном рациональном расчете, анонимных связях и разделении труда. Классическим примером «общественных» отношений Теннис считал капиталистический товарообмен, пренебрегающий индивидуальными различиями, а воплощением «общности» — родство, соседство и дружбу.

Типология социальных отношений. Социальные отношения Теннис умудряется анализировать сразу в нескольких плоскостях. Первой плоскостью выступает сквозная для всего учения дихотомия *Gemeinschaft/Gesellschaft*; вторую плоскость составляет различие между отношениями (*Verhältnisse*), совокупностями (*Samtschaften*) и корпорациями (*Korperschaften*); третья плоскость научного анализа — дихотомия «*Genossenschaft/Herrschaft*» (товарищество/господство). Таким образом, отношения могут быть типа *Gemeinschaft* и при этом либо товарищескими (например, отношения братьев или друзей), либо господскими (отношение отца к детям), либо смешанными. Отношения типа *Gesellschaft* изначально предполагают равенство и в этом смысле близки товариществу². Общностные и общественные отношения делятся на *товарищеские*, по типу *господства* (отношение отца к сыну), и *смешанные*.

¹ Цит. по: Филиппов А. Ф. Ф. Теннис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. М., 1997. С. 321.

² Филиппов А. Ф. Ф. Теннис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. М., 1997. С. 318.

Таблица 1

Типология форм социальности Тенниса

		Gemeinschaft	Gesellschaft
Отношения	Товарищеский		
	Господство		
	Смешанный		
Социальная совокупность			
Корпорация			

Простейшим представителем товарищества выступает пара, живущая в братских, приятельских, дружеских отношениях, которые легче складываются, если людей сближают возраст, пол, деятельность, образ мыслей, устремления и особенно если их объединяет общая идея.

Примером господства и основанного на нем государства является охранительно-защитное отношение отца к ребенку. Защита в качестве условия своего существования предполагает господство, ибо осуществлять защиту можно лишь на регулярной основе. Отцовское достоинство — прототип всякого, в том числе имеющего иные основания, общностного авторитета, в особенности авторитета священника.

Отношения смешанного типа формируются в общностях в тех ситуациях, когда сливаются господство и товарищество, например в половой потребности и продолжения рода.

Разветвленная схема позволяет Теннису анализировать самые разные комбинации социальных связей, исторически непохожие типы социальной организации, выявляя скрытые от глаза тенденции и закономерности социальной динамики.

Gemeinschaft подразделяется Теннисом на «естественные», «душевные» и «социальные». Чем они различаются, немецкий социолог толком так и не прояснил. О многом приходится догадываться. Но очевидно, что к социальным разновидностям Gemeinschaft он относил индийские касты, сословия и народ. Все они в каком-то роде общности. Выражаясь точным социологическим языком, касты, сословия и этносы — это реальные социальные группы. Таковыми их делают, по крайней мере, два обстоятельства: 1) наличие объективного признака принадлежности к группе (биологический пол, место жительства, доход, национальность,

родство и брак, профессия); 2) субъективное ощущение членом группы своей принадлежности к ней, а значит, идентификация с группой.

Среди совокупностей типа *Gesellschaft* Теннис называет классы и общества в смысле страны, государства. Хотя общество или страна — это самая большая из групп, проживающих на ее территории, именовать страну общностью в строгом смысле было бы неправильно. По некоторым критериям их нельзя относить также к реальным группам, хотя и к социальным категориям — статистическим совокупностям — классы и страны относить невозможно. Социальные категории — это искусственно сконструированные для целей статистического анализа группы населения. Их называют также номинальными, или условными. Они необходимы в хозяйственной практике. К примеру, чтобы правильно организовать пригородное движение электричек, надо знать, какова численность пассажиров общая или посезонная.

Страна имеет признаки реальной группы, поскольку ее можно выделить: а) по объективному показателю (гражданство) и б) субъективному (идентификация себя с определенной страной). То же самое относится к социальным классам. Но класс в одном обществе может выступать реальной группой, а в другом — статистической категорией. Так, американцы считают, что для них класс — всего лишь формальный признак, а в Англии сословное и классовое деление общества закреплено институтами (разделение парламента на две палаты) и обычаями (обращение по званию, привилегированные клубы и т. д.). Со статистическими категориями страну и класс сближает их многочисленность. Деревня, клан или семья, которые Теннис приводит в качестве показательных образцов *Gemeinschaft*, малочисленны и состоят из знакомых людей. Напротив, *Gesellschaft*, как и статистическая категория, многочисленно и анонимно.

По отношению к совокупностям типа *Gesellschaft* применимо также название агрегатов, а Теннис употребляет близкий ему термин «ассоциация». Агрегатами называют совокупности людей, выделенные на основе поведенческих признаков. К ним относят аудиторию (радио, телевидения), публику (кино, театра, стадиона), некоторые разновидности толпы (толпа зевак, прохожие). Они сочетают в себе черты реальных и номинальных групп, поэтому размещаются на границе между ними. Термин «агрегат» обозначает случайное скопление людей. Упоминая городскую толпу как признак *Gesellschaft*, Теннис тем самым, пусть и косвенно, зачисляет общества (не вообще, а конкретные общества в значении страны или государства) в разряд агрегатов-ассоциаций.

Классификация социальных объединений Тенниса признается всеми как надуманная, чрезмерно абстрактная, и тем не менее используется все новыми и новыми поколениями ученых в качестве основы для каких-то собственных построений, новых схем и типологий. Так, по мнению М. Дюверже¹, она позволяет пролить свет на природу связей солидарности внутри партий. В 1922 г. Шмаленбах (Schmallenbach) пошел еще дальше, дополнив Теннисовскую типологию новой категорией — Bund, который можно перевести как орден (в значении «религиозный орден», или «закрывающая организация»). Орден занимает промежуточную позицию между общностью и обществом. Он основан на волевой, сознательной принадлежности. Монашеский орден, в отличие от сообщества и по сходству с общностью, основан не на интересе. Этот тип организации требует жертвоприношения, самоотречения, вхождения на всю жизнь. Монашеские ордена, как и тоталитарные секты, являются нам пример ордена-сообщества.

Так что абстрактность Теннисовской классификации оказалась чуть ли не самым полезным ее качеством, поощряя других к своей конкретизации, а стало быть, к дальнейшему развитию.

С течением времени Теннис включил в свою типологию дополнительные признаки: плотность социальной связи, количество участников, сотрудничающий или соперничающий характер связи, — в результате чего получалась очень подробная схема, которая в полном виде нашла отражение в одной из последних работ — «Введение в социологию» (1931).

Типы воления. То, что на современном языке называют мотивацией, Теннис именует волей. Человеческая воля — начало энергетическое, движущее, побуждающее. Человеческое воление Теннис определял как способность хотеть (Wollen) или способность мочь (Konnen).

Воля лежит у истоков воспитания и нравственной сферы личности. Многие чувства можно и нужно воспитывать, например чувство порядочности, чувство долга, чувство уважения к старшим. Тренируют и воспитывают также силу воли.

Сила воли — способность делать то, что тебе неприятно или в чем нет никакой биологической потребности, преодолевать препятствия. В основе труда, как и в основе воспитания, лежит сила воли. Сила воли — концентрированное выражение мотивации к достижению. Воля — стержень личности и основа воспитания. На воле, как на своеобразном жестком каркасе, крепится чуть ли

¹ См.: Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000.

не весь мир чувств. Из аморфного образования благодаря волевому началу они превращаются в стройное целое.

Теннис предложил различать два типа воли, по поводу перевода которых у специалистов единого мнения нет. Первый тип воли — *Wesenwille* — переводят как инстинктивную, сущностную, естественную, органическую. В англоязычной литературе она передается сочетанием *essential will*, которое можно трактовать как сущностную, субстанциональную, главную. Второй тип воли (*Kurwille*) переводится как инструментальная, рациональная, избирательная, целеориентированная и др. На английском языке чаще всего ей находят эквивалент в выражении *arbitrary will*, которое можно понимать как избирательную, случайную, произвольную (либо своевольную), непостоянную, деспотичную, наконец, авторитарную. Трудно выбрать наиболее верное значение из такого множества терминов, отражающих разные оттенки двух типов воли. Ясно, что речь идет о противоположных явлениях, которые лежат в основе таких же противоположных по своему содержанию и форме типов социальной общности, а именно *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Связка главная и случайная воля привлекает как раз тем, что четко показывает контрастность двух типов воли и двух типов общественных связей. Но она никоим образом не раскрывает их содержание, которое лучше передается такими характеристиками, как инстинктивная и целеориентированная, органическая и деспотическая, которые хорошо описывают такой тип общества, который формируется под мощнейшим воздействием государства, политического режима и социальных институтов. В зависимости от контекста мы будем использовать разные определения двух типов волеия Тенниса.

Естественная воля (*Wesenwille*) является выражением инстинктивных потребностей, привычек, убеждений или склонностей. Она же «сущностная воля». Это «психический эквивалент тела». В тесной связи с естественной волей рассматриваются все эмоциональные, аффективные, полуинстинктивные влечения, реализующиеся в наших действиях и поступках. Вообще-то правильнее было именовать ее не сущностной, а субстратной, или субстанциональной, волей за ее сырой, природно-инстинктивный характер. Слово «сущность» придает ей непозволительную философскую глубину и рефлексивность, которых у естественной воли нет. В социологии ей в параллель можно привести прирожденный (предписанный) статус, который наличествует у человека в силу происхождения, но не личных усилий и стремления продвигаться.

Однако Теннис делает одно важное уточнение, которое не позволяет нам переименовать характеристику сущностной воли. Дело

в том, что она опирается на культурное наследие рода, семьи или общины, впитывает в себя традиции и обычаи, накопленные многими поколениями людей. Именно этот культурный капитал целой общности, который лишь озвучивает или применяет отдельный индивид, и позволяет данный тип воли именовать сущностной.

Рациональная, или избирательная, воля (Kurgwille) предполагает инструментальную рациональность при отборе средств достижения целей. Если естественная воля является органичной и реальной, то рациональная концептуальна и искусственна. Два типа воли выступают «градообразующим» началом, формируя два разных типа социальности — общину и обществом. При этом общинная жизнь является выражением естественной воли, а жизнь общества — это продукт рациональной воли. Сущностная воля есть *Gemeinschaft*, где главным выступают взаимные чувства, а индивидуальная воля есть *Gesellschaft* и строится на основе разумного расчета.

В своих простейших формах сущностная воля есть лишь непосредственное, страстное и одновременно наивное воление. Для избирательной воли, наоборот, характерно сознание. Ее отличает делачество в противоположность творчеству. В избирательной воле руководящую роль играет мышление. Точнее сказать, рассудок. А иначе и быть не может. Сущностная воля опирается на коллективную волю рода, а потому она разумна. Напротив, отдельный индивид, отринув коллективное наследие и пытаясь опереться лишь на собственное мышление, скудные знания и расчет, проявляет рассудочную волю. Она избирательна в том отношении, что произвольна, случайна и может рассчитывать лишь на жалкие возможности индивида, а не рода. Избирательна она и в том отношении, что индивид, не способный опереться на всю полноту коллективного опыта, выдергивает из него подходящие или понравившиеся фрагменты, строя на зыбкой основе собственное мышление, воление и действия. «Субстанция народа, — пишет Ф. Теннис, — как изначальная и господствующая сила создает дома, селения, города страны. Затем в многообразных проявлениях она порождает также и сильных своевольных индивидов — в образе князей, феодальных сеньоров, рыцарей, а также духовников, художников, ученых»¹. Опираясь на плечи гиганта, выдающиеся личности тем не менее часто не придерживаются коллективных традиций, ищут собственных путей. Это и есть избирательная историческая воля.

¹ Цит. по: Филиппов А. Ф. Ф. Теннис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. М., 1997. С. 320.

Дружба. Теннис полагал, что принцип «общности» достигает своего высшего воплощения именно в дружбе¹. Видимо, поэтому Тенниса называют первым социологом дружбы. Дружба, по Теннису, — наилучший претендент на то, чтобы ярко и полновесно представить всем, что такое общность как идеальный тип. В ней есть все необходимые качества, отражающие сущность социальной ассоциации — без перегибов и отклонений. Она выходит за его пределы постольку, поскольку в ней присутствует момент «избирательного родства», связанный со свободой выбора, тогда как общность — социальное объединение естественное, спонтанное, предшествующее индивиду².

Дружба выражает квинтэссенцию, самую сущность отношений общности. Хотя и здесь суждения Тенниса довольно размытые. Вначале он делится своими наблюдениями над повседневной реальностью, приводя многочисленные примеры в пользу того, что знакомость, симпатия и доверие — это разные уровни проявления, по степени нарастания общностных отношений. Затем у него проскальзывает фраза насчет того, что максимальной силы они набирают в отношениях любви, потом он возвращается к дружбе, отдавая пальму первенства вроде бы именно ей. Откуда-то со стороны выскальзывает у Тенниса совершенно новый, никак не связанный с прежней шкалой критерий классификации социальных отношений — связанность (привязанность одного человека к другому, зависимость одного от другого). О каждом типе отношений он не забывает упомянуть, что он представляет собой континуум переходных форм и видов.

На наш взгляд, суть *Gemeinschaft* выражают не отношения любви (не важно, женщины к мужчине или матери к ребенку), поскольку они основаны на природном инстинкте, не отношения товарищества, которые могут содержать оттенок меркантильной заинтересованности, не отношения добрососедства, родства, симпатии и т. п., а именно феномен дружбы.

Дружба играет исключительно важную роль в становлении человеческой личности. В каждой второй из известных высокоразвитых цивилизаций дружба между учащимися одного пола составляла неотъемлемую часть процесса воспитания³. Древние гре-

¹ См.: Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.

² Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. М.: Академический Проект, 2000. с.176.

³ Мид М. Одиночество, самостоятельность и взаимозависимость в контексте культуры // Лабиринты одиночества / пер. с англ. сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. С. 107.

ки верили, что человек бессмертен до тех пор, пока его помнят друзья. У дагомейцев каждый мужчина обязан иметь трех друзей, которые называются «братьями по ножу» и располагаются по степени близости. Их дружба считается священной и нерасторжимой. Каждый мужчина племени квомы (Новая Гвинея) также должен был иметь трех друзей, которые не могли быть кровными родственниками, но с которыми, будучи подростком, он «породнен» актом инициации. Отношения дружбы строятся на взаимной поддержке во всем: по просьбе друга человек может даже украсть фетиши собственного рода; он называет отца своего друга своим отцом. У индейцев команчей друг-побратим значительно ближе родного брата; в случае нужды сначала обращаются к другу и только потом к родственникам¹.

В европейской цивилизации издавна было принято, чтобы юноша связал себя крепкими пожизненными узами дружбы с другими молодыми людьми. Представители одного пола дружат в детском саду, в начальной и старшей школе, на университетской скамье, в зрелом возрасте и в глубокой старости. И каждый раз это разная дружба. Ее эмоциональное и духовное содержание меняется от наивно романтического до зрелого и иронического тонов.

Известно, что в своей семье ребенок получает необходимые ему социальную защиту и эмоциональную привязанность. Однако взрослея, он стремится выйти за рамки первичной общности, приобрести большую, чем была в семье, свободу действий, но без утраты защиты и принадлежности. Эту функцию выполняет группа сверстников — общность индивидов одинакового возраста. Любящие нас люди и друзья, принимающие нас вместе с нашими причудами, противоречиями и прочими «прибамбасами», подтверждают наше право быть уникальными. Таким образом, друг и любящий подчеркивают самое важное качество и претензию человека — быть *уникальной личностью*.

В городской толпе мы на какое-то время оказываемся физически близкими к огромному количеству людей, с которыми, однако, не чувствуем почти никакой духовной связи. Оказывается, в плотном пространстве города физическая близость существует одновременно с духовной отдаленностью.

Потребность в любви и понимании ближних тем больше, чем больше численность людей на земле. То есть чем больше посторонних и незнакомых, равнодушных, прохожих, не замечающих тебя людей. Мир наполнен безличными людьми. И чем больше безлич-

¹ См.: Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.

ных отношений наполняет нашу жизнь, тем больше потребность человека в личных, доверительных отношениях. Отношениях, построенных на любви и понимании.

Однако не у всех народов и не во все эпохи дружбе придается столь важное значение. Мы, русские, стараемся окружить себя верными друзьями, а вот американцы живут иначе. Примерно раз в две-три недели американцы устраивают «парти» — вечеринку для знакомых или сами идут на такую «парти». Именно знакомых, а не друзей, ибо понятия «друг» в русском смысле в США не существует. Это отметил в своем бестселлере «Русские» Хедрик Смит, проведший много лет в России, в специальной главе о феномене дружбы. Он указал, что английскому слову friend соответствует русское «знакомый», а слову «друг» эквивалента в современной Америке нет. Если американцу надо излить перед кем-то душу, поделиться сокровенными мыслями или тревогами, он платит около 100 долл. и идет на прием к доктору-психоаналитику.

Общностные отношения, основанные на доверии, знакомости, симпатии и дружбе, в современную эпоху уступают место совсем другим, общественным отношениям, основа которых — рациональный обмен, т. е. обмен находящимися в частном владении вещами. Подобные отношения имеют вещную природу и лишь отчасти строятся на общностных отношениях. Но различия между ними в том, что общественные отношения могут существовать даже между врагами, если индивиды готовы сознательно участвовать в них. Сущность общественных отношений заключается в сознании полезности и ценности для участников этих отношений, следовательно, они имеют рациональную структуру.

Семья и дом. К первичным формам общности Теннис относит родство, соседство и дружбу. Он полагал, что наличие общности можно констатировать там, «где люди через свою волю органично связаны друг с другом и положительно относятся друг к другу». Положительные отношения — это эмоциональные, добросердечные и дружественные связи между людьми. Без них невозможно существование общности в целом и семьи в частности. Вслед за Шопенгауэром Теннис придавал огромное значение роли чувств в социальной жизни, а особенно симпатии, считая ее уникальной силой, способной сплачивать людей в единое целое. Особенность ее в том, что она естественна и социальна одновременно. Симпатия между людьми возникает при наличии общих интересов.

В первичной общности главную роль играют эмоциональные отношения: 1) матери к детям; 2) братьев и сестер между собой; 3) мужа и жены. Это своего рода фундаментальные, или базовые,

взаимоотношения, которые завершаются отношением отца к детям. Такова пирамида семейно-родственных отношений в первичной ячейке человеческого общества, как принято сегодня называть семью.

Рис. 3. Пирамида отношений семейного родства Ф. Тенниса

Наряду с кровным родством к общинным связям относятся соседство и дружба. В противоположность общине для общества характерна «механическая» связь отношений индивидов, построенных на рациональном расчете. Здесь царят целерациональная воля и произвол. Напротив, в общине воля индивидов бывает разумной, но не рациональной.

Общность и община — это воплощение живой связи людей, естественно возникающих отношений. Напротив, общество символизирует механический артефакт или социальную конструкцию. В первом случае торжествует согласие как глубинный уровень единения людей, а во втором — соглашение, юридическое, торговое, общественное. Первичный тип солидарности, присущий семье, базируется на близости, доверии, глубине чувств, готовности прийти на помощь. Биологической основой здесь выступает инстинкт, который наиболее ярко присутствует в отношении матери к ребенку.

Единство воли в структуре семейных отношений определяется *инстинктом* (значение которого оценивается довольно сдержанно), *привычкой и памятью* о взаимно доставленных радостях, т. е. так или иначе опосредовано *ментальными*, а не только телесными характеристиками¹.

¹ Филиппов А. Ф. Ф. Теннис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. Социология XIX века. Профессионализация социально-научного знания. М., 1997. С. 316.

Место жительства первичной общности, прежде всего семьи — кровно-родственной ячейки — *дом*. Дом может рассматриваться как единичный (изолированный), причем в нем выделяются три слоя: хозяин и его жена или жены, их потомство, а также — как внешний круг — слуги и рабы. Дом может быть также деревенским: соседство характерно для жизни в *деревне* (селении — *Dorf*). По аналогии с домом, где имеются господин и слуги, может оформляться и отношение домов, если речь идет о *клане* — «семье до семьи» и «деревне до деревни». Дом главы клана и господский двор находятся в центре селения или возвышаются над ним («бург»)¹.

Семья в деревне и городе. Семейная организация составляет базис социальной жизни не только в деревне, но и в городе. Учитывая универсальный характер такого типа общности, как семья, Теннис полагает уместным считать деревню и малый город расширенной формой семьи, а клан и дом — уменьшенной ее копией. В крупном или столичном городе, а также в метрополии семейная жизнь неузнаваемо преобразуется, причем в худшую сторону. Рвутся родственные узы, падает влияние семьи на детей, прерываются традиции и преемственность поколений, нарушается беспрекословный авторитет старших. Семья не может составить достойную конкуренцию влиянию большого города. Семья превращается в случайный, а город — в постоянный фактор воздействия на поведение людей. По Теннису, в городской, индустриальной среде дружеские отношения оттесняются на периферию социального бытия.

Профессиональная занятость и развитая сфера досуга выманивают людей из замкнутого семейного круга на широкое городское пространство, где они превращаются в безликих фигурантов толпы, тусовки, предпринимательства, политических игр. Встречаясь чаще в городе, нежели в семье, родственники постепенно замещают стереотипы поведения близких людей на стереотипы незнакомых, чужих и посторонних². Дом остается прибежищем для двух поколений — немощных стариков, которых город уже ничем не может привлечь, и малых детей, которых он еще не успел захватить в свои сети. Стремление побыстрее интегрироваться в городское сообщество особенно присуще культурным, социальным и политическим мигрантам, которые стремятся стать как все, кото-

¹ Филиттов А. Ф. Ф. Теннис как основоположник немецкой социологии // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. Социология XIX века. Профессионализация социально-научного знания. М., 1997. С. 316.

² Halperin R. Practicing Community: Class Culture and Power in an Urban Neighborhood. Austin, TX: University of Texas Press, 1998.

рых тяготит семейный быт, привезенный с исторической родины. Они вырываются из домашнего круга, потому что он напоминает им о том, что они еще не смешались с другими горожанами и не стали как все. Приблизительно в таком же положении находятся выходцы из села, отличающиеся от иноприезжих тем, что говорят на одном со всеми языке и знают традиции этой страны. Тем не менее привезенные из деревни народные традиции, обычаи, привычки и даже говор становятся часто барьером на пути к интеграции в городское сообщество.

Старшему поколению труднее, нежели молодому, интегрироваться в непривычную среду. Для них поступать в соответствии с традициями и обычаями означает чувствовать себя комфортно, вести привычный и психологически необременительный образ жизни. Поступая привычно, они поступают так, как им нравится. Напротив, молодому поколению приходится прилагать усилия к усвоению новых правил и отказу от старых. Они быстрее усваивают инновации, интегрируются в новое сообщество, но они же все дальше уходят от родительской семьи, все быстрее растворяются в анонимной городской общности.

Разрушителем семейной общности выступает индивидуализм. В городской среде он развит гораздо больше, чем в сельской. Традиционное общество основано на коллективизме, авторитете старших, уважении к предкам, передаче традиций, разветвленной системе родства, натуральном хозяйстве. Современное общество все меняет на деньги, которые отныне становятся измерителем степени близости людей и меры прочности их отношений. В крупном городе человек приобретает свободу действий, его интересуют такие вещи, которых не было или которые не ценились в архаичной среде, а именно величина заработной платы, пенсионное обеспечение, престижная работа, выгодные связи. А во главе всего стоят деньги — основной механизм городской жизни. На них человек может купить все, что захочет. Удовлетворяя любые желания индивида, деньги делают его свободным и эгоистичным. Из коллективиста горожанин превращается не только в индивидуалиста, но и в откровенного гедониста, любителя наслаждений.

Лицо. Субъектом общественных отношений является «лицо» — объект формально-юридических связей. Когда мы говорим о физическом или юридическом лице, которое должно вовремя платить налоги, заключать какие-то договоры, вступать в контрактные и административно-правовые отношения, то представляем себе нечто отчужденное и абстрактное. Лицо — собирательный и отчасти пугающий образ, под которым скрываются вполне земные люди и конкретные учреждения. Но как только их назвали лицом, вся теплота и конкретность куда-то исчезают. Перед нами только социальные маски, обобщенные лица, категории и т. п.

Государство или учреждение есть коллективное искусственное лицо, наделенное полномочиями и законной силой влиять, воздействовать, ограничивать, принуждать, направлять, организовывать. В распоряжении такого лица находятся вполне достаточные материальные, финансовые, людские ресурсы, а если надо, то и военные.

Учреждение или государство как обобщенное лицо может быть репрезентировано (представлено) первым лицом (президентом, монархом, директором) либо правомочной корпорацией, функцию которой способно выполнять общее собрание, совет директоров, парламент и др.

«Лицо» есть внешнее механическое единство, определяемое внешним, случайным образом.

Множество лиц способно составить систему и конституировать «фиктивное лицо», представленное собранием или отдельным индивидом. Если «общинные» отношения предполагают «высшую самость», то «общественные» — «искусственное лицо». Отсюда следует и различие главных экономико-правовых категорий. В первом случае (община) речь идет о «владении», «земле», «территории», «семейном праве», во втором (обществе) — об «имуществе», «деньгах», «обязательственном» (торговом) праве. Сюда же Теннис добавляет и противоположность статуса и контракта (договора).

Корпорация. В корпорацию людей сплачивает общее отношение к земле, первоначально неотделимое от сознания или мнения кровных родственников. Ярким примером корпорации выступает деревенская община (Dorfsgemeinde). Ее сущность заключается в практикуемом сообща искусном возделывании земли и владении маркой.

Источниками возникновения корпорация могут быть:

1) естественные отношения людей, если они стали социальными. Возникают на основе родовой общины, родового союза или клана. Характеризуется тем, что из простого чувства сплоченности вырастает постоянное чувство «Я»;

2) земля и совместное проживание. Это узы, связывающие людей наряду с узами происхождения, однако последние со временем ослабевают;

3) более тесная совместная жизнь (город).

Корпорацию, например предприятие или университет, можно считать социальной организацией¹, толкуя ее как форму упорядо-

¹ Термин «социальная организация» самим Теннисом не употребляется, во всяком случае в современном его понимании. Но это вовсе не означает, что мы не вправе прибегнуть к нему, когда возникает необходимость прояснить весьма запутанный язык автора «Общности и общества», растолковав современным студентам смысл столь далеких и уже загадочных писаний.

ченной деятельности людей, протекающую по четким законам (по Теннису на основе «избирательной» воли). Искусственной организацией называется потому, что организация создана кем-то ради выполнения легитимной цели, например производства товаров или оказания платных услуг, при помощи институционализированных механизмов подчинения.

Корпорация — это собирательный образ самых разных типов социальной организации. Сюда Теннис включает деревенскую и родовую общину, политическую и христианскую общину, античный полис, средневековые городские коммуны, университеты и промышленные гиганты. Все они — репрезентативные типы социальной организации.

Социальная организация — способ совместной деятельности людей, при котором она принимает форму жестко упорядоченного, регулируемого, скоординированного и направленного на достижение конкретных целей взаимодействия; объединение людей, стремящихся к реализации определенных целей путем упорядоченности. Социальная организация напоминает общество, разница лишь в масштабе. Корпорация Тенниса тоже является уменьшенной моделью общества и вырастает до государства как искусственной надстройки общества:

«Эти корпорации и общины уходят своими корнями в ту изначальную сплоченность, которая в изложенном здесь понимании и есть общность. Несмотря на то что первоначальная совместная сущность, выражающаяся в совместном проживании и взаимодействии, модифицируется, она все же сохраняется и может обновляться в духовных формах взаимодействия, а в дальнейшем и в совместной жизни вообще, в особенности политической, так что народ, тем более если он сплотился в государственный союз или только стремится к нему и если он чувствует себя связанным общим языком, хочет как народная общность представлять собой единство, которое может возрасти в национальном сознании и национальной гордости, но при этом легко теряет свою первоначальную подлинность»¹.

Гражданское общество. Теннис считает, что «гражданское общество» («burgerliche Gesellschaft») формируется как верхушечный феномен, который постепенно распространяется на весь народ и все человечество. Верхушечность здесь надо понимать двояко: 1) как поверхностность социальной жизни, отсутствие должной глубины и 2) как высший этап развития общины во время великого перелома. В связи с возникновением гражданского общества Теннис вовсе не случайно употребляет выражение о том, что «проис-

¹ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 226.

ходит великая перемена: в то время как вся жизнь вырастает и черпает силы из народных глубин, гражданское общество формируется как верхушечный феномен, постепенно распространяющийся на весь народ и все человечество. Будучи совокупностью (Gesamtheit) индивидов и семей — прежде всего тех, кто обладает частью гражданского богатства, то есть землей и капиталом как необходимыми средствами производства всякого рода благ, — оно по своей сущности есть совокупность (Samtschaft) преимущественно экономического характера»¹.

Перемены действительно значительны. Первобытный строй, из недр которого медленно поднимается гражданское общество, вовсе не подготовлен к глобальной революции: численность невелика, общественные отношения неразвиты, во всем царят архаика и консерватизм. Теннис не сумел на простом и ясном языке объяснить нам смысл происходящего. Вряд ли проясняют суть дела невнятные рассуждения о том, что к тому времени «новое взаимодействие, происходящее из потребностей, интересов, желаний, решений действующих личностей», приводит к сужению доли собственно общностных отношений и расширяет сектор общественных элементов внутри родо-племенного строя. Приращение качества выразилось в появлении космополитичности и социалистичности отношений, наконец, в пробуждении индивидуализма². Позже Дюркгейм выразится проще и точнее: сквозь плотный строй коллективного единомыслия прорвалась воля отдельной личности, вполощенная на раннем этапе в фигуре вождя. Только он мог бросить вызов общественному мнению, заявив о начале новой исторической эпохи. Вслед за тем формируется целый слой людей, называемых бигменами (племенной аристократией), располагавших значительными богатствами, политическим весом и собственными интересами. Гражданское общество, свободное выражение своего мнения, демократизм и ростки рыночных отношений явились логическим шагом в подобной эволюции. В результате феномен гражданского общества стал всего лишь институциональным закреплением наметившихся в обществе глубоких перемен. Переворот начался приблизительно 5—7 тыс. лет назад, достиг пика в V в. до н. э., а потом затих на целых две тысячи лет, возобновившись лишь после трех великих революций Нового времени: английской, французской и американской. В конечном итоге гражданское общество закрепило историческое право народа иметь собственность и право личности выражать собственное мнение. И не только закрепило формально, но и стало их реальным защитником.

¹ Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3—4. С. 226.

² Там же.

В современном понимании «гражданское общество» (по преимуществу) трактуется как совокупность неполитических отношений, не обязательно экономического характера. В качестве идеологического понятия гражданского общества указывается, какой должна быть реальность, к которой устремлены прогрессивно мыслящие люди, гражданское общество — идеальное общество, суверенных свободных личностей, наделенных широкими гражданскими правами. В экономическом плане этот идеал означает многообразие форм собственности, свободный рынок, свободное предпринимательство, в идеологическом — плюрализм мнений, свободу слова и печати. Таким образом, во втором случае «гражданское общество» выражает идеал демократического общества, реализуемый в правовом государстве.

У Тенниса «гражданское общество» скорее форма общественного сознания, выросшая на экономических взаимоотношениях и дорастающая до такой формы сознания, когда государство мыслится как «средство улучшения жизни общества, удовлетворяя все разумные потребности». И если мыслить терминами Тенниса, гражданское общество — высший этап развития корпорации, или, уже в нашей терминологии, высший этап развития социальной организации.

Эволюция общества. У Тенниса эволюция общества предстает как переход от первого типа ко второму в результате нарастания рациональности.

Касаясь динамики общества, Теннис полагал, что «общинная» социальность в ходе истории все больше вытесняется «общественной» социальностью. Отсюда открывался путь для анализа нравов, права, семьи, хозяйствования, деревенской и городской жизни, религии, государства, политики, общественного мнения, присущих современному обществу.

По мнению И. С. Кона¹, «община» и «общество» у Тенниса присутствуют на всех этапах исторического развития, но в разной пропорции. На ранних стадиях развития, пока люди живут сравнительно небольшими группами и в патриархальных условиях, преобладает «общинность». По мере того как общественные связи становятся все более универсальными, значение «общинных» отношений, в том числе и дружбы, снижается. Они становятся всего лишь островками «человеческого» в мире безличной расчетливости.

Учение Тенниса оказало немалое влияние на мировую социологию. Именно Теннис считается отцом немецкой социологии. Вместе с В. Зомбартом и М. Вебером он основал Немецкое социологическое общество и вплоть до прихода к власти нацистов оставался

¹ См.: Кон И. С. Дружба. Этико-психологический очерк. М.: Политиздат, 1980.

его председателем. Его идеями вдохновлена концепция денег и социальной эволюции Г. Зиммеля, теория механической и органической солидарности Э. Дюркгейма, типология социального действия у М. Вебера, социологии отношений Л. фон Визе, социологическая концепция А. Фиркандта, социология города знаменитой Чикагской школы, в частности работы Р. Парка и Л. Вирта, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, социология общественного мнения, гештальт-социология и другие направления. В 1992 г. Институт социологии Гамбургского университета (директор Александр Дайксель) выпустил библиографию трудов Ф. Тенниса, насчитывающую более 1000 названий¹. На Международных конгрессах социологов работают секции, связанные с изучением Теннисовского наследия. В середине 1980-х гг. в Киле учреждено Общество Фердинанда Тенниса (Ferdinand-Toennies-Gesellschaft), в Гамбургском университете создана «Теннисовская» исследовательская группа (Ferdinand-Toennies-Arbeitsstelle).

Сегодня Теннис — один из наиболее востребованных авторов. Кардинальные сдвиги в современном обществе, рассмотренные Теннисом в его главном труде, получили концептуальное оформление в *теории модернизации*.

¹ *Toennies F. Werkverzeichnis / Herausgegeben von Fechner Rolf. Berlin: Walter de Gruyter, 1992.*

ГЛАВА 3. Органическая и механическая солидарность

Э. Дюркгейма

Проблема социальной солидарности занимала центральное место не только в научном творчестве *Эмиля Дюркгейма* (1856—1918), как и всей французской социологической школы. О ней писали А. Сен-Симон, Ш. Фурье, О. Конт. Для социологии нет более гуманной задачи, считали ее представители, чем понять, что побуждает людей жить сообща, почему для них стабильный социальный порядок выступает наивысшей ценностью, какие законы управляют межличностными отношениями. Но не только понять, а предложить правительству конкретные рекомендации по устройству современной жизни. Не борьба классов, а совместное существование всесторонне развитых личностей (не замкнутых в классовые, профессиональные или кастовые интересы), «солидарное бытие» является у Дюркгейма высшей целью.

В соответствии с таким гуманистическим замыслом он строит всю программу своей деятельности, которую можно подразделить на четыре части: 1) построение «правильной» методологии должно вооружить социолога надежным инструментом познания; 2) анализ исторической эволюции разделения труда призван показать «правильный» путь движения человечества от механической (примитивно-принудительной) к органической (сознательно-добровольной) солидарности; 3) конкретное (статистическое) исследование сущности самоубийства ставит своей целью выявить аномальные состояния, отклонения от «правильного» пути (т. е. солидарности) и предупредить человечество о возможных последствиях разрушения общественного порядка; 4) учение о религии и воспитании вооружает нас «правильной» технологией преодоления кризисных состояний и укрепления солидарности.

Дюркгейм (Durkheim) *Эмиль* (1858—1917) — французский философ, социолог и антрополог. Продолжая традиции О. Конта, Д. испытал также влияние Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Спенсера. Родился в Эпинале в семье небогатого потомственного раввина и готовился к религиозной карьере, но после смерти отца отказался от замыслов. Первоначальное образование получил

Эмиль Дюркгейм
(1858—1917)

в колледже родного города, в 1879 г. поступил с третьей попытки в Высшую Нормальную школу в Париже, которую закончил в 1882 г. В течение трех лет преподавал философию в провинциальных лицеях Франции. В 1893 г. защитил докторскую диссертацию *О разделении общественного труда* и в 1896 г. возглавил кафедру социальных наук. Это была первая кафедра и первый учебный курс по социологии не только во Франции, но и во всем мире. С 1887 г. вел курсы по социологии и педагогике в университете Бордо, в 1902 г. стал профессором социологии и педагогики в Сорбонне. Работая в университете Бордо, Э. Дюркгейм публикует две свои самые знаменитые работы: *Правила социологического метода* (1895) и *Самоубийство* (1897).

Социальная солидарность — главная сила, цементирующая и сплачивающая общество, создающая общественное целое. Она возникает как логическое следствие общественного разделения труда, т. е. специализации и распределения людей по профессиям. Индивиды, связанные трудовыми функциями в единую систему общественных отношений, становятся уже не просто носителями профессиональных ролей, но и социально зрелыми личностями. Солидарность покоится на *коллективном сознании* — совокупности общих верований и чувств, которые разделяют члены одной группы или общества. Коллективное сознание отражает характер народа, его идеалы и традиции.

Коллективное сознание. Изучая эволюцию человеческого общества, Э. Дюркгейм столкнулся с особым феноменом, который он назвал коллективным, или общим, сознанием. Французский социолог подразумевал под ним «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества», которая и образует определенную систему, имеющую свою собственную жизнь»¹. Собственная жизнь, определенная система указывают здесь на онтологический статус коллективного сознания. Оно имеет особую, «отдельную реальность». Иначе говоря, существует объективно, независимо от нашей воли и сознания, хотя такую реальность нельзя ни сфотографировать, ни измерить каким-либо физическим прибором.

Коллективное сознание есть «нечто совсем иное, чем частные сознания, хотя оно осуществляется только в индивидах. Оно — психический тип общества, тип, имеющий свой способ развития, свои свойства, свои условия существования», — поясняет сказанное Дюркгейм². А раз так, то для обозначения особой реальности нужен специальный термин.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 63.

² Там же.

Коллективное сознание обладает реальной силой, воздействующей на поведение отдельных людей. Это и понятно, так как группа и коллектив действуют и чувствуют совершенно иначе, учил Дюркгейм, чем сделали бы это отдельные, разрозненные индивиды. Все мы устроены так, утверждает Дюркгейм, что во всякое время — в лихолетье или дни торжества — любим общество тех, кто думает и чувствует как мы. Граждане предпочитают общество своих соотечественников, нежели иноземцев, особенно оказавшись на чужбине. Индивиды притягиваются друг к другу благодаря общим верованиям и сходным чувствам. Последние и составляют условия существования коллектива, важнейшую предпосылку их духовного бытия.

Коллективное создание представляет для общества особую и предпочтительную ценность. Если общие верования, дорогие каждому идеалы и традиции оказываются под угрозой, то всеобща берутся за их охрану. Общие ценности и чувства могут разрушаться в результате нашествия врагов или преступлений самих соотечественников. Оскорбление общих верований как тягчайшее преступление карается особенно сильно. Так коллектив защищает себя от посягательств агрессивной личности, не считающейся с законами и обычаями, обретая в этой борьбе еще большее единство.

Чем больше коллективное сознание как своеобразный голос общественной совести регламентирует социальную жизнь общества, тем теснее и крепче связь индивида с группой.

Ткань социальных отношений уплотняется благодаря коллективному сознанию, т. е. наличию общих интересов и убеждений, верований и стремлений. Разделение труда и специализация индивидов на выполнении какой-то конкретной функции вносят разнообразие в общество. Но чем больше в нем разнообразие, тем сильнее в людях стремление к единству и обмену деятельностью. Символом же обмена, его юридической формой выступает у Дюркгейма договор. Обмен предполагает взятие на себя взаимных обязательств. Из этого проистекают сотрудничество и кооперация. «Кооперировать действительно значит разделить между собой общее занятие. Если это последнее разделено на занятия качественно подобные, хотя и связанные друг с другом, то мы имеем разделение труда первой степени, или простое. Если они разной природы, то мы имеем сложное разделение труда, или собственно кооперацию»¹.

Развитая форма кооперации выражается договором. Договоры между покупателем и продавцом, предпринимателем и рабочими, ссужающими и занимающими, доверителем и поверенным пред-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 98.

ставляют собой известную форму взаимодействия, кооперации. Их отношения регламентируются правом или законом, на которых основаны социальные институты общества. Можно сказать, что подобные отношения уже как-то организованы. Хотя это еще не трудовые организации в строгом смысле.

В строгом смысле кооперации и трудовые организации не являются клеточками либо зеркалом коллективной жизни, коллективного сознания. Отношения между предпринимателем и рабочими слишком специальные, чтобы стать предметом общих чувств или представлений. Не всегда гражданам приходится выступать в роли кредитора, опекуна, предпринимателя и т. д. Здесь речь идет о специальных группах, взаимоотношения в которых регулируются техническими правилами, имя которым — администрирование. Нарушение правил здесь не вызывает всеобщего негодования или осуждения, не грозит целостности общества. Мало кто убивается по поводу разорения того или иного предпринимателя, кроме близких ему людей.

Малые части общества, организованные внутри себя, также стремятся к целостности и солидарности, как и общество в целом. У них тоже развивается коллективное, а точнее, групповое сознание. Соотношение между групповым и общекolleктивным сознанием такое же сложное, как между общественным и индивидуальным.

От механической к органической солидарности. Полагаясь на понятие социальной солидарности, Э. Дюркгейм построил одну из самых плодотворных теорий развития общества в мировой социологии¹. От степени солидарности зависит состояние общества — нормальное или патологическое. Патология общества получила у Дюркгейма название *аномии* — ощущения отсутствия норм, возникающего в обществе, членов которого не только убедили, но и воспитали быть законопослушными, однако не позаботились создать для этого необходимые условия, прежде всего законодательные. Общество, по Дюркгейму, — это особая реальность, несводимая к сумме составляющих его элементов, а позже он говорил об обществе как о Боге, превосходящем по моральной и материальной силе индивида и навязывающем ему определенное поведение и мышление.

Разделение труда вносит разнообразие, и чем больше оно, тем сильнее у людей *стремление к единству и обмену*. Символом обмена, его юридической формой выступает договор. Обмен предполагает, что два человека берут на себя *взаимные обязательства*. Из этого проистекают сотрудничество и кооперация. Коопериро-

¹ Подробнее см.: *Кравченко А. И.* Трудовые организации: структура, функции, поведение. М.: Наука, 1991.

ваться — значит поделить между собой общее занятие. Договор покупателя с продавцом или предпринимателя с рабочим — форма *социального взаимодействия*. Их отношения регламентируются правами и законами, на которых покоятся социальные институты общества.

В книге «О разделении общественного труда»¹ Дюркгейм анализировал также и «ненормальные» формы: аномию (отсутствие законности и порядка), социальное неравенство, рутинизацию труда, деградацию рабочей силы, классовые конфликты.

В этом сочинении Дюркгейм изложил также теорию строения и эволюции общества. Согласно Дюркгейму, развитие человеческого общества проходит две фазы: 1) механической солидарности (доиндустриальное общество); 2) органической солидарности (часть доиндустриального и все индустриальное общество).

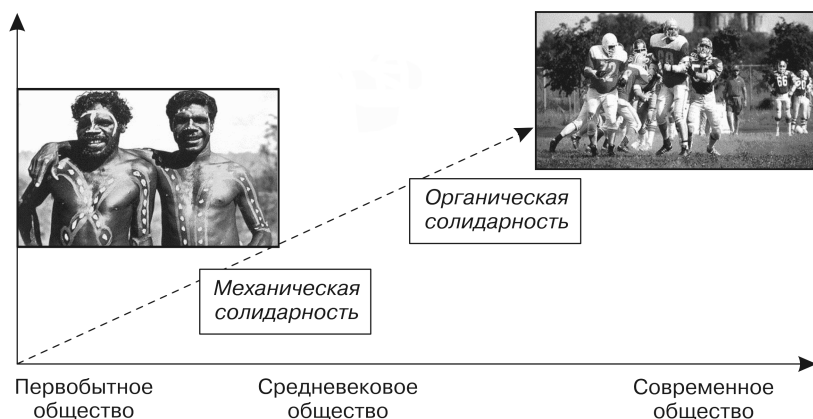

Рис. 1. Теория механической и органической солидарности Э. Дюркгейма

Для ранней стадии, механической солидарности, характерны жесткая регламентация, подчинение личности требованиям коллектива, минимальный уровень разделения труда, отсутствие специализации, единообразие чувств и верований, господство обычаев над формальным правом, деспотическое управление, неразвитость личности, преобладание коллективной собственности.

На поздней стадии, при органической солидарности, символизирующей современное общество, сокращается тирания коллек-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западно-европейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 256—309.

тивного сознания и возрастает суверенитет отдельной личности, появляется понятие частной жизни. На смену клану приходит вначале семья, а затем трудовая организация. Ее нынешняя форма — промышленная компания. Индивиды группируются уже не по признакам родства, а по содержанию трудовой экономической деятельности. Их круг общения — не род, а профессия. Место и статус человека определяют не единокровность, а выполняемая функция. Классы, заменившие собой кланы, формируются в результате смешения профессиональных организаций с предшествовавшими им семейными формами.

В примитивных обществах, основанных на *механической солидарности*, личность не принадлежит себе и поглощается коллективом. Напротив, в развитом обществе, основанном на *органической солидарности*, оба дополняют друг друга. *Чем примитивнее общество, тем больше люди похожи друг на друга, тем выше уровень принуждения и насилия, ниже ступень разделения труда* и разнообразия индивидов. Чем больше в обществе разнообразие, тем выше терпимость людей друг к другу, шире базис демократии. Чем глубже разделение труда, тем больше появляется новых профессий.

В примитивных обществах, основанных на механической солидарности, индивидуальное сознание во всем следует и подчиняется коллективному. Личность здесь не принадлежит себе, она поглощается коллективом. Напротив, в зрелых обществах, основанных на органической солидарности, оба начала дополняют друг друга, не поглощаясь. Гарантия личности здесь — это не просто словесное признание прав и свобод человека, автономности сознания, но прежде всего признание самостоятельной сферы действия за индивидом¹. В действиях проявляется свобода человека. Это означает, что коллективное сознание должно быть открыто для индивидуального.

Разумеется, степень свободы личности от коллектива точно измерить нельзя, она величина условная. Даже в своих профессиональных занятиях, выступая членом той или иной организации, «мы согласуемся с обычаями, навыками, которые нам общи со всей нашей корпорацией. Но в этом случае испытываемое нами иго менее тяжело, чем когда все общество давит на нас...»².

Если трудовая организация, обладающая своей непохожей на общество корпоративной моралью, служит своего рода мостом между индивидом и обществом, то ее социальную функцию трудно переоценить. Она своеобразный стабилизатор напряжения.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 103.

² Там же. С. 104.

Коллектив давит не прямо на индивидов, выравнивая их по единому стандарту, насилуя индивидуальное в человеке, а опосредованно, через организации. Если последние образуются на основании сходства индивидуальных черт группы людей, солидарны внутри себя и в то же время не похожи на других, то внутри них развивается микроклимат, способствующий развитию личности-го начала.

Организации защищают личность от насилия коллектива. Стало быть, чем разнообразнее индивиды в обществе, тем более разнообразными должны быть и трудовые организации, их объединяющие. Значит, отношения между организациями и в обществе в целом постепенно становятся все более терпимыми, демократичными. От выигрыша частей целое не проигрывает. Напротив, солидарность в таком обществе обретает новое качество. «Каждый орган... имеет тут свою особую физиономию, свою автономию, и, однако, единство организма тем больше, чем явнее эта индивидуализация частей. На основании этой аналогии мы предлагаем назвать органической солидарность, происходящую от разделения труда»¹.

Чем более примитивно общество, тем больше сходства между индивидами, тем рудиментарнее разделение труда и более ярко выражен коллективный характер общества. И в таком обществе репрессивные функции права преобладают над всеми другими. Механическая солидарность подчеркивается принуждением и насилием. Разнообразие же предполагает терпимость и демократию.

По мере дальнейшего разделения труда границы между профессиями стираются, их различия становятся все менее выпуклыми. Зато разнообразие внутри профессий усиливается. Возрастает и количество профессий². Следовательно, разнообразнее специализация индивидов, выполняемые ими функции. Поэтому более сложными и дифференцированными становятся трудовые организации, основывающиеся не на сходстве, а на разнообразии функций.

Солидарность на сходстве, убежден Дюркгейм, слабее солидарности на разнообразии. Если коллектив удовлетворяет какую-то одну социальную потребность индивида, например в защите, то индивид имеет только одну точку соприкосновения с коллективом. Такая односторонняя связь всегда слабая многосторонней, ее легче разорвать. Вот почему в примитивных обществах члены какой-то группы легко входили в нее и легко уходили. Не только калмыки и монголы, на которых ссылается Дюркгейм, но и русские крестьяне

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 108.

² Там же.

легко покидали своего хозяина (помещика), во всяком случае до середины XVII в., как только он начинал сильно притеснять их. Они уходили на свободные земли юго-западной части России и Сибири, основывая новые поселения и трудовые организации. Так сформировалось донское казачество и начиналась колонизация Сибири.

В низших обществах при незначительном разделении труда, хотя и преобладало деспотическое управление, солидарность оставалась слабой. Всякий был свободен удалиться вместе со своей семьей. Социальные связи были не так прочны, как в современном обществе с развитым разделением труда. Римляне с легкостью раздавали права гражданства покоренным племенам, взятые в плен могли легко инкорпорироваться в новое общество, хотя бы через усыновление. В нынешних же обществах процесс гражданской ассимиляции — натурализация — очень сложен и длителен (например, в США).

Чем стереотипнее коллективное сознание, проще обычаи и верования, тем менее развитой должна быть личность. Наоборот, чем сложнее и неопределеннее правила поведения, тем больше требуется индивидуальной рефлексии для того, чтобы общие нормы применить к частным случаям. С прогрессом общества средняя степень интенсивности и определенности коллективного сознания, согласно Дюркгейму, убывает¹. Если раньше коллективное сознание регулировало все сферы социальной жизни, то впоследствии — все меньшую и меньшую часть их. Если на ранних стадиях авторитет главы семейства почитался общественным долгом, то уже в Древнем Риме уважение к отцу стало частным делом каждого. Общество в целом это уже не интересовало.

Но, выйдя из-под коллективного контроля, семейная жизнь уже изменялась от дома к дому; семейные чувства потеряли свое однообразие и определенность, полагает Дюркгейм. Из коллективной жизни постепенно выделяется новая сфера — частная жизнь. В развитом типе современного общества неприкосновенность частной жизни гарантируется всеми его институтами. Напротив, в менее развитых обществах, особенно тоталитарных, частная жизнь индивидов не защищена от насилия со стороны коллектива.

В простых обществах регламентированы все стороны экономической и социальной жизни. Дюркгейм ссылается при этом на Фюстеля де Куланжа, который писал, что прежде государство сохраняло свою тиранию до мелочей. «Одежда обыкновенно утверждалась неизменно законами каждой общины: законодательство

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 121.

Спарты регулировало прическу женщин, а афинское запрещало им приданое больше трех платьев. В Родосе закон запрещал брить бороду... В Спарте, наоборот, он требовал, чтобы брили усы»¹.

Вместе с тем при излишней регламентации бытовых мелочей архаическое законодательство неспособно было решить более важные вопросы. Например, редко где однозначно разделялись проступок и преступление соответствующим определением. Все это предоставляло огромный простор личному мнению судей и произволу правителей. Допустим, в Афинах малейшее нарушение религиозных ритуалов квалифицировалось не как проступок, а как преступление, наказываемое смертью.

Из современной истории можно привести в пример репрессивный закон 1941 г., согласно которому за двадцатиминутное опоздание советского рабочего или служащего могли сослать в лагерь на 10 лет. Фактически для многих эта мера была равнозначна смертной казни. Подобные случаи, а их можно привести множество, свидетельствуют о сохранении коллективного контроля, принявшего жестко-репрессивные формы, даже в таком прогрессивном строе, каким мы считаем социализм. По существу же сталинский его этап знаменует не что иное, как регрессивное возвращение к примитивным фазам коллективной жизни, давно уже пройденным человечеством.

В подобных обществах, где частная жизнь не отделена от коллективной, ее автономия и самостоятельность не гарантированы, авторитет общего сознания носит принудительный характер. Нередко этот авторитет приобретает атрибутику религиозного преклонения, хотя по своему содержанию он является светским, а именно идеологическим.

Для того чтобы увеличилась свобода личности, полагает Дюркгейм, недостаточно, чтобы индивидуальное сознание стало более зрелым. Нужно, чтобы оно увеличилось более, чем общее сознание, чтобы оно освободилось от ига последнего, его абсолютной и превосходящей власти². Иными словами, должны расширяться социальные функции индивидуального фактора, его удельный вес относительно других частей социального целого.

Итак, цивилизация развивается у Дюркгейма в сторону сокращения тирании коллективного сознания и возрастания суверенитета индивидуального. Исходной клеточкой, или, выражаясь словами автора «О разделении общественного труда», «социальной протоплазмой», всеобщего коллективизма служила орда. Это иде-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 127.

² Там же. С. 133.

альный тип (Дюркгейм применяет чисто веберовское понятие) механической солидарности, исключительного сходства индивидов всех и во всем.

Совершенный образец такой социальной организации можно найти у индейцев Северной Америки. Все взрослые обоих полов ирокезского племени равны между собой. Даже родство, говорит Дюркгейм, здесь еще не организовано, «ибо нельзя дать этого имени распределению) масс по поколениям»¹. В понятие «организация» Дюркгейм, видимо, вкладывает наличие кровно-родственной связи людей, механизма распределения и закрепления социальных функций между ними.

Обширный естественный коллектив — орда — распадается на частные сегменты. Это первобытная семья, т. е. сообщество единокровных родственников. Подобный сегмент социального целого французский социолог называет кланом. Социальные чувства, объединяющие людей в такую ячейку, — это коллективная месть, коллективная ответственность и взаимное наследование собственности. По существу, первобытный клан отличается и от современного клана, и от собственно семьи, ибо представляет достаточно многочисленный ареал — до нескольких тысяч человек.

Внутренняя организация клана — Дюркгейм называет ее политико-фамильной — еще достаточно слабая. Каждый взрослый держится по отношению к вождю совершенно независимо, влияние каждого основано на личных заслугах, межличностные отношения строятся на взаимном доверии и терпении, но не социальной зависимости и неравенстве. Каждый клан, иногда это отдельное население, ведет свое происхождение от одного предка. В принципе, никто еще не отличает себя от других как самостоятельную личность. Существует только одна коллективная личность и общая собственность. Такой тип неразвитых межличностных и собственнических отношений, где индивид поглощен группой, Дюркгейм называет коммунизмом².

Нераздельная собственность примитивного общества над индивидами тесно корреспондирует с поглощением личности коллективом. Однако там, где «индивиды суть простые принадлежности коллективного типа, они вполне естественно становятся принадлежностями воплощающей его центральной власти»³. Управляющая власть здесь — целиком продукт простоты коллективного сознания как демиурга общественной жизни. Простота же всегда абстрактна, поэтому нужен конкретный орган или индивид, вы-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 138.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 143.

ступающий глашатаем этой простоты. Верховный орган или вождь в первобытном клане вовсе не узурпирует коллективную власть. Он естественный выразитель коллективной воли, добровольно ему переданной. Наличие сильного коллективного сознания обязательно предполагает наличие сильной личности. К ней переходит и в ней сосредотачивается право нераздельной собственности общества над вещами.

Если управление — это прежде всего определенные профессиональные услуги, то здесь они, говорит Дюркгейм, не имеют особого значения. Их роль второстепенна, на первый план выходит авторитет управляющих как представителей и выразителей коллективной воли, доверия массы людей. Они могут исполнять свои управленческие функции плохо или хорошо, но оценивать их деятельность будут совсем по иным критериям. Главное — насколько они укрепляют коллективное единство, охраняют целостность и чистоту коллективного сознания от расколов, умеют вовремя почувствовать настроение массы. Такой логический вывод напрашивается из кратких размышлений Дюркгейма о примитивном коллективизме.

Наблюдения французского социолога наталкивают нас и на другие суждения, имеющие опять же тесную связь с современностью. Примитивный клан или семья, поскольку она вынуждена заниматься обеспечением своего существования, является производящей ячейкой, трудовой организацией. Но в отличие от более поздних и современных типов первобытно-клановая организация занималась производительной деятельностью не как самоцелью. Ей просто надо было выявить. Куда важнее было осуществление коллективных функций и обрядов. Иными словами, труд для составляющих ее индивидов не был профессиональной деятельностью, так же как не было ею и управление. Они скорее побочные результаты, средство сохранить коллективное целое. Поэтому, видимо, прогресс техники и методов управления в коллективистских обществах замедлен, как замедлен и рост профессионального мастерства личности. Ты зарабатываешь кусок хлеба не потому, что хорошо трудишься, а потому, что являешься членом этого коллектива.

Справедливость подобных утверждений доказывается дальнейшим анализом Дюркгейма. В отличие от примитивных стадий в эпоху органической солидарности индивиды группируются уже не по отношению своего происхождения, но по конкретной природе своей социальной деятельности. Их первичная среда — не род или племя, а профессия. Место индивида в общественной пирамиде определяют не реальная или фиктивная единокровность, а выполняемая им функция. Зарождающиеся еще только классы и

уходящие с исторической сцены касты теперь формируются в результате смешения «профессиональной организации с предшествовавшей семейной»¹.

Но для этого было необходимо, чтобы социальная жизнь людей строилась на совершенно иных комбинациях, организовывалась на других основаниях. Одно из них — дальнейшее разделение труда и возросшее число специализированных занятий. Другое — появление административного и судебного аппарата, развитие обмена и договорного права. На смену политико-семейной приходит экономическая организация, которая и доминирует в устройстве общества. В Римской республике клан и род потеряли значение общественного учреждения. Здесь появляются первые профессиональные организации — корпорации чиновников (сенаторов, всадников, коллегии, жрецов) и ремесленников (ремесленные цехи). Одновременно выделяется понятие о светском государстве².

Усиление профессионального начала в производственной и социальной жизни соответствует усилению территориального разделения в структуре населения. Вместо кланов, родов и племен появляются территориальные округа (марка, община, сотня, село, графство, провинция, департамент). Принцип совместного проживания замещает признак совместного происхождения. Возникают новые формы группировки населения, организации коллективной жизни. С одной стороны, город и село, с другой — профессиональные союзы и трудовые (производственные) организации. Новые формы коллективной организации более гетерогенны и открыты. Оседлость и закреплённость уступают место экономической и социальной мобильности — перемещению товаров и движению рабочей силы.

Профессиональная организация общества, проникая внутрь сегментарной, разрушает ее. Концентрированным выражением этого процесса служит средневековый город. «Всякий город со своими непосредственными окрестностями образует группу, внутри которой труд разделен», но организован еще на принципах натурального хозяйства. Ибо, как отметил Г. Шмоллер, город стремится развить все отрасли промышленности и снабжать деревню (округу) всем необходимым³. Внутри города жители группируются по профессиям.

Однако, начиная примерно с XIV в., натуральный характер промышленной организации города исчезает. По мере развития международного разделения труда политические и национальные

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 144.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 148—149.

границы в специализации размываются. Вначале каждый город имел столько суконщиков, виноделов, каретников и т. д., сколько это было нужно для его жителей. Но постепенно конкуренция разрушила натуральную замкнутость: базельские суконщики у себя в городе были вытеснены эльзасскими, быстро и без особых усилий доставлявших продукцию лучшего качества. Европейская промышленность переступила национальные границы, начала исчезать еще одна черта сегментарной организации общества. Города все больше специализируются, среди них появляются университетские, фабричные, портовые, бюрократические и т. д. Профессиональная организация общества уже мало повторяет семейно-клановую или территориальную. Эволюция общества, заключает Дюркгейм, идет в таком направлении, что в будущем и социальная, и политическая организации его приобретут исключительно или почти исключительно профессиональное основание¹.

Таков в общих чертах исторический очерк коллективной жизни Э. Дюркгейма. Можно соглашаться или не соглашаться с его теоретической схемой или отдельными утверждениями. Но то, что первая не лишена эвристической силы, а вторые — исторической точности, нельзя отрицать.

Некоторые наблюдения французского социолога представляют немалый интерес и сегодня. Блистательные способности тонкого анализа Дюркгейм проявил при рассмотрении вопроса о соотношении личности и коллектива. Возвращаясь к генезису примитивного общества, он дополнил свои рассуждения о природе коллективного авторитаризма следующим пассажем: «Индивиды, вместо того чтобы подчиняться группе, подчинились тому, кто ее представлял, и так как коллективная власть в диффузном состоянии была абсолютна, то и власть вождя... естественно приняла тот же характер».

«Вместо того, — пишет Дюркгейм, — чтобы выводить умаление личности из установления деспотической власти, нужно, наоборот, видеть в этом первый шаг на пути индивидуализма. Вожди... суть первые индивидуальные личности, выделившиеся из социальной массы. Их исключительное положение, ставя их вне ряда, создает им отличную физиономию и, следовательно, индивидуальность. Управляя обществом, они не обязаны следовать всем движениям его. Без сомнения, силу свою они черпают в группе, но раз эта сила организована, она становится автономной и делает их способными к личной деятельности. Открывается, значит, источник инициативы, который до этого не существовал. Впредь есть

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 150.

уже личность, которая меняет производить новое и даже в известной мере идти против коллективных обычаев»¹.

Подобные рассуждения натолкнули нас на следующие мысли. Неисчислимые беды России, ее экономическая отсталость, политическая неразвитость и социальная дисгармония проистекают — пока это лишь гипотетическое утверждение — из неразвитости личного начала в исторической судьбе народа. Тезис о неразвитости личного начала и, наоборот, преобладании в русской истории коллективно-общинного начала, причем порой в самых примитивных, варварских формах, выдвинут был еще представителями русской государственной школы, такими выдающимися историками, как С. М. Соловьев, П. Н. Миллюков, Б. Н. Чичерин.

Неразвитость личного начала означает отсутствие в России аристократии. Речь идет не об отдельных выдающихся деятелях в литературе, политике, науке, которыми богата история страны, а о целом социальном слое. Слой, имеющем прочную экономическую базу, политическое и культурное влияние. Слой, занимающем самостоятельное место в общественной организации и разделении труда, в социальной структуре населения. И не просто занимающем, но и доминирующем, обладающем огромной социальной силой и владеющем исторической инициативой.

Под аристократией надо подразумевать не классовую элиту общества, господствующего над всеми и пользующуюся подчас незаслуженными привилегиями. Речь надо вести о социальном авторитете лучших людей, готовых жертвовать собой и своим достоянием ради общества в трудную минуту. Лучшие люди, или аристократы, есть в любом социальном слое, группе, классе. Передовые рабочие, дорожащие профессиональными ценностями, зажиточные крестьяне, собственным трудом сколотившие крепкое хозяйство и кормящие страну, инициативные руководители, предприниматели и т. п. Прогрессивно развивается лишь то общество, которое создало надежный механизм воспроизводства аристократии, умеет ее поддержать и предоставляет свободу действий.

К сожалению, в истории России чаще происходило обратное: лучших и инициативных безжалостно губили. Репрессивный механизм, будь то опричнина Ивана IV или сталинская административная система, воспроизводил и отвоёвывал жизненное пространство скорее для середняков и наихудших. Исполнительность ценилась выше профессионализма, конечные результаты труда ставились не выше его затрат, качество подменялось количеством. Уравнительный социализм и военный коммунизм утвердили примат абстрактно понятой коллективной воли, единственным выра-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 154—155.

зителем которой стала бюрократия, — а она в любом обществе рассматривается как символ посредственности и консерватизма, — над индивидуальной личностью.

По привычке мы полагаем, что личностное начало выражается в классовой борьбе народных масс, выковывается в гуще низовой демократии. Но к личности толпой не приходят. Согласно Дюркгейму, первыми индивидуальными личностями становились вожди, уже в силу своего социального положения способные противопоставить свое мнение воле коллектива. Если на минуту допустить, что на это способен рядовой член коллектива, то подобное утверждение окажется невозможным: рядовое — это всегда анонимная сила коллектива. История свидетельствует, что не средние, а лучшие являлись прообразом и генотипом личности. Подавить мнение рядового члена коллектива и раньше, и сейчас ничего не стоит. Вожди мобилизуют силу коллектива для расправы с одиночкой. Да и сам коллектив не позволит выскочке быть индивидуальным, не таким, как все. Только вожди черпают свою силу в группе, даже если выступают против ее воли.

Таким образом, объяснение социальной роли управляющих, их силу и влияние надо искать, по мысли самого Дюркгейма, не в их личных качествах или превосходстве положения, а в природе управляемых. «Надо наблюдать, каковы общие верования, общие чувства», которые сообщили отдельной личности такое могущество. Узурпация отдельной личностью коллективной воли — явление довольно частое там, где общество и коллектив не достигли высокой степени зрелости. Сильный коллектив вовсе не означает, что составляющие его люди сплошь окажутся сильными личностями. Конечно, сильный коллектив требует сильной личности, но в единственном числе. Отсюда и деспотическая власть, отсутствующая в индивидуалистически развитых плюралистических обществах. Пожалуй, можно согласиться и с таким суждением Дюркгейма: «Деспотизм, раз он не является патологическим явлением упадка, есть не что иное, как измененный коммунизм»¹. Разумеется, если термин «коммунизм» понимать так же, как понимал его сам Дюркгейм, т. е. как характеристику примитивного коллективизма, а не какого-либо современного общества.

Он возражает теоретикам, которые считают началом человеческого общества изолированного индивида. Если это так, размышляет французский социолог, то совершенно непонятно, каким образом отдельные индивиды перешли затем к кооперации и сотрудничеству. Ведь это равносильно переходу из состояния независимости к подчинению и зависимости; «для существ, родив-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 155.

шихся для свободной и одинокой жизни, подобная жертва тяжелее всего... Коллективная жизнь не возникла из индивидуальной, но, наоборот, эта последняя возникла из первой»¹.

Кооперация, служившая результатом довольно зрелой стадии разделения труда, представляет собой явление недавнее. Ее более ранний прообраз — ассоциация отражает примитивную коллективность, в которой есть диффузия, но еще нет дифференциации индивидов и функций. В ассоциации, т. е. группировании людей по сходству, не существует развитой личности и глубокой специализации занятий. Лишь на том этапе, когда оба эти процесса достигли высокой стадии, формируется кооперация. Первоначальная механическая солидарность зиждется на кровном родстве, привязанности к общей земле, на культе предков, общности обычаев. Поздняя стадия, т. е. кооперация, предполагает корпоративную (внутригрупповую) солидарность, профессиональную мораль, взаимные обязательства и обмен, договорные отношения. Она же предполагает свободу выбора деятельности и вместе с тем социальную регламентацию.

Разделение труда, приводящее к возникновению кооперации, уже предполагает существование общества, общества, которое основано на юридической регламентации. Конкуренция существовала и в примитивном обществе, но протекала она также примитивно. Вытесненные из одной сферы деятельности, люди не прибегали к другой. Они вообще убегали на незанятое пространство и там воспроизводили прежний род занятий. Но по мере развития общества и уплотнения населения конкуренция толкала людей не к перемене места жительства, а к перемене труда. Возникали новые профессии, расширялись специализация и разнообразие труда. Особенно высокой плотность населения была в городах, поэтому именно в них наиболее очевиден технический прогресс.

Причем разделение труда, согласно Дюркгейму, должно происходить стихийно, самопроизвольно, оно «не может быть сделано по предварительному плану»². Ведь невозможно заранее предусмотреть всю совокупность случайных факторов. Люди сами распределяются по родам деятельности, притираясь друг к другу, свободно выбирая потребителей и работодателей, составляя контракты и беря на себя обязательства. При столкновении частных интересов борьба и конкуренция неизбежны. Но если в обществе сильны юридические регламентации, то оно способно правильно организовать соперничество в сфере профессионального труда.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 223.

² Там же. С. 220.

По-настоящему разделение труда, полагает Дюркгейм, произошло только в Европе, ибо оно стало здесь интернациональным. Но еще раньше, к концу XVIII в., «стало образовываться коллективное сознание европейского общества»¹. Таким образом, уровень разделения труда в Европе соответствует уровню и глубине социального устройства общества. Это принципиальный момент.

Однако подобное совпадение происходит не всегда. По уровню экономического развития, широте разделения труда нельзя «судить о месте, занимаемом обществом на социальной лестнице». Страны, расположенные рядом с промышленно развитыми, но сами, будучи менее цивилизованными, способны легко усваивать поверхностные признаки цивилизованности. «Дух подражания, столкновение с более утонченной цивилизацией» оказывают двойственное влияние. В одном случае заимствование передовой технологии и подтягивание социального устройства до мирового уровня. Во втором подобное соседство ведет лишь к мнимому развитию. Стремясь догнать передовых соседей, страна фактически топчется на месте.

Так произошло с Россией в конце XIX в. На отсталый социальный строй с характерными для него диффузной коллективностью (механической солидарностью) и неразвитым личностным началом наложились технические завоевания Запада. Усвоение передовой технологии происходило поверхностно, не затрагивая глубины народной жизни (она по существу еще не была готова к стремительному индустриальному скачку) и утонув в конечном итоге в стихии русской бесхозяйственности. Так было и в XVIII, и в XIX в. При встрече различных культур форма заимствуется прежде содержания.

Нельзя целиком и полностью согласиться с мнением В. И. Ленина, высказанным им в своем раннем произведении «Развитие капитализма в России», что в стране капитализм западноевропейского образца стал фактом, ибо сложилось внутреннее разделение труда и сформировалась наемная рабочая сила². Целиком и полностью, если оставаться в рамках аргументации Дюркгейма. Для него факт разделения труда был вторичным, производным от уровня социальной жизни. Как производной от нее была и сама экономика. «Дело в том, что разделение труда, будучи... явлением производным и вторичным, происходит на поверхности социальной жизни, и особенно верно это относительно разделения экономического труда. А во всяком организме поверхностные явления по самому своему положению доступны действию внешних при-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 224.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 21—24, 59—60.

чин даже тогда, когда внутренние причины, от которых они зависят, вообще не изменились. Достаточно, чтобы какое-нибудь обстоятельство вызвало у народа более сильную потребность в материальном благосостоянии, и у него разовьется разделение экономического труда без того, чтобы заметно изменилось социальное строение»¹.

Действительно, в пореформенной России еще очень мало изменились внутренние причины. Крепостное право сковало социальную жизнь, развитие промышленности и экономических институтов капитализма затрагивало скорее поверхность общества, а его глубина (социальное строение и образ жизни подавляющего большинство населения — общинного крестьянства) оставалась косной и рутинной. Распределение наемной рабочей силы, отношения предпринимателей и рабочих мало регулировались юридическими нормами. В области трудовых законодательств Россия сильно отставала от Европы. Коллективная жизнь народа, пропитанная общинным духом, и крепостная промышленность отличались консерватизмом и принудительным регулированием. Конкуренция не пропитала собой всех ячеек экономической жизни, не стала еще движущей силой профессионализации труда, роста деловой культуры и организации. Наконец, плотность населения не была достаточно высокой для правильного, а не патологического разделения труда.

Там, где коллективное сознание достаточно примитивно, диктуемые им нормы поведения мало способствуют прогрессу разделения труда. У славян община, или задруга, говорит Дюркгейм, «увеличивается часто в мелких размерах, что нищета там бывает велика; однако так как семейный дух очень силен, то вообще продолжают жить сообща, вместо того чтобы взяться за какие-нибудь посторонние занятия, как занятия моряка, купца»². Замечание Дюркгейма в известной мере верное. Так называемое отходничество, т. е. посторонние промыслы, зародилось в российском крестьянстве довольно поздно. И то оно оставалось временным занятием, связь с землей русских полукрестьян-полурабочих не прерывалась никогда.

Отходничество (или вторичная занятость, выражаясь словами Дюркгейма) — «отречение от непрочного и все более оспариваемого существования»³, существования в качестве земледельца. Кроме отходничества, к таким формам отречения Дюркгейм относит эмиграцию, колонизацию, специализацию и самоубийство. Все они возможные формы исхода в борьбе за существование.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 225.

² Там же. С. 227.

³ Там же. С. 228.

Вместе с тем если прибегнуть к современной терминологии экзистенциализма, они суть формы ухода, или отречения (отчуждения) от родины (места жительства), прежней профессии, самой личности (самоубийство).

Чем шире миграция населения, т. е. «подвижность социальных единиц», тем слабее роль традиций в жизни общества, тем «более размыто общее коллективное сознание, опирающееся на авторитет традиций и обычая. Большие города — это центры миграции и очаги технического прогресса. Они все больше разрушают старые механизмы коллективной преемственности в труде. В городах резко сокращается удельный вес людей пожилого возраста и увеличивается — молодежи, которая склоняется скорее к моде, нежели традициям, мобильному, нежели устойчивому. Социальные нововведения, «волны прогресса» и увлечения делают коллективную жизнь дискретной. Индивид, ускользая от ига коллективных привычек, вопреки Тарду не подпадает под них снова, но становится к ним более индифферентным¹. В больших городах индивид гораздо больше свободен от коллективного ига, чем в малых. Ведь нигде так хорошо не скроешься, говорит Дюркгейм, как в толпе.

Стало быть, чем многочисленнее группа людей, тем слабее в ней социальный надзор и сила коллективной цензуры. Но вот парадокс: стоит коллективному надзору ослабнуть, как появляется взаимное равнодушие, но одновременно с этим исчезает и местечковая замкнутость. Горизонты личности расширяются, интенсифицируются общение и взаимодействие, возрастает интерес к международной жизни. Подобный процесс особенно заметен в странах Западной Европы, где плотность населения издавна была велика, а коллективный надзор не принимал жестко-тоталитарных форм.

В отличие от преимущественно городских цивилизаций в странах с редким населением коллективный контроль со временем не ослабевает. И это не противоречит общей логике рассуждений Дюркгейма. Взять хотя бы Россию: огромное пространство не позволяет населению проживать плотной урбанизированной общностью. Напротив, оно рассредоточено в замкнутых на себя общинах, связь между которыми относительно слабая. Чем сильнее роль местной власти и коллективного надзора, тем слабее развито индивидуальное начало в человеке.

Местечковую, корпоративную и сословную замкнутость способна разорвать только профессиональная этика. Концентрируясь поначалу в небольших группах населения, она постепенно охватывает все общество. Именно профессиональный дух оставляет свободу частным мнениям и интересам, организует жизнь общест-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 235—237.

ва на новых основаниях. Ведь коллективное сознание, требующее поклонения авторитету традиции, связывает нас с прошлым, с нравственными ценностями предшествующих поколений. А профессиональная жизнь открыта для изменений и обновления, основывается на знании и способностях индивида. Стало быть, она требует индивидуального процесса.

Отсюда ясно: чем «больше наследственности в распределении занятий, тем неизменнее это распределение, тем труднее, следовательно, происходит процесс разделения труда». У первобытных народов наследственность не играет практически никакой роли. «Несколько начинающих специализироваться функций избирательны, но они еще не установились. Вождь или вожди мало отличаются от управляемой ими толпы: их власть ограничена и кратковременна; все члены группы находятся на равной ступени. Но как только появляется более резким образом разделение труда, оно закрепляется в передающейся наследственно форме: таким образом рождаются касты. Индия представляет нам совершеннейший образец этой организации труда... В Ассирии, Персии, Египте общество разделяется подобным же образом. Там, где касты заменяются классами, которые хотя и менее тесно закрыты извне, тем не менее опираются на тот же принцип»¹.

Наследование занятий сохранялось веками потому, что отвечало каким-то важным индивидуальным потребностям, т. е. выполняло первостепенную социальную функцию. Его нельзя считать искусственным изобретением, которое выгодно узкой группе людей. В противном случае оно довольно быстро исчезло бы с исторической сцены. Но этого не случилось. Гиппократ был семнадцатым врачом в своей семье², он сам и другие верили в высокое общественное предназначение врачебной профессии и каждого, кто наследовал сложное искусство. Это создавало порядок и социальную стабильность в обществе.

Нередко наследование профессии закреплялось традицией не за семьей, группой или индивидом, а за целым народом или расой. В Абиссинии евреи обычно были каменщиками, магометане — кожевниками и ткачами, греки и копты — ювелирами и оружейниками. В восточной Германии в течение веков славяне были рыболовами³. Понятно, что такое социобиологическое разделение труда изменялось очень медленно. Сейчас, говорит Дюркгейм, случаи наследования профессии становятся все реже. Возможно,

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 244.

² Там же. С. 245.

³ Там же. С. 246.

что наследственность явилась первой и довольно элементарной формой трудовой организации. Ее доля в социальной организации труда тем выше, чем этот последний менее разделен¹.

Наследование может стать социальным учреждением только при известных условиях. Рождающийся в семье врача получает от родителей все необходимое для профессиональной деятельности: книги, знания, инструменты, снадобья и т. д. Хотя по своим способностям он может и не выделяться среди сверстников. В результате то, что он должен приобрести сам, составляет весьма небольшое по сравнению с тем, что он получает по наследству². Наследование — это не передача особых способностей, а создание соответствующих предпосылок для профессиональных занятий детей. Но если само общество или другие институты, кроме семьи, могут создать равноценные условия, то роль института профессионального наследования падает.

«Когда индивид имеет меньшую долю в образовании своего ума и характера, то он не может иметь, — пишет Дюркгейм, — большую в выборе своей карьеры... В конце концов, с наследственностью функций дело обстоит так же, как и с наследственностью имущества. В низших обществах наследство, переданное предками и состоящее чаще всего в недвижимости, представляет самую важную часть каждой отдельной семьи; индивид вследствие слабости жизненности тогдашних экономических функций не может прибавить многого к наследственному фонду. Поэтому не он владелец, а семья, существо коллективное, состоящее не только из всех членов данного поколения, но из всего ряда поколений. Вот почему вотчинные имущества неотчуждаемы; ни один из кратковременных представителей семейного существа не может располагать им, так как оно не его. Оно принадлежит семье, как функция — касте»³.

Дюркгейм не точен, пожалуй, только в одном. Роль семьи и неделимого имущества как единого коллективного фонда сильна не только в низших, но и в высших обществах. В нынешнем постиндустриальном обществе роль семейной кооперации ничуть не уменьшилась. Так, в США существуют семьи, которые одновременно контролируют несколько крупных корпораций. Одно только семейство Меллонов контролирует (прямо или косвенно) 4 крупнейшие нефинансовые корпорации, инвестиционный банк, страховую компанию и 15 крупных коммерческих банков. Такая семья,

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 254.

² Там же. С. 254.

³ Там же. С. 254—255.

имея небольшую долю акций во многих корпорациях и разветвленные связи, может оказаться влиятельнее более крупного, чем она, но индивидуального держателя акций¹.

При помощи особого механизма браков среди семей-собственников формируется правящая элита, которая оказывает значительное влияние на функционирование всего капиталистического производства, систему управления и распределение власти. Основываясь на тезисе Й. Шумпетера о том, что семья есть истинная единица классово-теории, американский социолог М. Цейтлин на основе эмпирических данных показал, что классы как социальные группы конституируются свободными браками представителей семей, занимающих различное положение в системе общественного производства и отношений собственности, но имеющих сходные экономические возможности, социальные интересы и обладающие определенной «психологической совместимостью»². Не только высший, но и средний класс, если иметь в виду американских фермеров, формируется на основе семейных ячеек, семейных ферм.

Прогресс общества, по Дюркгейму, происходит по мере того, как сокращается доля наследуемого и возрастает доля индивидуально приобретаемого в судьбе отдельного человека. Капитализм, уничтоживший или, по крайней мере, существенно уменьшивший роль наследования занятий, заменил его другим институтом профессионального продвижения — деловой карьерой. Каждый продвигается в бизнесе сам, соразмерно своим способностям и таланту, а не унаследованным от предков имуществу, должности и привилегиям.

Наследственность и закрепление индивида за данным видом труда приводят к тому, что профессиональные типы людей различаются между собой и социальным положением, и образом жизни, и одеждой, и манерой поведения. В примитивном обществе носители различных общественных функций различались также анатомически: на фиджийских островах вожди хорошо сложены, высокого роста, мускулисты, а «люди низшего сословия» очень худые вследствие чрезмерного труда и плохого питания. В современном же обществе эти различия в значительной мере исчезли³.

Чем шире контакты между людьми, в том числе и профессиональные, чем многочисленнее население, тем выше плотность социальных связей и интенсивность взаимодействия людей, «но эта

¹ Подробнее см.: *Кравченко А. И.* «Революция менеджеров»: Отделилась ли ответственность от контроля над производством? // Социологические исследования. 1982. № 1. С. 71—83.

² Там же. С. 76.

³ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 266—267.

интенсификация и составляет цивилизацию»¹. В этой связи Дюркгейм вводит в оборот понятие «закон тяготения социального мира», под которым понимает динамику социальной массы, рост плотности населения как следствие разделения труда и прогресса цивилизации². Разделяющие народы социальные слои и профессиональные перегородки все более исчезают, и последние притягиваются с силой, пропорциональной плотности населения и уровню развитости специализации труда.

Закон Дюркгейма действует таким образом, что социальная среда, т. е. все общество как совокупность конкретных социумов (малых обществ), никогда не может прийти в стационарное состояние. Это означало бы смерть. Прогресс останавливается, когда в мире все одинаково. Но страны развиты неодинаково, плотность населения и социальной жизни у них различна. Значит, миграция людей, их приток и отток из городов, как и общественные контакты, будут происходить постоянно³. Чем большее число индивидов живет вместе, тем богаче и разнообразнее их жизнь, тем выше роль и значение чисто социальных факторов, тем «больше общественности» в обществе.

Однако высший уровень солидарности предполагает иной тип индивидуальности и коллективности. В то время как индивид становится развитой личностью, коллективная жизнь становится не жестче, а, наоборот, мягче, гибче. «Бесспорна та истина, что нет ничего в социальной жизни, чего не было бы в индивидуальных сознаниях, но все, что в них находится, взято ими из общества. Большая часть наших состояний сознания не появилась бы у изолированных существ и происходила бы совсем иначе у существ, сгруппированных иным образом. Значит, они вытекают не из психологической природы человека вообще, но из способа, каким ассоциировавшиеся люди воздействуют друг на друга, сообразно числу их и степени сближения. Так как они продукты групповой жизни, то только природа группы может объяснить их... Спенсер сравнивает... работу социолога. — пишет Дюркгейм, — с вычислением математика, который из формы известного числа ядер выводит способ, каким они должны быть комбинированы, чтобы держаться в равновесии. Сравнение это неточно и неприменимо к социальным фактам. Здесь скорее форма целого определяет форму частей»⁴.

Сравнение социолога с математиком здесь не случайно. Оно проясняет общие принципы методологии Дюркгейма. В противо-

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 271.

² Там же. С. 271.

³ Там же. С. 275.

⁴ Там же. С. 279—280.

положность Спенсеру и Веберу он отталкивается от целого и выводит из него свойства частей. Ведь форма коллективного целого определяет форму индивидуальных частей. Поскольку свойства индивидов вытекают не из их психологической конституции, а являются продуктом групповой жизни. Совместное бытие людей, способ их взаимодействия добавляют каждому новые качества, которые не существовали прежде. Позже эти представления войдут в отечественную социологию коллектива и станут основополагающими.

Дюркгейма меньше привлекал анализ непрерывной линии эволюции человеческого общества с древнейших времен до современности и построение глобальных метафизических схем истории. Ему нравился историко-сравнительный метод, который ныне называется *компаративистикой*. Его вклад заключался в том, что в поле научного поиска он вовлек не только современную Европу, но также архаические цивилизации и племенные общества. Он полагал, что если появляется какой-то социальный институт, например семья, то это кому-то нужно. Конкретно это нужно прежде всего обществу. Институты возникают потому, что они выполняют полезную функцию. Функция — это и есть вклад социального института в стабильное функционирование общества. Поэтому его социологию именуют *функционализмом*.

Плодотворность теории Дюркгейма состоит в том, что, пользуясь ею, можно более глубоко понять социально-политические процессы, происходящие в современном обществе. К примеру, совершенно ясно, что чем органичнее является общество, тем выше его склонность к демократии потому, что последняя основана на свободе выбора, уважении к личности, защите прав человека. И напротив, чем более механистичным является общество, тем более оно, следуя логике Дюркгейма, должно склоняться к тоталитаризму. В этом плане утверждение в России сталинского тоталитаризма означает возврат нашего общества к принципам механической солидарности.

Демократия — вершина общественного развития и вместе с тем самая сложная форма социальной организации общества. Сложность происходит от того, что индивиду предоставлен гораздо более широкий выбор моделей поведения, чем в авторитарном обществе. Его поведение становится многовариативным.

Тоталитарное общество не является многовариативным, поскольку не только сужает диапазон свободы действий, но применяет к нарушителям чрезмерно узкий набор санкций. Большинство из них смещается в сторону репрессивных мер. При сталинизме даже за мелкую провинность мог последовать расстрел. Напротив, демократическое общество вооружено гораздо более

широким набором санкций, что позволяет более гибко регулировать поведение людей. При этом подавляющая их часть располагается ближе к полюсу мягких и косвенных санкций.

Тоталитарное общество держится только на том, что все люди, независимо от их желания, жестко выполняют одни и те же нормы. Для каждой нормы предписан только один вариант ее соблюдения. В таком обществе нет ошибок, отклонений, нескольких вариантов выполнения одного и того же действия. Человек должен знать нормы и автоматически им следовать. В демократическом обществе граждане соблюдают нормы не автоматически, а осмысленно. Здесь допускается множество вариантов поведения, наказываются не ошибки, а преступления, т. е. умышленные попрания важных норм. Приветствуется свобода действий и инициатива.

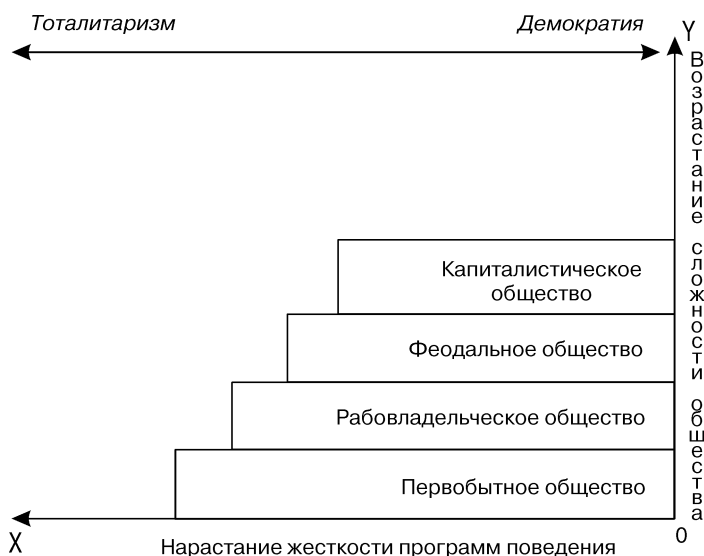

Рис. 2. Закономерность развития: чем примитивнее общество, тем более жестокими являются программы поведения людей

Уровень сложности общества нарастает по оси OY; по OX — количество жестких программ поведения.

Сравнивая оба типа общества, можно сделать вывод, что тоталитарный строй — простейшая и исторически более древняя модель общественного строя, а демократия — сложноорганизованная современная модель.

Наблюдаются и другие исторические тенденции, а именно:

— чем чаще та или иная страна возвращается к архаичным формам, тем менее стабильной она является;

— некоторым странам необходимо регулярно возвращаться к архаичным формам (механической солидарности) для того, чтобы либо навсегда их изжить, либо выработать к ним устойчивый иммунитет.

Э. Дюркгейм оказал косвенное влияние на фундамент теоретической социологии в СССР. И французский социолог, и советские социологи исходили из посылки о том, что коллектив первичен, а отдельный человек — вторичен. Он создается, творится коллективным сознанием общества. Суть дела выражает ленинский тезис о том, что в обществе человек — все, а без общества — ничто. Или его более мягкий вариант: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

В советской социологии действительно господствовали принципы, напоминающие социологический реализм Дюркгейма. Коллективное сознание признавалось таким же реальным фактом, как индивидуальное поведение или материальные орудия труда. Такой подход получил в литературе название *социологического реализма*. Э. Дюркгейм писал, что общество — это целое, которое не тождественно сумме своих частей, его свойства отличаются от свойств составляющих частей. Общество представляет самостоятельную реальность, т. е. такую же онтологическую сущность, как и отдельный индивид, которого можно фотографировать, измерять, наблюдать. Противоположное воззрение на общество, разделявшееся М. Вебером, приобрело название *социологического номинализма*. В его учении реален индивид, а не общество, которое представляет всего лишь абстрактную конструкцию.

Реализм дюркгеймовского толка получал легитимизацию также благодаря особой интерпретации категории объективности. Для материалиста объективно все то, что существует независимо от воли и сознания людей. Межличностные отношения субъективны, поэтому они вторичны. Общественные (т. е. коллективные) отношения — объективны, поэтому они первичны и выступают главными по отношению к ним.

Признак независимости от сознания и воли людей означает тот факт, что на эти отношения отдельный индивид не в силах влиять или их изменять. На общественные отношения отдельный индивид влиять не может, следовательно, они объективны. Неподвластность изменению одновременно означает отчужденность. Когда марксистские социологи критиковали буржуазное общество, то обязательно подчеркивали отчужденный характер господствующих в нем социальных отношений. Но когда они переходили к своему обществу, то понятие отчуждения заменяли понятием объективности¹.

¹ См.: Социологические исследования. 1982. № 3. С. 32.

В советской социологии, как и в советском обществе, коллектив доминировал над личностью, государство — над гражданином, общество — над индивидом. Индивид вне своей общности вроде бы как и не индивид. Он — почти ничто. Он обретает свои права и свое существование только в коллективности и через нее. Тогда выходит, что коллективные отношения первичны, а межиндивидуальные — вторичны. Только коллектив являлся в коллективистском обществе реальным субъектом действия. Так, например, В. Б. Ольшанский замечает: «особенности людей преломляются, как бы перемешиваются на социальной основе в производственном коллективе, образуя нечто отличное от их простой суммы, некое социально-психологическое качество — “сознание” коллектива»¹.

По мнению большинства советских социологов 1960—1980-х гг., работник, включаясь в трудовой коллектив, постепенно убеждается, что существует мнение коллектива, которое может не совпадать с мнением отдельных его членов. А это означает, что коллективное мнение или сознание — особая реальность, существующая независимо от отдельных индивидов. Она есть нечто большее, чем сумма мнений отдельных людей. У коллективного сознания существует некое надбытие. Подобное положение прямо восходит к социологическому реализму Дюркгейма и продолжает его философскую линию.

¹ *Ольшанский В. Б.* Личность и социальные ценности // Социология в СССР. М., 1965. Т. 1. С. 505.

ГЛАВА 4. Концепция социального действия М. Вебера

М. Веберу (1864—1920) принадлежит множество фундаментальных открытий, которые обогатили мировую социологию. Однако его имя в кругу специалистов по социальному знанию — психологов, экономистов, юристов, антропологов, политологов — прежде всего связывают с концепцией социального действия. Она отличалась двумя выгодными чертами: прекрасно подходила под каноны точных наук, прежде всего статистики, и великолепно гармонировала с принципами гуманитарного знания.

Вебер утверждал, что при анализе социального действия надо использовать два метода:

— *научное наблюдение* внешних поведенческих акций по объективным признакам; например, когда человек раздражен, его лицо буквально перекашивается от гневной гримасы или сжимаются кулаки в агрессивном желании кого-то побить;

— *причинный анализ*, при помощи которого социолог может узнать более глубокий слой явлений, заглянуть в сущность социального действия, для чего ему необходимо узнать мотивы, цели и намерения субъекта действия. Здесь на помощь приходит мысленное усмотрение сущности вещей, или философское *понимание*.

Макс Вебер
(1864—1920)

С первых же строк своего главного произведения «Экономика и общество» Вебер заявляет о тесной связи этих моментов, благодаря которой социология формулирует свой предмет: «Социология (в том претенциозном значении, в каком это слово здесь употребляется) — это наука, имеющая дело с интерпретативным пониманием социального действия, а через него — с причинно-следственным объяснением процесса и следствий этого действия. Мы будем говорить о “действии” в тех ситуациях, где индивид приписывает какое-либо значение своему поведению, будет ли оно скрытым или открытым, ясным или расплывчатым. “Социальным” такое действие является потому, что его субъективное значение принимает в расчет других и таким образом ориентирован его процесс»¹. Социология, по его глуп-

¹ Weber M. Economy and Society. Vol. 1. Berkeley. 1978. P. 4.

бокому убеждению, «есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»¹.

Вебер определяет действие (независимо от того, проявляется ли оно вовне, например в форме агрессии, или сокрыто внутри субъективного мира личности, подобно терпению) в качестве такого поведения, с которым его субъект связывает субъективно полагаемый смысл. «"Социальным" действие становится только в том случае, если по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него»².

Социология, по Веберу, должна быть «понимающей», ибо поведения людей осмысленны. Но такое понимание не является психологическим. Сам смысл не принадлежит к сфере психического и потому не является предметом изучения психологии. Он — часть *социального действия*, т. е. такого поведения, которое соотносится с поведением других, ориентировано таким соотношением, корректируется и регулируется им. *Структура социального действия* включает два компонента: 1) субъективную мотивацию индивида или группы, вне которой в принципе нельзя говорить ни о каком действии, и 2) ориентацию на других, которую Вебер называет «ожиданием», или «аттitudом», и без которого действие не является социальным. Хотя Дюркгейм и говорил: общество — абстракция, а индивид — единственная реальность, но у него основным субъектом действия выступает все же общество или коллектив. Отсюда и понятие «коллективное сознание», которому Дюркгейм придавал самостоятельное существование, т. е. считал его таким же реальным существом, как отдельного индивида. Вебер в этом плане решительно расходится с Дюркгеймом, полагая, что реальным действующим лицом может быть не мифическое «коллективное сознание», «государство» или «класс», а конкретный индивид.

В конечном счете и к философским универсалиям можно подойти с позиций естествознания. Например, выделив устойчивые, повторяющиеся явления в поведении членов малой группы, мы устанавливаем ее численность, состав, внутреннюю структуру, узнаем, кто, кому и как подчиняется. На сходной методике основана не только социометрия, но любая естественно-научная процедура измерения. Однако Вебер полагает, что изучать поведение индивидов нельзя так же, как астроном изучает падение метеоритов

¹ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М. И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. С. 602.

² Там же. С. 602—603.

или выпадение осадков. Чтобы узнать, почему, например, происходят забастовки и люди выступают против правительства (а с такой ситуацией Вебер столкнулся в одном из первых своих исследований в промышленности), надо спроецировать себя в ситуацию забастовки и изучить ценности, цели, ожидания людей, которые подвигли их к такому действию. Познать же процесс замерзания воды или падения метеоритов изнутри невозможно.

Итак, социология — это исследование действий, ориентированных на поведение других. Так, например, мы осознаем, что значит нацеленное на нас ружье и агрессивное выражение лица человека, держащего его, так как мы сами бывали в подобных ситуациях или хотя бы ставили себя в такие условия. Мы узнаем значение поступка как бы по аналогии с собой. Значение нацеленного ружья может значить намерение индивида что-либо совершить (застрелить нас) либо ничего не совершить. В первом случае *мотив* присутствует, во втором — его нет. Но в любом случае мотив имеет субъективное значение. Наблюдая цепочку реальных действий людей, мы должны сконструировать правдоподобное объяснение их на основе внутренних мотивов. Мотивы мы приписываем благодаря знанию того, что в схожих ситуациях большинство людей поступает так же, ибо руководствуется аналогичными мотивами. Благодаря этому социолог только и может применять статистические методы.

Социология как наука о социальном действии имеет дело не с конкретно переживаемым значением, а с гипотетически типичным или средним значением. Если, например, социолог при многократном наблюдении выяснил статистически повторяющуюся связь двух поступков, то это само по себе еще мало что значит. Такая связь будет значимой с социологической точки зрения, если *доказана* вероятность их связи, т. е. если ученый обосновал, что действие А с высокой долей вероятности влечет за собой действие В и между ними существует нечто большее, чем только случайная (статистическая) связь. А это возможно сделать, лишь зная мотивы поведения людей, это знание и подскажет нам, что связь двух событий внутренне обусловлена, вытекает из логики мотивов и смысла, вкладываемого людьми в свои поступки.

Стало быть, социологическое объяснение является не только субъективно значимым, но и фактуально вероятностным. При таком сочетании и возникает причинное объяснение в социологии. Правда, индивид не всегда осознает смысл своих поступков. Это случается, когда он действует под влиянием традиций, коллективных норм и обычаев, либо его поведение аффективно, т. е. детерминировано эмоциями. Кроме того, индивид может не отдавать себе отчета в собственных целях, хотя они существуют, но не осо-

знаются им. Подобные действия Вебер не считает *рациональными* (осмысленными и обладающими целью), а стало быть, *социальными*. Такие действия он выводит за сферу собственно социологии, их должны изучать психология, психоанализ, этнография или другие «науки о духе».

Исходный методологический пункт Вебера можно сформулировать так: человек знает, чего он хочет. Конечно, в действительности человек далеко не всегда знает, чего он хочет. Но все такие поступки не есть социальное действие. Социальное действие, признает Вебер, — это довольно узкий сегмент реальности, как бы крайний случай человеческих поступков, или, точнее сказать, «идеальный тип», идеальный случай. Но социолог должен исходить из такого редкого типа как некоего масштаба, с помощью которого он измеряет все многообразие реальных поступков и отбирает только те, которые подвластны методам социологии. Всего же Вебер выделяет шесть уровней поведения, похожего на рациональное, — от вполне рационального (человек осознает свои цели) до совершенно непонятных, разгадать которые в состоянии лишь психоаналитик.

По способу детерминации Вебер выделяет четыре вида социального действия: «Социальное действие, как и любое действие, может быть детерминировано: 1) целерационально (*zweckrational*) — ожиданиями относительно поведения объектов внешней среды и других лиц, а при помощи этих ожиданий рациональной оценкой и учетом как «условий», так и средств для достижения рациональных целей; 2) ценностнорационально (*wertrational*), т. е. благодаря осознанному убеждению в абсолютной (самой по себе) ценности данной линии поведения, совершенно независимо от результатов и независимо от того, интерпретируется она как этическая, эстетическая, рациональная или какая-либо другая; 3) аффективно (*Affectuell*) — эмоционально, благодаря аффектам и состоянию эмоций (*feeling*); 4) традиционно — благодаря установившейся практике»¹.

Такая шкала построена по принципу сравнения всякого действия индивида с целерациональным, или правильно-рациональным, как эталоном. *Уровни поведения*, выражающие интенсивность проявления в конкретном акте рациональности, нельзя смешивать с *типами поведения*. Первые различаются количественно, вторые — качественно. Вебер выделяет четыре типа социального действия: 1) *инструментально-рациональное* поведение, когда

¹ Weber M. Grundriss der Sozialökonomik. III Abteilung: Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen, 1912. S. 12.

индивид ориентируется прежде всего на поведение других людей, и эти ориентации, или экспектации (предвосхищения), он использует как «средства» или «инструменты» в своей стратегии действий; 2) *ценностно-рациональное*, оно детерминируется нашей верой в религиозные, нравственные и другие ценности, идеалы независимо от того, ведет такое поведение к успеху или нет; 3) *эффективное*, т. е. эмоциональное; 4) *традиционное*¹. Между ними нет непроходимой границы, у них есть общие элементы, что позволяет ввести и в эту классификацию псевдоколичественную меру, построенную на степени убывания признака рациональности.

Разъясняя свои методологические принципы, Вебер выделяет два вида «значений» социального действия. Термин «значение» относится к реально существующему значению в данном конкретном случае и принадлежит *конкретному лицу*, совершающему какое-то действие, либо он относится к среднему или приближительному значению, приписываемому данному множеству действующих лиц. Во втором случае этот термин относится к теоретически постигаемому «чистому типу» субъективного значения, приписываемому *гипотетическому лицу* или совокупности лиц, совершающих данный род действий. Но, предупреждает Вебер, наш термин ни в коем случае не должен относиться к какому-либо объективно «правильному» значению или «истинному» в метафизическом смысле слова. Так, например, в юриспруденции употребляется категория «правильного поведения» с точки зрения соблюдения закона. Однако в социологии и истории как эмпирических науках не должно быть никаких оценок «правильности» поведения с точки зрения закона, морали либо партийности.

Вебер приводит пример знаменитого наводнения в 1277 г. в Ирландии, которое приобрело историческое значение благодаря тому, что вызвало широкую миграцию населения. Кроме того, наводнение повлекло огромные человеческие жертвы, нарушение привычного образа жизни и многое другое, что должно привлечь внимание социологов. Однако предметом их изучения должно быть не само наводнение, а поведение людей, чьи социальные действия так или иначе ориентированы на это событие.

К той же категории фактов, лишенных значения, относятся у Вебера такие психические и психофизиологические явления, как усталость, привычки, память, эйфория, вызванная аскетическим умерщвлением плоти, индивидуальные реакции на время и точность и т. д. Эти и многие другие факты социология использует просто как данные, т. е. нечто, влияющее на социальное действие.

¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. P. 24—25.

Но если первые не имеют «значения», то второе им надделено. Несомненно, социолог обязан учитывать влияние на поведение таких факторов, как расовая принадлежность, эффект старения организма, биологически унаследованная структура человека, потребность в питании. Однако их возможно использовать, убеждает нас Вебер, если мы статистически доказали их влияние на соответствующее поведение, т. е. действия людей, интерпретированные уже в социологических терминах¹.

Понимание того, какое значение вкладывает индивид в собственные действия, основано на нашей способности сопереживать, сочувствовать. Каждый человек может поставить себя на место другого и понять логику его поведения потому, что такая или сходная логика присуща ему самому. Правда, говорит Вебер, чтобы понять Цезаря, не нужно быть самим Цезарем. «Повторение жизненного опыта» кого-либо — это важная предпосылка для достоверного и адекватного понимания чужих действий, но она не является абсолютно необходимой. Иначе говоря, наличие подобного условия — **сопереживание другого** — еще не гарантирует социолога от ошибки. Например, экстрасенсы, т. е. люди, способные к мистическому сопереживанию, или «чтению» чужих мыслей, демонстрируют поразительные опыты угадывания другого. Но в результате их опытов практически невозможно исследовать смысл и значение действий этого другого.

В связи с этим Вебер подчеркивает, что базис для понимания значения действий других людей является рациональным, а не мистическим или метафизическим. Только в этом случае достигается необходимая верифицируемость и надежность результатов исследования. Понятие «рациональный базис» понимания можно употреблять в очень узком смысле, сводя его к логическому или математическому, т. е. интеллектуальному, элементу. В узком смысле слова, т. е. в своей наивысшей форме, рациональное проявляется в любом математическом выражении, например $2 \times 2 = 4$, или в доказательстве теоремы Пифагора. Мы понимаем их, ибо недвусмысленно представляем себе, что подразумевает индивид, когда употребляет такого рода выражения. Точно так же очевидны смысл и значение речи того человека, который пользуется похожей на вашу собственную логику аргументацией. Но вы окажетесь в затруднительном положении, если оппонент употребит те же самые слова, что и вы, но придаст им иное значение либо воспользуется непохожей логикой рассуждения. Как бы вы ни убеждали его, он окажется при своем мнении.

¹ Weber M. *Economy and Society*. Vol. 1. P. 8.

Говорить можно с каждым, а поговорить, почитай, и не с кем.

Феликс Хвалибург

Достаточно несложно понять, что делает человек, когда пытается достичь определенной цели, выбирая соответствующие средства, ориентируясь в своем поведении исключительно на факты и конкретную ситуацию. Разбираться в таких действиях приучил нас собственный житейский опыт. Правильность нашей интерпретации целесообразно-рационального действия может быть проверена. Правда, не всякая структура и не все этапы этого действия проверяются, а лишь один, но зато главный — выбор индивидом средств достижения цели. Допустим, вы голодны. Из нескольких вариантов — потерпеть, занять у соседа, своровать и т. д. — выбрали самый приемлемый: зайти в лавку и купить необходимый продукт. Посещение магазина — это и есть выбор средства достижения цели. По характеру выбранного средства мы можем судить о цели действия.

В более сложных случаях мы можем мысленно представить конечные цели или ценности, на которые, как нам кажется, ориентируется в своем поведении индивид. И все же мы не способны до конца понять его действия, поскольку ценностный мир этого человека существенно отличается от нашего. Никакое сопереживание не поможет. Единственный выход, — полагает Вебер, — принять чужие ценности как факт. Так, например, нам трудно понять человека, который совершает те или иные поступки из религиозного рвения или идеологического фанатизма. Логика его действий строится иначе, чем логика нашего понимания этих действий.

«Действие в смысле субъективно понимаемой ориентации поведения существует только как поведение одного или более индивидов. Для других научных целей может быть полезно или даже необходимо рассматривать индивида, например, как совокупность клеток, как комплекс биохимических “реакций” или изучить его психическую жизнь», — писал М. Вебер¹. Несомненно, подобные исследования приведут к ценному знанию причинно-следственных связей. Однако субъективно понимаемое поведение — это нечто иное. Подобное утверждение, считает Вебер, справедливо и для психологии: чем точнее измеряющиеся психические элементы по правилам естествознания, тем меньше они доступны субъективному пониманию. Но для социологии и истории важно именно последнее. Даже психопатологи изучают поведение, лишённое субъективного значения.

¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. P. 13.

Для практических целей или в юридической науке подчас необходимо рассматривать *социальные коллективы* (social collectivities) — государство, ассоциации, деловые корпорации, учреждения — так, как если бы они были отдельными индивидами. Они могут быть истолкованы, например, как субъекты права или обязанностей либо исполнители легально значимых действий. Но в социологии, которая в центр внимания ставит субъективную интерпретацию действий, такие коллективы должны рассматриваться исключительно как результирующие (resultantants) или как способы организации конкретных действий отдельных людей, поскольку только они могут интерпретироваться как агенты или носители субъективно понимаемых действий. Тем не менее социолог не должен полностью игнорировать, считает Вебер, понятия о коллективах, пришедшие в социологию из других наук.

Для целей субъективной интерпретации действий возможны три отношения социолога к коллективным понятиям. Имеют место ситуации, когда нужны лишь очень простые коллективные понятия, которые заменяют обыденные представления более «интеллектуальными» терминами. Скажем, и в лексике юристов, и в повседневной речи употребляется одно и то же слово «государство». Оно — из ряда коллективных понятий. Но для социологии не обязательно пользоваться им для объяснения социальных действий. В социологии, говорит Вебер, вообще не существует таких вещей, как коллективная личность, которая как-то «действует». Когда социологу приходится обращаться к таким коллективностям, как государство, нация, корпорация, семья или армия, то он должен отдавать себе отчет, что они обозначают только определенный вид развития реальных или возможных социальных действий индивидов. Можно назвать этот вид качеством, свойством, типом, формой или стадией развития социальных действий. Таким образом, юридические термины, обозначающие коллективности, в социологическом смысле неточны.

Второе значение, в котором употребляются коллективные понятия, — нормативный порядок. Человеческое поведение и взаимодействие людей ориентировано на определенные коллективные нормы и ценности или коллективные идеи, в которые верят как в предписанный порядок и согласуют с ними свои действия. Нормативные предписания, традиции, коллективные образцы поведения, совместные ритуалы, обычаи и обряды имеют огромную, иногда решающую силу и влияние на действие отдельных личностей. Вера в легальный закон, упорядочивающий взаимодействие людей, выступает важнейшим фактом существования современного общества наряду с субъективным значением индивидуально-

го действия личности¹. Если использовать чисто социологические термины, то коллективные понятия в этом их значении придется исключить, заменив их другими. Правда, в данном случае коллективные термины обозначают уже не юридические понятия, а реальный процесс действия.

Третья ситуация порождена деятельностью так называемой «органической» школы в социологии. Так, в работе Шаффли, на которого ссылается Вебер, дан образец описания социального взаимодействия на основе категории «целое». По отношению к такому целому каждая его часть выполняет ту или иную функцию. Для целей социологического анализа функциональные рамки вполне уместны, но лишь как практическая иллюстрация либо временная (служебная) ориентация. И то не как полезная, а скорее как необходимая, неизбежная процедура. Стоит только переоценить познавательное значение функционального подхода, как для социологии возникает опасность материализации незаконных понятий, превращения абстрактного «общего» в конкретное явление. Кроме того, функциональный метод не есть специфически социологический, каковым выступает метод понимания.

Функциональный подход выводит социальную организацию непосредственно из функционального разделения труда, чего делать нельзя. Всякое сведение социологического подхода к функциональному основано, по мнению Вебера, на нашем невежестве, т. е. неполном знании о предмете. Его употребление должно рассматриваться в качестве временной меры. С точки зрения социологического подхода, базирующегося на усмотрении внутреннего смысла, между людьми и животными существует огромная дистанция. Но с точки зрения функционального подхода ее вроде бы и нет. Например, определенную степень функциональной дифференциации можно найти и в человеческих, и в животных сообществах, в частности пчелином улье или муравейнике.

У саморodka все от Бога и ничего от среднего учебного заведения.

Дон-Аминадо

Сам по себе функциональный подход служит лишь подспорьем для социолога. Он уместен при решении строго определенного класса задач. Так, анализ уровня специализации функций поможет выявить фазу эволюции того или иного социального целого, сравнить ее низшие и высшие формы. Он является наилучшим

¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. P. 14.

для изучения тех способов, с помощью которых подвиды живых существ, в том числе и люди, обеспечивают свое выживание, добывают пищу, защищаются, воспроизводят себя, перестраивают свою структуру. Именно в качестве носителей различных функций социолог описывает людей как «королей», «солдат», «рабочих» и т. д. Но если ограничиваться лишь рамками функционального подхода, то нетрудно скатиться в пропасть домыслов и абстрактных спекуляций. Функциональный анализ не дает социологу главного понимания логики и смысла поступков людей.

Стоит ему задаться вопросом о том, почему группы, выполняющие одни и те же функции, скажем рабочие или солдаты, в типичных ситуациях ведут себя таким образом, что результатом их действий оказывается сохранение групповых ценностей, борьба за выживание, а не что-либо еще, как необходимость выхода за рамки функционального подхода станет очевидной.

Формулируя научную интерпретацию человеческих действий, социолог поступает так же, как и специалист в любой другой отрасли науки. Он сверяет свою гипотетическую модель о предполагаемом событии с реально наблюдаемой совокупностью действий. К сожалению, предупреждает Вебер, такой способ верификации дает не абсолютную, а относительную точность, да и случается он крайне редко — обычно лишь в психологических экспериментах. Подобный способ проверки истинности гипотез возможен также при изучении массовых явлений с помощью статистических методов. Но не все они дают надежную информацию, степень приближения к истинности в них чрезвычайно варьируется.

Во всех остальных случаях на долю исследователя остается только одна возможность: подобрать как можно больше исторических примеров или современных явлений и классифицировать их, сравнивая между собой таким образом, чтобы в одну и ту же группу попали действия, которые между собой во многом сходны, но различаются одним решающим моментом — своим отношением к конкретному мотиву или фактору, роль которого для этой группы действий ранее уже изучена. Это Вебер называет «фундаментальной задачей сравнительной психологии»¹.

К сожалению, такого рода построения, и в этом Вебер отдает себе отчет, случаются редко — только в крайне неопределенных процедурах, называемых «мысленным экспериментом». Их суть в исключении каких-то элементов из общей цепи мотивации и построение такой логики действия, которая была бы более правдопо-

¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. P. 10.

добной, учитывая цели причинного объяснения. Такова в общих чертах веберовская теория логических условий доказательства причинно-следственных связей.

В качестве примера неудачного «мысленного эксперимента» Вебер рассматривает, в частности, попытку Э. Майера реконструировать влияние марафонской битвы на судьбы западной цивилизации и развитие Греции, Майер дает интерпретацию значения тех событий, которые должны были произойти по предсказаниям греческих оракулов в связи с нашествием персов. Однако сами предсказания можно непосредственно верифицировать, полагает Вебер, только изучив реальное поведение персов в тех случаях, когда они оказывались победителями (в Иерусалиме, Египте и Малой Азии). Но подобная верификация не может удовлетворить строгий вкус ученого. Майер не сделал главного — не выдвинул правдоподобной гипотезы, предлагающей рациональное объяснение событий, и не объяснил способа ее верификации. Часто историческая интерпретация только кажется правдоподобной. В каждом конкретном случае необходимо указывать исходную гипотезу и метод ее проверки.

Мотив у Вебера — это комплекс субъективных значений, которые представляются действующему лицу или наблюдателю адекватной основой поведения. Если мы интерпретируем ту или иную цепочку действий, сообразуясь лишь с нашим здравым смыслом, нашими стереотипами мышления, то подобную интерпретацию надо считать «субъективно приемлемой» (достаточной) либо «корректной». Но если интерпретация основывается на индуктивных обобщениях, т. е. носит интерсубъективный характер, то ее можно считать «казуально адекватной». Она показывает вероятность того, что данное событие реально произойдет при тех же самых условиях и тем же порядком. Здесь применимы статистические методы, измеряющие степень корреляции событий, или устойчивости связи повторяющихся явлений.

Оба способа интерпретации событий имеют свои пределы. Так, суждение о смысле социальных действий на основе общепринятых или обыденных норм влечет за собой включение в научный анализ типичных ошибок, свойственных здравому смыслу. Они отразят пристрастие или субъективные предпочтения одних норм другим. «Субъективная адекватность» действительна лишь в рамках «закрытого» поведения. «Открытое» поведение, когда смысл поступков проявляется во внешних результатах, видимых глазу реакциях, поддается скорее статистическому анализу, количественным методам.

Любое социальное действие ориентировано на ожидаемое поведение других людей. Так, оно может мотивироваться желанием

отомстить кому-то за прошлые обиды, защититься от настоящих или даже будущих опасностей. «Другие» — это, возможно, отдельные индивиды, и они знакомы действующему лицу, либо это неопределенное множество людей, которые неизвестны ему конкретно. Например, деньги — средство обмена — используются индивидом при оплате, но лишь потому, что он ориентирует свои действия на то, что незнакомо ему большинство людей, как он ожидает, будет поступать точно так же.

Вовсе не каждое действие, даже «открытое» поведение, говорит Вебер, является «социальным» в том смысле, в котором это слово употребляется здесь. «Открытое» действие не является социальным, если оно ориентировано исключительно на «поведение» неодушевленных объектов. Субъективные установки конституируют социальное действие в той мере, в какой оно ориентировано на поведение других. Например, религиозное поведение нельзя считать социальным, если его предмет — только созерцание или уединенная молитва. Экономическая деятельность оценивается социологом как социальное действие лишь в том случае, пишет Вебер, если при таком действии берется в расчет поведение кого-то еще, например тех, кто согласится признать право данного индивида некоторым образом контролировать движение товаров или других экономических ценностей. Если говорить более конкретно, то данный индивид совершает социальное действие, если он строит свой потребительский бюджет в зависимости от того, какими в ближайшем будущем могут стать потребности других людей, как они могут измениться. Точно так же и производство ориентируется на будущие потребности людей.

Далеко не всякие контакты людей носят у Вебера социальный характер. Они таковы, если сознательно ориентированы на других. Так, столкновение двух велосипедистов является естественным событием, но их попытка избежать аварии, возможных вслед за этим взаимных оскорблений и закончить дело мирным путем должны истолковываться как «социальное действие». Если люди раскрывают зонты, почувствовав приближающийся ливень, их действие, хотя и наступившее у всех одновременно, вовсе не ориентировано на поведение «других». Скорее, это однотипная реакция на осадки. Хорошо известно, полагает Вебер, что действия людей сильно зависят от самого того факта, что они находятся в уличной толпе, которая пространственно ограничена прилегающими домами. Такого рода поведение стало специальным предметом «психологии толпы» Г. Лебона. По мнению Вебера, Лебон доказал, что поведение человека в толпе описывается особыми механизмами, в числе которых реакция на действия окружающих, подражание им.

Человек не может поступать иначе как часть «толпы» или «массы», находясь в подобных ситуациях. Он просто ограничен в выборе средств. У него появляются такие психологические реакции или поведенческие акты — раздражение, энтузиазм, страсти и т. д., — которые он, как правило, не испытывает в одиночестве. Но при этом человек не должен осознавать себя частью толпы, иначе он может и не подчиниться «воле масс». Индивид подчиняется логике массового поведения в толпе бессознательно, поэтому его действия не являются в строгом смысле индивидуальными. Разумеется, провести четкую разграничительную линию здесь крайне сложно. Так, например, поведение индивида под влиянием демагогии может носить одновременно массовый и сознательный характер, причем в разной степени. Здесь возможна любая интерпретация, все зависит от квалификации социолога.

Рассмотренные случаи скорее надо отнести к «имитации», которая, согласно Тарду, не является социальным действием. В этом, как и во многом другом, Вебер полностью согласен с ним. Это реактивное поведение, лишенное сознательной ориентации на источник имитации. Наблюдая за действием других, индивид реагирует на объективные факты как на естественные явления. Его действия причинно обусловлены поведением других, но не ориентированы на его смысл и значение. Совершенно очевидно, что на эмпирическом уровне «влияние» и «сознательная ориентация» трудно различимы, однако на концептуальном уровне между ними необходимо проводить разграничительную линию. Социология имеет дело прежде всего с социальными действиями, но не исключительно с ними. Они — ее центральный предмет, хотя все разнообразие действий индивидов должно учитываться социологом как важные факторы.

Социальная организация органично вырастает из социального действия. В учение о социальном действии у Вебера включается не только знаменитая четырехчленка (целе- и ценностнорациональное, традиционное и аффективное), но также другие категории, в частности социальные отношения. В самом деле, действие, если оно социальное, подразумевает не только ориентацию на других и мотивацию, но и вытекающую из этой ориентации отношение. Социальное отношение — вот активный мостик от одного индивида к группе. Там, где есть отношение, там всегда наличествует связь, а там, где есть связь, там обязательно должны быть взаимодействие и кооперация, которые, в свою очередь, возникают лишь там, где имеют место совместные интересы и ориентация на других. Такова логика веберовского подхода, а точнее — перехода от социального действия к социальной организации, в фундаменте которой лежит организованная группа. «Термин “социальные от-

ношения” будет употребляться для обозначения поведения некоторого множества людей так же, как и для обозначения действий каждого из них, если оно ориентировано на других. Социальные отношения таким образом существуют лишь в поле вероятности...» — пишет М. Вебер¹.

Взаимоотношения между людьми у Вебера могут заключать в себе целый спектр неожиданных форм: конфликт, враждебность, сексуальную притягательность, лояльность, дружбу или экономический обмен. В социальном действии должен содержаться хотя бы минимум взаимной ориентации. Этот критерий присутствует в служебном исполнении, иноземном вторжении, насилии, соглашении, а также в экономической, эротической и некоторых других формах «конкуренции»².

Итак, социальные действия, повторяясь и осуществляясь на регулярной основе, кристаллизуются в социальную связь, т. е. некое устойчивое отношение одного индивида к другому. Р. Арон в данном случае говорит о том, что социальное поведение воплощается в социальную связь (*soziale Beziehung*), но как именно, не указывает. На роль связующего мостика он предлагает «поступок»: «Социальная связь бывает тогда, когда каждый из нескольких субъектов совершает поступок, смысл которого соотносится с позицией другого таким образом, что поступки взаимно ориентированы друг на друга. Профессор и его студенты находятся в социальной связи. Их позиция ориентирована на профессора, а его позиция ориентирована на студентов»³. Однако термин «поступок» здесь вряд ли уместен, так как несет на себе известный морально-нравственный акцент. Совершить поступок в русском языке означает сделать нечто выдающееся. Английский термин «action» подходит больше, ибо он обозначает некое нейтральное в ценностном отношении движение. Единственная нагрузка у поступка — ориентация на других. Но она у Вебера не имеет никакого ценностного наполнения.

Типы устойчивых отношений между людьми М. Вебер систематическим образом никак не классифицирует, несмотря на принципиальное значение этого момента для социологии в целом. Правда, он разводит два термина, обозначающих различные оттенки или степень такой устойчивости. «Если ориентация на социальное действие происходит регулярным образом, это следует называть

¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. P. 26—27.

² Там же. P. 27.

³ Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. М., 1993. С. 547.

“обыкновением” (Brauch) постольку поскольку, основой его существования в группе выступает только реальная практика. Обыкновение будем именовать “обычаем” (Sitte), если практика длится очень долгое время. С другой стороны, единообразие ориентации может быть “детерминировано заинтересованностью”, поскольку и если поведение актора является инструментально ориентированным... Обыкновение, кроме того, включает в себя “манеры” (fashion). Обыкновение, поскольку оно отличается и противоположно обычаю, следует называть манерой в том случае, когда основой поведения выступает новизна»¹.

Обычаи, привычки, нравы — традиционная тема социологии. Нет ни одного учебника, где бы ни излагались эти понятия. Веберовская трактовка имеет весьма важное для истории социологии значение, поскольку во всех без исключения учебниках дается не его, а самнеровская трактовка. Американский вариант преобладает в мировой социологии. А чем же отличается (и отличается ли вообще) веберовский вариант? Р. Арон, комментируя данное место из Вебера, пишет так: «Если ориентированные друг на друга социальные поступки индивидов совершаются регулярно, то нужно, чтобы регулярность этих социальных связей была чем-то обусловлена. Когда говорят, что эти социальные связи регулярны, то речь идет об “обычаях” (Brauch); когда же единообразие этих повторяющихся связей объясняется длительной привычкой, ставшей второй натурой, то это уже “нравы” (Sitten). Вебер использует выражение *ingeleitet*: обычай вошел в жизнь. Традиция стала спонтанным образом действия»².

Т. Парсон передает значение *Brauch* английским *usage*, а *Sitte* (или *Sitten* у Арона) термином *custom*. Правильнее первый переводить на русский как «обыкновение», или «привычка», а второй — «обычай». Почему и в чем разница между ними?

Наш образ жизни создается нашими привычками. Спать лежа, кушать первое ложкой, а второе с вилкой, закрывать за собой дверь, осторожно ставить бьющиеся предметы с все это и многое другое пропитывает нашу повседневную жизнь. Это коллективные, или групповые, привычки, усвоенные нами в процессе социализации. Их огромное множество, они соблюдаются нами автоматически, без осознания. Кроме них, существует масса индивидуальных привычек: рано вставать, заниматься гимнастикой, одеваться потеплее, пить кофе по утрам, не курить натошак и т. д.

¹ Weber M. *Economy and Society: An outline of interpretive sociology*. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1. P. 29.

² Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 547—548.

Привычки возникают на основе навыков и закрепляются в результате многократного повторения. Привычки — это установившаяся схема (стереотип) поведения в определенных ситуациях. Большинство привычек не встречают со стороны окружающих ни одобрения, ни осуждения.

Обычаи же присущи широким массам людей. Это традиционно установившийся порядок поведения. Он также основан на привычке, но относится не к индивидуальным, а к коллективным действиям. Обычаи гостеприимства, празднования Рождества и Нового года, уважения к старшим и многие другие берегутся народом как коллективное достояние, ценности. К их соблюдению людей часто принуждают. Обычаи — одобренные обществом массовые образцы действий, которые рекомендуется выполнять. К нарушителям применяются неформальные санкции — неодобрение, изоляцию, порицание.

Нравы — особо оберегаемые, высокочтимые обществом массовые образцы действий. Нравы отражают моральные ценности общества, их нарушение наказывается более сурово, нежели нарушение традиций. От этого слова происходит «нравственность» — этические нормы, духовные принципы, которые определяют важнейшие стороны жизни общества. Латинское слово *moralis* означает «нравственный». Нравы — обычаи, имеющие моральное значение. Под эту категорию попадают те формы поведения людей, которые бытуют в данном обществе и могут быть подвергнуты нравственной оценке. В Древнем Риме это понятие означало «самые уважаемые и освященные обычаи». Во многих обществах считается безнравственным оскорблять старших, бить женщину, обижать слабого, издеваться над инвалидами.

Таким образом, стремление Р. Арона свести «нравы» к «длительной привычке, ставшей второй натурой», не совсем правомерно. Во всяком случае она расходится со сложившимся в социологии употреблением. Термин «обыкновение» можно вполне заменить термином «привычка». И тогда у Вебера получится вполне естественная иерархия, в которой на нижней ступеньке будут находиться самые слабые (с точки зрения наказания за нарушение) разновидности социальных связей, а именно привычки, а над ними будут возвышаться не нравы, а обычаи — коллективные, социально одобряемые образцы действий. О нравах же Вебер (по крайней мере, в данной главе) вообще ничего не говорит. Почему? Может быть, он не придает им никакого значения? Напротив, он придает им исключительное значение. Только называет их не нравами, а ценностями. А они, как известно, служат одним из столпов веберовского учения и рассматриваются им во множестве производений.

Точно так же неправильно, на наш взгляд, именовать традицию «спонтанным образом действия», как это делает Р. Арон. Традиция — все то, что унаследовано от предшественников. Если привычки и обычаи переходят от одного поколения к другому, они превращаются в традиции. Первоначально это слово обозначало «предание». В качестве традиции выступают также ценности, нормы, образцы поведения, идеи, общественные установления, вкусы, взгляды.

У Вебера обыкновение противоположно обычаю и включает в себя манеры, если в социальном действии присутствует элемент новизны. Манеры — внешние формы поведения человека, получающие положительную или отрицательную оценку окружающих. Они основаны на привычках. Манеры отличают воспитанных от невоспитанных, аристократов и светских людей от простолюдинов. Если привычки приобретаются стихийно, то хорошие манеры надо воспитывать. Присутствие элемента новизны указывает на то, что Вебер включал в понятие «манеры» признаки, характеризующие другие явления, а именно моду, вкус и увлечения. Вкус — склонность или пристрастие к чему-либо, чаще всего это чувство или понимание изящного. Вкус в одежде формирует индивидуальный стиль, манеру одеваться. Вкус индивидуален, поэтому он показывает то, насколько человек отклонился от общепринятых норм, усредненных стандартов. Увлечение — кратковременное эмоциональное пристрастие. У каждого поколения свои увлечения: узкими брюками, джазовой музыкой, широкими галстуками и т. п. Смена увлечений, овладевших большими группами, называется модой. Моду также понимают как быстро преходящую популярность чего-либо или кого-либо. Эти «чего-либо» обычно обозначают какие-то незначительные нормы в одежде, питании, поведении и т. п. Если вкус может сохраняться у человека на протяжении всей жизни, то увлечения постоянно меняются. В отличие от увлечения мода выражает социальные символы. Модные веяния присущи скорее городской среде, где статус и престиж человека зависят не столько от трудолюбия или характера, сколько от стиля жизни, уровня благосостояния, манеры одеваться.

Говорить о привычках, обычаях, нравах приходится в связи с тем, что от них у Вебера тянется прямая ниточка к социальным организациям. Дело в том, что последние представляют собой самый крепкий из всех возможных видов социальный цемент общества. Или, по крайней мере, один из самых крепких. Конечно, общество укрепляют и привычки, и обычаи, и традиции, и нравы. Однако только в социальной организации они направляют во благо или ради выгоды. Иными словами, превращаются в инструмент рационального экономического действия. Ведь люди и объединя-

ются в организации, если речь идет об экономических организациях, ради получения прибыли, изготовления товаров или оказания услуг.

Социальные организации — как наивысшая ступенька эволюции социальных отношений и связей — произрастают из элементов, составляющих содержание этих отношений, а именно привычек, обычаев, традиций. Такой подход, хотя современные социологи почему-то забывают, очень хорошо коррелирует с последними концепциями организационного поведения. Вспомним хотя бы теорию Дж. Хоманса. Для того чтобы объяснить механизм возникновения неформальных групп внутри формальных организаций, Дж. Хоманс построил теоретическую модель, включающую три основных элемента: задания, взаимодействие и установки. От руководителя люди получают производственное задание, выполняя его постоянно и ежедневно, они организуют процесс взаимодействия (систему конкретных поведенческих актов), и, как следствие, между ними возникают определенные чувства, привычки, ожидания, симпатии и антипатии. Причем чем чаще и интенсивнее взаимодействие, тем сильнее взаимные чувства, и наоборот. Возникает своего рода эффект наполнения, или спиральный процесс, и если он не прерывается, то члены малого коллектива со временем становятся все более и более похожими друг на друга. У них возникает то, чем все они дорожат, в частности нормы совместного поведения. Такие нормы можно назвать нравственными принципами, традицией или обычаями. В любом случае они представляют собой неписанные законы, которые всегда возникают только на достаточно зрелом этапе развития человеческой общности. Они аккумулируют прошлый опыт, высоко ценятся людьми и выполняются нередко с большим прилежанием, чем формальные нормы, например свод должностных обязанностей, различного рода инструкции и приказы. Чем больше сплочена общность, тем больше выполняются нормы и сильнее к ней тянутся индивиды. По отношению к тем, кто нарушает нормы, применяются опять же неформальные санкции.

Концепция социального действия Макса Вебера получила за рубежом всеобщее признание. Исходные положения, сформулированные немецким ученым, были развиты в трудах Дж. Мида, Ф. Знанецкого, Э. Шилза и многих других. Благодаря обобщению веберовской концепции американским социологом Толкоттом Парсонсом (1902—1979) теория социального действия стала фундаментом современной поведенческой науки. Парсонс пошел дальше Вебера в анализе элементарного социального действия, включив в него действующее лицо, ситуацию и условия.

ГЛАВА 5. Учение П. Сорокина

В истории мировой, а тем более отечественной социологии это имя стоит на особом месте. Интересна уже биография П. Сорокина, как в зеркале отражающая трагическую судьбу русской интеллигенции, взлеты и падения русской социологии первой половины XX в., противоречия политического строя. Достаточно сказать, что он был единственным или почти единственным русским социологом дореволюционного времени — выходцем из социальных низов. Все остальные — из разночинцев и благородных сословий.

Его три раза заключали в тюрьму при царском режиме, после Февральской революции в возрасте 28 лет служил секретарем премьер-министра Керенского, Октябрьскую революцию встретил в оппозиции и наконец был выслан в 1922 г.¹ за границу как злостный враг большевистской власти². Он сидел в тюрьме и при царе, и при большевиках и был даже фактически приговорен ими к смертной казни, но приговор был заменен изгнанием. Он провел два года в Чехословакии, а затем уехал в Соединенные Штаты, где после короткого пребывания в Вассарском Колледже получил должность профессора в США. В 1924—1930 гг. он являлся профессором Миннесотского университета, а в 1930—1955 гг. профессором Гарвардского университета.

¹ Когда осенью 1922 г. П. Сорокин, вынуждаемый преследованием и угрозой личной гибели, покинул родину, — писал в свое время исследователь его творчества И. А. Голосенко, — он увозил все свое имущество в двух чемоданах, заполненных экземплярами собственных статей, книг и восемью рукописями: «Война как социальный факт» (5 п. л.); «Оправдание мещанства и обывателя» (6 п. л.); «Социологические этюды. Сборник статей» (15 п. л.); «Голод как фактор» (15 п. л.); «Социологическое истолкование революции» (12 п. л.); «Коммунистическое общество, его примеры в истории, его сущность, причины и следствия. Критическое изложение» (15 п. л.); «Система социологии. Учение о социальных силах», т. 3 (15 п. л.); «Класс пролетариев в ряду других социальных классов: антропология, психология и социология пролетариата» (20 п. л.). Четвертая рукопись из этого списка была отредактирована его женой Е. Сорокиной и опубликована в 1975 г. Пятая — вышла в свет в 1925 г. под названием «Социология революции». Седьмая, а также части шестой и восьмой были опубликованы в 1927 г. под названием «Социальная мобильность», материалы первой нашли отражение в ряде статей и частично вошли в «Социальную и культурную динамику» (1937—1941 гг.).

² После продолжительного пребывания в Берлине, а затем в Праге, осенью 1923 г., приняв приглашение видных американских социологов Э. Хайэса и Э. Росса прочесть серию лекций о русской революции, Сорокин навсегда переезжает в Соединенные Штаты Америки. В 1924 г. выходит его первая печатная книга «Листки из русского дневника», описывающая и анализирующая российские события 1917—1922 гг.

Сорокин Пителирм Александрович (1889—1968) — один из основоположников русской и американской социологии, крупнейший социолог XX в., автор фундаментальных трудов. Родился в России, где провел первые 15 лет своей жизни (1889—1904); назван в честь епископа Пителирима, признанного местным святым. Мать, которой он рано лишился, была зырянкой крестьянского происхождения, отец — церковный реставратор. От отца усвоил навыки его профессии и подрабатывал этим, скитаясь по северным деревням. Случайно он выучился грамоте, все-таки закончил Гамскую второклассную школу и в 1904 г. поступил по рекомендации руководителя школы, заметившего его природные способности, в церковно-учительскую школу, которая была расположена в небольшом городке в Поволжье.

Пителирм Сорокин
(1889—1968)

Однако ее не закончил из-за ареста в 1906 г. за революционную деятельность в рядах эсеров. Четыре месяца тюремного заключения, вспоминал позднее П. Сорокин, были наполнены чтением сочинений Г. Спенсера, П. Лаврова, Н. Михайловского, В. Чернова, М. Кропоткина, Г. Плеханова и других, обсуждением их с заключенными, представителями других партий — анархистами, социал-демократами. Именно тогда у П. Сорокина родился глубокий интерес к социальным наукам, сложились некоторые сюжеты его будущих научных работ. Окончив школу, учительскую семинарию и сдав экстерном гимназический курс в 1909 г., Сорокин вскоре поступает в Психоневрологический институт, ибо только там была единственная в стране кафедра социологии. Этой науке он хочет посвятить свою жизнь. В 1910 г. П. Сорокин перешел на юридический факультет Петербургского университета и вскоре получает звание магистера уголовного права.

За время учебы он публикует оригинальную монографию с длинным названием «Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали», которая была встречена благожелательно в научных кругах и вызвала множество откликов, ряд социологических, юридических и этнографических статей, множество рецензий и обзоров профессиональных зарубежных журналов. Всего за годы студенчества он опубликовал 55 работ.

Несомненно, его становление в качестве социолога прошло в Санкт-Петербурге, где он был секретарем социолога М. М. Ковалевского; ученик правоведа Л. И. Петражицкого; одновременно

читал лекции по социологии в Психоневрологическом институте и Институте Лесгафта, вел публицистическую деятельность, сотрудничал в научных журналах. В 1914 г. по окончании университета оставлен при кафедре уголовного права и судопроизводства для подготовки к профессорскому званию; с 1916 г. приват-доцент. После Февральской революции Сорокин редактировал газету «Воля народа» (орган правых эсеров), был личным секретарем А. Ф. Керенского, депутатом Учредительного собрания. После победы большевиков его заключают в Петропавловскую крепость, затем он вновь подвергается аресту. В 1918 г. дважды арестовывался большевиками и находился на грани расстрела. В апреле 1922 г. защитил диссертацию, в качестве которой представил два тома «Системы социологии», опубликованной в 1920 г. Сорокин в 1919—1922 гг. был руководителем межфакультетской кафедры, затем — отделения социологии Петроградского университета. П. Сорокин первым в нашей стране получил докторскую степень по социологии; сама эта степень была учреждена в России незадолго перед 1917 г., и в 1920 г. П. Сорокин стал первым дипломированным профессором социологии в стране.

Блестяще закончив Петербургский университет, П. Сорокин вдруг прекращает научную деятельность, целиком погрузившись в политическую деятельность. После Февральской революции Сорокин был секретарем А. Керенского по проблемам науки. В 1918 г. он — почетный член Учредительного собрания, публицист и редактор ряда эсеровских изданий, страстный критик марксизма и теории классовой борьбы. В итоге — тюрьма и угроза расстрела, от которого его спасает статья В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Спасает для того, чтобы в 1922 г., вместе с другими выдающимися интеллигентами России выслать Сорокина навсегда из страны. «Исход в политику» в кризисные времена становится явлением, как правило, массовым. Так, после февраля 1917 г. многие социологи, находившиеся в идейной оппозиции царизму (В. Чернов, П. Милуков, П. Сорокин, Н. Кондратьев, Н. Тимашев, Ф. Степун и др.), пошли на службу Временному правительству. Другие социологи выражали свою оппозиционность иначе: многие засели в различных «культурно-просветительных комиссиях» и наводнили книжный рынок брошюрами, пропагандирующими буржуазную демократию. «В подавляющем большинстве они не приняли Октябрьскую революцию, и когда русская буржуазия, потерпев поражение в гражданской войне, сделала ставку на мирную, экономическую реставрацию капитализма, многие из них открыто выступили в поддержку этой линии. В ответ коммунистические руководители поставили вопрос о жестком контроле над программами и содержанием курсов по общественным наукам,

о необходимости непримиримой борьбы с враждебными идейными течениями», — пишут И. А. Голосенко и В. В. Козловский¹.

В 1922 г. С. выслан из России. Некоторое время преподавал в Русском университете в Праге. Опубликовал труд «Современное состояние России» (1923). Осенью 1923 г., приняв приглашение видных американских социологов прочесть серию лекций о русской революции, Сорокин навсегда перебирается с Европейского континента в Соединенные Штаты. Менее года понадобилось Сорокину для культурной и языковой акклиматизации. Летним семестром 1924 г. он приступил к чтению лекций в университете штата Миннесота. Годы, проведенные в Миннесоте, были, пожалуй, самыми продуктивными в его жизни. Основными работами этого периода являются: «Социология революции» (1925 г.), «Социальная и культурная мобильность» (1927 г.), «Современные социологические теории» (1928 г.) и др. Эти научные труды помогли Сорокину с «задворок» политической эмиграции передвинуться на авансцену американской социологии.

В последующие годы опубликовал ряд трудов, которые принесли ему мировое признание («Социальная мобильность», «Современная социологическая теория» и др.); в 1930 г. принял американское гражданство. В 1930 г. П. Сорокин основал социологический факультет в Гарвардском университете, и за 12 лет, в течение которых Сорокин был деканом, факультет воспитал множество известных и популярных ученых (Р. Мертон, У. Мур, Ч. Лумис, Э. Шилз, Р. Бербер, Дж. Хоманс, Э. Тирьякан и др.). В 1949 г. П. Сорокин создал Гарвардский исследовательский центр по созидательному альтруизму, который действовал до 1959 г. В 1964 г. Сорокин был избран президентом Американской социологической ассоциации. В США учреждена премия им. Сорокина Американской социологической ассоциации, лауреатами которой стали известные на весь мир ученые, в том числе антрополог и социолог Клиффорд Гирц.

Решающее влияние на его воззрения оказали идеи О. Конта и Г. Спенсера. Вот почему социологию он мыслил как опытную и точную науку, которой свойственно опираться на строгое изложение данных наблюдения и обобщения, основанных на тщательном анализе фактов. Хорошо проверенная статистическая диаграмма, писал П. Сорокин в молодые годы, стоит любого «социально-философского» трактата.

Однако, перебравшись в Америку и столкнувшись в зрелые годы с безумным засильем социологических изданий статистикой и «цифирь», он пришел в ужас и с яростью набросился на «ползу-

¹ Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX—XX вв. М.: Онега, 1995. С. 33—34.

чий эмпиризм» и так называемую квантофрению (его собственное выражение). На рубеже 1920—1930-х гг. он разочаровывается в теоретических возможностях сциентизма и бихевиоризма, в пух и прах раскритиковал господствовавшую в США эмпирическую тенденцию и создал новую «интегральную философию и социологию», охватывающую все аспекты общества и культуры, вбирающую в себя самое ценное из позитивистских и антипозитивистских традиций научной мысли. Наиболее полное воплощение она получила в четырехтомной «Социальной и культурной динамике» (1937—1941 гг.), где изложена впечатляющая картина циклической флуктуации европейской культуры почти за три тысячи лет. Главным объектом социологии стала область повторяющихся во времени и пространстве социальных явлений, рассмотренных с позиции циклической концепции развития.

Видное место в деятельности Сорокина занимали вопросы теории и методологии социологического знания, природа социальных связей и социальных изменений. Предметом социологии Сорокин считал взаимодействие социальных групп, функционирующих в различных исторических и культурных обстоятельствах. В работе «Система социологии» он описывает общество (социальное народонаселение) как совокупность групп, образованных на основе общности территорий, языка, профессии, возрастных и других признаков. Группы подразделяются на простые и сложные (в зависимости от количества признаков, лежащих в основе их образования). К сложным относятся нации, классы и др. Положение индивидов в группах, в обществе в целом рассматривается с точки зрения характерной для них иерархической структуры.

Таким образом, социология понималась как собирательная или, используя терминологию П. Сорокина, интегральная наука об обществе. Не только частные науки трудились, подобно пчелам, собирающим нектар с разных цветков, над построением общего здания социологии, но и социология приносила неоценимую пользу конкретным наукам, позволяя по-новому взглянуть, скажем, на взаимосвязь искусства и общества, права и общества и т. д. Кстати сказать, и сама социология подавалась тогда несколько иначе, чем сегодня, — не как засушенное сборище узкоспециальных сведений и теорий, нагромождение имен и эмпирических данных, а прежде всего как широкий гуманитарный взгляд на реальность. В основе лежал исторический взгляд на любые социальные процессы. Он объявляет «социальное взаимодействие» родовым типом различных проявлений общества как «системы систем». «Вся общественная жизнь и все социальные процессы могут быть разложены на явления и процессы взаимодействия двух или больше-

го числа индивидов и обратно — комбинируя различные процессы взаимодействия, мы можем получить любой сложнейший из сложнейших общественный процесс, любое социальное событие, начиная от увеличения танго и футуризмом и кончая мировой войной и революциями... Процессы взаимодействия являются теми нитями, из совокупности которых создается ткань человеческой истории... На отношения взаимодействия распадаются все социальные отношения, начиная с отношений производственных и экономических и кончая отношениями религиозными, правовыми и научными», — писал в первом томе «Системы социологии» Сорокин.

Сорокин ввел в социологию новые понятия: социальная стратификация, социальная мобильность, страта, статус, проводники, актор и т. д. Сорокин — один из родоначальников теорий социальной мобильности и социальной стратификации. Основа стратификации — неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей, власти и влияния. П. Сорокин описывает мир как социальную вселенную, т. е. некое пространство, заполненное социальными связями и отношениями. Они образуют многомерную систему координат, в которой выделяются две главные оси — горизонтальная мобильность и вертикальная мобильность. *Мобильность* — особое состояние социального пространства, когда отдельные индивиды или целые группы перемещаются в одной из трех плоскостей, на которые делится социальная стратификация, а именно в экономическом, политическом или профессиональном подпространствах. Если индивид перешел из низшего класса в средний, повысил свой доход, то он совершил восходящую мобильность в экономическом подпространстве, профессию или род деятельности — в профессиональном, партийную принадлежность — в политическом. Три подпространства социального пространства можно также именовать системами стратификации.

Сорокин разработал несколько принципиальных концепций: социальной стратификации, мобильности, культурной типологии, истории социологии и др., многие из этих замыслов возникли у него еще в России. Наиболее подробно П. Сорокин характеризовал экономическую стратификацию, изменение которой по историческим эпохам описывал термином «флуктуации». Если сравнить все общества и присущие им пирамиды доходов, то окажется, что со временем они изменяются. Сравнив огромный статистический материал, П. Сорокин первым в мире доказал, что какой-либо устойчивой тенденции в истории не существует. В развитии любого общества периоды обогащения сменяются периодами обеднения. Вертикальная мобильность (повышение социального статуса)

является показателем степени «открытости» общественной системы. В «закрытом» обществе динамика социальной жизни сведена к минимуму.

Значительная часть его работ посвящена проблемам культуры. Получив грант от Национального научного фонда США, он углубляется в исследование мировой культуры, результатом которой явился фундаментальный многотомный труд по социодинамике культуры. Создал циклическую теорию флуктуации трех социокультурных типов (идеационального, сенситивного, идеалистического). Идеациональный как важнейший тип мировой культуры базируется на принципе сверхчувственности и сверхразумности бога как единственной реальности и ценности. К нему С. относит средневековую европейскую культуру. Здесь господствующие нравы и обычаи, образ жизни и мышления, ориентирующиеся на единство с богом как высшую цель. Данный тип культуры безразличен по отношению к чувственному миру, его богатству, радостям и ценностям. Сюда включены брахманская, буддийская, лаоистская и греческая культура с VIII по конец VI в. до н. э. Сенситивный (чувственный тип) ориентирован только на то, что мы видим, слышим, осязаем, ощущаем и воспринимаем через наши органы чувств. Лишь даваемое через чувства обладает в такой культуре статусом реального. Вне чувственной реальности нет ничего. Эта культура стремится освободиться от религии, морали и других ценностей идеациональной культуры. Ее ценности сконцентрированы вокруг повседневной жизни в земном мире. Ее герои — фермеры, рабочие, домохозяйки и даже преступники и сумасшедшие. Формирование сенситивной культуры начинается в XVI в. и достигает своего апогея к середине XX в. Идеалистический тип занимает промежуточное положение и представляет смесь элементов идеациональной и синситивной культур в равных пропорциях. Доминирующие в нем ценности ориентируются как на небо, так и на землю. Исходная посылка — убеждение в том, что объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна. Она охватывает сверхчувственный и сверхрациональные аспекты плюс рациональный и наконец сенсорный аспект, образуя собой единство этого бесконечного многообразия. Сюда относятся западноевропейская культура XIII—XIV вв. и греческая культура V—IV вв. до н. э.

В цивилизационно-культурной парадигме Н. Я. Данилевского, П. Сорокина, О. Шпенглера, А. Тойнби¹ и Д. Икэды² история чело-

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории / пер. с англ. М.: Изд. «Прогресс—Культура», 1995

² Икэда Дайсаку. Новые волны мира к XXI веку / пер. с яп. Токио: Сока Гаккай Интер., 1987.

вещества мыслится как совокупность своеобразных, относительно замкнутых цивилизаций (их насчитывали от 5 до 21), каждая из которых проходит стадии возникновения, роста, надлома и разложения, умирая от естественных катастроф, военных поражений или внутренних конфликтов. Ядром каждой цивилизации выступает духовная культура во всей ее неповторимости, а прогресс — духовное совершенствование людей, сопряженное с отказом от абсолютизации материальных ценностей и возрождением гармонии между человеком и природой.

Им опубликовано более 30 книг¹. П. Сорокин пользовался большим влиянием в мире социологии при жизни. Однако в дальнейшем оказался полузабытым как в на Родине, так и на Западе. Исключения составляют лишь его идеи в области социальной мобильности. С начала 1990-х гг. появляется интерес к П. Сорокину в России, что проявилось в публикации целого ряда его работ и исследований, посвященных его жизни и творчеству. После его смерти Американская социологическая ассоциация учредила ежегодную премию им. Сорокина за лучшую книгу по социологии. Среди учеников Сорокина — крупнейшие американские социологи, такие как Р. Мертон, Р. Миллз, Т. Парсонс и др. Начиная с 2002 г. в Москве ежегодно проводятся «Сорокинские чтения», организованные Российским обществом социологов и социологическим факультетом МГУ им. М. Ломоносова.

Социальное пространство

Социальное пространство — место, где происходят описываемые социологом события, явления и процессы — служит одним из основополагающих понятий в теории П. Сорокина.

Над идеей о социальном пространстве размышляли Р. Декарт, Т. Гоббс, Лейбниц, Ф. Ратцель, Г. Зиммель Э. Дюркгейм, Р. Парк, Э. Богардус, Л. фон Визе, Е. Спекторский, П. Сорокин, Б. Верлен

¹ Соч.: Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1911; Проблема социального равенства. П., 1917; Система социологии: в 2 т. П., 1920; Дальняя дорога. Автобиография. М., 1992; Социологические теории современности. М., 1992; Система социологии: в 2 т. М., 1993; Главные тенденции нашего времени. М., 1993; Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992; Social mobility. N.Y., 1927; Social a. cultural dynamics. V. 1—4. N.Y., 1937—1941; Crisis of our age. N.Y. 1941; Man and Society in Calamity. N.Y., 1942; Sociocultural causality, space, time. N.Y., 1943; Society, culture a. personality. N.Y., 1947; The ways and Power of Love. Boston, 1954; The American Sex Revolution. Boston, 1956; Fads a. foibles in modern sociology a. related sciences. Chicago, 1956; Sociological theories of today. N.Y., 1966.

и др.¹ Однако наиболее четкая формулировка, а не просто постановка проблемы, принадлежит П.Сорокину, впервые высказавшему идею о возможности и необходимости представлять все многообразие происходящих в обществе явлений помещенными в социальное пространство в 20-е гг. XX в.

В своей книге «Социальная мобильность» (1927) П. Сорокин пишет:

«...представляется необходимым очень точно обрисовать суть того, что я подразумеваю под социальным пространством и его производными. Во-первых, социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве (например, два брата или епископы, исповедующие одну религию...), могут быть очень близки социально. Человек может покрыть тысячи миль геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение. Так, положение президента Гардинга в геометрическом пространстве резко изменилось, когда он переместился из Вашингтона на Аляску, тогда как его социальное положение осталось тем же, что и в Вашингтоне... Для того чтобы дать определение социальному пространству, вспомним, что геометрическое пространство обычно представляется нам в виде некой “вселенной”, в которой располагаются физические тела. Местоположение в этой вселенной определяется путем определения положения того или иного объекта относительно других, выбранных за “точки отсчета”. Как только такие ориентиры установлены., мы получаем возможность определить пространственное положение всех физических тел сначала относительно этих точек, а затем — относительно друг друга.

Подобным же образом *социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли...* Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального

¹ См.: Ratzel F. Politische Geographie. B., 1903; Simmel G. Sociologic. Munchen. 1908; Park R. E. The Concept of Social Distance // Journal of Applied Sociology. Vol. 8. № 6; Wiese L. von. Allgemeine Soziologie. Munchen, 1924; Durkheim E. Les formes elementaire de la vie religieuse. P., 1912; Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. Пг., 1920. Спекторский Е. Проблема социальной физики в XVII столетии. Т. 1. Варшава, 1910. Киев. 1917. Т. 2; Филиппов А. Ф. Общество и пространство: обзор монографий Бенно Верлена // Социологический журнал. 1996. № 1—2. С. 222—227.

явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета”. Сам же выбор “точек отсчета” зависит от нас: ими могут быть отдельные люди, группы или совокупности групп... Дабы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т. д... Необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Когда же наконец определено положение населения как такового среди всего человечества (например, население США), тогда можно считать и социальное положение индивида определенным в достаточной степени... Итак, резюмируем: 1) *социальное пространство — это народонаселение Земли*; 2) *социальное положение — это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с ее членами*; 3) *положение человека в социальной вселенной определяется путем установления этих связей*; 4) *совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляют систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида»*¹.

Обширная выдержка из произведения П. Сорокина понадобилась нам для того, чтобы прояснить все нюансы его позиции. Они сводятся к следующим моментам:

- социальное пространство принципиально отличается от геометрического;
- оно представляет собой совокупность социальных отношений (связей), в которые вступает любой индивид с другими индивидами, группами и обществом в целом;
- социальные координаты такого пространства задаются социальными группами и ничем другим;
- социальное положение раскрывается через совокупность социальных связей со всеми группами;
- социальное пространство отображает народонаселение, а не статусы.

Последний момент принципиально важен. В социальном пространстве располагаются у П. Сорокина люди, а не статусы. Подчеркнем данное положение, поскольку в отечественной литературе иногда неправильно трактуют его концепцию. Так, по мнению

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 297—299.

В. Ф. Анурина, П. Сорокин «вводит понятие социального пространства, называя этим термином совокупность всех социальных статусов данного общества»¹. Если бы П. Сорокин поступил в свое время именно так, то он построил логически безупречную теорию социального пространства. Описав социальное пространство и его производные («геометрическая и социальная дистанция», «подъем в геометрическом и в социальном пространстве») в социологических категориях, он социологически не прописал главное действующее лицо в этом пространстве — человека. Не люди и не народонаселение выступают теми, кто действует в социальном пространстве. Народонаселение — демографический термин, люди, человек, индивид — термины повседневного языка, используемые в самых разных науках. Единственным социологическим термином, с помощью которого можно описать исходную ячейку социального пространства, выступает статус. Но он в качестве такой ячейки у П. Сорокина не выступает. И вполне логично. Так как статус он сводит к рангу, а не к социальной позиции на ранжированных и неранжированных шкалах.

Образ социального пространства использован П. Сорокиным как вспомогательное средство для лучшего изображения стратификации. Сегодня идею социального пространства взяли на вооружение, кажется, все социологические школы, хотя каждая из них наполняет его своим содержанием. В конечном итоге современная социология договорилась до того, что весь социальный мир, наполненный людьми, живущими в различных обществах и эпохах, является всего лишь определенный тип социальной топографии. Согласно концепции П. Бурдьё, «социология главным образом представляет собой социальную топологию». Позиция любого агента в социальном пространстве определяется у него относительно трех полей власти: а) экономический капитал; б) культурный капитал и социальный капитал; в) символический капитал, обычно называемый престижем, репутацией, именем и т. д.² Как подчеркивал П. Бурдьё, «субъекты располагаются в социальном пространстве в соответствии, во-первых, с суммарным объемом капитала, а во-вторых, сообразно с его структурой, то есть соотношением различных видов капитала... в его объеме»³. По всей видимости, возможна не одна, а несколько проекций социальной жизни людей в пространственный континуум.

¹ Анурии В. Ф. Основы социологических знаний. Н. Новгород: НКИ, 1998. С.144.

² Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.

³ Там же. С.141.

Социальное пространство П. Сорокина трехмерно — в соответствии с тремя осями координат стратификации: экономической, политической и профессиональной. Сама стратификация представляет собой разделение совокупности людей на классы и слои в иерархическом ранге¹. Три координаты социального пространства возникли не случайно. Их не следует считать простым существованием трехмерной системы физического пространства. Почему нельзя, будет ясно в дальнейшем, а сейчас следует отметить тот факт, что трехмерная модель стратификации пришла в социологию вовсе не от Ньютона, а от Вебера. Последний, так же как и П. Сорокин, рассматривает общественную диспозицию в трехмерном социальном пространстве, возникающем на базе иерархических структур отношений собственности, власти и престижа в любом обществе².

Эвклидово геометрическое пространство — трехмерное. Но оно не подходит, по мнению П. Сорокина, для описания социального пространства. Геометрическое и социальное пространства — две принципиально разные вещи. Следовательно, если одно описывается эвклидовой топографией, то второе должно описываться какой-то другой, неэвклидовой. «Социальное же пространство — многомерное, поскольку существует более трех вариантов группировки людей по социальным признакам, которые не совпадают друг с другом (группирование населения по принадлежности к государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, происхождению, полу, возрасту и т. п.). Оси дифференциации населения по каждой из этих групп специфичны, *sui generis* и не совпадают друг с другом», — указывал П. Сорокин³.

Таким образом, два признака — многомерность и разнокачественность осей — заставляют говорить о том, что социальное пространство на самом деле должно обладать неэвклидовой метрикой.

Теория стратификации П. Сорокина

Создатель современной теории стратификации П. Сорокин является автором фундаментальных трудов «Социальная и

¹ Сорокин П. А. Система социологии. Т. 2. М.: Наука, 1992; Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.

² Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5.

³ Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.300.

культурная динамика» (1937—1941), «Социальная мобильность» (1927), переведенных на русский язык¹.

П. Сорокин описывает мир как социальную вселенную, т. е. некое пространство, заполненное социальными связями и отношениями. Они образуют *многомерную систему координат*, в которой выделяются две главных оси — ось X (*горизонтальная мобильность*) и ось Y (*вертикальная мобильность*). Мобильность — это особое состояние социального пространства, когда отдельные индивиды или целые группы перемещаются в одной из трех плоскостей, на которые делится социальная стратификация, а именно в экономическом, политическом или профессиональном подпространствах. Если индивид перешел из низшего класса в средний, повысил свой доход, то он совершил восходящую мобильность в экономическом подпространстве, профессию или род деятельности — в профессиональном, партийную принадлежность — в политическом. Три подпространства социального пространства можно также именовать системами стратификации. В итоге мы имеем три системы стратификации — экономическую профессиональную и политическую, — на которые разбивается социальная стратификация.

Итак, социальное пространство внутренним образом организовано, и этот способ организации надо называть стратификационным. А стратификация основывается на неравенстве. Бедные и богатые неравны по своим доходам, престижу своего рода деятельности, политическому весу. Иными словами, у них разный ранг, т. е. место в общественной иерархии. Можно говорить о том, что социальная стратификация описывает расслоение людей на классы, а можно говорить, что она указывает, как люди распределяются в социальном пространстве в соответствии со своими иерархическими рангами. Основа стратификации — неравномерное распределение прав и привилегий, ответственности и обязанностей, власти и влияния.

Наиболее подробно П. Сорокин характеризовал экономическую стратификацию, изменение которой по историческим эпохам описывал термином «флуктуации». С экономической точки зрения все население в зависимости от доходов каждого можно выстроить на ступеньках огромной пирамиды, расположив их сверху вниз. Если сравнить все общества и присущие им пирамиды доходов, то окажется, что со временем они изменяются. Пирамида доходов в одной и той же стране то высокая, то низкая, то средняя по размерам. Если неравенство в обществе очень сильное, доходы бога-

¹ См.: Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 297—424.

тых намного превышают доходы бедняков, то профиль пирамиды высокий, и наоборот. Таким образом, с течением времени происходит то уменьшение, то увеличение высоты экономической пирамиды. Это явление и называется флуктуацией.

Сравнив огромный статистический материал, П. Сорокин первым в мире доказал, что какой-либо устойчивой тенденции в истории не существует. Иначе говоря, население Англии, Америки или России век от века не становятся богаче или беднее. Знак минуса со временем меняется на знак плюса. В развитии любого общества периоды обогащения сменяются периодами обеднения. Так было в Древнем Египте и так происходит в современной Америке. Бесцельные колебания (флуктуации) совершаются *циклически* (за обогащением следует обнищание): мелкие циклы — 3—5, 7—8, 10—12 лет, крупные — 40—60 лет. Сорокин считает, что его теория флуктуаций опровергает идею прогресса человечества — постоянного улучшения экономического положения.

В обществе, основанном на частной собственности, нет социальных потрясений. Его пирамида не слишком высока, но и не слишком низка. Как только частную собственность уничтожают, общество входит в полосу социальных потрясений. В 1917 г. большевики национализировали банки, ликвидировали богатых, сократили разницу между самой высокой и самой низкой зарплатой и довели ее до соотношения 175 : 100.

Экономическая пирамида стала почти плоской. Хотя подобные случаи в истории единичны, они служат предвестием грядущей катастрофы, после которой общество стремится восстановить нормальную форму распределения доходов. И в коммунистической России вскоре появились богатые, средние и нищие. Человечество должно усвоить простую истину, считает П. Сорокин: либо плоская пирамида всеобщего равенства и умеренной нищеты, либо преуспевающее общество с неизбежным неравенством. Третьего не дано.

Если экономическое неравенство становится слишком сильным и достигает «точки кипения», общество ожидают социальная революция, восстания, смена правящей верхушки. Иными словами, очень беспокойный период жизнедеятельности. Итак, когда расслоение достигает максимума (такое состояние ныне именуется усилением социальной поляризации), следует социальная катастрофа — революционно-уравнительная лихорадка. Возможны два исхода: либо общество сразу возвращается к нормальной форме стратификации, либо идет к ней через «большую катастрофу». Первый путь ближе к реформам, второй — к революции.

Хотя создателем теории стратификации является русский социолог, именно в России она долгое время находилась под идеоло-

гическим запретом. Впервые научную общественность стал знакомить с теорией стратификации в конце 50-х гг. журнал «Вопросы философии». Она выдавалась за очередной вымысел буржуазной социологии, стремившейся противопоставить ее «единственно верному» учению К. Маркса и В. И. Ленина о классовой структуре общества. В конце 1980-х гг. начинается ее постепенная реабилитация, а в начале 1990-х — полное признание в качестве одной из важнейших частей научной социологии. Однако споры об уместности теории стратификации не утихают по сей день. И в конце 90-х гг. можно было встретить точки зрения, расходящиеся с общепринятой позицией. В конце 1950-х гг., пишет М. Н. Руткевич, «взоры социологов поневоле устремлялись к получившим развитие на Западе теориям социальной стратификации, пытавшимся, каждая на свой лад, объяснить деление общества на различные по положению слои (страты). Поскольку многие сторонники этих теорий открыто или подспудно противопоставляли свои схемы марксистской теории классов, термин «стратификация» был подвергнут в советской научной литературе критике. Она отчасти была справедливой, поскольку деление общества на слои противопоставлялось делению на классы, методологическая основа этих теорий была весьма уязвима. Общество делили на слои (страты) по различным критериям, подчас произвольным, не пытаясь установить внутреннюю связь между ними, а тем самым и «нарезанными» согласно этим критериям слоями¹.

Самый распространенный и легкий в расчетах способ измерения неравенства — *сравнение величин самого низкого и самого высокого доходов* в данной стране. П. Сорокин сравнивал таким образом различные страны и различные исторические эпохи. Например, в средневековой Германии соотношение высшего и низшего доходов составляло 10 000 : 1, а в средневековой Англии — 600 : 1.

По уровню неравенства и бедности (второе — следствие первого) можно сравнивать между собой людей, народы, страны, эпохи. Кросс-исторический и кросс-культурный анализы широко используются в макросоциологии. Они раскрывают новые аспекты развития человеческого общества.

Согласно гипотезе Герхарда Ленски (1970), неравенство существует в наименьшей степени в первобытном обществе, затем оно нарастает в период вождества, достигает максимума в аграрном обществе, а после этого снижается и в промышленном обществе неравенство меньше, чем в аграрном, хотя промышленное общество сложнее аграрного. Почему пик неравенства приходится

¹ Руткевич М. Н. О социальной структуре советского общества // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 22.

на аграрное общество, т. е. рабовладение и феодализм? Причины — структура политической власти (концентрация всей власти в руках монарха и немногочисленной верхушки общества), наличие сословий и передача собственности по наследству, низкий материальный уровень жизни большинства населения (крестьян).

Меньшее неравенство, присущее промышленному обществу, Г. Ленски объясняет меньшей концентрацией власти у управляющих, наличием демократических правительств, борьбой за влияние между профсоюзами и предпринимателями, высоким уровнем социальной мобильности и развитой системой социального обеспечения, которая повышает жизненный уровень неимущих до определенных, вполне приемлемых стандартов. Иную точку зрения на динамику неравенства высказывали К. Маркс и П. Сорокин.

Согласно Марксу, минимальное неравенство либо его полное отсутствие наблюдалось в первобытно-общинном строе, оно возникло и стало увеличиваться в антагонистических формациях (рабовладение и феодализм), достигло максимума в период классического капитализма и будет нарастать еще большими темпами по мере развития данной формации. Теорию Маркса можно назвать «эскалацией неравенства»: прямая, изображающая это явление, все время поднимается вверх. Его теория абсолютного и относительного обнищания пролетариата гласит, что «богатые становятся все богаче, а бедные — все беднее».

В противоположность Марксу П. Сорокин утверждал, что постоянного увеличения или уменьшения неравенства в истории человечества не существует. В разные эпохи и в разных странах неравенство то увеличивается, то уменьшается, т. е. флуктуирует. Флуктуации происходят нецеленаправленно и циклически: периодичность малых циклов достигает 12 лет, больших — 60. Сорокин выделил еще один цикл — в 150 лет. Все циклы чередуются, и одни могут помещаться внутри других. Гипотеза П. Сорокина считается наиболее убедительной.

В подтверждение сказанному можно привести данные, на которые ссылается П. Сорокин, доказывая свою теорию флуктуаций (неупорядоченных колебаний) социального неравенства. В конце Средних веков в Германии годовой доход крестьянина составлял 40 гульденов, дворянина — 400, графа — 4 тыс., принца — 40 тыс., короля — 400 тыс. Соотношение самого высокого дохода и самого низкого равнялось 1000 : 1. В 1500 г. самый высокий доход (короля) превышал средний доход (ремесленника) в 500 тыс. раз. В XVII в. в Англии самый низкий годовой доход низкооплачиваемого рабочего составлял 5 фунтов стерлингов, самый высокий (за исключением короля) доход высшего дворянства — 3200 фунтов. Социальное неравенство в Древнем Риме на ранних стадиях развития

было незначительным. Но постепенно оно нарастало и к III в. н. э. достигло максимума. Рим стал «республикой миллионеров и нищих». Состояние Красса оценивалось в 7 млн, Сенеки — в 1,5 млн, Цезаря — более чем в 70 млн долл.

1. *Теория Г. Ленски.* Неравенство минимально в первобытных обществах (А), максимально в аграрных (В) и сокращается вновь в промышленных обществах (С)

2. *Теория К. Маркса.* Неравенство постоянно нарастает от минимума в первобытном обществе до максимума в капиталистическом.

3. *Теория П. Сорокина.* Уровень неравенства колеблется (флуктуирует). Нет постоянного увеличения или уменьшения неравенства.

Таким образом, различия между богатыми и бедными то значительны, то относительно снижаются (но не исчезают), правовые политические различия в условиях демократии несколько снижаются, в условиях деспотизма и тоталитаризма увеличиваются, власть то концентрируется в руках немногих, то в руках большего количества лиц, некие профессии то имеют высокий престиж, то уравниваются с другими. Нет единой линии прогресса в этих отношениях, а есть только повторяющиеся флуктуации, колебания, то расширение, то сужение размеров явлений.

Социология революции П. Сорокина

Для социолога, отдавшего свою молодость романтическим увлечениям революционными идеями (а через подобную героику прошли почти все великие личности российской философии и социологии конца XIX — начала XX в., вспомнить хотя бы Н. Бердяева), а затем оказавшегося свидетелем и жертвой революционной диктатуры большевиков, стало почти неизбежным обращение к проблемам социологии революции. П. Сорокин так и остался в мировой социологии единственным крупным мыслителем, кто постиг этот феномен на личном опыте, застав сразу три революции — 1905 г., Февральскую и Октябрьскую, — имея уникальную возможность изучать ее всеми доступными средствами, в том числе включенным и невключенным наблюдением, зная не понаслышке содержание всех фаз революционного движения. Уже в 1919 г. он исследует самые злободневные проблемы российской действительности — войну, революцию, голод. История страны гла-

зами включенного наблюдателя описана в «Листках русского дневника».

Редко кому удавалось быть свидетелем на столь небольшом отрезке времени столь значительных революционных событий, которые имеют для социолога одну неприятную особенность — проходить и уже никогда не повторяться. Две русские революции, две мировые войны, Русско-японская, затем Гражданская, а позже и холодная определили основные векторы его жизненного пути и дали богатейший материал для аналитических рассуждений. Об этом свидетельствуют названия его важнейших книг: «Социология революции», «Кризис нашего времени», «Власть и мораль», «Голод как фактор». В статье «Современное состояние России», опубликованной в журнале «Новый мир» № 4 за 1992 г., П. Сорокин дает оценку потерь, которые понесла Россия во время войны и революции, начиная с 1914 по 1921 г.

Кстати сказать, сам термин «социология революции» в научный оборот ввел именно П. Сорокин в 1925 г.

Любопытные факты

Знаете ли вы, кто был первым советским профессором социологии? Человек, который люто ненавидел советскую власть и которого советская власть ненавидела столь же сильно. В 1919 г. после разрыва с партией эсеров (в 1917 г.) П. Сорокин полностью сосредоточился на научной и преподавательской деятельности и организовал первый в России социологический факультет. Он стал его деканом, в 1920 г. — первым профессором социологии России.

Задача социологии, полагает П. Сорокин, заключается в том, чтобы в совокупности социальных феноменов увидеть те черты, которые схожи во всех однотипных явлениях, когда бы и где бы они ни происходили. И с этой точки зрения русская революция с присущими ей деталями и подробностями — объект историка, а русская революция как тип — объект социолога¹. Именно с точки зрения социолога в «Социологии революции» рассматривается поведение человека индивидуально и коллективно.

Революция перетряхивает состав социальных групп, уничтожает одни группы, создает другие. В этом процессе есть несколько фаз: первая, короткая — эмоциональный, волевой интеллектуальный протест против власти и ее разложения, вторая — «половодье», когда идет механическое перемещение людских составов —

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 266.

верхов и низов социальных лестниц, часто террор и свирепые войны сопровождают эти перемещения, и третья фаза — «река входит в свои берега» — люди устают, ищут порядка, социальный порядок восстанавливается¹.

В условиях кризиса, как и революции, ухудшается положение большинства населения — растет безработица, уменьшаются доходы населения, углубляется социальная поляризация, усиливается недовольство тех, кто понес наибольшие потери. Если кризис носит длительный и глубокий характер, тогда созревают предпосылки для революции. А «...революция, — как отмечал очевидец революционных коллизий начала века знаменитый русско-американский социолог Питирим Сорокин, — суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс... Революции скорее не социализируют людей, а биологизируют; не увеличивают, а сокращают все базовые свободы; не улучшают, а скорее ухудшают экономическое и культурное положение рабочего класса... Чего бы она ни добивалась, достигается это чудовищной и непропорционально великой ценой»².

Несомненной заслугой Сорокина как историка и социолога является глубокое осмысление русской революции, которой он посвятил книгу «Современное состояние России» (Прага, 1923) и статью «Россия после НЭПа». Наиболее краткую версию «социологию революции» Сорокин дал в своей автобиографии³. «Всякая революция, — пишет он здесь, — описывая полный цикл своего развития, проходит три типичных фазы. Первая фаза, как правило, быстротечна. Она отмечена радостью по поводу освобождения от гнета старого режима и великими надеждами на реформы, которые обещают все революции. Эту первоначальную стадию можно назвать лучезарной: ее власть гуманна и великодушна, действия мягки, нерешительны и довольно бессильны. В человеке начинает просыпаться “звериное начало”. Эта короткая увертюра сменяется обычно второй, разрушительной фазой. Революция превращается теперь в неистовый ураган, который разрушает все без разбору на своем пути. Он безжалостно выкорчевывает не только устаревшие, но и полнокровные институты, которые он разрушает наравне с мертвыми или отжившими свое ценностями; он уби-

¹ Голосенко И. А. Сорокин П. А. Судьба и труды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 169.

² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 270.

³ См.: Сапов В. В. П. А. Сорокин: российский период творчества // История теоретической социологии: в 5 т. Т. 2. Социология XIX века (Профессионализация социального-научного знания). М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. С. 400—410.

вает не только паразитарную старорежимную властвующую элиту, но также и множество творческих личностей и групп. На этой стадии революционная власть безжалостна, тиранична и кровава. Ее действия в основном разрушительны, ее методы — насилие и террор. Если ураганная фаза не разрушит нацию до основания, революция постепенно перерастает в третью, конструктивную фазу. Все контрреволюционные силы уничтожены, начинается строительство нового порядка, новой культуры, нового человека. Этот новый порядок создается не только на основе революционных идеалов, но предусматривает и реставрацию наиболее жизненных дореволюционных институтов, ценностей и тех особенностей быта, которые на время были разрушены во второй фазе революции и которые оживают и восстанавливаются независимо от желаний революционной власти. Таким образом, послереволюционный порядок обычно представляет собой смешение новых порядков и нового образа жизни со старыми, жизненными и продуктивными порядками дореволюционного времени. Примерно с конца 20-х гг. начался переход русской революции к этой продуктивной фазе, которая в настоящее время достигла своего полного развития»¹.

Позже, в 1924 г., разрабатывая тему социальной мобильности, П. Сорокин укажет: «Большевики в России до революции не имели какого-либо особо признанного высокого положения. Во время революции эта группа преодолела огромную социальную дистанцию и заняла самое высокое положение в русском обществе. В результате все ее члены *en masse* были подняты до статуса, занимаемого ранее царской аристократией... За один или два года русской революции были уничтожены почти все представители самых богатых слоев; почти вся политическая аристократия была низвергнута на низшую ступень; большая часть хозяев, предпринимателей и почти весь ранг высших специалистов-профессионалов были низложены. С другой стороны, в течение пяти-шести лет большинство людей, которые до революции были “ничем”, стали “всем” и поднялись на вершину политической, экономической и профессиональной “аристократии”. Революция напоминает мне крупное землетрясение, которое опрокидывает вверх дном все слои на территории геологического катаклизма. Никогда в нормальные периоды русское общество не знало столь сильной вертикальной мобильности. Картина, которую дают Великая французская революция 1789 г., английская

¹ *Sorokin P. A. A Long Journey. New Haven, 1963. P. 105—106.*

революция XVII века, крупные средневековые изменения или социальные революции в Древней Греции, Риме, Египте или в любой другой стране, подобна той, которую дает русская революция»¹.

П. Сорокин, завоевавший признание в качестве величайшего социолога-баталиста, оперирующего на огромных просторах всемирной истории, давно интересовался вопросом: является ли русская нация, пережившая в XX веке одну революцию за другой, то и дело с кем-то воевавшая, самой деструктивной или ее история ничем не отличается от других крупных стран. В работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии»² (1944) он попытался дать ответ:

«Большинство войн, которые вела русская нация, были скорее оборонительными, чем наступательными. Это были войны с многочисленными азиатскими и европейскими захватчиками, проходившие главным образом на территории русской нации. Общий индекс всех войн России (измеряемый частотой, интенсивностью военных столкновений, величиной участвовавших в них сил) в период с XII по XX столетие указывает на то, что русская нация несколько реже выступала в качестве воюющей стороны в сравнении с большинством европейских наций, Древней Грецией и Римом. Однако это отличие трудно измерить конкретным образом, поскольку индекс войн и состояний войны изменятся в различных странах в разные исторические периоды, что требует особого изучения.

То же самое верно в отношении обычных, а также революционных изменений русской истории. Если сравнивать частоту, интенсивность, долговременность, степень разрушительности и насилия революционных и других важнейших социополитических волнений, то русская нация едва ли будет выглядеть более революционной и «склонной к беспорядкам» в период с XII по XX столетие по сравнению с большинством европейских наций, Древней Грецией, Римом и Византией. Однако опять же эти отличия трудноизмеримы и разнятся от страны к стране в различные исторические периоды: каждая нация бывала «революционной» и «склонной к беспорядкам» в одни периоды своей истории и в то же время вела себя вполне «спокойно» в другие периоды. Это доказывает лишь то, что широко распространенное мнение об особой «склонности к беспорядкам» и особом «революционизме» русского народа яв-

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Сагомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 375, 381.

² Sorokin P. *Russia and the United States*. N. Y., 1944.

ляется пропагандистским стереотипом, запущенным в употребление политическими противниками русской нации, царского и советского правительства»¹.

Сам Сорокин выступает принципиальным противником революции из-за огромного потока крови, неоправданного уничтожения материальных и духовных ценностей. То, что со временем можно записать в позитив революции, можно достичь реформами — таков его вывод: «История социальной эволюции учит нас тому, что все фундаментальные и по-настоящему прогрессивные процессы есть результат развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующей любой великой революции. Вот почему на революционный призыв я отвечаю словами Христа из Евангелия: “Отче Мой! Да минует меня чаша сия!”»².

П. Сорокин отмечал, что революции, несмотря на побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей далеко не в лучшую сторону, культивируя вражду, злобу, ненависть, разрушение, обман. Революция, как известно, «биологизирует» поведение людей, опуская их до уровня господства животных инстинктов³. Наряду с тем у революции есть и обратная сторона — проявления жертвенности, подвижничества и героизма. Правда, между двумя сторонами революции существует парадоксальная диспропорция: звериные инстинкты проявляют массы, а жертвенность и героизм — единицы. Другой парадокс, быть может, еще более удивительный, заключается в том, что по прошествии многих лет люди начинают идеализировать революцию, забывая о ее жертвах и разрушениях. Создаются исторические мифы, подменяющие историческую реальность. Однако попытки реализации социальных мифологий всегда и везде приводили к противоположным результатам: вместо свободы — тотальное рабство, вместо мира — войны, вместо хлеба — голод. Все революции, как полагал П. А. Сорокин, реакционны.

И вовсе не случайно в 1920—1930-е гг. Сорокин обосновал «закон социального иллюзионизма». Россиянам потребовалось несколько

¹ Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 470—471.

² Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 271.

³ Так называемая биологизация революции удивительным, хотя и вполне объяснимым с научной точки зрения образом связана с ее криминализацией. В известном смысле любая революция, равно как и крупный поворот в жизни общества, представляют собой «криминальную революцию».

десятилетий, дабы осознать иллюзорность идей, выдвинутых Великой Октябрьской революцией. Сегодня многие люди, особенно пожилого возраста, считают, что В. Ленин и большевики были правы, что они хотели построить самое справедливое в мире общество, но им помешали.

Сорокин обосновал социальный закон *флуктуации тоталитаризма и свободы*, показывающий, что в условиях кризисов и революций усиливается государственная регламентация всех сторон жизни, а когда сильный кризис позади, «масштабы и суровость правительственной регламентации уменьшается, идеологические и культурные системы общества конвертируются к мирным детоталитарным, менее регламентированным, более свободным образам жизни»¹.

Характеризуя революционеров как специфический социальный тип, П. Сорокин не морализирует по поводу их поступков или криминальных наклонностей. Он просто указывает на их историческую обреченность. На обреченность этой социальной группы. Поначалу они полны благородных замыслов. Во всяком случае, так кажется со стороны, а именно той возбужденной толпе, которая внимает каждому слову вождя. Но вот они добрались до власти — и с ними происходит удивительная метаморфоза: пламенные уравниатели, бесребреники² и робин гуды мгновенно превращаются в жестоких тиранов, карающих «врагов народа». Оказывается, никакой метаморфозы и не было. Просто в человеке пробудилось то, что давно в нем было заложено. Мнимые уравниатели на деле являются самыми яркими поборниками социального неравенства:

«Громадное потенциальное стремление к неравенству у многочисленных уравниателей становится сразу заметным, как только они дорываются до власти. В таких случаях они часто демонстрируют большую жестокость и презрение к массам, чем бывшие короли и правители. Это регулярно повторялось в ходе победоносных революций, когда уравнители становились диктаторами. Классическое описание подобных ситуаций Платоном и Аристотелем, выполненное на основе социальных потрясений в Древней Греции, может быть буквально применено ко всем историческим казусам, включая опыт большевиков. Мы видим их в попытках братьев Гракхов (конец II в. до н. э.) уменьшить экономическую дифференциацию за счет введения дополнительных налогов на

¹ Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. С. 124.

² Бесребреник — нестяжатель, человек, чуждый корыстолюбию, равнодушный к материальным благам и деньгам, бескорыстный; святой, раздавший свое имущество и живший, не принимая денег.

роскошь, раздачи земли в долг и других законов. Следующие социальные «выравнивания» выпадают на период гражданских войн и революций на закате республики (в форме конфискации, грабежа, «национализаций», экспроприаций, перераспределений земли и т. п.)¹.

Подтверждение правоты суждений нашего соотечественника мы обнаруживаем с самой неожиданной стороны. Итальянский мыслитель Никколо Макиавелли (1469—1527), изучивший анатомию политических карьеристов с античности до эпохи Возрождения, доказал (и это описано в его сочинении «Государь») следующую закономерность: в период своего избрания или на пути продвижения к власти кандидаты раздают толпе многочисленные обещания и стараются прослыть великими поборниками демократии, справедливости и милосердия. Но как только они получают желаемое, их поведение мгновенно меняется: из милосердных покровителей толпы они превращаются в тиранов, притеснителей и жестокосердных людей. Удивительна не только обнаруженная италянцем историческая закономерность, но и ее теоретическое обоснование. Макиавелли призывает правителей изменить свое поведение, ибо выполнять свои обещания, означает стать зависимым от толпы, потерять твердость, жесткость и решимость. Таких правителей народ не любит больше всего. В том и кроется парадокс власти: народ выбирает одного правителя, а получает потом совсем другого, хотя это одно и то же лицо.

Другое подтверждение сорокинского тезиса можно найти в созданной им теории стратификации. Она гласит, что в мировой истории социальная пирамида доходов постоянно пульсировала (Сорокин называет процесс изменения высоты пирамиды доходов флуктуацией). Не существует никакой закономерности, а потому социальный прогресс вовсе не выражается в постепенном приближении ко всеобщему равенству. Значит, искусственно стремиться к нему абсурдно. Абсурдно и немилосердно, ибо как только революционеры уравнивают всех людей, через некоторое время появляется элита, которая считает себя «самой равной среди равных», т. е. выделенной, привилегированной. Через короткое время у них высокие оклады, особняки, административные рычаги, награды и звания.

Итак, изменчивы как сами революционеры (милосердие превращается в жестокость), так и дело их рук — мировые револю-

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Сагомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 307—308.

ции. Они возникают ради учреждения всеобщего равенства и приведения народа ко всеобщей справедливости, а заканчиваются установлением еще большего неравенства, нищеты и страданий народа. Так было всегда, таков циклический характер истории и сейчас, и две тысячи лет назад:

«Существование циклов можно видеть даже из нескольких цифр, которые относятся к доле различных групп доходов в общем национальном доходе в XIX и XX веках в европейских странах. Статистика показывает, что эти доли колеблются из месяца в месяц, из года в год, от одного периода в несколько лет в другой. Русская революция в периоде 1917 по 1921 год — современный пример внезапного и радикального выравнивания экономической стратификации общества, с 1921 год появилась противоположная тенденция, которая проявляется в возрождении многих слоев, разрушенных в первый период революции...

В течение этих же лет схожий процесс наблюдался в Венгрии и Баварии, где происходили подобные выравнивания. В прошлом подобный ход событий продемонстрировали многие “коммунистические” революции в Греции, Персии, во многих мусульманских странах, Китае, в средневековой Богемии, государстве Таборитов, в Германии (коммунистические общества Т. Мюнцера и Д. Лейдена), во Франции во времена Великой французской революции 1789 года и т. п. Другими словами, радикальному выравниванию экономической стратификации более или менее развитых социальных организаций всегда сопутствовали социальные потрясения, сопровождаемые сильной экономической дезорганизацией, голодом, нищетой; они никогда не были успешными и чаще всего — кратковременными; и как только общества начинали экономически выздоравливать, то всегда возникала новая экономическая стратификация... Неизвестно абсолютно ни одного исключения из правила. Общества “государственного социализма” или “военного коммунизма”, как в Спарте или Римской империи IV—V веков нашей эры, королевстве инков, Древней Мексике, Египте при Птолемеях, государстве иезуитов, которые существовали сравнительно долго, — не исключения из этого правила по той простой причине, что они в действительности были высоко стратифицированными обществами с сильным экономическим и социальным неравенством различных слоев внутри каждого из них»¹.

Никакие попытки выравнивания экономической пирамиды с помощью революций нельзя считать прогрессивными даже на те

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Сагомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 328, 331.

прогрессивистские лозунги, под которыми эти самые революции происходят. Уравнительные эксперименты сопровождаются катастрофическими разрушениями экономической жизни общества, еще большим усилением нищеты массы населения, анархией и смертью. Это именно эксперименты, ибо учиняются над живыми людьми группой политических фанатиков, имеющих на вооружении отряды боевиков, совершающих в стране кровавый переворот. Естественные революции, например научные или революции в области моды, происходят сами собой, незаметно для населения: накопленная сумма знаний или культурных инноваций не может развиваться дальше в старых формах, происходит переход к новой парадигме. Смена циклов идей и культурной моды происходит как бы сама собой, естественным образом. Политическая же революция осуществляется насильственным путем и требует огромных жертв от населения. Те, кто жаждут искусственного выравнивания, предупреждает П. Сорокин, должны быть готовы к его последствиям: «Третьего не дано! Либо плоское экономическое общество, но сопровождающееся нищетой и голодом, либо относительно преуспевающее общество с неизбежным социально-экономическим неравенством»¹.

Таким образом, революция проходит две фазы — разрушения и восстановления иерархии (оппортунизма). Ее стратификационный профиль вслед за этим сначала уплощается, а затем вытягивается: «в случае катастрофы или крупного переворота происходят радикальные и необычайные профили. Общество в первый период великой революции часто напоминает форму плоской трапеции, без верхних эшелонов, без признанных авторитетов и их иерархии. Все пытаются командовать, и никто не хочет подчиняться. Однако такое положение крайне неустойчиво. Спустя короткий промежуток времени появляется авторитет, вскоре устанавливается старая или новая иерархия групп, и наконец порушенная политическая пирамида воссоздается снова. Таким образом, слишком плоский профиль суть только лишь переходное состояние общества... “Слишком сильное руководство” порождает тенденцию к сокращению, “слишком слабое” вызывает противоположную реакцию. Наблюдаются, однако, и такие случаи, когда группа не совершает необходимых изменений в своем профиле, а продолжает развивать свою стратификационную “односторонность”. В результате это приводит к катастрофе профессионального учреждения или к катастрофе всей экономической жизни,

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Сагомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 331.

если этот недуг охватывает самые большие группы страны. Подобная ситуация часто наблюдается во время революций. Примером может послужить русская революция. В России с самого начала был уничтожен весь слой предпринимателей и высших специалистов. В 1918 году профиль профессиональной стратификации стал почти плоским. Этот “непропорциональный” профиль явился одной из причин разрушения экономической жизни в России в 1918—1919 годах. Затем, дабы уменьшить бедствие, в Москве и во многих других городах прибегли к противоположной крайности: создали очень большой слой управляющих и руководителей, настолько непропорционально большой, что во многих районах Москвы, согласно переписи 1920 года, на каждого рабочего приходился один или два руководителя. Естественно, что это только обострило и без того кризисную ситуацию. Начиная с 1922 года (периода реставрации в экономической жизни страны) осуществлялось сокращение огромного слоя руководящего персонала, шел, так сказать, возврат к более нормальному “экономическому профилю” стратификации. Иными словами, важнейшая задача организации любого предприятия — найти лучший профиль распределения своих служащих по различным рангам»¹.

Письмо в ЦК КПСС

15 мая 1967 года в ЦК КПСС поступило секретное письмо:

«При контроле литературы, поступающей в Советский Союз из-за границы, Главным управлением по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР задержана книга проживающего в США социолога-эмигранта Питирима Сорокина “Пути проявления любви и сила ее воздействия”, выпущенная на английском языке американским издательством “Генри Регнери Компани”. Книга посылается автором с дарственной надписью профессору И. С. Кону ... В главе “Любовь как созидательная сила в социальном движении” П. Сорокин выступает против войн и насильственных революций. Они устанавливают, как утверждает он, безграничную тиранию, автократию, тоталитаризм и всеобщее насилие, приносят болезни, страдания и нищету, будят в человеке зверя, создают беспрецедентный хаос и анархию, разрушают ценности, демократию, свободы. Характеризуя при этом Великую Октябрьскую социалистическую революцию, он пишет:

“Несмотря на то что революция принесла в жертву по крайней мере 20 миллионов человеческих жизней и вопреки всем хвастливым пятилетним планам и всем пропагандируемым Советским Союзом “успехам” революции, русская нация в настоящее время имеет более

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Сагомонова; пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 351, 369.

тиранический режим, чем царский режим в его худшем проявлении; экономическое благосостояние все еще не достигло уровня 1914 года, созидательная деятельность нации менее плодотворна во многих областях культуры, чем это было до революции, а уровень морального и умственного развития русского народа едва ли выше в настоящее время дореволюционного. Конечно, безжалостно эксплуатируя великую нацию, советский режим не мог не допустить и некоторых положительных результатов. Однако эти результаты выглядят скромно в сравнении с теми, которые были достигнуты мирным путем до революции, и теми, которые можно было бы достигнуть, если бы революция не произошла” (стр. 70—71). Антисоветская настроенность автора проявляется и в ряде других утверждений. Так, на страницах 49—54 в главе “Любовь останавливает агрессию и вражду” говорится о грабежах и насилиях, которые якобы совершала советская армия во время Второй мировой войны. На странице 224 советский строй характеризуется как “диктаторский”, “тиранический”, “невыносимый”, ставится на одну доску с фашизмом, жизнь советского народа представлена как “апатичная покорность безжалостному подавлению” и т. д.

Начальник Главного управления по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР П. Романов»

(ЦХСД, ф. 5, оп. 59, д. 42, л. 60)

П. Сорокин неявно обнаруживает здесь еще один тупик социально-политической революции, на этот раз бюрократический. Большевики пришли к власти под лозунгом не только экономической экспроприации (землю — крестьянам, заводы — рабочим), но и политической. Экспроприация власти должна происходить параллельно с экспроприацией собственности. Имущество отбирают у буржуазии, власть — у царских чиновников. «Если революция... удачна, то голодные, сбросив власть, создают свою диктатуру, безгранично расширяющую объем вмешательства, экспроприирующую экспроприаторов, все и вся национализирующую, т. е. ограничивающую автономию граждан, этатизирующую»¹.

Слишком много бюрократов развели цари, сказал В. Ленин в 1917 г., при нас их будет меньше. Поначалу так и было, поскольку до 70% чиновников, полицейских, налоговиков, таможенников, столоначальников и т. п. эмигрировало, безвестно погибло или было расстреляно революционерами. Но позже на место одного начальника старой закваски пришли два новой. И вот закономерный итог: в конце 1980-х гг. при советской власти бюрократов было в 3—4 раза больше, чем при царизме.

¹ Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост. и комм. В. В. Сапова, В. С. Сычевой. М.: Academia, 2003. С. 417.

В статье «Война и милитаризация общества» П. Сорокин пишет о том, что среди негативных последствий революции во Франции XVIII в. были в том числе «централизация, бюрократизация, милитаризация, беспредельный рост правительственной опеки, вмешательства и регулировки, “социализация”, падение прав и автономии поведения граждан». То же самое произошло и после 1917 г. в России.

Революционеры нарушают естественный закон природы: люди рождаются неравными по своим способностям, социальной активности, профессиональным наклонностям и многому другому. Попытка их уравнивать сверху — при помощи государственного диктата — оборачивается тем, что утрачивается достигательная мотивация: трудолюбивым нет смысла работать сверх меры, поскольку нажитое у них тут же отберут, а ленивым и без работы хорошо, так как государство о них позаботится. Лучше всех после революции живет политическим горлопанам и демагогам: постоянные выступления на митингах, революционные речи, лозунги, призывы создают им репутацию непримиримых борцов за правое дело. А это и есть общественная карьера, а стало быть, власть, деньги, привилегии. Вот еще один парадокс, точнее сказать, тупик революции: она выталкивает на общественную сцену не самых работающих, а самых говорливых. Трибуны, а не специалисты — истинные герои революции. «За эти годы, — пишет П. Сорокин о первом периоде советской власти, — население отвыкло, а молодое поколение не приучилось к систематически-активному производительно-разумному труду. Энергии тратится пропасть, но без толку. “Честный труд” — отошел в область преданий. Место его заняло то, что носит название: “урвать”, “снять жир”, “спекулировать”, “скомбинировать”, “смошенничать”, “изловчиться”, “сжулить” и т. д. “Честный труд для дураков” — вот трудовая формула нашего времени. Добросовестность, здоровое интенсивное напряжение, полезность, разумность и т. д.— все эти категории, необходимые для нормального трудового производства общества, исчезли... На их место пришли шакализм, леность, мошенничество, спекуляция и хищничество, проникшие в поведение старых и малых, буржуев и пролетариев, темных людей и интеллигенции до ее верхушек, частных, правительственных и общественно-кооперативных организаций»¹.

П. Сорокин признается, что в своей книге «Социология революции» он лишь наметил необходимую проблематику, а более детальное исследование она получила в другой работе — «Голод как фактор». И действительно, социальная деформация, нанесенная

¹ Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост. и комм. В. В.Сапова, В. С. Сычевой. М.: Academia, 2003. С. 586—587.

стране в Период первой мировой войны и Октябрьской революции, раскрывается здесь еще в более неприглядном виде:

«Война и революция нанесли страшнейший количественный урон русскому народу. Миллионы жизней унесены на полях битв в царстве смерти... С 1914 г. население областей России, составляющих Р. С. Ф. С. Р. (Европ. Россия, Крым, Кавказ и Дон), уменьшилось с 86 473 215 до 82 594 643 в 1920 г...»

Война, голод и революция резко изменили и психику и поведение русских граждан, особенно молодого поколения... На субъективном языке это характеризуется нравственной, умственной и социальной деградацией... Изменилось поведение (и психика) и взрослого, и молодого поколения в нравственном отношении. Об этом свидетельствует движение преступности в нашем отечестве за эти годы. Уроки войны не прошли здесь бесследно: преступность граждан России — и кровавая, и не кровавая, и в области имущественных преступлений и преступлений против личности, — поднялась колоссально. По официальным данным в 1918 г. преступность в г. Москве по сравнению с преступностью в 1914 г., принимаемой за 100, выражалась цифрами: кражи 315, вооруж. грабеж — 28 500, простой грабеж — 800, покушений на убийство 1600, убийство — 1060, мошенничество — 370 и т. д. В том же 1918 г. 1 100 100, т. е. 70% населения Москвы были ворами, ибо крали путем присвоения лишних карточек общественное достояние.

По данным Н. К. Пут. сообщ. в месяц пропадало в 1920 г. больше 100 тысяч пудовых вагонов, и хищения на жел. дорогах увеличились в 150 раз по сравнению с довоенным временем. Г. Куклин, комиссар Петрокоммуны, заявил, что из Петрокоммуны крали около 20%. “У нас взятки на каждом шагу”, — авторитетно резюмировал положение В. И. Ленин. Я мог бы привести много цифр, рисующих потрясающий рост преступности у нас за эти годы...

Люди озверели, тормоза, удерживавшие от убийств, насилий и т. д., ослабли или отпали; взяточничество, обман, мошенничество, вымогательство, шантаж и т. д. и т. д. дошли до геркулесовых столбов, почти вся Россия превратилась в клоаку преступников. Мудрено ли, что молодое поколение, выросшее в этой атмосфере, переняло такие формы поведения и успешно применяет их... Частной формой того же ослабления нравственных тормозов и криминализации русского народа служит и людоедство, принявшее весьма значительные размеры. Биологически ослабленное, оно и морально деградировано. Быть может, несколько лучше положение дела в селах, но и там та же картина...

Не до учебы было в эти годы... С обнищанием государства теперь дело приняло поистине трагический характер. Деревенская молодежь растет безграмотной, ибо школы закрылись или существуют только фиктивно. Учебы нет. Нет книг, пособий, бумаги,

учителей и т. д. То же приходится сказать о средней школе и высшей. Преподаватели высших и средних школ в один голос констатируют громадное понижение умственного уровня студентов и учеников. Помимо таких причин, как неотопливаемые помещения школ, отсутствие света, пособий, книг, реактивов и т. д., к тому же результату вела и необходимость поисков куска хлеба. На чистое ученье и науку времени почти не остается...

Прибавьте к этому растущую дороговизну книг, сейчас уже сделавшую их недоступными для 90% населения, отсутствие журналов и газет, вымирание крупных старых ученых, бегство других за рубеж, падение творчества в научной работе, отрезанность русской науки от Запада и недоступность научных заграничных изданий для нас»¹.

Революции, как это доказал на огромном историческом материале П. Сорокин, «происходили в эпохи роста бедности и голода»². По мысли Сорокина, каждый революционный период неизменно распадается на две стадии, неразрывно связанные друг с другом. «Реакция» не есть феномен, лежащий за пределами революции, — это ее вторая стадия. Диктатуры Робеспьера или Ленина, Кромвеля или Жижки вовсе не означают закат революции, а свидетельство о ее трансформации во вторую стадию — «реакции» или «обуздания», но никак не ее конца. Лишь после того как «реакция» сходит на нет, когда общество вступает в фазу своей нормальной эволюции, лишь после этого можно считать, что революция завершена³.

В эпохи революций наиболее показательные циркуляции происходят в имущественных группировках, массовом перемещении лиц и групп с одного этажа социальной лестницы на другой. Но сами имущественные группировки, постоянно подчеркивал Сорокин, сохраняются при более или менее полной перемене их состава. Огосударствление средств и орудий производства, превращение всех и вся в работников и служащих государственного «синдиката» вызовет только погашение индивидуального интереса и конкуренции в большинстве видов деятельности, даст «ограничение эффекта» и со временем продемонстрирует свою полную неэффективность. Особое состояние революции — потеря «исторической памяти» народа, каждая великая революция хочет начать

¹ Сорокин П. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / сост. и комм. В. В. Сапова, В. С. Сычевой. М.: Academia, 2003. С. 581—586.

² Там же. С. 456.

³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / под ред. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 268.

историю с даты собственного рождения. Отсюда культурное варварство и нигилизм по отношению к собственному прошлому, другим культурам. Эта болезнь излечивается, но ее разрушительные последствия сказываются очень долго¹.

П. Сорокин был согласен с мнением Л. Шелли в том, что России не нужна новая революция. Две революции двадцатого века привели ее к фундаментальному перераспределению собственности. Кровавая революция 1917 г. привела к передаче собственности от граждан к государству, а почти бескровная революция начала 90-х гг. привела к движению в обратном направлении. После каждой революции происходило огромное по своим размерам изъятие собственности². И не только это. П. Сорокин так оценил «достижения» Великой Октябрьской революции: «У нас до революции 1917 года пишет Сорокин, были порядки “полицейского государства”... После Октябрьского переворота объем государственной опеки населения достиг небывалых размеров... Населению предписывается, как и чем оно должно заниматься, как думать, как верить, во что одеваться, чем питаться, какие газеты читать, какие книги писать, каких ораторов слушать и т. д. Словом, вся жизнь граждан поставлена под опеку государственного недреманного ока»³.

Часто случается так, что историки, не согласные с единственным обоснованием революции, начинают его критиковать и в ходе дополнительного анализа выявляют целый ряд событий и причин. Революция из события превращается в процесс. Так поступили в свое время с Французской революцией. Вначале ее пытались объяснить узким кругом обстоятельств: зарождением нового класса буржуазии, происками массонов или ухудшением жизненного уровня населения. Но когда признали правомерность всех факторов, монистический подход превратился в плюралистический, а за этим последовало превращение революции из события в процесс: Французская революция предстала цепочкой микро-революций — движение Фронды и борьба за учреждение парламента, революция третьего сословия, крестьянское движение и республиканский мятеж, восстание сенкиллотов, разгул Термидора и череда переворотов в период Директории, закончившиеся 18 брюмера⁴.

¹ Голосенко И. А. Сорокин П. А.: судьба и труды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. С. 170.

² Shelley L. Corruption in the Post Yeltsin Era // EECR. Vol. 9, No. S. 2000

³ Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет // Ин-т социологии. М., 1994. С. 52.

⁴ Cobban A. Aspects of the French Revolution. N.Y., 1970. P. 93.

То же самое можно сказать о любой другой революции — она есть совокупность движений, переворотов, восстаний, за которыми стоят блоки и группировки политических и социальных сил. Эти силы включают множество общественных групп, слоев, партий и формирований, преследующих различные, иногда противоположные, цели и ищущих разную выгоду, полагал П. Сорокин¹.

В этой связи характерен подход П. А. Сорокина к анализу войны, основы которого были заложены еще в российский период его деятельности и окончательно сформулированы в конце 1930-х гг. в его «Социальной и культурной динамике». Он считал войну пережитком варварства в жизни человеческого общества. Главную причину войн он видел в ослаблении процесса усвоения обществом или его отдельными частями системы основных ценностей и соответствующих норм (религиозных, нравственно-юридических, научных, экономических, политических, эстетических), в нарушении их совместимости. Поэтому и необходимые условия мира, по его мнению, могут заключаться в следующем: «во-первых, основной пересмотр и переоценка большинства современных культурных ценностей; во-вторых, действительное распространение и внедрение во все государства, народы и общественные группы системы основных норм и ценностей, связующих всех без различий; в-третьих, ясное ограничение суверенности всех государств в отношении войны и мира; в-четвертых, учреждение высшей международной власти, обладающей правом обязательных и принудительных решений во всех международных конфликтах»². Именно П. Сорокин оказал содействие Н. Н. Головину — одному из выдающихся социологов войны в мире — в работе над главным его трудом по социологии войны.

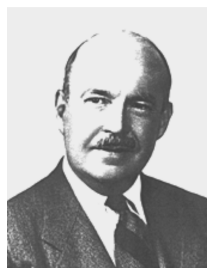
¹ Sorokin P. The Sociology of Revolution. N.Y., 1967. P. 395.

² Сорокин П. А. Причины войны и условия мира // Новый журнал. 1944. № 7. С. 245.

ГЛАВА 6. Теория социального действия Парсонса

Историю социологии XX в. невозможно представить без вклада Т. Парсонса (1902—1979), уже при жизни считавшегося классиком социологии. Его теория представляет оригинальную модель современного общества, которая вызвала неоднозначную оценку и широкую дискуссию в мировом сообществе. Америка дала миру лишь одно чисто национальное течение — символический интеракционизм, и только одного великого социолога — **Толкотта Парсонса** (1902—1979).

Талкотт Парсонс (Talcott Parsons) (1902—1979) — выдающийся американский социолог, основатель структурно-функционалистской школы, пропагандист идей М. Вебера в США. С 1927 по 1973 гг. работал на социологическом факультете Гарвардского университета. Основные сочинения: *The Structure of Social Action* (1937), *The Social System* (1951), *Structure and Process in Modern Societies* (1960), *Social Structure and Personality* (1964), *Societies* (1966), *Sociological Theory and Modern Society* (1967), and *Politics and Social Structure* (1969).

Талкотт Парсонс
(1902—1979)

Родился Парсонс в г. Колорадо-Спрингс (штат Колорадо). В семье было пять детей, мать являлась суфражисткой¹, а отец, *конгрегационалистский священник*, преподавал религию, увлекался дарвинизмом и привил сыну интерес к науке². Толкотт Парсонс своим происхождением лишь продолжил американскую традицию появления социологов из недр религии. Отличительной чертой ранней американской социологии является то обстоятельство, что очень многие из ее основателей были *священниками* либо сы-

¹ Суфражистки (от англ. Suffrage — избирательное право) — участницы женского движения за предоставление женщинам избирательных прав. Движение получило распространение во 2-й половине XIX—начале XX в.

² Биографические данные см.: *Miller-Shaivitz P.* Major Theorists. Palm Beach Community College. 9 Sept. 1998; *Rossi I.* Structural Sociology. New York: Columbia University Press, 1982; Talcott Parsons. *Encyclopedia Americana*. 1996; «Talcott Parsons». *The New Encyclopedia Britannica*. 1996; Talcott Parsons. *International Encyclopedia of Social Science*. 1979.

новьями священников. Первые президенты Американского социологического общества Ф. Гиддингс, У. Томас, Дж. Винсент родились в семье священников, а У. Самнер, А. Смолл, Хейс, Ч. Уитерли, Лихтенбергер, Дж. Гиллин и Ч. Хендерсон начинали свою карьеру в качестве священников, а затем уже стали социологами. Е. Фарис даже служил миссионером. Анализ биографий, проведенный в 1927 г. Л. Бернгардом и П. Бэкером, показал, что более 70 социологов из 260 обследованных в прошлом являлись священниками либо закончили религиозную школу, но затем не решились делать карьеру в церкви¹.

Не удивительно поэтому фраза А. Смолла, высказанная им в минуты душевного подъема: «Со всей серьезностью и взвешивая каждое свое слово, заявляю, что социальная наука для меня — самое священное таинство, открывшееся мне». Евангелическая страсть и моралистическая риторика, в тона которых окрашивались произведения ранних американских социологов, объясняются их социальным происхождением и полученным образованием.

Вначале юный Толкотт заинтересовался биологией, затем экономикой, а от них перешел к социологии. Первоначально намеревался даже стать врачом. Окончив среднюю школу в Нью-Йорке, Парсонс поступил в колледж. С 1924 по 1927 г. учился в знаменитой Лондонской экономической школе. Он готовил докторскую диссертацию на тему «Капитализм в современной немецкой литературе: В. Зомбарт и М. Вебер», защитив которую женился на Хелен Уолкер. Вернувшись в Америку, он изучал экономику в Гарвардском университете, где и проработал всю жизнь. В 1931 г. он возглавил здесь факультет социологии. Жизнь Т. Парсонса была небогата внешними событиями, все свое время он посвящал академическим занятиям — лекциям и написанию книг. Избирался председателем Американской социологической ассоциации (1949), членом других социологических учреждений, а в 1960-х гг. возглавлял Комитет по связям с советскими социологами, был уважаемым профессором, оставался очень простым в жизни и в поведении, интенсивно работающим ученым, выпускавшим книгу за книгой. Его научные интересы окончательно повернулись в сторону социологии в начале 1930-х гг., о чем свидетельствуют его статьи: «Экономика и социология: Маршалл и образ мышления его времени» (1932), «Социологические элементы в экономической теории» (1934), «Некоторые размышления о природе и значении экономики» (1934), «Место основополагающих ценностей в социологической теории» (1935), «Г. М. Робертсон о Максе Вебере и его школе»

¹ Coser L. American trends // A history of sociological analysis. L., 1979. P. 287.

(1935), «Общая аналитическая концепция Парето» (1936). Наконец, в 1937 г. выходит первый монументальный труд Парсонса «Структура социального действия» (1937). Он сразу выдвигает молодого ученого в ряды крупных социологов-теоретиков.

Центральная тема его творчества — проблема социального порядка, которая волновала еще О. Конта и Э. Дюркгейма, посвятивших ее изучению все свое время. Правда, Парсонс, вполне в духе своего времени, решал задачу с позиций *системного подхода*. Системный метод в анализе общества позволяет изучать общество в виде стабильной социальной структуры, в которой человек руководствуется жестко заданным образцом поведения, который установлен коллективом.

Системная теория возникла в 30-е гг. XX в. под влиянием критики классической физики, которую активно использовали социологи, объясняя социальную реальность, с позиций биологии, считавшейся тогда, как и в начале XXI в., лидером естествознания и законодательницей научной моды. Построить социологию по аналогии с биологией пытались в первой половине XX в., кажется, все американские социологи. Парсонс отдавал должное научным достижениям более продвинутой, чем социология, науке, но не считал нужным во всем подражать модным поветриям. Он стремился как-то отмежевать социологию от биологии, обосновать ее самостоятельность, доказать всем, а главным образом естественникам, всегда занимавшим командные высоты в академической науке, что социология достойна не меньшего уважения. Полемике с биологами и экономистами, которые не признавали за социологией равное по статусу положение в ряду социальных наук, Парсонс уделил более 60% места в своем труде «Структура социального действия» (1937), который иногда скучно читать из-за множества частных деталей, событий и персоналий.

Именно под этим углом зрения, как думается, надо оценивать особенности, в том числе тяжеловатость стиля изложения, академическую сухость, непонятность формулировок, созданной Парсонсом теории общества. Даже специалистов подобные качества американского социолога ставят в тупик. В частности, Х. Абель сетует, что при интерпретации учения Парсонса «порой приходится довольно далеко отступать от оригинальной терминологии и пользоваться общепринятыми социологическими понятиями, так как некоторые места в его сочинениях написаны столь сложным языком, что вызывают затруднения даже у весьма заинтересованных читателей»¹.

¹ Абельс Х. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса // <http://www.soc.pu.ru:8101/publications/pts/abels.html>.

Фетишизацией понятий и написанием крайне усложненных теоретических текстов, по мнению П. Сорокина, всегда грешили сочинения Т. Парсонса. Его первую работу «Структура социального действия» (1937) он назвал «817-ю засушенными страницами». Критики указывали на то, что книга написана абстрактным языком и очень трудна для неподготовленного читателя, в ней немало повторов, неясных терминов и двусмысленностей. Соглашался с Сорокиным и другой выдающийся социолог — Р. Миллс. Приговор, вынесенный им второй книге Т. Парсонса «Социальная система» (1951), был не менее суров: она на 50% состоит из пустой болтовни, на 40% — из тривиальностей, известных по учебникам социологии, на 10% — из эмпирически неподтверждаемых идеологических утверждений¹. В своей книге «Социологическое воображение» Миллс попробовал изложить несколько страниц запутанного парсоновского текста несколькими фразами типа: «Люди действуют друг с другом и друг против друга. Каждый учитывает при этом, что другой от него ожидает». А вот как писал об этом Парсонс: «Роль есть часть общей ориентационной системы индивидуальных акторов, которая организована по поводу ожиданий в отношении к конкретному контексту интеракции, интегрированному с конкретным набором ценностей-стандартов, которые управляют интеракцией одного или более изменений в соответствии с дополнительными ролями». Миллс приводит в своей книге и другие фрагменты из Парсонса, и везде тот предстает неисправимым схоластом и любителем эзотерических текстов².

Формально-логической и достаточно поверхностным выглядит анализ учения о социальном действии Вебера, предпринятый 35-летним Парсонсом в главе XVII. Макс Вебер: систематическая теория его книги «Структура социального действия» (1937)³. Правильно указав на принципы веберовской методологии при исследовании социального действия — субъективная мотивация, ориентация на других, осмысленность действия, — Парсонс старается поймать своего учителя на логических противоречиях, полагая, что два первых типа в четырехчленке, а именно целее- и ценностнорациональное поведение, являются а) логически неполными теоретическими конструкциями, б) представляют не два разных, а одно общее явление, поскольку строго не следуют про-

¹ Mills C. W. The sociological imagination. N. Y., 1959. P. 49.

² Там же. P. 30—31.

³ Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Акад. проект, 2000. С. 199—204.

возглашенному якобы самим Вебером разграничению “этики ответственности” (Verantwortungsethik) и “этики принципа” (Gesinnungsethik). Не углубляясь в детали парсоновской критики типологии социального действия Парсонса, в чем-то несправедливой, в чем-то школярской, укажем лишь на то, что по своему логическому типу его подход очень сильно напоминает способ употребления теоремы формальной неполноты Геделя, которая используется в теории множеств. Она гласит, что никакую физическую (математическую, логическую) теорию нельзя доказать, используя формальный (математический или логический) аппарат, на котором построена эта теория. Иными словами, нельзя обосновать или доказать непротиворечивость теории изнутри или средствами самой этой теории. Парсонс, на наш взгляд, пытается сделать именно это: показать противоречивость учения Вебера, используя дефиниции, терминологический язык и концептуальные средства самого Вебера.

Полемика с биологами, экономистами или физиками, от которых в конечном итоге зависела судьба, статус и место социологического факультета в Гарварде, возглавляемого Парсонсом, оставалась беспочвенной до тех пор, пока он не создал общую теорию социальных систем. На его научные претензии коллеги возражали: а что дала миру социология? Где фундаментальная теория общества? Где научное объяснение — с позиций единой теории — происходящих вокруг событий? Физики, экономисты и биологи могли себе позволить такое, но социологи — нет. Фундаментальной теории общества, четко прописанной на языке самой социологии, ни О. Конт, ни Э. Дюркгейм, ни М. Вебер не создали. Вебер подобное занятие вообще считал великой глупостью, поскольку верил, что общесоциологические категории типа «коллектив», «класс» или «общество» — всего лишь научные фантомы, удобные специалистам, но в реальности ничего не отражающие. Поэтому все внимание он уделил индивиду.

Дюркгейм проследил эволюцию общества от механической солидарности до органической, соответствующей Новому времени, но нигде само это общество подетально не расписал. Его больше занимали проблемы научного метода и то, как надо изучать социальную реальность, но вовсе не то, что она из себя представляет. О Конте и говорить нечего. Он придумал имя новой науке, указал на характерные черты той методологии, которая должна лежать в ее основании, но большего от него требовать и нельзя. В начале XIX в., когда никакой науки об обществе и в помине не было, его достижения следует квалифицировать скорее как научный подвиг. Правда, то, что Конт выдавал под именем социологии, как он себе мыслил эту самую науку, в пору назвать социальной филосо-

фией, нежели конкретной наукой о повседневной реальности людей. Созданная им концепция трех стадий развития человеческого общества, схоластичная и претенциозная, никакого отношения к социологии — в нынешнем ее понимании — отношения не имеет.

Таким образом, социологическое сообщество, как бы не стовариваясь, переложило задачу на Парсонса. Осталось неизвестным, чувствовал он или нет ту историческую миссию, которая была возложена на него. Но хорошо известно, что к ее решению он подошел со всей основательностью, присущей представителям университетской науки в США, и с подобающей скурпулезностью, которую он перенял у основательных и педантичных немцев. Соединение двух научных традиций, европейской и американской, произошедшее как нельзя кстати, предоставляло Парсонсу уникальный шанс наконец-то добиться желаемого и поставить социологию на твердый фундамент большой теории. Но насколько успешно справился с задачей Парсонс?

У системного подхода есть свои преимущества и недостатки. Плюсом надо считать стремление всесторонне охватить любое явление, соединив в одно целое данные и теории из разных наук. При механическом нагромождении заимствований единого целого никогда не возникло бы. «Системщики», как их еще именуют на научном сленге, претендуют на так называемый холистский подход, согласно которому целое всегда больше суммы частей. Но целое только тогда превосходит механическую совокупность частей, когда найдена его внутренняя *структура* и выявлено то, как эта самая структура увязывает свои части в качественно новую общность. И здесь на помощь приходит представление о функции. *Функция* в социологии — роль, которую выполняет определенный социальный институт или процесс по отношению к целому (например, функция государства, семьи и т. д. в обществе).

Объединяя структуру и функцию, получаем структурно-функциональный подход, автором которого как раз и признан Парсонс. Он сформировался в период теоретического безвременья, которое образовалось после ухода с исторической сцены классической социологии и периодом рождения современной социологии. Приблизительно его можно обозначить тридцателетием между 1920 и 1950 г. Закончилось время Спенсера, Маркса, Дюркгейма, Тенниса, Зиммеля и Вебера, а новые звезды на теоретическом небесклоне социологии еще не появились. Символический интеракционизм Дж. Мида и Ч. Кули приемником социологической теории считать было. Во-первых, это был микроподход, объясняющий индивида и социальное взаимодействие, но упускающий из вида социальные институты. Во-вторых, он не являлся чисто социологическим феноменом, поскольку с равным успехом его можно отнес-

ти и к социальной психологии. Речь идет не об эмпирических исследованиях, решении социальных проблем практического толка или о межличностных отношениях, а именно о социологической теории. Всем этим с успехом занималась Чикагская школа (1920—1950-е гг.), которая и заполнила эмпирический пробел. Не хватало фундаментальной социологической теории, органично соединяющей глобальные и локальные, социальные и межличностные процессы. Эту миссию и взял на себя Т. Парсонс. Таким образом, его структурный функционализм послужил теоретическим мостом между социологической классикой и социологической современностью. В первой же крупной работе *The Structure of Social Action* (1937) Парсонс посвятил немало внимания обстоятельному анализу взглядов Вебера¹, Спенсера, Дюркгейма, Тенниса и Зиммеля, тем самым протянув между двумя периодами развития мировой социологии еще и концептуальную связь.

Возникший в начале 1930-е гг. структурный функционализм доминировал на Американском континенте вплоть до конца 1950-х гг. За эти годы несколько поколений американских социологов сформировались как истинные последователи структурного функционализма. Согласно новой идейной моде социология занимается изучением функций, выполняемых социальными институтами, и социальным действием индивидов, которые занимают определенное место в социальной структуре общества (статусы) и исполняют предписанные общественными нормами и ценностями социальные роли. Статика и динамика, социальная система и социальная структура в функционализме тесно связаны между собой.

Структурный функционализм, рассматривая общество, делает акцент на том, что любая система стремится к равновесию, поскольку ей присуще согласие элементов; она всегда воздействует на отклонения так, чтобы скорректировать их и вернуться в равновесное состояние. Любые дисфункции преодолеваются системой, а каждый элемент вкладывает нечто в поддержание ее устойчивости.

Попытки создать нечто похожее предпринимались и раньше, но все они были половинчатыми. Так, Э. Дюркгейм явился автором функционального подхода. У него все, грубо говоря, взаимосвязано между собой, но вокруг чего социальные связи формируются, не ясно. Образно выражаясь, осталось загадкой главное — на каком скелете нарастает социальное мясо. Нет главного — самой структуры.

¹ Кстати сказать, именно благодаря опубликованию книги Парсонса «*The Structure of Social Action*» американцы познакомились с социологией Макса Вебера, которого прежде они практически не знали.

Скелетом общества, и Парсонс об этом догадался каким-то шестым чувством, должно быть нечто неподвижное, незыблемое. Тогда все встанет на свои места: подвижные функции вокруг неподвижной структуры. В этом есть известная логика. Особенно если скелет и мясо (общество) выразить на языке социологических понятий, поскольку биологическое представление о них уже существовало.

Наилучшим кандидатом на роль неподвижного скелета выступает система социальных *норм* и *статусов*. Подобно кристаллической решетке, они образуют структурную основу общества. Парсонс так и поступил. *Нормативный порядок* — вот правильное социологическое наименование *структуры* общества. В этом понятии соединились два ключевых элемента: социальный *порядок*, загадку которого Парсонс взялся разрешить в самом начале карьеры, и социальные *нормы*, которые, как это всем известно еще из курса государства и права, выражают неизменные правила, которыми руководствуются большие массы людей в силу приданного им, нормам, легитимного статуса. *Норма* (от лат. *norma* — руководящее начало, правило, образец) — это также: 1) узаконенное установление, признанный обязательным порядок; 2) установленная мера, средняя величина чего-нибудь (например, норма выработки).

У Парсонса структура стала движущимся единством неподвижных элементов, т. е. упорядоченностью взаимодействующих элементов. Хотя можно сказать и по-другому — неподвижным единством находящихся в постоянном движении элементов, если под этим понимать социальные действия. Как ни поворачивай, но речь идет о совмещении несовместимого. И в этом кроется удивительная эвристичность его подхода к обществу.

Если структура — единство несоединимого, то может быть, чтобы избежать логического противоречия, ее именовать иначе, скажем, системой? В методологии Парсонса оба понятия — *структура* и *система* — являются эквивалентными. Они с разных сторон отражают одно и то же, а именно человеческое *общество*, которое одновременно можно назвать жесткой структурой и гибкой системой. Однако у системы перед структурой есть несомненное преимущество. Только система коренным образом отличается от простого множества элементов. О структуре подобного не скажешь, хотя у нее есть свои достоинства.

По мнению Х. Абельса¹, под *системой* понимается целостность элементов, обладающая следующими признаками: структуриро-

¹ Абельс Х. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса // www.soc.pu.ru:8101/publications/pts/abels.html.

ванной связью элементов между собой, целенаправленностью системы, интегрированностью элементов в единое целое, длительностью существования, стабильностью и равновесием, ограниченностью от окружающей среды, с которой система может вступать в регулярные отношения. Он считает, что исходной посылкой системной теории Парсонса выступает философско-антропологическое положение о том, что образование систем является общечеловеческим способом решения любых проблем. Отсюда следует, что социальное действие также является системой. В связи с этим понятие социального действия (action) используется в ней в очень абстрактном смысле. Под социальным действием понимаются любые социальные отношения, любые события и процессы во всем обществе.

Действительно, система — это всего лишь упорядоченность относящихся к ней явлений и процессов. Не важно, каких — природных или культурных, объектов, действий или процессов. В таком случае термин «система» приложим и к человеческому действию, и к совокупности больших социальных групп, входящих в социальную структуру общества. Если природные системы возникают естественным образом, то социальные, через которые осуществляется взаимодействие человека с природой и связь людей между собой, представляют собой системы особого рода — они являются специфически человеческой формой решения проблем.

Человек упорядочивает свой мир, приобретает знания и опыт, обобщает их с помощью символических средств. Иначе говоря, он систематизирует социальную реальность, создает социальные институты, которые облегчают его жизнь. В результате оказывается, что наш мир является упорядоченным, а порядок, в свою очередь, является результатом систематизации, которую человек осуществил с помощью своих действий. Цикл социального бытия замыкается: социальное действие начинает его, ибо человек начинает обустройство окружающего мира с этого действия, а упорядочив свое бытие, т. е. создав социальные институты, культуру, социальную структуру общества, человек создает этим самым порядком благоприятные условия для разворачивания социального действия во всех сферах общества. Каждый элемент общества или событие понимаются Парсонсом как часть общей системы социального действия (general action system). Социальное действие пронизало собой все, что только можно.

Принимая решение, человек по существу наводит порядок в окружающем мире и разрозненные факты сводит в систему, т. е. систематизирует данные. Он систематизирует социальную реальность, создает социальные институты, которые облегчают его жизнь. В результате оказывается, что наш мир является упоря-

доченным, а порядок, в свою очередь, является результатом систематизации, которую человек осуществил с помощью своих действий. Таким образом, мышление человека по природе системно, равно как и окружающий мир. Кстати сказать, и само общество, по большому счету, есть продукт его мыслительной деятельности. Неудивительно, что Парсонс находит системы на каждом шагу. Для него социальное действие, личность, общество, принятие решений и многое другое суть социальные системы. И везде целое больше суммы своих частей.

Парсонса можно даже заподозрить в некоем *пансистематизме*, т. е. преувеличении роли системности в окружающем мире. Практическая жизнь является непрерывным процессом социальной систематизации. Повседневные действия, воспитание и социализация — тоже кирпичики всеобщей системы и внутри себя тоже суть маленькие системки.

Иногда создается впечатление, хотя оно может быть вполне ошибочным, будто Парсонс никогда не учился в Германии (в знаменитом на весь мир университете Гейдельберга), не штудировал трудов М. Вебера, не был его учеником и вообще что историки зря называют главным хранителем и пропагандистом творчества великого немца. Почему? Да потому что теоретико-методологические принципы Вебера и Парсонса не то что разные, но практически противоположные. Вебера с полным правом причисляют к социологическому номинализму, а Парсонса с наименьшими основаниями можно включить в стан социологических реалистов. Согласно Веберу, исходным пунктом социологического анализа является индивид, для Парсонса главным при построении теории социальных систем выступало общество.

Веберовскую методологию и его философские принципы познания принято квалифицировать еще и как неокантианство, к которому Парсонс не имеет никакого касательства. В своих ранних методологических эссе Вебер отрицал, что: (1) социология способна открывать универсальные законы человеческого поведения, сравнимые с законами естественных наук; (2) социология, собрав эмпирические данные, может с их помощью подтвердить тот, казалось бы, неоспоримый для большинства социологов, особенно французских, факт, будто конкретные общества и человеческое общество в целом претерпевают эволюционный прогресс; (3) социология вправе выносить какие-либо оценки или моральное оправдание любому из существующих порядков или социальных устройств (обществ); (4) социология вправе оперировать коллективными понятиями типа «государство» или «рабочий класс», если их нельзя конституировать с позиций индивидуального действия.

Вебер был против того, чтобы социологи изучали такие «метафизические универсалии», как «общество», «народ» или «государ-

ство». Они суть лишь метафоры, в этих «тотальностях» теряется конкретный индивид, либо он рассматривается как пассивный элемент, винтик, клеточка. А ведь каждый индивид обладает сознанием и рациональным поведением. Стало быть, любой общественный институт (государство, производство, право, семья), как и общество в целом, надо рассматривать как бы с точки зрения интересов индивидов. Иными словами, в этих обобщающих абстракциях, отображающих совместные поведения людей, будь то государство или право, надо искать то, что имеет значение для индивида, осмысленно для него, значимо. Только то, что ценится им как влияющее на поведение индивида, то и реально с социологической точки зрения. Социолог призван понять смысл поступков человека, но мерить их не на свой аршин, не подгонять их под свои рубрики и классификации. Ученый должен выяснить, какой смысл придает своим поступкам сам человек, какую цель и значение вкладывает в них, какими мотивами и стимулами движим. Вебер приглашает социологов избавиться от метафизических сущностей и не исходить как из своих предпосылок из общества вообще, государства, классов. Это шаг навстречу естественно-научному методу.

У Вебера вроде бы все понятно: индивид — единственная реальность, с которой только и могут иметь дело социологи, а общество — теоретическая конструкция, необходимая социологу для того, чтобы еще лучше и более глубоко понять социальные действия индивида. Иными словами, общество — та рамка, в которую обрамлено многообразие человеческого поведения.

Но у Парсонса картина совсем иная. В первую очередь его интересует социальная система. Если ее повернуть одной стороной, то получим общество с соответствующей атрибутикой, например в виде социальной структуры, а если другой — то получим отдельного индивида. Причем индивид почему-то у нас раздваивается. Один модус его существования в этом мире — физический организм с биологическими потребностями и материальными интересами, другой модус — символическое бытие, задаваемое социальными ролями, смыслами и значениями, культурными нормами, традициями и обычаями, наконец, социальными статусами.

В статье с весьма характерным названием «Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения»¹ речь идет и о социальном действии тоже. Заметим, статья посвящена обществу, а не индивиду. Индивид здесь присутствует в роли статиста, ибо входит в число его компонентов. Так вот в этом произведении автор с пер-

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494—526.

вых же строк заявляет о своей методологической позиции, которую мы охарактеризовали выше, а именно: «Общество является особым видом социальной системы». Это значит, что основным интересом всей жизни Парсонса служило изучение во всех ее подробностях социальной системы. Она — загадка всех загадок и разрешение всех проблем социологии. Вебер никогда бы так не сказал.

А дальше следует фраза, которую Парсонс не должен был бы произносить вовсе: «Мы рассматриваем социальную систему как одну из первичных подсистем системы человеческого действия наряду с такими подсистемами, как организм, личность индивида и культурная система»¹. О чем здесь идет речь, если оставаться на позициях здоровой логики? Во-первых, система человеческого действия выступает более общей категорией, чем а) социальная система и б) общество. Во-вторых, социальная система ставится в один ряд с такими вещами, как организм, личность индивида и культурная система. Оба вывода крайне противоречивы. Во-первых, социальная система не может служить подвидом системы человеческого поведения, так как последняя обладает более конкретным содержанием и класс эмпирических референтов, охватываемых данным понятием, более узок, нежели класс референтов, включаемых в категорию «социальная система». Стало быть, социальная система не может выступать элементом логического класса «система человеческого действия». Во-вторых, организм, личность индивида и культурная система — слишком разнородные элементы, для того чтобы образовывать один логический ряд, т. е. общую содержательную группу. Организм принадлежит биологическому миру, а личность — социокультурному. Кроме того, личность и культурная система не равны по своему логическому объему, так как второе понятие является более общим, чем первое. Следовательно, они не образуют логического ряда, как на то намекает Парсонс, употребляя слово «наряду», т. е. стоящие в одном ряду.

В подзаголовке статьи «Общая концептуальная схема действия» автор пускается в пространные объяснения о том, что такое человеческое действие и как оно соотносится с другими социологическими категориями. «Действие образуется структурами и процессами, посредством которых люди формируют осмысленные намерения и более или менее успешно их реализуют в конкретных ситуациях. Слово «осмысленный» предполагает, что представления и референция осуществляются на символическом, культур-

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494.

ном уровне. Намерения и их осуществления в своей совокупности предполагают способность системы действия — индивидуального или коллективного — модифицировать свое отношение к ситуации или окружению в желательном направлении»¹.

Внимательно вчитаемся в слова Парсонса. Оказывается, свои намерения, которые люди реализуют в конкретных ситуациях, они формируют не своими целями, замыслами, потребностями или мотивами, а мифическими структурами и процессами. Они служат средством, при помощи которого люди реализуют свои осмысленные намерения. Слово «осмысленный», предлагаемое Парсонсом весьма туманно, означает лишь одно: это ключик, при помощи которого открывается дверь совсем в иной мир — в мир символических значений и невидимых сущностей. Забудьте о биологическом организме, думайте только о символическом, или культурном уровне, на котором только и разыгрывается социологическое действие. Вы взяли молоток и забили им гвоздь, затратив какие-либо физические усилия, переместив вещи из одной части пространства в другую, ушибли при этом свой палец, выругались, устали от тупого мероприятия и закурили. Ничего этого для социолога не существует. Все перемещения, с точки зрения истинной социологии, совершаются не в реальном, а в символическом пространстве — пространстве намерений, смыслов, структур и значений. В таком пространстве коллектив и индивид уравниваются. Они — лишь разновидности системы действия.

Дальше следует вполне ожидаемое теоретическое разъяснение. Парсонс говорит: «Мы предпочитаем использовать термин “действие”, а не “поведение”, поскольку нас интересуют не физическая событийность поведения сама по себе, но его образец, смыслосодержащие продукты действия (физические, культурные и др.), от простых орудий до произведений искусства, а также механизмы и процессы, контролирующие этот образец»². Ожидаемым разъяснение является лишь по форме, т. е. с точки зрения расшифровки исходных понятий, но не по содержанию, которое оказалось для нас совершенно неожиданным. Мы привыкли считать поведение человека более крупным и интересным явлением, связанным с совокупностью действий, подчиненным какому-то общему смыслу, характеру или темпераменту человека, выражающих его образ жизни и стиль мышления. К примеру, авторитарное

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494.

² Там же.

поведение руководителя в первичном коллективе предполагает определенный стиль отдачи распоряжений, наплевательское отношение к личности и советам подчиненных, высокомерный взгляд и т. п. В таком поведении каждое отдельное действие — всего лишь элемент, который вне целого не имеет никакого смысла. Стоит нам выдернуть из общего авторитарного контекста такое действие, скажем, как пренебрежительное похлопывание по плечу, которое неожиданно подглядел в курилке Госдумы социолог, как его интерпретация становится проблематичной. Что оно означает, о чем свидетельствует? Оно может служить штрихом к портрету авторитарной личности, а может выступать знаком дружеского расположения к собеседнику. А может быть, это жест невоспитанного человека, который употребляет его ко всякому встречному-поперечному? Возможны и другие версии. И все это сказано об одном герое — выхваченном из контекста действия. Причем заметим, что оно целиком и полностью относится к разряду социального действия, хотя и осуществляется в физической форме: надо поднять руку, прицелиться, найти плечо собеседника, опустить руку на его плечо, причем не очень сильно, и т. п. Но смысл его социокультурный, физический субстрат здесь случаен. Социокультурный смысл важнее всего, он главный — выразить собеседнику свое покровительственное отношение. Тот же самый смысл можно было выразить и с помощью иных физических действий, например посмотрев на собеседника сверху вниз, окинув его пренебрежительным взглядом, выразив словами возможность опеки над ним и др. Отсюда вывод: физический субстрат случаен, а социокультурный смысл — необходим. Смысл — главное, а субстрат — дополнительное.

Вот какова анатомия социального действия. А точнее сказать, социального поведения как цепочки отдельных действий (актов), связанных общим смыслом и подчиненных единой логике. Вне этого смысла и вне этой логики отдельные действия могут ничего не значить. Они вообще непонятны вне целого. Но не только смысл и логика выступают цементом, связывающим разрозненные звенья в крепкую цепь поведения. Подобную функцию способны выполнять также цели: «1) действие есть всегда процесс, который рассматривается преимущественно в терминах его связи с целями и называется по-разному: “осуществление”, “реализация” и “достижение”; 2) наличие некоторой сферы выбора, доступной актору, в отношении как целей, так и средств, в сочетании с понятием нормативной ориентации, а также предполагает возможность “ошибки”, неудачи в достижении цели или “неправильного” выбора средств; 3) данная схема субъективна, а имен-

но: она имеет дело с явлениями, с предметами и событиями, как они представляются тому актору, действие которого анализируется и подвергается рассмотрению»¹.

Таков смысл слов «поведение» и «действие» для русского человека. А может быть, не только для русского. В английском языке аналогом русскому слову «действие» выступают два термина: action и operation, — а слову «поведение» — два других, а именно conduct и behaviour. С термином behaviour у Парсонса давняя вражда, ибо от него происходит понятие «бихевиоризм», олицетворяющее психологизацию социальных действий, а часто и еще хуже — его биологизацию. Бихевиоризм привнес в социальные науки крайне упрощенную модель человеческого поведения, называемую «стимул-реакция». В ней присутствуют только рефлексy и реакции, физические действия, перемещения и нервные возбуждения. Никакому символическому смыслу здесь места нет потому, что он ненаблюдаем и никакими приборами нерегистрируем. Социологу, никогда с приборами не имевшему дела и проводов к голове испытуемого никогда не прикреплявшего, не понятен язык и стиль рассуждений бихевиориста. И Парсонсу здесь делать нечего. Долгие годы он активно боролся с биологами, пытавшимися свести социальное действие к наблюдаемым реакциям организма, вовсе не для того, чтобы в своей социологии вознести на пьедестал категорию поведения. Но такова американская традиция — утилитарного, позитивистского и крайне упрощенного подхода к пониманию поведения.

В России же, главным образом благодаря советскому культурному наследию, сложилась иная интерпретация поведения и деятельности. Она гораздо более философская и фундаментальная. В Большой советской энциклопедии деятельность трактуется как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование, а в современных российских словарях, попытавшихся снять метафизический налет марксистской философии, ненамного проще: процесс, выражающийся в целесообразном изменении и преобразовании человеком мира и сознания, включающий цель, средства и результат. Поведение в той же энциклопедии расшифровывается как система взаимосвязанных действий, осуществляемых субъектом с целью реализации определенной функции и требующих его взаимодействия со средой. В современных словарях поведение понимается как совокуп-

¹ Парсонс Т. Структура социального действия / Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2000. С. 99.

ность действий и поступков индивида. В поведении проявляются личность человека, особенности его характера, темперамента, его потребности, вкусы; обнаруживаются его отношения к предметам. Сравним с бихевиоризмом. Здесь поведение — совокупность двигательных и сводимых к ним вербальных ответов (реакций) живых существ на воздействия (стимулы) внешней среды. Как говорится, почувствуйте разницу.

Итак, американцы и русские вкладывают в одни и те же слова разный смысл, употребление которых в разговоре — устном или письменном — может вызвать непонимание собеседника, искажение вкладываемого им в те же самые слова смысла. Разумеется, на русский язык *social action* правильнее было бы перевести не как социальное действие, а как социальное поведение. Но когда-то, возможно в 1960-е гг., когда первое поколение советских социологов осваивало азы западной социологии, переводило не смысл английских слов с оглядкой на отечественную интеллектуальную традицию, а делало кальку. Так и пошло: *social action* — не социальное поведение, а социальное действие.

Ну а что Парсонс? А он говорит то, что мы и ожидали услышать, а именно: «Человеческое действие является “культурным” постольку, поскольку смыслы и намерения действий выражаются в терминах символических систем (включая коды, посредством которых они реализуются в соответствующих образцах), связанных главным образом с языком как общей принадлежностью человеческих обществ»¹.

Иными словами, жест приветствия — это культурное и социальное одновременно действие, поскольку оно встроено в определенную символическую систему, а именно традицию приветствия двух человек, впервые увидевших друг друга и значимых друг для друга. Она существует у всех народов, но репрезентируется разными символическими действиями — от потирания носами до рукопожатия. Участники научной конференции — значимые друг для друга индивиды, ибо им вместе сидеть на секции, а прохожие на улице — незначимые. Да и то на большой конференции далеко не все здороваются друг с другом, ибо большая масса людей производит эффект посторонних людей, незнакомых друг с другом. Совокупность обычаев, связанных с приветствием, существующие при этом писанные и неписанные правила поведения, зафиксированные в общенаучной, отраслевой или художественной литературе, кинофильмы, демонстрирующие подобные действия,

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494.

множество повседневных акций приветствия, демонстрируемые населением страны и передаваемые от взрослых к детям путем семейного и школьного обучения, составляют ту самую символическую систему, в контексте которой только и прочитывается смысл конкретного действия — мужчина и женщина крепко сцепились руками и какое-то время не отпускают друг друга, при этом улыбаясь изо всех сил. Возможно, инопланетянину, незнакомому с нашей культурой, подобное действие показалось более чем странным.

Кто умеет, делает; кто не умеет, учит других; а кто не умеет и этого, учит учителей.

Л. Питерс

Итак, социальное действие — всего лишь штрих символической подсистемы общества. Только в ней он приобретает смысл и только в ней он существует как социокультурное мероприятие. Вынув действие из этой системы, мы убиваем его.

Определенным проявлением абстрактного методологизма у Парсонса служит его учение о типовых переменных действия (*patterns variables of action*) — специальном наборе парных, дихотомических понятий, используемых для анализа структуры действия. К ним относятся пять видов базовых ценностных ориентаций, помогающих социологу разобраться в том, как ведет себя реальный человек, попавший в ситуацию, требующую свободного выбора. Концептуальные пары понятий построены по дихотомическому принципу «или-или» и характеризуют возможность альтернативы между: 1) подчинением индивида общему правилу или отказом от них и следованием своему внутреннему голосу («универсализм-партикуляризм»); 2) ориентацией на достигаемый статус других людей (профессия, партийность) или на предписанный (биологически заданный) статус, а именно пол, возраст («достигнутое — предопределенное»); 3) стремлением к удовлетворению сиюминутных потребностей и отказом от них ради стратегических целей («аффективность — нейтральность»); 4) специфическими и общими характеристиками ситуации в качестве объекта ориентации индивида («специфичность — диффузность»); 5) эгоистическими и альтруистическими действиями («ориентация на себя — ориентация на коллектив»).

Пять альтернатив анализируются Парсонсом на четырех уровнях: для субъекта действия они предстают как различные варианты действия, на уровне личности — как потребности-установки, на уровне социальной системы раскрываются в форме ролевых ожиданий, а в культурной сфере — как нормативный образец (ценность).

Возможно, обвинять Парсонса в методологическом абстракционизме было бы не совсем верно, хотя для подобных обвинений он предоставил достаточно оснований. Наряду с расширительным пониманием социального действия у Парсонса имеется понятие действия в узком смысле, к которому относятся конкретные действия людей, в том числе и социальное взаимодействие. Когда в его сочинениях речь идет о том, что действия «эмпирически неразложимы», а выступают в виде «конъюнктуры», то под «конъюнктурами» понимается «система действия» в широком смысле слова, т. е. общая система социального действия с ее подсистемами¹.

Описав то общее, частью чего выступает социальное действие, Парсонс вскоре вспоминает и о том, кто выступает субъектом этого действия, а именно об индивиде: «В определенном смысле всякое действие является действием индивидов. В то же время и организм, и культурная система включают в себя существенные элементы, которые не могут быть исследованы на индивидуальном уровне»². В том-то все и дело, что человек, совершивший какое-либо действие, является его обладателем лишь отчасти. В другой своей части оно принадлежит обществу. Ведь это оно научило его обращаться к другим людям через рукопожатие, а не с молотком в руках. Да и сам индивид не претендует на такого рода собственность. Только что произведенное действие часто ему особенно и не нужно. Поздоровался он с начальником вовсе не от души, а потому что так принято, да и не поздороваться было нельзя: запомнит — потом отомстит. Символическое приветствие действительно оказалось чисто символическим, т. е. формальным, холодным. Оно вовсе не принадлежит поздоровавшемуся. Он как бы участвует в обязательном общественном ритуале, в котором задействовано все население, а он, как его часть, должен поступать как все. Над его общеобязательным поведением, таким стандартным и универсальным, уравнивающим всех людей, потрудился процесс социализации.

Над унификацией индивида потрудились не только общество и его образовательные институты, но и сама природа. Парсонс в связи с этим замечает, что анатомия отдельного организма представляет собой некий видовой тип, сочетающий в каждом человеке типичные черты, унаследованные генетически и отшлифованные

¹ Абельс Х. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса // www.soc-pu.ru:8101/publications/pts/abels.html.

² Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 494.

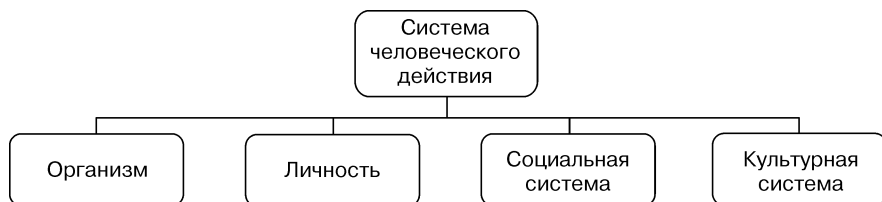
окружающей средой и культурой. Исходную основу действия (американский социолог почему-то называет ее не исходной, а органической, хотя такой термин в этом контексте весьма двусмысленный) составляют «общие свойства больших человеческих групп», но никак не индивидуальные различия. Причем и эти общие свойства отчуждены от конкретных носителей — людей. В самом деле, что усваивает человек в процессе социализации? «Главные культурные образцы» (сейчас вместо этого, уже устаревшего термина говорят об артефактах), которые создаются многими поколениями людей, отражают характер и культуру нации и никогда не являются принадлежностью одного или нескольких индивидов. Правила поведения, речевой этикет или научные теории — плод коллективного труда, которыми лично никто не владеет и которые каждый человек может усвоить в процессе обучения. Разумеется, у всех или большинства культурных артефактов есть свои авторы. Но что может поделаться с ними отдельный человечик? Разве что внести побочное творческое (созидательное или разрушительное) изменение.

Итак, индивид со всех сторон, подобно волку в загоне, окружен общими нормами, стандартами, образцами и системами. Он вроде и не принадлежит сам себе. У него, как у солдата в армии, все чужое. Можно сказать, что человек — лишь индивидуальная матрица общепринятых норм и правил. Умрет он, и никто о нем не вспомнит. Появятся другие винтики в общественном механизме, которые будут представлять собой точно такой же унифицированный социальный материал. Выдающиеся личности, поправшие общественные нормы, способные перекраивать историческую карту и низвергать в прах общественные системы? О них Т. Парсонс и не вспоминает. Они не нужны социологу, ибо мешают ему разглядеть общий порядок вещей.

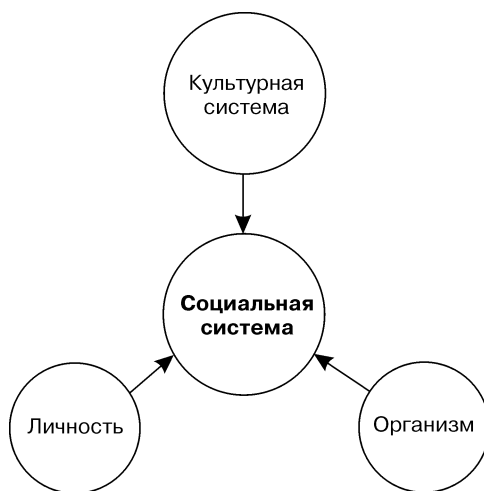
Человек для Парсонса вовсе не человек в общепринятом смысле — со своими заботами, неприготовленным завтраком, незаплаченными налогами, пропахший потом и не умеющий выражаться литературным языком, — а некий голиаф, гигантский образ абстрактного воплощения общечеловеческих черт. А как еще его мыслить, если четырьмя подсистемами человеческого действия Парсонс называет организм, личность, социальную и культурную системы? Куда все это поместится у обычного, ростом 1,76 м, весом до 90 кг и хромящего на одну ногу человека? Вот почему личность для Парсонса образует всего лишь «аналитически независимую систему». Аналитической системе под силу вместить в себя то, что не помещается в нормального индивида.

Читая Парсонса, никогда нельзя расслабляться. Кажется, разобрались в соподчиненности систем: система человеческого дей-

ствия — это целое, а организм, личность, социальная система и культурная система — четыре ее части. Но нет, «каждая из трех других систем действия (культура, личность, поведенческий организм) составляет часть окружающей среды или, можно сказать, окружающую среду социальной системы»¹. Изобразим графически обе ситуации и сравним результат (см. рис. 1а и рис. 1б).

а

б

Рис. 1. а — четыре части общей системы человеческого действия;
б — одна из частей берет на себя функции целого

Сравнивая оба рисунка, неожиданно для себя обнаруживаем, как четыре равноправные части, ранее входившие в единое целое — систему человеческого действия, теперь распадаются и организуют новую структуру. Суверенные части выстраиваются в некую иерархию, где одна часть выполняет заглавную, а три другие —

¹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 497.

подчиненную роль. Куда-то исчезла система человеческого действия. Ее место заняла социальная система. Теперь она главная, но три другие части уже не части, а элементы окружения, или окружающие среды. Исчезнувшая система человеческого действия вскоре обнаруживается. Оказывается, она образует некую метасреду, поскольку располагается и сверху, и снизу.

Комментаторы не пришли к единой интерпретации системы человеческого действия, так как Парсонс, как справедливо отмечает Х. Абельс, не всегда соблюдает понятийную строгость. Одни считают, что в нее входят четыре подсистемы, не связанные иерархическим соподчинением, другие полагают, что между ними возможна иерархия. Несмотря на разногласия, исследователи сходятся в одном: Парсонс выделяет следующие четыре подсистемы общей системы социального действия.

— Биологический организм: индивидуальная психофизическая конституция человека, включая инстинкты и биологические потребности, влияющие на человеческое поведение.

— Система личности: мотивационная структура индивида; организм и система личности вместе образуют «базисную структуру» (*basic frame of reference*) и представляют собой совокупность индивидуальных потребностей и диспозиций (*need-disposition system of the individual actor*).

— Социальная система. Под ней понимаются совокупность образцов поведения, социальное взаимодействие (интеракция) и социальные роли.

— Система культуры, куда относятся культурные ценности и социальные нормы, необходимые для стабильного функционирования общества.

Подсистемы системы социального действия образуют иерархию, в которой системе культуры принадлежит доминирующее положение, поскольку считается, что ценности и социальные нормы общества управляют действиями его членов и тем самым обеспечивают возможность совместной социальной жизни. Подсистема культуры выполняет нормативную функцию.

Подсистема личности не сводится ни к организму, ни к культуре. Во-первых, то, чему научаются, не является структурой организма, а во-вторых, физическое, социокультурное окружения организма всегда уникальны, и, следовательно, собственная поведенческая система индивида будет уникальным вариантом культуры. Таким образом, личность образует аналитически независимую систему.

В рамках общей системы действия культурные подсистемы специализируются на функции поддержания образца; социаль-

ные подсистемы — на интеграции действующих единиц (личностей, исполняющих роли); подсистемы личности — на достижении цели; а поведенческий организм — на адаптации.

Четыре подсистемы вместе образуют общую систему действия (general action system). При этом стоит учитывать, что, во-первых, общество состоит не из самих конкретных действий, а из нормативных ориентаций социальных действий; во-вторых, социальное действие как система разворачивается через взаимодействие всех четырех подсистем. Социальное действие является не просто реакцией на стимулы в определенной ситуации, а управляется системой ожиданий действующего субъекта. Конкретное социальное действие разворачивается между потребностями (need dispositions), с одной стороны, и ценностями культуры — с другой. Следовательно, система культуры является независимой переменной по отношению к действиям отдельных людей¹.

Социальная система образуется интеракциями человеческих индивидов. Поэтому каждый ее участник является одновременно и актером, обладающим определенными целями, идеями и установками, и объектом ориентации, как для других актеров, так и для себя самого. В то же время эти «индивиды» являются и организмами, личностями и участниками культурных систем. При такой интерпретации каждая из трех других подсистем общей системы действия (культура, личность, поведенческий организм) составляет окружающую среду социальной системы.

Важнейшей чертой парсоновской теории социального действия выступает попытка объединить человека и его окружение, как природное, так и социальное, которое он, индивид, наделяет своими смыслами и значениями. Основопологающим элементом такого окружения выступают сами люди, социальное взаимодействие — интеракция, — с которыми определяет цели, мотивы и стиль поведения индивида. Ценности и нормы, регулирующие социальное взаимодействие, делают поведение людей упорядоченным и предсказуемым. Миллионы и миллиарды актов социального взаимодействия, совершающиеся в мире ежеминутно со всеми людьми, порождают сеть социальных отношений, организованную (гомеостазис) и интегрированную (равновесие) благодаря наличию общей системы ценностей таким образом, что она оказывается способной стандартизировать отдельные виды деятельности (роли) внутри себя самой и сохранять себя как таковую по отношению к условиям внешней среды (адаптация).

¹ Абельс Х. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса // www.soc-pu.ru:8101/publications/pts/abels.html.

Социальная система, следовательно, представляет собой систему социального действия, но лишь в самом абстрактном смысле слова. Т. Парсонс писал по этому поводу: «Поскольку социальная система создана взаимодействием человеческих индивидов, каждый из них одновременно и деятель (actor), имеющий цели, идеи, установки и т. д., и объект ориентации для других деятелей и для самого себя. Система взаимодействия, следовательно, есть абстрактный аналитический аспект, вычлняемый из целостной деятельности участвующих в ней индивидов. В то же время эти “индивиды” — также организмы, личности и участники систем культуры»¹. Парсонс справедливо отмечает, что его представление об обществе коренным образом отличается от общепринятого восприятия его как совокупности конкретных человеческих индивидов.

Когда Парсонс уходит от довольно абстрактных рассуждений о системе действия, которая расширяется у него настолько, что включает все общество, и пытается рассмотреть единичные акты действия, то на свет появляется вполне понятная на уровне здравого смысла логика поведения человека. Логическая схема единичного акта действия включает: актора (субъекта действия), цели (представление о будущем состоянии события), средства (находящиеся и не находящиеся в собственности актора, материальные и не материальные, доступные или недоступные), условия действия, характеризующие его зависимость от объективных обстоятельств, и, наконец, ценности и нормы, задаваемые обществом.

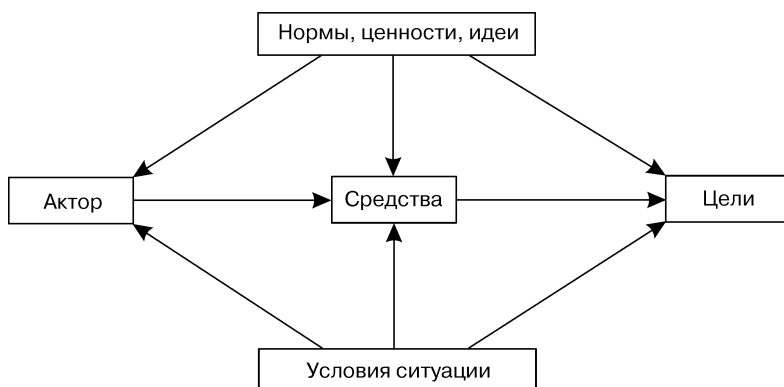

Рис. 2. Схема социального действия по Т. Парсонсу

¹ Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, New Jersey, 1966. P. 8.

Если мы посмотрим на рис. 2, то заметим такую особенность: верхняя часть схемы — нормы, ценности и идеи — определяет принудительную часть действия, а нижняя — условия ситуации — задает вероятностную составляющую действия. В самом деле, социальные нормы, формируемые обществом, обязывают нас совершать те, а не другие действия, таким, а не иным способом. Через систему культурных ценностей и социальных норм общество дирижирует нашим поведением. Напротив, условия ситуации, или условия действия, — это случайные стечения обстоятельств: подошел автобус вовремя — и мы не опоздали на работу; испортилась погода — и ваше путешествие по Швейцарии окончательно омрачилось. Форс-мажорные обстоятельства, от которых не страхует вас ни одна фирма и которые специально оговаривает турбюро как факторы, не поддающиеся ее контролю, наглядно демонстрируют характер условий ситуации¹.

Такова весьма эвристичная и глубоко социологическая концепция логики единичного акта Парсонса, где выделяются два совершенно различных типа факторов, влияющих на совершение социального действия, а именно необходимые (ценности и нормы) и случайные (условия ситуации).

Структура социальной системы выступает как совокупность взаимодействий, или ролей, которыми субъекты связаны для осуществления некоторой цели. «Для большинства аналитических целей наиболее существенная единица социальных структур — не лицо, а роль. Роль есть тот организованный сектор ориентации субъекта действия, который предназначает и определяет его участие в процессе взаимодействия»². В «Социальной системе» Парсонс говорит о связке «статус — роль», где статус выражает «позиционный аспект», т. е. обозначает позицию, место рассматриваемой действующей единицы в социальной системе по отношению к другим. Роль же выражает «процессуальный аспект», то, что «действительность исполняет в отношениях с другими и в контексте функционального значения этого для социальной системы»³. При этом роль по рождению рассматривается как «статус».

Таким образом, структура социальной системы оказывается в основном, структурой ролей. Роли, или ролевые образцы («паттерны» — patterns), — это относительно постоянные каналы ори-

¹ *Parsons T.* The structure of social action. Glencoe, Ill., 1949. P. 741—752.

² *Parsons T., Shils E. A. (eds).* Towards a general theory of action. N. Y., 1962. P. 23.

³ *Parsons T.* The social system. N. Y., 1964. P. 25.

ентации между действователем и социальным объектом. С точки зрения первого их называют «ролями», с точки зрения второго — «ролевыми ожиданиями»¹.

В рамках социальной системы для тех или иных ситуаций существуют институционализированные модели поведения, благодаря чему удовлетворяются определенные потребности. Поскольку социальные группы состоят из того или иного числа субъектов, то внутри них происходит взаимодействие, в котором находят свое выражение ориентации отдельных субъектов по отношению друг к другу и к некоторой коллективной цели. Постоянные взаимодействия предполагают наличие общих правил, так что каждый субъект знает, чего он может ожидать от других в данных ситуациях. Правила предписывают поведение субъекта в определенной ситуации, вследствие чего именно такого поведения от него и можно ожидать.

Образ жизни учителя — часть его профессионального вооружения.

Томпкинс

Поведение человека и социальной организации обуславливается у Парсонса нормативными предписаниями и ценностями, а общество рассматривается как социокультурная система, в которой человеческое поведение, а через него и общественные явления задаются (определяются) прежде всего культурными факторами, т. е. правилами поведения, ценностями, ожиданиями, ролями. Социализация означает процесс интеракции (усвоения) норм и ценностей по мере социального взросления человека. В теории Парсонса личность и социальная система рассматриваются как взаимно дополнительные миры, хотя при этом он подчеркивал, что система предопределяет личность.

Парсонс называл свою теорию действия «волюнтаристской»². Это означает, что в выборе стратегии поведения важную роль играет фактор «свободной воли». С ним связывается у него проблема мотивации — проблема выбора в качестве одного из столпов теории действия либо идеально свободной внутренней, либо внешней (безразлично — идеалистической или материалистической) мотивации. Мотивация у Парсонса — это культурный аналог понятию природной энергии. В каком-то смысле мотивация ориентирует на

¹ Ковалев А. Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии: в 4 т. / ответ. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. Т. 3. М.: Канон, 1997. С. 198—199.

² Волюнтаризм (от лат. *voluntas* — воля; термин введен Ф. Теннисом в 1883 г.) — совершение действий на основе волевого выбора; направление в философии, рассматривающее волю в качестве высшего принципа бытия.

«улучшение баланса» между удовлетворенностью и неудовлетворенностью субъекта действия. Познавательная (когнитивная) мотивация нацеливает на удовлетворение потребности в знаниях, а катектическая (эмоциональная) проявляется в положительной либо отрицательной установке по отношению к другому человеку или объекту¹. Механизмы мотивации направлены на то, чтобы приспособлять действия отдельных людей к существующему социальному порядку. Они опосредуют отношения человека и общества.

В более широком смысле проблема выбора формулируется у него как «проблема рациональности» поведения человека². Как и у Вебера, в рациональном действии индивид ставит перед собой конкретную цель, свободно выбирает средства достижения цели, проявляет силу воли, мобилизуя себя на выполнение действия. Социальное действие рационально в инструментальном, прагматическом значении, т. е. руководствуется исключительно «техническими» соображениями чистой эффективности, которым подчинены внутренние, моральные компоненты действия.

Действие образуется структурами и процессами, посредством которых люди формируют осмысленные намерения и реализуют их в конкретных ситуациях. Человеческое действие является «культурным» в том плане, что смыслы и намерения действий выражаются в терминах символических систем, связанных прежде всего с языком.

Парсонс принадлежит к той выдающейся плеяде мыслителей, которые пытались превратить социальные науки в учение о человеческом поведении. Подобно немецкому социологу Макс Веберу³, работы которого Парсонс переводил на английский язык, он построил систему логических типов социальных отношений, применимых к социальным группам любого масштаба — малым и большим. Его основное достижение — построение общесоциологической теории социального действия, которая опирается на эмпирические данные разных наук и совместима с существующими в этих дисциплинах теоретическими системами.

¹ *Parsons T. The social system. N. Y., 1964.*

² *См.: Ковалев А. Д. Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии. В 4 т. Т. 3 / ответ. ред. и составитель Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1997. С.150—199.*

³ *Т. Парсонс признается в том, что «Вебер предпринял попытку сконструировать систематическую классификацию идеальных типов, исходя из концепции действия, очень похожей на ту, которая излагается в этом исследовании» (Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. с англ. М.: Акад. проект, 2000. С. 204).*

ГЛАВА 7. Теория социального пространства П. Бурдьё

Важное значение для понимания особенностей социального пространства имеет учение выдающегося французского социолога Пьера Бурдьё (1930—2002), числящегося в научной табели о рангах под номером один.

Бурдьё (Bourdieu) **Пьер** (1930—2002) — французский социолог, философ, культуролог. Родился в деревне на границе с Испанией, в семье почтового чиновника. Закончив в 1955 г. Высшую педагогическую школу, преподавал философию в лицее Мулена, в 1958 г. уехал в Алжир, где продолжил преподавательскую работу и начал социологические исследования. Из Алжира переехал в Лилль, а потом в Париж, где в 1964 г. стал директором-исследователем в Высшей практической исследовательской школе. В 1975 г. основал и возглавил Центр европейской социологии, а также журнал «Ученые труды в социальных науках», который наряду с «Французским социологическим журналом» считается ведущим социологическим изданием Франции. В 1981 г. выбран действительным членом Французской академии и стал заведующим кафедрой социологии в Коллеж де Франс. Его жизнь — попытка соединить карьеру ученого-социолога и интеллектуала-практика. В мае 1968 г. Бурдьё поддерживал студентов, в середине 90-х гг. стал пламенным защитником безработных, активно разоблачал экономические доктрины неолитерализма и идеологию глобализации.

Пьер Бурдьё,
(1930—2002)

Проделал творческую эволюцию от философии к антропологии, а затем к социологии. Центральные идеи его теоретической концепции — социальное пространство, поле, культурный и социальный капитал, габитус. Важное значение имеют этическая сторона учения и стремление построить справедливое, основанное на республиканских ценностях общество. Социальное пространство структурируется объективно (существующими социальными

отношениями) и субъективно (представлениями людей об окружающем мире). Люди, понимаемые как агенты социального процесса, производят практики и через них влияют на изменение социальной структуры. Габитус — система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агентов, их представления; функционирует как матрица восприятия, постановки целей, решения задач, действий. В нем воплощены способы оценивания и мышления, эстетический вкус, манера поведения и речи, характерный стиль и образ жизни, которые отличают представителя одного класса, профессии, национальности от других. Габитус позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на события и ситуации. Общество представляет совокупность отношений, складывающихся в различные поля (экономическое, политическое и др.), каждое из которых имеет специфические типы власти. Классы понимаются как группы агентов, различающиеся не только экономическим положением, но также стилем жизни. Господствующий класс состоит из ряда групп, представляющих экономический, политический, религиозный, культурный «капитал», каждая из которых стремится мобилизовать поле власти в собственных интересах. На основании эмпирических исследований приходит к выводу о классовом характере культуры, искусства, образования. Социология Пьера Бурдьё носит глубоко критичный характер. Его парадоксальное мышление направлено на критику не только социальной или политической реальности, но и на саму социологию как инструмент познания социального мира.

Работы (26 монографий и десятки статей) по методологии социального познания, стратификации общества, социологии власти и политики, образования, искусства и массовой культуры, этнографическим исследованиям. Его произведения переведены на все европейские языки. По силе воздействия на свою эпоху П. Бурдьё сравнивают с Ж.-П. Сартром и считают самым крупным социологом современности.

Соч.: *Bourdieu, Pierre. Distinction. A Social Critique of the Judgment of Taste* / Trans. R. Nice. Cambridge: Harvard University Press. 1984; *Bourdieu, Pierre. In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology* / Trans. R. Nice. Cambridge: Polity Press. 1990; *Bourdieu, Pierre. Outline of a Theory of Practice* / Trans. R. Nice. Cambridge: Cambridge U. P., 1977. На рус. языке: *Бурдьё П. Начала* / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994; *Бурдьё П. Социология политики* / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993; *Бурдьё П. Практический смысл* / пер. с фр. А. Т. Бикбова, Е. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко; отв. ред., послесловие Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.

Предваряя свои рассуждения о социальном пространстве, П. Бурдьё решительно отмежевывается от господствовавших в его время интеллектуальных традиций в социологии. Так, он заявляет о своем разрыве с марксизмом, который рассматривает классы как реальные группы, обладающие определенной численностью, способностью действовать, например совершать революции, классовым сознанием и т. п. Французский социолог именует такую позицию субстанциалистской¹. Не понравились ему и другие течения, в том числе структурализм и конструктивизм, объективизм и субъективизм, реализм и номинализм: одни — за то, что на первый план выдвигают индивида и умалчивают о социальных отношениях между ними, другие — за то, что выпячивают отношения в ущерб реальным людям. Не по вкусу ему пришелся и экономизм, который сводит все многообразие и всю многомерность социального поля лишь к экономическим отношениям производства. Одним словом, досталось всем.

Хотя свой подход Бурдьё никак не квалифицирует, т. е. не относит к существующим традициям в социологии, его можно именовать скорее как интегралистский. Действительно, властитель современных дум старается занять промежуточную позицию, избегая крайностей (разумеется, как он их сам понимает, а не как они существуют на самом деле). Так, он сразу же заявляет о том, что социология должна действовать исходя из того, что человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами². Являясь существом природным, надо ожидать, человек обладает телом, болезнями, потребностями, мотивацией и множеством иных свойств, которые, между прочим, характеризуют его субстанцию, но которой в самом начале Бурдьё успел откреститься. Биологическая составляющая, которая по расчетам современных ученых занимает никак не менее 50% в человеческом существе, оказалась некой декорацией, данью моде или фигурой речи, но никак не серьезным инструментом анализа. Бурдьё нигде обстоятельно не анализирует инстинктивное поведение, потребности и мотивацию, сходство между человеком и животными, болезни и здоровье, наконец, социологию тела. Зато с удовольствием разбирается в подробностях второй, социальной, составляющей человеческого существа. В результате социология

¹ Субстанция (лат. *substantia* — сущность; то, что лежит в основе) — объективная реальность; материя в единстве всех форм ее движения; нечто относительно устойчивое; то, что существует само по себе, не зависит ни от чего другого.

² Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33.

Бурдые оказалась смещенной от центра, заявленного им самим, в сторону социальных агентов. Об этом необходимо помнить, рассматривая его учение о пространстве.

Нет, Бурдые не забывает о людях как биологических существах и даже говорит, что они, как и вещи, размещаются в физическом пространстве, занимая определенное место и объем. «Занимаемое место может быть определено как площадь, поверхность и объем, который занимает агент или предмет, его размеры или, еще лучше, его габариты (как иногда говорят о машине или о мебели)»¹. С этим нельзя не согласиться, но причем здесь биология, если речь идет об элементарной физике?

Кстати сказать, именно из физики черпал Бурдые свои главные идеи, в том числе социальное пространство, социальное поле, социальные силы, социальную топологию. Точно так же за двести лет до него поступали О. Конт и А. Кетле. Второй, франко-говорящий бельгиец, именовал свое учение социальной физикой, а первый, чистый француз, видел в физике интеллектуальный образец для всех социологов. П. Бурдые — более продвинутый французский интеллектуал, а потому за основу берет социальную топологию — наиболее продвинутую геометрическую парадигму, принятую физиками в конце XX в. Действительно, у П. Бурдые социология прежде всего есть социальная топология².

Сделаем необходимые разъяснения относительно топологии. Термин «топология» (от греч. τόπος — место и νόμος — закон) ввел в научный оборот И. Б. Листинг (1847 г.). А. Пуанкаре определял топологию как науку о качественных свойствах. Топология — раздел математики, изучающий топологические свойства фигур, т. е. свойства, не изменяющиеся при любых деформациях, производимых без разрывов и склеиваний (точнее, при взаимно однозначных и непрерывных отображениях). Примерами топологических свойств фигур являются размерность, число кривых, ограничивающих данную область, и т. д. Так, окружность, эллипс, контур квадрата имеют одни и те же топологические свойства, так как эти линии могут быть деформированы одна в другую описанным выше образом. Топологическое пространство — множество элементов любой природы, в котором тем или иным способом определены предельные соотношения. Иначе говоря, это такой математический термин или знаковая конструкция, которая дает обобщаю-

¹ Бурдые П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33.

² Бурдые П. Социальное пространство и генезис «классов» / пер. Н. А. Шматко // Там же. С. 55.

щий образ метрического пространства. Причем последнее может быть каким угодно, например евклидовым или римановым, все равно у него будет топология. Тип пространства и соответствующей ему топологии задается исходными аксиомами и правилами метрики. Из топологической теории размерности следует, что размерность пространства задается размерностью порождающего его элемента.

Что выступает порождающим элементом в топологии Бурдьё? Он уже высказался — это люди как биологические индивиды и социальные агенты. С прилагательным «биологические», правда, вышла накладка, поскольку у Бурдьё люди — индивиды в физическом пространстве. Они перемещаются, сталкиваются, притягиваются и совершают прочие физические действия. У них нет только одного физического свойства — вездесущности, т. е. способности одновременно находиться в двух разных местах. Да это и ни к чему, поскольку никакой физической объект таким свойством не обладает. За исключением физического поля. Оно может одновременно находиться во всех местах. За то его и полюбил Бурдьё. Но поле — не объект в строгом смысле, имеющий конечные размеры и форму. Форму поля определяет топология, т. е. размерность, пространства.

О размерности своего пространства, пусть даже и физической его части, Бурдьё ничего на самом деле не говорит. Он мыслит достаточно расплывчатыми образами о том, к примеру, что социальное пространство представляет собой ансамбль разного типа полей, в том числе религиозных, экономических, этнических и т. п. Разумеется, если взять отдельную нацию или совокупность православных, то их можно рассматривать как сумму социальных агентов, создающих, благодаря своей солидарности и кооперации, такое маленькое целое, которое больше механической суммы частей. А раз так, то у этого микроцелого, т. е. субполя, окажутся такие законы, которых нет у социальных агентов, и такие свойства, какими они врозь не обладают. Иначе это не целостность. Кратко говоря, такие субполя (религиозные, классовые, этнические, культурные и т. д.) живут тесными замкнутыми мирами по собственным законам и понятиям. Они не растворяются без остатка в огромном целом, именуемом социальным пространством общества, но активно взаимодействуют с ним. А иначе и быть не может, ведь каждый из нас, будучи гражданином многомиллионного государства, имеет работу, наделен правами и привилегиями, может получить образование или медицинское обслуживание, наконец, пользуется Интернетом или СМИ отнюдь не как член замкнутой общины, а как частичка огромного целого. Получается, что одно-

временно мы входим, принадлежим, являемся членами нескольких социальных полей, которые вкладываются друг в друга подобно матрешкам.

Место, или *topos* (отсюда термин «топология»), которое может занимать социальный агент¹, определяется у Бурдьё двояко: 1) абсолютно, как та пространственная точка, где в данный момент времени располагается агент или предмет, т. е. где он локализован; и 2) относительно (релятивно) как позиция или ранг в социальной иерархии. В первом случае надо говорить об абсолютной (лучше сказать эвклидовой) метрике: площадь, поверхность и объем, который занимает агент или предмет, его размеры и габариты.

Бурдьё отдает себе отчет в том, что физическое и социальное пространство — совершенно разные вещи. Он даже пытается их как-то разграничить. Так, он указывает, что «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различению) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций»². Однако рядоположенность и различение — универсальные свойства как физического, так и социального пространства. Сходство между ними заключается еще и в том, что пространство, в котором обитает *Homo sapiens*, является социально обозначенным и сконструированным. Это относится и к физическому, и к социальному пространству. У П. Бурдьё физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии (как, например, кабилский дом или план города), объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений³. Социальное пространство, найдя себе физическую реализацию в пределах городской черты, представляет собой распределение различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и/или групп, обладающих возможностью их присвоения (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ).

Отличие двух сущностей состоит, наверное, в том, что рядоположенность в физическом пространстве зримая, а в социальном —

¹ На самом деле место может занимать только физический предмет или человеческое тело и только в физическом, но отнюдь не в социальном пространстве. Но Бурдьё не проводит разграничений.

² Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 35.

³ Там же. С. 33—52.

только мыслимая. Позицию Петрова в классовой иерархии видеть невозможно, она определяется им самим (самореференция) или другими людьми по внешним признакам: доход, капитал, образование, власть и т. п. Так уж сконструировали свое пространство двуногие существа, что власть, престиж и прочие символические признаки служат достаточным признаком для установления социальной позиции каждого из нас. Тут же отметим, что конструируемость — специфическое свойство только социального пространства. Физическое им не обладает, ибо окружающее нас пространство задается вполне объективными и не зависящими от нас законами, в том числе постоянной тонкой структуры¹.

Два фундаментальных свойства — соотносительная, или релятивная, позиция социальных агентов по отношению к другим местам (выше, ниже, между) и дистанция, отделяющая это место от других мест-позиций, — определяют, как можно предполагать, метрику социального пространства Бурдьё. Оговорка «предполагать» здесь вполне уместна, поскольку никаких подробных разъяснений о метрике Бурдьё нигде не дает.

Непонятым остается и взаимоотношение двух типов полей. Французский социолог указывает, что «социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью искоренения или депортации некоторых людей». Но что это за процедуры — искоренение и депортация? Депортация малых народов в 1930-е гг. СССР — явление известное и хорошо описанное. Его можно считать искоренением, поскольку две трети переселенцев умерли в суровых условиях Сибири и Казахстана. Но можно ли говорить в таком случае о преобразовании или проникновении социального пространства в физическое, если одно — материальное, а другое — лишь мысленное местоположение явлений? К тому же ряду явлений отнесена у Бурдьё и натурализация, которая, если верить словарям и справочникам, представляет собой принятие лица по его просьбе в гражданство или подданство какого-либо государства (например, в случае долголетнего проживания). У Бурдьё натурализация вызывает а) «устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир» и б) деформацию иерархизированного социального пространства². В действительности никакой деформации общественного пространства натурализация не вызывает, поскольку

¹ Постоянная тонкой структуры б определяется как отношение скорости электрона на нижней борновской орбите к скорости света и составляет $\alpha = 7,297352533(27) \times 10^{-3}$.

² Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 33—52.

ку строится по логике и законам такого пространства, выступает его органическим свойством. Правда, у Бурдые есть другая трактовка натурализации — как овеществления социального пространства в физическом. Но и такое уточнение вряд ли прояснит суть дела.

К двум указанным выше фундаментальным свойствам — соотносительности позиций и дистанции между ними — у Бурдые прибавляется третье фундаментальное свойство — иерархичность. Оно логически связано с двумя первыми, а причиной его появления на свет выступает общественное разделение труда. С этим вряд ли кто из социологов будет спорить, как и с тем, что разделения труда в физическом пространстве не существует. Таким образом, с иерархичностью и разделением труда у Бурдые впервые проступают отличительные контуры социального пространства, хотя он сам того не осознает, либо осознает, но явным образом не декларирует. Как уже говорилось, соотношенность и дистанция таковыми не являются, они присущи и физическому, и социальному пространству.

Иерархия и разделение труда крайне важны для Бурдые. Благодаря им социальное пространство впервые приобретает структуру. Ведь матрешечность субполей, вкладывающихся друг в друга и в общее социальное пространство, именовать структурой как-то язык не поворачивается. Скорее, это система.

Однако вместе разделение труда, иерархия и субполя придают социальному пространству его многомерность. Бурдые прямо утверждает, что готов «изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения». Отдельные агенты, группы агентов, классы и сферы общества (политическая, экономическая, религиозная и др.), выделенные по определенным свойствам, составляют субполя в социальном пространстве. Если эти свойства рассматривать не только как застывшие характеристики, скажем вероисповедание или уровень образования, а как некие активные свойства, а именно социальные действия и взаимодействия, то субполя превращаются в поля силы. Понятия силы и взаимодействия, куда относятся соперничество, «практическая солидарность», обмен, прямые контакты и другие действия, переводит теорию из разряда субстанциональных в разряд *полевых теорий*.

История вопроса. Полевые теории наиболее полно представлены двумя науками — физикой и психологией. На понятия силы базируется классическая физика Ньютона. Фарадей и Максвелл, ис-

следовав эффекты действия сил электричества и магнетизма, ввели понятие «силового поля» и первыми вышли за пределы физики Ньютона. Состояние, способное породить силу, было названо полем. Поле создает каждый заряд независимо от присутствия противоположного заряда, способного испытать его воздействие. Это открытие существенно изменило представление о физической реальности. Ньютон считал, что силы тесно связаны с телами, между которыми они действуют. Теперь же место понятия «силы» заняло более сложное понятие «поля», соотносившееся с определенными явлениями природы и не имевшее соответствия в мире механики. Вершиной этой теории, получившей название электродинамики, было осознание того, что свет есть не что иное, как переменное электромагнитное поле высокой частоты, движущееся в пространстве в форме волн. Сегодня мы знаем, что и радиоволны, и волны видимого света, и рентгеновские лучи — не что иное, как колеблющиеся электромагнитные поля, различающиеся только частотой колебаний. Еще дальше пошел Эйнштейн, заявивший, что эфира не существует и что электромагнитные поля имеют свою собственную физическую природу, могут перемещаться в пустом пространстве и не относятся к явлениям из области механики. Общая теория относительности Эйнштейна утверждала, что трехмерное пространство действительно искривлено под воздействием гравитационного поля тел с большой массой. Расширила наши представления о пространстве квантовая теория. Квантовая теория описывает наблюдаемые системы в терминах вероятностей. Это значит, что мы никогда не можем с точностью утверждать, где будет находиться в определенный момент субатомная частица и каким образом будет происходить тот или иной атомный процесс. Эксперименты последних десятилетий раскрыли динамическую сущность мира частиц. Любая частица может быть преобразована в другую; энергия может превращаться в частицы, и наоборот. В этом мире бессмысленны такие понятия классической физики, как «элементарная частица», «материальная субстанция» и «изолированный объект». Вселенная представляет собой подвижную сеть неразделенно связанных энергетических процессов. Всеобъемлющая теория для описания субатомной действительности еще не найдена, но уже сейчас существует несколько моделей, вполне удовлетворительно описывающих ее определенные аспекты¹.

Теория поля — это также *психологическое направление*, сформировавшееся под влиянием идей немецко-американского учено-

¹ Подробнее см.: Капра Ф. Дао физики // <http://lib.ru/KAPPA/daofiz.txt>.

го **Курта Левина** (1890—1947). С 1933 г., эмигрировав в США, он разрабатывал концепцию личности, в основе которой лежало понятие «поля» (заимствованное из физики) как единства личности и ее окружения. Для построения модели структуры личности и ее взаимодействия с окружающей средой был использован язык топологии, раздела геометрии, в котором исследуются взаимное расположение фигур и расстояния между их элементами. С тех пор полевая теория Левина и его последователей приобрела второе название — топологическая и векторная психология. Она утверждает, что психическая энергия выносится из личности на окружающие предметы, которые в силу этого приобретают определенную валентность и начинают ее притягивать или отталкивать, вызывать «локомоции». При столкновении подобного поведения с непреодолимыми барьерами происходит переход психической энергии в другие личностные системы, связанные с иной деятельностью, происходит «замещение». Целостная структура психики человека предстает как личность, взятая с ее «психологическим окружением», на границе между которыми находятся перцептивные и моторные системы. В основе человеческого поведения, полагал Левин, лежит сила, которая имеет направление и может быть представлена вектором. Использованное К. Левином понятие векторного поля означает область, в каждой точке P которой задан вектор $a(P)$. К понятию «векторное» поля приводят многие физические явления и процессы (например, векторы скоростей частиц движущейся жидкости в каждый момент времени образуют векторное поле). Особое значение Левин придавал когнитивной силе, которая переструктурируется в ходе реализации поведения¹.

Понятие поля играет у П. Бурдье не меньшую роль, чем категория пространства. Он трактует пространство как поле сил, а точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в него и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов, равно как и к их взаимодействию². Иначе говоря, на понятие социального поля распространяется известный из теории систем принцип «целое не сводится к сумме частей».

Если разобраться, то действительно на поведение каждого из нас принудительным образом влияют такие силы, как власть денег, традиции среды, уровень и профиль образования. Мы можем не желать их воздействия на нас, но не подчиниться им мы не мо-

¹ Топологическая и векторная психология // Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М., 1996. С. 383.

² Бурдье П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 55—57.

жем. Они имеют объективный характер, а их конфигурация и вектора формируются где-то над нами и за нашей спиной. Политическая система общества нам неподвластна, мы не оказываем на нее почти никакого воздействия, наш голос на выборах — микроскопически незначимая величина. Политические партии, равно как и крупные корпорации, договариваются за нашими спинами и создают такую конфигурацию векторов влияния, которая выгодна только им, но которая вынуждает нас подчиняться этой объективной силе.

Понятие власти имеет у Бурдьё не только и не столько политический смысл. Она определяет возможность одних социальных агентов влиять на других помимо их воли и желания. А подобное происходит практически в каждой области общественной жизни. Богатые влияют на бедных, образованные — на необразованных и т. д. Символический или интеллектуальный капитал, который вводит в свою теорию П. Бурдьё, описывает уникальную ситуацию, при которой бедный, но образованный, может повлиять на богатого, но некомпетентного то ли в качестве его советника, то ли в ранге государственного чиновника, то ли в одежде священника или судьи. У Бурдьё власть денег и власть знаний эквивалентны по своим возможностям, а кто из них кого победит, зависит от конкретного общества и проходимой им стадии исторического развития.

Обладание властью, капиталом, образованием, как и их масштабы, создают для людей неравные возможности добиться успеха. Различные категории благ, как и виды капитала, — это как козыри в игре, определяющие шансы на выигрыш в данном поле (у Бурдьё каждому полю или субполю соответствует особый вид капитала, имеющий хождение в нем как власть или как ставка в игре).

Понятие жизненных шансов, то ли позаимствованное у М. Вебера, то ли навеянное его произведениями, неожиданно обостряет интригу социальной драмы. Оно вносит элемент неопределенности в судьбу каждого из нас: мы можем прекрасно стартовать, имея на руках все козыри, но потом проиграть, мы можем попеременно выигрывать и проигрывать, но вряд ли кто способен только выигрывать. В мире неопределенности всегда правит бал теория вероятностей. Казалось бы, Бурдьё в самый раз внести в свое учение элементы квантовой теории, базирующейся на принципах индетерминизма. Но он этого не делает. Возможно, такой ход показался ему бесперспективным, возможно, он его просто проглядел, а может быть, применение суперсовременных моделей к тонкой и неподатливой социальной материи показалось ему верхом кощунства.

Вместо этого Бурдьё сворачивает на проторенную дорогу классических представлений. Он заявляет — вполне в духе механического детерминизма, — что объем культурного капитала (равно

как и экономического) определяет совокупные шансы индивида на получение выигрыша во всех играх, где этот капитал задействован и где он участвует в определении позиции в социальном пространстве (в той мере, в какой эта позиция зависит от успеха в культурном поле). Иначе говоря, позиция данного агента в социальном пространстве может определяться по его позициям в различных полях, т. е. в распределении власти, активированной в каждом отдельном поле¹.

Если выразиться проще, то ваше социальное положение тем выше, чем: а) выше посты и ранги, которые вы занимаете в разных сферах, группах и сообществах, б) чем больше их сумма, в) чем более они активизированы (видимо, речь идет о том, чтобы пользоваться своим служебным положением, а не просто числиться). Но при чем здесь жизненные шансы, козыри в игре, неопределенность и вероятность судьбы? Они возникают как раз при неожиданном повороте событий.

Нет, Бурдьё не отступил и не сдался, он просто оставил на потом самый интригующий вопрос — о соотношении социальной топологии и статистической вероятности в поведении людей, — а сам наметил общие контуры его решения. Они выглядят примерно так. Можно построить упрощенную модель социального поля, полагает Бурдьё, в его ансамбле, т. е. как некое целое, мысленно построив для каждого агента его позицию во всех возможных пространствах игры. Понимая при этом, что если каждое поле и имеет собственную логику и собственную иерархию, то иерархия, установленная между различными видами капитала, и статистическая связь между имеющимися капиталовложениями устроены так, что экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям².

Социальное поле, согласно Бурдьё, можно описать многомерным пространством позиций, в котором любая позиция, в свою очередь, представляет опять-таки многомерную систему координат, значения которых коррелируют с соответствующими переменными. В качестве переменных могут выступать различные виды капитала — экономического, социального, символического или какого-либо другого. Каждый вид капитала распознается набором общественно значимых (или легитимированных) признаков. Для экономической собственности это документ, подтверждающий право владения, для культурной собственности — диплом и

¹ Бурдьё П. Социология политики / пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 54—60.

² Там же. С. 53—97.

ученое звание, для социального капитала — дворянский титул. Символическим капиталом он предлагает называть престиж, репутацию, имя, авторитет и т. п. Таковы самые общие признаки, которые вполне можно установить в ходе эмпирического исследования. В других своих работах Бурдьё расширит их список.

Соотношение сил между социальными агентами в каждом субполе, например экономике, определяется композицией видов капитала (инкорпорированного или материализованного) в каждый момент времени. Такая композиция зависит от массы факторов: потока инвестиций в экономику страны, размера налогообложения, состояния рынка труда и товаров, размера банковских активов и т. д. В США представители среднего класса выступают держателями акций самых разных корпораций и фирм, они сами или через своих доверенных менеджеров следят за состоянием рынка ценных бумаг, вкладывая и перекладывая свои капиталы из одного сегмента в другой. Их экономическое положение нужно считать текучим, очень подвижным и мобильным. Козыри в игре здесь определяются стечением самых разных экономических обстоятельств, порой непредсказуемых, например войны на Ближнем Востоке и падения цены на нефть. Социальные агенты в этом поле не только конкурируют и соперничают между собой, но получают прибыль и разоряются часто вместе с теми компаниями, куда они вложили свои капиталы или, выражаясь словами Бурдьё, объективированный продукт аккумулированного социального труда. Отношения между социальными агентами в таком субполе институционализированы в устойчивых, признанных социально или гарантированных юридически социальных статусах. Причем не индивидуальных, а часто корпоративных (инвестируемые компании, банки, гарантирующие надежность их вкладов, и т. д.).

Если уникальную комбинацию, сформировавшуюся у конкретного агента (скажем, менеджера такого-то отдела корпорации «Дженерал Моторс») в одном, экономическом поле, дополнить комбинацией сил влияния, которые он имеет в другом поле (или субполе), например образовательном (выпускник престижного Гарварда, доктор философии, автор 30 научных публикаций), то в итоге мы получим удивительную топологию личного социального пространства.

Упрощенная модель социального поля, как выразился о своем творении сам Бурдьё, еще более усложнится, если вспомнить об огромном заряде иерархии, которую он заложил в неравновесную модель поля. Выпускник Гарварда, менеджер прославленной компании может оказаться чернокожим американцем, а значит, в этнической иерархии, формирующейся, конечно же, не на основе государственных постановлений, а исключительно через механизмы

общественного мнения и обывательского сознания, он будет занимать не высокие, но низкие позиции. Субполя как части единого социального поля неравны между собой, они выстроены в иерархическом порядке таким образом, что социальный агент, занимающий вершину в одном субполе, окажется у подножия в другом. Либо подняться наверх в одном субполе ему не даст общий низкий рейтинг другого, скажем этнического, субполя, который оно, это субполе, занимает в общественной табели о рангах. Индивид поднимается и спускается по общественной лестнице не только индивидуально, но и вместе со своей группой, к которой он принадлежит по классовым, экономическим, образовательным, религиозным или этническим признакам.

Этническое субполе в большинстве стран мира, особенно в крупных, состоит не из одного, а из множества наций, каждая из которых обладает собственным социальным пространством, которое характеризуется присущей только ему социальной структурой. А определяет эту структуру история народа. В результате социальное пространство общества еще более дифференцируется и усложняется.

Межгрупповая, или межсубполевая, иерархия постоянно модифицируется и изменяется. Итальянская диаспора, в первой четверти XX в. занимавшая низкие рейтинговые позиции благодаря тому, что большинство ее представителей занимались неквалифицированным трудом или криминальным бизнесом, к концу столетия изменила свое положение. Но не только в этнической иерархии, но также в экономической и культурной. Чернокожие американцы, составлявшие подавляемое этническое меньшинство, сегодня прославились своими артистами, музыкантами и бизнесменами. В субполе культурного капитала их место стало совсем иным. Но оно изменилось и в других субполях.

Бурдые добавляет, что общий рейтинг этнической группы в одном или нескольких субполях определяется также тем: а) как ее состав распределяется вокруг среднетипичного образца, т. е. коэффициентом дисперсии; б) численностью группы, занимающей высокопрестижные или низкопрестижные позиции в конкретных субполях. Иными словами, если группа разнородна, в ней немало тех, кто приобщился к искусству и криминалу, то общий рейтинг группы в иерархии социального пространства будет не только неустойчивым, но и невысоким. Так, среди чернокожих немало не только звезд Голливуда, но и уличных бандитов. Стало быть, у них одинаково многочисленное представительство в высших и низших позициях культурного субполя. Иными словами, у данной группы высока дисперсия — статистический показатель отклонения от средней нормы. Он не позволяет сложиться позитивному имиджу

этнической группы в общественном мнении. Но вопреки ему, утверждает Бурдьё, группа способна к вертикальной мобильности, т. е. продвижению вверх по социальной иерархии, если у нее окажутся эффективными внутригрупповая солидарность, протестное поведение, коллективное противодействие и давление на общество.

Возможности солидарных действий и коллективной мобильности у Бурдьё совершенно непонятны в свете его рассуждений о классах. Он отказывается признать их реальными группами, способными создать свою партию, профсоюз, консолидированно выступать на общественной сцене, социализировать свое потомство в духе классовых ценностей, обладать классовым сознанием и т. п. Он так и заявляет: я признаю только классы на бумаге¹. У него классы существуют лишь в логическом смысле. Их нельзя пощупать, увидеть, передвинуть, свергнуть, уничтожить. Классы — только теоретические конструкции, существующие в голове ученого. Его реальные представители могут осознавать свою классовую принадлежность, но как-то очень туманно, приблизительно догадываясь о ней и даже затрудняясь ее сформулировать в анкетном опросе. Возможно, так оно и есть, особенно в постиндустриальном обществе эпохи постмодернизма, когда люди считают социальным предрассудком расовые барьеры, классовую борьбу, политические границы, этническую принадлежность. Они мультикультуралисты, плюралисты, интернационалисты. Правда, так живет золотой миллиард развитых стран, а остальные три четверти землян все еще держатся устаревших убеждений. По всей видимости, Бурдьё предлагает им побыстрее избавиться от них и принять концепцию бумажных классов.

Класс у Бурдьё — это совокупность агентов, занимающих сходные позиции, находящиеся и подчиненные действию сходных условий, а потому имеющих все шансы для того, чтобы выработать сходные диспозиции и интересы и, как следствие, сходные социальные практики, т. е. системы социальных действий. Это класс на бумаге. Он обладает лишь теоретическим существованием. Будучи продуктом объяснительной классификации, он ничем не отличается от тех классов, видов и отрядов животных, которые созданы в зоологии. Такая модель позволяет социологу объяснить и даже предвидеть поведение классифицируемых объектов, но не более. Однако это не настоящий класс, готовый к борьбе. Правильнее его именовать *возможным классом*.

Понятно, что от социологического реализма Бурдьё отмежевался. Но почему он считает, что он дистанцировался и от социоло-

¹ Именно так называется одна из глав его книги «Социология политики».

гического номинализма? Его утверждение, будто номиналистский релятивизм уничтожает социальные различия, сводя их к чисто теоретическим артефактам, достаточно спорное. В противовес ему Бурдье провозглашает существование объективного пространства, которое якобы кладет конец номинализму. Но куда в таком случае девать его бумажные классы, которые суть теоретические артефакты, а не реальные сообщества?

Существование социального пространства у Бурдье неразрывно связано с другим понятием — видением, или восприятием, социального мира. Это продукт двойного социального структурирования. С одной стороны, восприятие структурировано объективно, т. е. условиями проживания, социальным положением и происхождением, с другой — субъективно, ценностным миром, диспозициями, имиджем, предпочтениями и прочими атрибутами символического пространства. Объективная составляющая восприятия объясняет то, почему «у владельцев большого культурного капитала больше шансов стать посетителями музеев, чем у тех, кто этого капитала лишен». В отличие от структурно институционализированных внешних условий, определяющих восприятие, его субъективная составляющая подвижна (Бурдье говорит: адаптивна), неопределенна и расплывчата. Однако хотя взгляды и мнения людей то и дело меняются, в них тоже можно разглядеть известную структурированность. Она определяется общепринятыми предрассудками, стереотипами массового сознания, языком, который имеет свою логику и в то же время выступает коллективным продуктом, традициями, обычаями и общими социальными практиками. Мы привыкли называть все это культурой, хотя сам Бурдье употребляет иной термин: символический капитал.

Если коллективные схемы сознания навязывают некое единоеобразие, то изменчивость и неопределенность придают плюралистичность мнениям людей. Так они и сосуществуют вместе — две противоположности. Плюралистичность мировоззрения современных людей — историческое наследие прошлого. Если сделать социологический срез общественного сознания нынешних россиян, то обнаружим немало культурных пластов — от монархических, прокоммунистических до неолиберальных и анархических убеждений. Каждое из них указывает не только на своего социального носителя, но и на его место в социальном пространстве, которое он некогда занимал. Когда господствовали большевики, то коммунистические взгляды навязывались всему населению. Теперь его придерживаются в основном пожилые люди. Нынешнее плюралистическое видение мира — говорит Бурдье, — это отражение прошлых символических битв за производство над умами людей, за возможность навязывать им в легитимном порядке соб-

ственные классовые установки и идеологии. Получается парадоксальная ситуация: современное социальное пространство пытаются лицезвать и перелицовывать по старым меркам, в соответствии с идеологическими или религиозными представлениями, носители которых давно умерли. Настоящее воссоздается (Бурдьё говорит: реконструируется) по образцу прошлого. Явно или неявно, политические лидеры, вступившие в борьбу за власть, обращаются к предкам — будь то реальные личности, вымышленные герои или умершие идеологии. Важно учесть нынешнее настроение избирателей, узнать, что ими востребовано, и подладиться под их предпочтения. Самая крупная борьба, которая разворачивалась в недрах политического поля и вне его, происходит по поводу государственной власти.

Хотя субъективное видение мира коренится в объективных структурах социального мира (расстановке классовых сил, конфигурации социальных институтов, состоянии экономического базиса), но отображает его весьма приблизительно и неполно. Расплывчатость, неопределенность, подвижность человеческих воззрений объясняется тем, что в структуре мировоззрения можно встретить самые разные пласты, идеологические принципы, политические предпочтения. Большинство людей не имеют четких взглядов и меняют их в зависимости от изменяющейся ситуации. Единицы последовательны в своих убеждениях.

В конечном счете, социальное пространство и различия, существующие в нем, превращаются в символическое пространство, или пространство стилей жизни (ансамбль групп, характеризующихся различным стилем жизни). А субполя социального пространства становятся полем непрекращающейся борьбы за власть.

Социальное пространство как многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей функционирует только потому и благодаря тому внутри каждого подпространства те, кто занимает доминирующую позицию и те, кто занимает подчиненную позицию, вовлечены в непрерывную рода борьбу. Она идет на каждом сантиметре социальной ткани общества. И это хорошо. Благодаря ей люди и социальные группы получают возможность выяснить, кто из них сильнее, а кто слабее, кто займет место наверху, а кто внизу социальной пирамиды. Мы видим, что Бурдьё изобрел достаточно оригинальный и весьма плодотворный для последующего анализа механизм установления иерархических отношений, а именно динамический. Так динамика и статика общества, не важно, осознавал свою удачу сам Бурдьё или нет, слились в неразрывное целое.

Восприятие, социальное пространство и социальные агенты удивительно переплелись в одном из главных понятий социологи-

ческого учения П. Бурдьё — *габитусе*. Социальное пространство структурируется объективно (существующими социальными отношениями) и субъективно (представлениями людей об окружающем мире). Люди, понимаемые как агенты социального процесса, производят практики и через них влияют на изменение социальной структуры. Габитус — система диспозиций, порождающая и структурирующая практику агентов, их представления; функционирует как матрица восприятия, постановки целей, решения задач, действий. В нем воплощены способы оценивания и мышления, эстетический вкус, манера поведения и речи, характерный стиль и образ жизни, которые отличают представителя одного класса, профессии, национальности от других. Габитус позволяет агенту спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и адекватно реагировать на события и ситуации. Общество представляет совокупность отношений, складывающихся в различные поля (экономическое, политическое и др.), каждое из которых имеет специфические типы власти. Классы понимаются как группы агентов, различающиеся не только экономическим положением, но также стилем жизни. Господствующий класс состоит из ряда групп, представляющих экономический, политический, религиозный, культурный «капитал», каждая из которых стремится мобилизовать поле власти в собственных интересах. На основании эмпирических исследований приходит к выводу о классовом характере культуры, искусства, образования.

Габитус, борьба и классы — еще один тематический связный понятийный кластер в учении Бурдьё. Социальное пространство у него — абстрактная протяженность, конституированная ансамблем подпространств или полей (экономическое поле, интеллектуальное поле и др.), которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях¹.

Социология Пьера Бурдьё носит глубоко критичный характер. Его парадоксальное мышление направлено на критику не только социальной или политической реальности, но и на саму социологию как инструмент познания социального мира.

В научной литературе, причем не только в отечественной, но и в зарубежной, нет адекватной расшифровки теории социального пространства П. Бурдьё. Существуют лишь очень туманные разъяснения отдельных положений, плохо увязанные между собой. При-

¹ См.: Bourdieu P. La Distinction. Paris: Minuit, 1979.

чина видится не в отсутствии таланта у интерпретаторов, а в неясности и расплывчатости манеры изложения самого Бурдьё. Он представил лишь эскиз общей теории поля, указав ключевые положения. Но обоснования и доказательства теории у него нет, как нет и операционализации исходных переменных. Вот почему понадобилась новая реконструкция его социологического учения. А то, насколько она успешна, судить читателю.

Стремление П. Бурдьё построить общую теорию социального пространства сродни великому замыслу А. Эйнштейна создать единую теорию поля. Ни тот, ни другой проект не имел успеха. Непротиворечивой физической концепции, охватывающей все существующие явления, так и не появилось, а если и выдвигаются гипотезы, то они возникают совсем на иной основе, нежели у Эйнштейна, не сумевшего либо не захотевшего учитывать достижения современной квантовой физики и философии индетерминизма.

В теории социального пространства Бурдьё немало противоречий, которые нарушают целостность его построений. Чего стоит хотя бы его утверждение, с одной стороны, социальной топологии, а с другой — провозглашение статистического анализа, который является единственным средством обнаружить структуру социального пространства. Одно с другим несовместимо: топология имеет дело лишь с конфигурацией и не обладает метрикой, статистика же несовместима с формой, но все переводит на язык цифр.

То он заявляет, что единственная вещь, которая существует для социолога, изучающего общество, — это пространство отношений, то заявляет, будто последнее столь же реально, как географическое пространство, внутри которого — постоянные перемещения людей. Но географическое пространство не является пространством отношений, в нем нет иерархии и стратификации. Оно относится к топологии, и максимум, что в нем допустимо, и то при допущении новых аксиом, — это векторная геометрия.

Противоречиво и его учение о социальных дистанциях. Вначале Бурдьё помещает их в элементную базу пространства отношений (что само по себе правильно), то заявляет, что дистанции измеряются также временем (например, временем подъема или преобразования — конверсии). Неожиданное появление временного параметра в его топологии свидетельствует о том, что речь идет о пространственно-временном континууме. Но тогда об этом надо прямо заявить. Кроме того, необходимо проговорить условия его построения и метрику.

РАЗДЕЛ III

ГЛАВА 1. История эмпирической социологии

Дореволюционный этап

Первый пример целенаправленного сбора статистических и эмпирических сведений относится в нашей стране еще к середине XVIII в. Один из первых анкетных опросов в сфере промышленности был проведен еще в 1760 г. Комиссией о коммерции. Фабриканты и заводчики отвечали на вопросы о том, какова мощность их предприятия (число основных единиц оборудования), сколько продукции изготовили за прошлое пятилетие, каковы сырье и рынок сбыта продукции, заработная плата рабочих по профессиям и каков социальный состав рабочих. Историк русской промышленности П. Любомиров сообщает, что на эту анкету ответили не все фабриканты, «хотя и были неоднократно к тому понуждаемы под расписки»¹.

Разумеется, это обследование не носило еще строго научного характера, тем не менее все основные черты, присущие эмпирическому изучению, в нем содержались, в частности достаточно четко отбирались объекты исследования, составлялась анкета, обработанные вручную данные затем обобщались в специальный отчет.

В 1760 г. известный русский ученый Михаил Ломоносов разработал «Академическую анкету», куда включил тридцать вопросов для сбора статистических данных, необходимых для того, чтобы охарактеризовать ситуацию в России.

Первые русские бюджетные справки, созданные А. Рознатовским и помещенные им в трактат о новых формах устройства крестьян, также относятся к XVIII в.

Практически регулярными эмпирические исследования становятся лишь во второй половине XIX в., и касались они не только быта заводских рабочих, но и крестьянских хозяйств. Работы, созданные на основе вторичного анализа данных, позволяют нам заключить, что кто-то (хотя далеко не всегда указывалось, кто именно) эти данные собирал. Так, книга В. Берви-Флеровского

¹ Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 22—23.

«Положение рабочего класса в России» (1869) обобщает широкий статистический материал и личные наблюдения, дает глубокий анализ типов хозяйства (помещичьего, фермерского, кулацкого и крестьянско-общинного), описывает условия труда и быта, уровень и образ жизни работающего населения.

Ситуация изменяется в начале XX в., когда в стране широким фронтом развернулись конкретные социальные исследования промышленного труда. Формирование капиталистических отношений получает, как тогда казалось, необратимый характер. В поле научных изысканий попадают вопросы организации и условий труда, производственный травматизм и заболевания, заработная плата и стимулирование труда, условия найма и трудовые конфликты. Совершенствуются методология и методика эмпирических исследований, применяются сплошные и выборочные обследования, анкеты, интервью, анализ документов, статистика. Наибольший вклад в становление промышленной социологии внесли Е. Дементьев, В. Святловский, Г. Наумов, И. Поплавский, С. Прокопович, П. Тимофеев и др.

Развернувшиеся дискуссии по методолого-методическим проблемам, о границах измерения и применения количественных методов (А. Чупров, Г. Полляк, В. Леонтьев), о необходимости создания постоянной статистики рабочих профессий и социологической теории предприятия (А. Фортунатов), а также выход специализированных журналов, освещавших вопросы промышленного труда («Промышленность и здоровье», «Фабрично-заводское дело» и др.) свидетельствовали о достаточно высоком уровне зрелости отечественной социологии в целом.

Изучение здоровья по показателям заболеваемости и смертности началось в нашей стране более ста лет назад в процессе сплошного обследования сначала в Московской губернии, а затем по всей стране силами земских санитарных статистиков¹. Позже впервые и в России, и в мире было предпринято изучение заболеваемости населения по данным обращаемости к врачу². Сбор материала происходил ежегодно по единой программе и касался, помимо заболеваемости, санитарной культуры и условий быта городского и сельского населения.

¹ Куркин П. И. Статистика болезненности населения в Московской губернии за период 1883—1902: Типы болезненности фабричного населения. М.: Губернское земство, 1912. Вып. IV; Осипов Е. Л. Статистика болезненности населения Московской губернии за 1878—1882 гг. М., 1890.

² Богословский С. М. Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истомкинской мануфактур Богородского уезда за 1896—1900 гг. М.: Московское губернское земство, 1906.

В конце XIX—начале XX в. было проведено немало монографических исследований русского села. Сбор информации о жизни крестьянских поселений в конце XIX в. начали губернские земства, работавшие при них санитарные бюро¹. Земства проводили подворные переписи, описывая имущественное положение семей, их возрастной состав, образование, состояние здоровья. Подробно рассматривались демографические процессы — рождаемость, смертность, заболеваемость. Собранная информация и служила основой первых монографических описаний отдельных деревень России². Исследование А. Шингарева³ представляет собой подробное монографическое описание повседневной жизни крестьян в селах Новожиотиново и Моховатка Воронежского уезда⁴. Его книга представляет собой уникальное явление в истории социально-экономической мысли в России. Всесторонний научный подход автора к теме исследования поражает широтой затрагиваемых вопросов: культурный уровень населения, грамотность, образование, санитарное состояние селений, описание домов, сеней, погребов, крыш, стен, состав семей, численность скотины, пошлины и подати, долги и налоги и др. Очерк «Вымирающая деревня» рисует, как протекает жизнь крестьян, лишенных земли, осевших на «нищенском» даровом наделе в эпоху освобождения от крепостной зависимости.

Кроме того, проводились этнографические исследования, целью которых являлось эмпирическое описание условий труда и быта, повседневного поведения, хозяйственной деятельности, традиций, образа жизни и образа мыслей жителей отдельных деревень. Не случайно многие монографии получили названия изучавшихся деревень: «Рязанское село Кораблиново», «Слобода Ровеньки», «Деревня Гладыши», «Село Вирытино в прошлом и настоящем» и др.⁵ «В поле зрения исследователей были состав крестьянских хозяйств и крестьянских семей, сельский труд, достаток (уровень жизни), способы проведения досуга, воспитание детей, здоровье.

¹ Мартынов С. В. Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Мальшева Воронежского уезда // Саратов. Саратовская земская неделя. Приложение № 3. 1903; Шингарев А. И. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. 2-е изд. СПб.: Библиотека общественной пользы, 1907.

² Мартынов С. В. Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Мальшева Воронежского уезда // Саратов. Саратовская земская неделя. Приложение № 3. 1903.

³ Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — известный земский статистик, политический деятель, член Временного правительства.

⁴ Шингарев А. Д. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907.

⁵ Арутюнян Ю. В. Опыт социологического изучения села. М.: Издательство МГУ, 1968.

Нередко изучались социальные взаимоотношения внутри села, участие жителей в управлении общественными делами, национальные особенности. Описывалась и психология крестьян»¹.

О вышедшей в 1878—1880 гг. двухтомной работе Ю. Янсона «Сравнительная статистика России и западноевропейских государств» К. Маркс писал Н. Даниэльсону, что она произвела в Европе «большую сенсацию». В частности, на основе анализа большого статистического материала автор показал, что после реформы 1861 г. наблюдался довольно быстрый рост крестьянского и кулацкого землевладения при уменьшении дворянского.

Особо стоит отметить достижение К. Качоровского. Проведенный им социологический опрос охватил $\frac{1}{3}$ всех общин в России, т. е. более 90 тыс. (из 400 российских уездов исследованием была охвачена половина). Вместе с П. Вениаминовым он описал динамику и статику российской общины, ее внутреннее устройство и структуру. Оба они создали достаточно своеобразную концепцию общинного уклада жизни, в основании которой лежали, в частности, понятия «право на труд» и «право труда».

Одним из самых заметных явлений можно считать бюджетные исследования рабочих и крестьян, которые привели к открытию целого ряда важнейших закономерностей эволюции социально-экономических и профессиональных групп населения. Ф. А. Щербина провел бюджетное исследование среди крестьян Воронежской губернии (230 бюджетов) и киргизов степного края (282 бюджета). Результаты обобщены в объемистой монографии «Крестьянские бюджеты». Ее автор подробно описал состав крестьянской семьи: уровень грамотности, состояние здоровья и количество больных, физические недостатки; постоянное имущество (инвентарь), включая всевозможные мелочи быта — от заслонок и бичевок до чепчиков и поясов и т. п. Отдельно приведен учет удовлетворения личных и хозяйственных потребностей; по каждой рубрике и каждому предмету составлялся баланс — общий приход, расход и остаток, а в заключение подводился общий сводный баланс прихода и расхода по важнейшим категориям продуктов.

Один из известных историков бюджетных исследований В. Ильинский указывал на то, что «в дореволюционной России более посчастливилось крестьянским бюджетам, и это, пожалуй, естественно для страны с 80-процентным крестьянским населением и весьма молодым промышленным капитализмом... Практика бюджетных обследований крестьянских хозяйств русских земств оставляет позади практику этого рода за границы как по объему

¹ Рыбкина Р. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 161.

обследований, так и по научному их обоснованию»¹. Бюджетные исследования крестьян к тому времени уже были настолько распространены, что в стране проводились регулярные съезды, конференции и заседания, посвященные методолого-методическим и практическим вопросам их организации.

Бюджеты семей рабочих были основательно изучены в капитальном монографическом исследовании А. Стопани², который дал подробное описание бюджетов семей рабочих нефтяных предприятий, и в исследовании М. Давидовича³, изучавшего бюджеты семей петербургских текстильщиков.

Исследования Ф. Щербины, С. Прокоповича, А. Чаянова, М. Давидовича, Н. Черненкова, Челинцева и многих других отвечали самым высоким требованиям науки: тщательность составления региональной и межрегиональной выборочной совокупности, методологическая проработанность теоретической модели предмета исследования, аргументированный подбор социально-экономических показателей, выдвижение и проверка гипотез. Их отличают щепетильная работа с методическим инструментарием и респондентами, продуманность в составлении таблиц и их интерпретация.

Если прибавить и тот факт, что у большинства ученых дореволюционной поры данные по России (урожайность, уровень жизни, миграция, производительность труда, доходы и структура бюджетов) приводятся в сравнительном анализе с данными зарубежных стран, чего, как правило, не делали социэкономисты постреволюционного и послевоенного периодов, а также и то обстоятельство, что теоретические выводы и практические рекомендации носили такой характер, что по ним можно было смело выверять ход экономических реформ (например, переселение крестьян в Сибирь, перераспределение земельного фонда страны) в масштабах всей страны, не боясь допустить грубых просчетов, то можно заключить, что дореволюционная социально-экономическая наука в России превосходила по своему уровню науку двух последующих периодов и до сих пор может служить классическим эталоном чистоты научной мысли.

Ощущение недосыгаемости тех высот, которые завоевала дореволюционная мысль в России, не покидает и при чтении других, не принадлежащих к бюджетному направлению, произведений. Небольшая книга П. Тимофеева «Как живет заводский рабочий» относится к жанру социологической публицистики и представляет

¹ Ильинский В. Бюджет рабочих СССР в 1922—1926 годах. М.; Л., 1928. С. 11.

² Стопани А. Т. Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. СПб., 1916.

³ Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. СПб., 1912.

собой результат включенного наблюдения, который автор проводил на протяжении 10 лет, проработав на десятках заводов в различных уголках страны и ознакомившись со всеми аспектами трудовой жизни: от условий и оплаты труда, взаимоотношений мастера и рабочих и рабочих между собой, приема на работу и увольнения кадров, трудовых норм и обычаев. Яркие зарисовки из заводской жизни соседствуют здесь с беспристрастным, часто статистическим анализом объективных закономерностей.

Книга выдающегося теоретика XIX—начала XX в. Сергея Ивановича Солнцева (1872—1936) «Рабочие бюджеты в связи с теорией «обеднения» (1907) на первый взгляд не представляет интереса для тех, кто под строгой наукой понимает лишь обобщение данных, полученных в собственном эмпирическом исследовании. Работа С. Солнцева построена на данных вторичного анализа. Но какого! Российские бюджетные исследования сравниваются с германскими, бельгийскими, французскими, английскими, и дается их квалифицированный анализ. Автор на равных полемизирует с классиками европейской науки (эта черта, между прочим, присуща всей дореволюционной науке), в частности знаменитым Энгелем, создавшим признаваемый и сегодня закон бедности, разбирает методологические принципы и предлагает собственные, глубоко аргументированные подходы и решения. Предложенная С. Солнцевым версия марксовской теории обеднения, ее эмпирическая верификация и концептуальное осмысление следует отнести к одной из вершин европейской мысли.

Сюда же надо причислить произведения А. Кауфмана, Ф. Щербины и А. Исаева. Известный русский историк-экономист и статистик Александр Аркадьевич Кауфман (1864—1919) в многочисленных работах исследовал историю и социально-экономический уклад сельской общины, отводя роль основного фактора ее эволюции усиливающемуся утеснению, связанному с ростом населения и сокращением земельных наделов. Щербина Федор Андреевич (1849—1936) — земский статистик, народник, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1904). Он считается основоположником русской бюджетной статистики. Впервые в России произвел бюджетные исследования крестьянских хозяйств Воронежской губернии. Его труд «Крестьянские бюджеты» долгое время служил методологической основой анализа потребления крестьян и рабочих.

Огромная литература по русской общине, созданная в дореволюционный период, насчитывает несколько тысяч наименований. Многие построены на прекрасном эмпирическом материале, собранном земскими статистиками. Исследования названных авторов отличает высокий методологический уровень. Они как бы вен-

чают общинную традицию, служат ее высшим выражением. Как минимум мы обнаружим у них две важнейшие черты фундаментального исследования: а) тщательную проработку и обсуждение методологии построения программы, методов, показателей, способов интерпретации полученных данных, б) межрегиональный и даже межстрановой сравнительный анализ. Достоверность и надежность эмпирических данных у них соседствует с широтой и обоснованностью теоретических выводов, касающихся не одного района, не одной социальной группы или одного типа общины, а всей страны, социально-экономической стратификации российского общества (в избранном ракурсе) в целом.

Изучение культуры и быта рабочего класса началось в России в конце XIX века. Ценные сведения можно найти в материалах губернской земской статистики, отчетах больничных касс, бюджетных обследованиях, данных фабричной инспекции и т. д. Некоторые из них представляли очень крупные научные проекты. К ним можно отнести исследование фабрично-заводских рабочих Московской губернии, проведенное в 1879—1885 гг. под руководством Ф. Ф. Эрисмана, в ходе которого было охвачено 1080 фабрично-заводских заведений со 114 тыс. рабочих. В этом проекте изучался широкий комплекс социально-экономических проблем: этнические и социальные корни рабочих коллективов; влияние специализации и заработков рабочих на их связь с землей и формирование пролетариата; экономическое положение рабочих (условия труда и заработной платы — по производствам и отдельным профессиям); участие женщин в крупной промышленности и условия их труда; семейное положение рабочих, детский труд и т. д.¹

Одной из лучших является работа И. И. Лященко², где материал обследования сведен в таблицы, разносторонне характеризующие жилищно-бытовые условия рабочих: прослежены типы жилищ; дана их классификация по материалу покрытия, наличию и характеру пола и потолка, по числу окон; указаны размеры жилищ раз-

¹ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики. Т. IV. Ч. 1. М., 1890 (здесь приложена и программа изучения. С. 311—316); Ч. 2. М., 1893 (общая сводка). Интерес представляют и другие выпуски этого обширного издания. Большой бытовой материал содержит исследование П. А. Пескова (Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. М., 1882. Вып. 1; 1884. Вып. II), а также «Сборник статистических сведений по Московской губернии» (Т. VII. Вып. 3. М., 1883), посвященный кустарному ткачеству, в том числе описанию светелок.

² Лященко И. И. Жилищный вопрос на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна и данные обследования жилищ рабочих южнорусской каменноугольной промышленности // Труды Южнорусского областного съезда по борьбе с холерой в Екатеринославе. 1911.

ных типов и их населенность (наличие нахлебников, количество детей), кубатура воздуха и т. п. Сделаны некоторые наблюдения по внутренней обстановке жилищ (обеспеченность населения спальными местами, тюфяками, подушками и т. д.).

К вестимным достижениям мировой социологической-экономической мысли надо отнести два других типа исследований. Во-первых, это исследование русской дореволюционной фабрики, проведенной в рамках традиции фабричных инспекторов (после земских статистиков русские фабричные инспектора представляют еще одно наше национальное достижение и гордость) В. Святловским и Е. Дементьевым. Всестороннее описание условий труда и быта русских рабочих, режима и форм труда, оплаты и стимулирования, особенностей образа жизни и поведения, глубокий и обоснованный анализ эмпирического материала и сегодня поражают воображение ученых. Во-вторых, это исследование рабочих бюджетов С. Прокоповича, М. Давидовича, Г. Наумова и А. Стопани. Жизнь русских рабочих предстает перед нами совсем в ином свете — не через то, в каких условиях им приходится зарабатывать свои деньги, а через то, на что они тратятся, какие потребности и как удовлетворяются. Цикл замыкается: производственное поведение рабочих дополняет потребительное (или, если угодно, потребительское) поведение.

Прокопович Сергей Николаевич (1871—1955) — видный русский экономист, политический деятель и публицист. После 1917 г. во Временном правительстве занимал пост министра торговли и промышленности. Написал работы, посвященные теории и практике рабочего движения в России и на Западе, бюджетам петербургских рабочих, развитию социалистической мысли во Франции. В 1922 г. был выслан за границу, где начал вплотную заниматься статистикой крестьянского хозяйства.

В монографии В. Леонтьева «Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы»¹ рассматриваются не только содержательные вопросы (условия и характер труда, его оплата, травматизм, социально-профессиональный состав работающих, связь рабочего с землей, условия найма), но и методологические: применение выборочного метода, расчет медианы и отклонения от средней, вычисление квартилей, индексов, построение диаграмм и т. д.

Заметную веху в истории дореволюционной социологии составили исследования крестьянской миграции. В конце XIX—нача-

¹ Леонтьев В. Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы. СПб., 1912.

ле XX в. это были самые масштабные и, не будет преувеличением сказать, драматичные перемещения населения в пределах Российской империи, затрагивавшие судьбы сотен тысяч и миллионов людей. Книга о переселенческом движении русских крестьян А. А. Исаева, вышедшая в 1891 г., вместе с книгой А. А. Кауфмана «Переселение и колонизация», опубликованной через 15 лет, а именно в 1905 г., представляют собой образец фундаментального исследования о миграции и вносят важный вклад одновременно в демографию и экономическую социологию. Личная поездка А. А. Исаева в Сибирь дала ему возможность увидеть многие тысячи переселенцев. Наблюдения и опросы многих сотен людей помогли нарисовать целостную картину переселения крестьянства на окраины России.

В конце XIX—начале XX в. активно изучались социальные проблемы образования. Интересны различные социолого-статистические обследования, предпринятые по инициативе чиновников министерства и самих студентов. Работа осуществлялась студенческими семинарами, научными обществами учащихся высших школ, кружками под руководством видных профессоров-экономистов и юристов, землячествами. Выяснялись экономическое, материально-бытовое и правовое положение студентов, сословный состав, вероисповедание учащихся, их культурные запросы и политические ориентации¹. Много внимания уделялось обсуждению социального состава учителей и учащихся различных учебных заведений, характерных особенностей начальной, сельской школы, учительских семинарий, а также вопросам, связанным с народным чтением и книгоиздательской политикой².

Изучение читающей публики в те годы проводилось людьми, занятыми цензурой, книгоиздательством, библиотечным делом, редакциями газет и т. п. Основными методами исследования были анализ документов (объемов книгопродаж и тиражей изданий, читательских формуляров в библиотеках), опросы читателей библиотек, почтовые и прессыные опросы читателей газет и журналов³. В конце XIX в. Вятское губернское земство провело опрос 1500 крестьян и выяснило, что каждый четвертый в той или иной степени являлся читателем или слушателем «Вятской газеты»

¹ *Радин Е. П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб.: Н. П. Карбасников, 1913.

² *Астафьев Я., Шубкин В.* Социология образования // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 264—280.

³ *Мансуров В., Петренко Е.* Изучение общественного мнения традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 570.

(газета читалась в крестьянских семьях вслух). Самыми активными читателями были молодые жители села, а также ремесленники и отставные солдаты¹. Одновременно земские статистики Вятской губернии провели опрос работников сельских библиотек, которые характеризовали своих читателей, их интересы, а также отвечали на вопросы о роли сельской библиотеки². Изучение читательских мнений проводилось в конце XIX—начале XX вв. во многих губерниях России³. Можно упомянуть также интересное исследование взрослых читателей-учащихся воскресной школы, которое проводилось Х. Д. Алчевской на протяжении двух десятилетий. Оно получило высокую оценку научной общественности, а в 1899 г. — Гран-при на Первой Всемирной выставке в Париже⁴. В экспериментальном исследовании Алчевской учителя оценивали доступность книг аудитории на основании личного опыта работы с читателями. Собирались также экспертные оценки содержания книг учеными с точки зрения качества популяризации и читательские оценки этих книг. Результатом ее исследования явилась трехтомная работа «Что читать народу?»⁵.

Изучение бедности в России началось во второй половине XIX в. Обширная статистика бедности и нищеты собиралась многочисленными попечительскими комиссиями и земской статистикой, изучавшими быт низов (В. Орлов, В. Яковенко, А. Петровский и др.), и являлась ценным эмпирическим материалом, но была предназначена для разных целей. «Накопленный материал не пропал даром, с опорой на него в 90-е годы выходят интересные публикации С. Сперанского, Д. Дриля, Д. Линева, Л. Оболенского, С. Свирского и других. На рубеже двух веков складывается уже четко социологически ориентированное обобщение накопленных материалов, отмечаются просчеты и достижения предыдущих исследований, анализируется отечественный и зарубежный профилактический опыт»⁶. Описание обездоленных слоев русского общества мы находим у В. В. Берви-Флеровского, К. А. Пажитного, М. И. Туган-Барановского. Они описывают тяжелое положение, нищету и бес-

¹ Михайлов Н. М. Материалы об издании народной газеты // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1899. № 1. С. 38—106.

² Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 год. Вятка, 1901. С. 209—214.

³ Бобылев Д. Н. Запросы деревенского читателя // Сборник Пермского земства. 1899. № 1; Рубакин Н. А. К характеристике читателя и писателя из народа // Северный вестник. 1891. № 4.

⁴ Коган В. З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России // Проблемы социологии печати. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969. Вып. 1.

⁵ Алчевская Х. Д. Что читать народу? СПб., 1884. Т. 1; 1889. Т. 2; 1906. Т. 3.

⁶ Голосенко И. А. Нищенство как социальная проблема // Социологические исследования. 1996. № 7. С. 27—28.

праве рабочих и крестьян на основании многочисленных источников, доступных в то время, и многолетних личных наблюдений.

Земства, сыгравшие в истории России исключительно важную роль, отслеживали таким способом то, насколько эффективны запущенные ими культурные механизмы распространения чтения: комитеты грамотности, просветительские общества, народные библиотеки, народные газеты и т. д. В «культурную программу» деятельности земств входило также изучение вопросов, связанных с материальной культурой народа, а именно социальной гигиены, условий труда и быта, бюджетов семей рабочих и служащих, табакокурения, пьянства, соблюдения правил поведения в быту.

Во второй половине XIX—начале XX в. интенсивно проводились эмпирические исследования в области изучения девиантного поведения. К ним относятся работы таких видных ученых, как К. Герман, П. Г. Розанов, Ф. К. Тереховко, И. О. Зубов, В. М. Бехтерев, А. Ф. Кони, Н. М. Михайловский, Н. П. Бруханский, Я. Г. Лейбович, М. Я. Феноменов, Д. К. Бородин, Д. Н. Воронова, В. К. Дмитриев, С. А. Первушин, И. Янжул, И. Блох, П. Обозненко, Н. Бабилов, В. Зарубин, А. Сабинин, С. К. Гогель, А. А. Жижиленко, М. М. Исаев, П. И. Люблинский, А. Ф. Кистяковский, А. А. Пионтковский, Н. Н. Полянский, С. В. Познышев, Н. Д. Сергиевский, В. Д. Спасович, И. Я. Фойницкий, Х. М. Чарыхов, М. П. Чубинский и др.

В социологии девиаций разрабатывались четыре основные темы: самоубийств, пьянства и алкоголизма, проституции, преступности. Связи алкоголизма и преступности была посвящена работа П. И. Григорьева (1900). Он же в результате почтового опроса заведующих сельскими училищами (1898) выявил почти сплошное потребление алкоголя деревенскими детьми. Первые отечественные исследования наркотизма относятся к концу XIX в. В 1885 г. по заказу губернатора Туркестанского края было проведено исследование С. Моравицкого «О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области». Аналогичное исследование было проведено Г. Гребенкиным в Самарской области (1876). К наиболее известным исследованиям проблем проституции рубежа XIX—XX вв. относятся работы Н. Дубошинского, В. Тарновского, Ф. Мюллера, П. Обозненко, а также Н. Бабилова, В. Зарубина, И. Клевцова, М. Кузнецова, А. Сабинина, А. Суздальского. Крупнейшим статистическим исследованием того времени было обследование поднадзорной проституции в России (1889), организованное по инициативе Центрального статистического комитета МВД. Опрос проводился во всех регионах империи и охватил свыше 17,6 тыс. женщин, занимавшихся проституцией. В 1896 г. П. Е. Обозненко опросил свыше четырех тысяч проституток, в результате были получены сведе-

ния о мотивах занятия проституцией, возрасте первых половых контактов проститутки, их национальном составе и заболеваемости, а также о коррумпированности полицейских чинов, закрывающих глаза на всевозможные нарушения нормативной регламентации занятия проституцией и содержания публичных домов за «подношения»¹. Крупные работы в области криминологии и социологии преступности принадлежат перу М. Н. Гернета². В 1898 г. Е. Тарковский, проанализировав динамику краж за 20 лет (1874—1894) в связи с колебанием цен на хлеб, пришел к выводу о зависимости корыстных преступлений от экономических кризисов, нужды. Обобщив огромный эмпирический материал, П. Сорокин пишет выдающийся труд по социологии преступности «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914). Исследованию наиболее острых форм уголовного наказания — тюремному заключению и смертной казни — были посвящены многочисленные труды российских ученых (С. К. Викторский, 1912; М. Н. Гернет, 1913; И. П. Загоскин, 1892; А. Ф. Кистяковский, 1867; Н. С. Таганцев, 1913; И. Я. Фойницкий, 1889 и др.)³.

Расширение эмпирических исследований в начале XX в. в России прослеживается почти статистически. Так, по расчетам петербургского архивиста В. М. Зверева⁴, интенсивно занимающегося историей отечественной социологии на протяжении многих лет, отчеты об эмпирических исследованиях занимали в 1900—1909 гг. не менее $\frac{1}{8}$ всех социологических публикаций в журналах, в дальнейшем количество их увеличилось до $\frac{1}{4}$ ⁵. До появления в России специальных социологических журналов на протяжении многих лет статьи по социологии печатались во многих научных издани-

¹ Ной И. С. Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: СГУ, 1975.

² «Преступность и жилища бедняков» (1903), «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права» (1906), «Детоубийство: Социологическое сравнительно-юридическое исследование» (1911), «Дети — преступники» (ред. и предислов., 1912), «Смертная казнь» (1913), «Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения» (1914) и др.

³ Подробнее см.: Гилинский Я. Социология девиантного поведения и социального контроля // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 587—609.

⁴ Зверев В. М. Вопросы немарксистской социологии в русской периодической печати (1870—1917) // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX в. / под ред. Б. А. Чагина. Л., 1978. С. 66—87.

⁵ Вентин А. Б. К статистической летописи современных репрессий в России // Современный мир. 1910. № 9; Миклашевский И. О численном методе изучения общественных явлений // Образование. 1897. № 1; Чупров А. А. Очерки по истории статистики. СПб., 1909.

ях, например в «Юридическом вестнике» и др. Особенно большое количество социологических материалов публиковалось в журналах общего профиля — «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Русском богатстве», «Заветах», «Русской мысли» и др. Одновременно русские авторы были постоянными сотрудниками в профессиональных западных журналах («Международное обозрение социологии» — редактор Р. Вормс, «Ежегодник социологии» — редактор Э. Дюркгейм) и даже оказывали им материальную помощь. В 1897 г. вышел первый учебный обзор по социологии на русском языке (Н. Кареев «Введение в изучение социологии»), в его библиографии русским авторам принадлежало 260 работ из 880.

Эмпирические исследования в 1920—1930-е гг.

Большое развитие конкретные социологические исследования получили в СССР после победы Октябрьской социалистической революции. В 1920—1930-х гг. было издано более 300 различных книг и брошюр, в которых освещались результаты конкретных исследований новых социальных процессов, разрабатывались методики и техника этих исследований.

Сравнивая его с предшествующим, дореволюционным периодом, следует отметить тем не менее некоторое понижение теоретико-методологического и эмпирического уровня научных исследований. Объяснение, видимо, надо искать в объективных переменах, произошедших в стране после 1917 г. Нарушилась преемственность идей и кадров в отечественной науке. И не только в гуманитарной. Разрыв поколений чувствовался везде. В 1922 г. за границу выслана элита русской интеллигенции, что незамедлительно сказалось и на социально-психологической атмосфере в научных кругах, и на уровне доверия властям, и на качестве научных публикаций.

Место объективного анализа заняли пропагандистские реляции в пользу победившего пролетариата. Реальные недостатки, а то и серьезные промахи властей стали все больше замалчиваться. Героический пафос созидания и построения нового общества перевешивал научные доводы и убедительность эмпирических фактов. Чувствуется изменение методологических установок научного исследования: факты просеиваются, на поверхности остаются лишь те, что подтверждают преимущества социализма. Фактические свидетельства о реальных проблемах и кризисе подаются как показатели временных затруднений, переживаемых советским строем. Затруднений, которые — в этом практически

все авторы искренне уверены — будут вскоре успешно преодолены. Таким образом, социально-экономическим проблемам начал придаваться эпизодический характер.

1920—1930-е гг. можно назвать серебряным веком отечественной социологии. Это один из самых насыщенных научными поисками, философскими дискуссиями, разнообразием школ и направлений, обилием оригинальной и передовой литературы, широким экспериментированием период в развитии отечественной науки. В первые два десятилетия советской власти развитие социологии шло достаточно активно. Социологи продолжали работу, начатую еще до революции, пытаясь найти свое место в новом обществе: в теоретическом осмыслении происходящего, в подготовке социологов-профессионалов, в эмпирическом изучении социальных процессов. В начале 1920-х гг. еще продолжали выходить социологические монографии, учебники и статьи П. Сорокина, Н. Кареева, В. Хвостова, Н. Первушина и др. Активно развивались эмпирические социологические исследования. Только в одной тематической области, согласно данным М. А. Смушковой, за 7 лет (с 1918 по 1925 г.) было опубликовано 186 работ об изучении народного читателя¹.

В 1920-е гг. — самый интересный и плодотворный период — отечественная наука управления, когда были разработаны теоретические концепции и практические методы, сопоставимые с лучшими зарубежными образцами. Ни до, ни после этого наша наука не знала столь небывалого подъема. Короткий период в 10—15 лет дал нам подлинные образцы социологии эффективного управления, которые в последующие 50 лет не только не были развиты, но фактически полностью утрачены. В те годы существовало около 10 научно-исследовательских институтов НОТ и управления, тысячи бюро, секций и лабораторий НОТ — первичных ячеек массового рационализаторского движения; по проблемам управления и НОТ выходило около 20 журналов.

В 1920-е гг. теоретические основы науки управления, понимаемой широко — от управления всем народным хозяйством до руководства отдельным предприятием, государственным учреждением и деревенским хозяйством, — развивали такие крупные ученые, как А. Чаянов, Н. Кондратьев, С. Струмилин, А. Гастев, А. Богданов. Каждый из них представлял собой неповторимую индивидуальность, яркий исследовательский и публицистический талант, оставивший заметный след в истории. Не менее яркими фигурами представлен и второй эшелон управленцев — Ф. Дунаевский, Н. Витке, П. Керженцев, А. Журавский, О. Ерманский, если к ним

¹ Смушкова М. А. Первые итоги изучения читателя. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 5.

вообще применимо понятие «второго эшелона». Они проводили серьезные научные исследования, публиковали книги и статьи, возглавляли институты и комитеты, выступали пропагандистами нового стиля управления. Сюда можно причислить плеяду крупных психологов, занимающихся психотехникой, профессиональным отбором, изучением человеческого фактора. Это В. Бехтерев, А. Кларк, А. Лурия. Практическими проблемами управления вплотную занимались видные политические деятели — В. Куйбышев, Н. Бухарин, Ф. Держинский. Одним из лидеров нового поколения стал А. К. Гастев.

Несомненно, лидером отечественной науки управления и НОТ в 1920-е гг. был Алексей Капитонович Гастев (1882—1941), ученый, экономист, социолог. Он был активным деятелем революционного и рабочего движения в России, неоднократно подвергался арестам и ссылкам. В 1905 г. руководил боевой дружиной рабочих в Костроме, выступал на митингах с разоблачением эсеров и меньшевиков, участвовал в работе III и IV съездов РСДРП. За плечами у Гастева не только революционный, но огромный производственный опыт: слесарь на заводах России и Франции (где окончил Высшую школу социальных наук), а после Октября — один из руководителей на предприятиях Москвы, Харькова и Горького, наконец, секретарь ЦК Всероссийского союза металлистов. Известен он и как поэт, его литературное творчество высоко ценили В. В. Маяковский и А. В. Луначарский. Гастев был одним из теоретиков и лидеров пролеткультсветовского движения. С 1921 по 1938 г. возглавлял Центральный институт труда (ЦИТ) в Москве. Был репрессирован и погиб в сталинских лагерях.

Основная заслуга Гастева заключается в разработке теоретических и экспериментальных идей новой науки — социальной инженерии («социального инженеризма»), соединявшей в себе методы естественных наук, социологии, психологии и педагогики. Под его руководством на десятках предприятий внедрялись инновационные методы организации труда и производства, по методикам ЦИТа подготовлено более 500 тыс. квалифицированных рабочих, тысячи консультантов по управлению и НОТ. Разработки Гастева получили мировое признание, они изучаются в США, Англии, Франции и других странах. Раздел «Прикладные исследования» в основном посвящен результатам практических внедрений цитовских орга-станций на предприятиях и в учреждениях. Они и сегодня могут служить образцом подлинной науки, ориентированной на решение злободневных проблем.

В центре внимания А. Гастева — конкретные вопросы организации и культуры труда, прикладная социология и социальная инженерия. Он провозглашал наступление новой эпохи, где нет мес-

та трудовой расхлябанности, культурной отсталости и лени. Вместе с ними должна исчезнуть и старая буржуазная социология — созерцательная, оторванная от жизни, непрактичная. Гастев предлагает отказаться от «глубинных познаний» существа труда, а исследовать лишь «реакции работника» в рамках конкретных производственных операций.

В духе А. Гастева рассуждали большинство советских нотовцев той поры, особенно сторонники Лиги «Время», сочетавшие в своей деятельности эффективные практические методы с яркой агитационной работой на местах. В значительной мере характер эпохи передают не только публикации серьезных монографий, но и хроника научной жизни, повествующая о бесконечных конференциях, заседаниях, производственных совещаниях, встречах. Из нее в Антологию, за неимением места, вошли лишь сообщения о деятельности научных институтов, лабораторий и ячеек НОТ. Кстати сказать, производственные совещания 1920-х гг. напоминают возникшие во второй половине XX в. японские кружки качества. Те и другие обсуждали конкретные предложения рядовых работников, привлекая их к активному участию в принятии управленческих решений.

В 1920—1930-х гг. отечественные ученые продолжают заниматься изучением рабочего класса и его жизненного уклада, собирают данные об условиях труда и производственного быта, о жилище и питании, а также некоторые данные, характеризующие уровень культуры рабочих¹. В общей панораме изучения условий труда и жизни рабочего класса выделяется книга Е. О. Кабо о быте русских рабочих². Она явилась результатом годового бюджетно-статистического обследования большого коллектива людей³, значительно обогащенного опросами и личными наблюдениями регистраторов в ходе производимой ими работы. Обследование бази-

¹ См. сборники: «Санитарные условия труда и быта, физическое развитие и заболеваемость промышленных рабочих Сибири». Т. 1 «Черемховский каменноугольный бассейн и Хайтинская фарфоровая фабрика». Иркутск, 1928; Т. II «Анжеро-Судженский район Томского округа». Новосибирск, 1928; «Труд и здоровье мартеновских рабочих Верх-Исетского завода “Красная кровля”». Свердловск, 1928; *Хоцянов Л. К.* Санитарно-техническое описание Коломенского машиностроительного завода. Коломна, 1926; *Мейбаум Р. И.* Очерк быта торфяников на шатурских государственных разработках. М., 1922; Л. Либерман. Труд и быт горячак Донбасса прежде и теперь. М., 1929 и др.

² *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928.

³ В составлении программы обследования, помимо автора, принимали участие В. Л. Беленький, Л. В. Березанский, В. А. Зайцев и Ф. М. Шофман. В обследовании принимали участие статистики Л. В. Березанский, З. В. Городецкая, Е. Н. Зерчанинова, Е. М. Иттина, А. М. Мейер, А. Я. Минц, З. И. Прокопович и М. В. Рыжик.

ровалось на годовых бюджетах рабочих. Респонденты делали ежедневные записи доходов и расходов семьи на специальных бланках, регулярно проверяемых (4—5 раз в месяц) прикрепленным к семье регистратором. Кроме того, регистратор проводил анкетирование на различные темы. Е. Кабо дала развернутую картину домашнего быта, семейных отношений, общественного и культурного облика рабочей семьи.

В это время в числе прочих выделяется особое направление, которое Р. Рывкина именуется партийно ориентированными исследованиями села¹. В книге руководителя Комиссии ЦК РКП(б) М. М. Хатаевича «Партийные ячейки в деревне»² приводится организация и методика сбора информации, а также обобщаются некоторые фактологические данные. Такие исследования инициировались РКП(б) и стимулировались ее политикой в деревне³. В частности, по постановлению XI съезда партии при ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия, которая организовала серию обследований села в разных районах страны. По единой программе описывались деревни Иваново-Вознесенской, Саратовской, Алтайской и других губерний, а также Башкирии, Туркестана, других национальных районов⁴.

В октябре 1918 г. был организован Социобиблиографический институт (сокращенно его называли Инсоцбибл). В 1919 г. после годичного существования Институт, приняв в свои ряды известных социологов (К. М. Тахтарева, Н. Л. Гредескула и П. А. Сорокина), был преобразован в Социологический институт⁵. Наряду с переводческой, лекционно-пропагандистской и научно-библиографической деятельностью Институт вел исследовательскую работу по сбору эмпирических данных о самых разных сторонах жизнедеятельности общества. В том числе по инициативе П. Сорокина были проведены анкетные обследования уровня жизни и социально-экономического положения населения Петрограда за годы войны и революции⁶.

Информация о социальном составе, настроениях и общественном мнении населения систематически собиралась с 1918 г., когда

¹ Рывкина Р. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 161.

² Хатаевич М. М. Партийные ячейки в деревне: по материалам обследования комиссией ЦК РКП(б) и ЦКК. Л.: Госиздат, 1925.

³ Большаков А. М. Советская деревня (1917—1925). Экономика и быт. 2-е изд. Л.: Прибой, 1925.

⁴ Рывкина Р. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 162.

⁵ Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 24—26.

⁶ Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX—XX вв. М.: Онега, 1995. С. 32.

был создан Информационный отдел ЦК РКП(б), рассылавший вопросники по губернским комитетам партии и даже пытавшийся проводить еженедельное анкетирование «по вопросам общего состояния работы на предприятии, настроения рабочих и служащих». Уже тогда был поставлен вопрос о качестве сведений и вполне осознана необходимость разработки «однотипной информационной схемы». Вероятно, наибольшие успехи в этой работе были достигнуты Политуправлением Красной Армии, проводившим организованные анкетные опросы личного состава и выпускавшим информационный бюллетень. В марте 1921 г. была принята попытка создать государственную систему социально-политической информации, ядром которой стали органы ВЧК. С этого времени Информационный отдел ВЧК ОГПУ собирал ежедневные, еженедельные и ежемесячные сводки и на их основе составлял месячный обзор «Политсостояние СССР» (включавший кроме текста табличные материалы). Информация органов госбезопасности обоснованно считалась более надежной по сравнению с партийными политсводками, поскольку использовались сеть осведомителей (своего рода включенное наблюдение), перлюстрация переписки и т. д.¹

После Октябрьской революции активно продолжалось изучение медико-биологических, психиатрических проблем суицидального поведения, начатое еще в дореволюционный период. Важнейшим шагом в социологическом их исследовании явилось создание в 1918 г. в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) отдела моральной статистики во главе с М. Н. Гернетом. В 1922 г. вышел первый выпуск «Моральной статистики», включивший сведения о самоубийствах и социально-демографическом составе суицидентов. В трудах М. Н. Гернета анализировались статистические данные о потреблении алкоголя, преступлениях, связанных с ним². Летом 1924 г. в Москве учреждена Научно-исследовательская комиссия по изучению факторов и быта проституции, под эгидой которой было организовано основательное исследование представительниц самой древней профессии (опрошена 671 женщина, занимавшаяся проституцией в Москве)³. В 1926—1927 гг. в Харькове было проведено обследование 177 проституток. Помимо социально-демографического состава опрошенных, выяснялись материальные и жилищные условия, возраст

¹ Батыгин Г. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М., 1998. С. 23—44.

² Гернет М. Н. Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.

³ Проституция и преступность / отв. ред. И. В. Шмаров. М.: Юридическая литература, 1991. С. 99—122.

начала сексуальных контактов, их частота на момент опроса, места поиска клиентов, потребление алкоголя, наркотиков, заболеваемость венерическими болезнями. Материалы обследования 400 кокаинистов в 1926 г. обобщил А. М. Рапопорт, а М. Н. Гернет проанализировал результаты обследования наркомании среди беспризорных Москвы. Тесную корреляцию между наркотизацией населения и социально-бытовыми условиями установил в то время А. С. Шоломович. Связь наркотизма и преступности обнаружили в своих исследованиях М. Т. Белоусова (1926) и П. И. Люблинский (1925).

В 1920-е гг. широко проводились исследования потребительских бюджетов населения и бюджетов времени, условий жизни и быта различных социальных слоев населения, их культурных и общественно-политических потребностей, среди авторов которых можно выделить фамилии С. Г. Струмилина, Е. О. Кабо, А. Стопани, Л. Е. Минца, И. Н. Дубинской, Г. С. Полляка, В. Зайцева, А. Н. Челинцева, И. Вовси, А. Чайнова и многих других¹. Подобные исследования организовывались Статистическим отделом Народного комиссариата труда, Центральным статистическим управлением, Центральным бюро статистики труда. Они заложили основу для появившихся уже в послевоенное время таких тематических направлений, как социологическое изучение образа и уровня жизни, досуга, семьи, потребления.

По руководством С. Г. Струмилина бюджетные обследования проводились в 1922 г. в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске; в 1922—1924 гг. — в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Костроме и других городах (625 бюджетов); в 1930 г. — проведенное по той же программе (1536 бюджетов); в 1931—32 гг. в Ленинграде (1135 семей); бюджетов времени семей служащих в конце 1923 г. в Москве и Ленинграде в 1930 г.; крестьян в 1923 г. и колхозников — в 1933 и 1934 гг. Впервые были получены данные о распределении суточного времени на различ-

¹ Гумилевский Н. Бюджет служащего к началу 1925 года // Вопросы труда. 1925. № 7—8. С. 80—89; Эвард Л. Бюджет казанского рабочего (к началу 1924 г.) // Вопросы труда. 1925. № 5—6. С. 221—227; Чайнов А. Бюджетные исследования. История и методы. М., 1929; Котомин М. Бюджет безработного по г. Иваново-Вознесенску в 1922 и 1923 гг. // Вопросы труда. 1924. № 5—6. С. 88—93; Филиппова Н. Питание городских рабочих в 1918 г. // Организация труда. 1921. Кн. 2. С. 60—66; Вовси И. Бюджет служащего к началу 1924 года // Вопросы труда. 1924. № 11. С. 66—76; Минц Л. Е. Как живет безработный (бюджеты безработных) / с предисл. С. Г. Струмилина. М.: Вопросы труда, 1927; Дубинская И. Рабочие бюджеты Харькова в феврале 1920 года // Материалы по статистике труда на Украине. 1920. Вып. 1. Август. С. 44—59; Ильинский В. Бюджет рабочих СССР в 1922—1926 гг. М.-Л.: Госиздат, 1928; Овсянников В. Довоенные бюджеты русские рабочие // Вопросы труда. 1925. № 9. С. 49—60; Трусевич. Бюджет текстильщиков фабрики «Пролетарка» (г. Тверь) // Вопросы труда. 1925. № 2. С. 47—52.

ные виды деятельности, связанные с трудом, бытом и отдыхом, у рабочих, крестьян и служащих¹. После этих исследований сформировалась знаменитая трехчастная парадигма бюджета времени Струмилина, легшая затем в основу более поздних, уже послевоенных исследований: оплачиваемая работа (8 часов), сон (8 часов), домашний труд и отдых (8 часов).

В теоретико-методологическом плане принципиально важны два достижения С. Струмилина: 1) научное доказательство равенства между трудом и обслуживанием, работой на производстве и в домашнем хозяйстве (до него значение домашнего труда марксистами принижалось); 2) приравнивание к денежным бюджетам, по их методологической ценности, исследования бюджетов времени (до него вторыми почти никто не занимался).

В течение 1922—1934 гг. разными учеными было изучено более 100 тыс. суточных бюджетов времени разных слоев населения и на основе этого опубликовано около 70 работ по этой проблеме (С. Г. Струмилин, Я. В. Видревич, В. С. Овсянников, В. Михеев и др.). Специально по заданию ЦК РКСМ в 1924—1925 гг. были проведены исследования бюджетов времени комсомольских активистов, пионеров и школьников. Для изучения бюджета времени детей и подростков даже специально был создан педагогический отдел в Научно-педагогическом институте, которым руководил М. С. Бернштейн (А. М. Гельмонт, Н. А. Бухгольц, Н. Н. Иорданский и др.)².

Новое направление породило нетрадиционные методологические решения. Методы сбора информации здесь представляют сложное сочетание самонаблюдения, ретроспекции и различных модификаций метода опроса: от самосчисления (анкетирования) до экспедиционного варианта опроса (формализованного интервью). В основе таких исследований лежит принцип баланса всех временных затрат, ограниченных изучаемым отрезком времени: сутки, неделя, месяц, год³.

Характерной чертой бюджетных исследований 1920-х гг. является то обстоятельство, что они были ориентированы не на крестьянство, как в дореволюционный период, а на рабочий класс⁴. Нельзя

¹ Струмилин С. Г. Избранные произведения. М.: Наука, 1964. Т. 3.

² Социология: история, основы, институционализация в России. 2002 // Русский Гуманитарный Интернет-Университет: http://www.i-u.ru/biblio/arhiv/books/novikova_soc/soc_nov14.asp.

³ Маслова О. М., Толстова Ю. Н. Методология и методы // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС и РАН, 1998. С. 70—103.

⁴ Пик исследований рабочих бюджетов приходится на короткий период с 1917 по 1935 г.

сказать, чтобы бюджетная тематика являлась самой распространенной или модной, но большое количество работ в те годы, посвященных изучению уровня жизни населения с помощью бюджетной методологии, — последняя страница истории социологии бюджетов как отрасли экономической социологии. В 1960—1980-е гг. акценты резко смещаются с изучения уровня жизни на исследование образа жизни, построенных исключительно на анализе распределения времени в течение суток. Переакцентовка с рублей на часы — вовсе не безобидный в научном плане шаг. Он знаменовал уход от самых острых и опасных тем к самым рутинным, зато безопасным проблемам, разрыв научной традиции, потерю завоеванных позиций. Не случайно, что возвращение к проблемам бедности и неравенства в 1990-е гг. у отечественных социологов произошло как бы с чистого листа: статистическая база, созданная в до- и постреволюционный период, оказалась не востребованной, так как сравнивать тогдашние показатели уровня жизни было уже не с чем (в 1990-е гг. статистики, широкомасштабной и объективной, по бедности не сформировалось).

Немало внимания в первой половине 1920-х гг. уделялось самой острой социально-экономической проблеме Советской России — безработице¹: здесь и статистика безработицы, и бюджеты безработных, и так называемый институт трудового посредничества, т. е. биржи труда, трудности и результаты их работы (работы Я. И. Гиндина, Л. Е. Минца, И. Ходоровского, П. Заводовского, Э. Шрейбера, В. А. Гагена, Н. Целикова, Н. Филипповой, Е. Мохова, А. И. Исаева, А. М. Аникста и др.)². Многочисленные статьи и небольшие заметки с мест публиковались на страницах журналов «Голос работника», «Вопросы труда», газеты «Трудовой посредник». Они дают богатый фактический материал о реальном состоянии дел в губерниях и свидетельствуют о нарастающей угрозе

¹ Численность безработных в первые годы советской власти колебалась. В 1918 г. безработных в стране насчитывалось 1,5 млн человек, в 1919 г. зарегистрировано 1,2 млн (хотя предложение рабочих мест составляло 1,4 млн вакансий), в 1920 г. — 1,0 млн, в 1924 г. — 1,4 млн. Професиональный состав зарегистрированных безработных в 1918 г. был следующим: квалифицированные рабочие — 33%, неквалифицированные — 60% и представители свободных профессий — 7%.

² *Исаев А.* Безработица в СССР и борьба с нею (за период 1917—1924 гг.). М.: Вопросы труда, 1924; *Исаев А.* Происхождение и характер безработицы в СССР. М., 1926; *Аникст А.* Современная безработица в России и борьба с нею // Вестник труда. 1922. № 2; *Минц Л. Е.* Движение безработицы и занятой рабочей силы в 1923 г. // Вопросы труда (Орган НКТ). 1924. № 12; *Гиндин Я.* Безработица и трудовое посредничество. М., Вопросы труда, 1925; *Заводовский П.* Состояние рынка труда и наши ближайшие задачи // Вопросы труда, 1924. № 1; *Ходоровский И.* Причины и характер безработицы // Вестник НКТ, 1918. № 4—7. С. 349; *Черных А. К.* Рынок труда в 20-е годы // Социологические исследования. 1989. № 4.

безработицы. В библиографии по рынку труда, составленной А. Исаевым в 1925 г., указано более 120 работ, посвященных вопросам организации и реорганизации трудового посредничества в 1920-е годы, и более 100 работ непосредственно о деятельности бирж¹. Возможно, именно в 1920-е, а не в 1990-е гг., когда численность безработных была в несколько раз больше, страна имела самую обширную статистико-эмпирическую базу данных о проблеме безработицы. Л. Е. Минц проводил исследование бюджетов безработных в течение трех лет — с 1924 по 1926 г. Излагая содержательный материал, Минц сопровождает его методическим комментарием, сообщает о восприятии вопросов опрашиваемыми, приводит примеры затруднений или неправильного понимания смысла вопросов, ограничения, связанные с особенностями опроса.

Переписи населения, проведенные в СССР в 1920 и 1926 гг., помогли получить интересную социальную статистику по проблемам классовой структуры страны, культуры, образования и т. д. Часто для тех же целей использовались и чисто социологические методы, например анкетирование и интервью, применявшиеся в самых разных регионах и отраслях промышленности. Многие государственные мероприятия обеспечивались предварительными социологическими и экономическими исследованиями. Большую роль сыграл журнал «Статистика труда» и ряд других изданий, связанных с экономической и социальной статистикой. В них печатался большой фактический материал о произошедших изменениях в социальной структуре общества, о социальной структуре рабочего класса и крестьянства. В 1920—1930-х гг. выходило около 20 журналов по проблемам управления и организации труда — «Хозяйство и управление», «Производство, труд и управление», «Организация труда», «Система и организация» и ряд других. В «Вестнике Социалистической Академии» с начала 1920-х гг. для обсуждения этих тем специально была выделена особая рубрика. В журналах «Научный работник» (1925—1927), «Научное слово» (1928—1931), «Социалистическая реконструкция и наука» (1931—1936) обсуждались социальные проблемы развития науки и научных кадров.

На основе материалов переписи населения 1920 и 1926 гг., экспедиционных демографических обследований проводились исследования по социальным проблемам народонаселения (Т. Я. Ткачев, З. Г. Френкель, Л. Л. Паперный, Б. Я. Смулевич, С. А. Новосельский, В. В. Паевский, А. И. Гозулов, И. Н. Дубинская и др.). Конкрет-

¹ Исаев А. Указатель литературы по рынку труда и борьбе с безработицей. М.: Вопросы труда, 1925.

ные социологические исследования проводились и по проблемам брака и семьи (А. В. Луначарский, А. М. Коллонтай, И. Г. Гельман, С. Я. Вольфсон и др.). Ряд исследователей посвятили свои работы изучению интеллигенции (А. Б. Шевелева, Л. Минц, И. Булатников, Н. Зимин и др.). В этот период не забывали и о проблемах культуры. Так, в Институте истории искусства в 1924 г. был создан сектор социологии, а в Академии материальной культуры, по инициативе Н. Я. Марра, организована комиссия по социологии искусства. Было проведено большое количество исследований, направленных на изучение средств массовой информации, а также связанных с проблемами образования и воспитания. Изучалось общественное мнение, интересы читателей, а также зрителей театра и кино (М. Загорский, В. Федоров, П. И. Люблинский, М. А. Смушкова, Я. М. Шафир, А. Д. Авдеев, А. А. Бардовский, А. В. Трояновский, Р. И. Егизаров, С. Ауслендер, А. М. Гельмонт и др.). Проводимые исследования оказывали большую помощь государственным организациям в ликвидации неграмотности и культурной отсталости.

В области педагогики и воспитания осуществлялись обследования мировоззрения учащихся выпускных классов; образовательного ценза учителей; исследовалось экономическое положение рабочей молодежи, в частности на рабфаках и т. п.¹ В первые годы советской власти, когда к грамоте приобщались широкие народные массы, исследования читательского интереса буквально за десятилетие превратились в самостоятельную область прикладной социологии².

Первые крупномасштабные исследования в области социологии образования связаны с именем выдающегося российского социолога и экономиста С. Г. Струмилина. В 1924 г. на материале, включающем около 50 тыс. профессиональных карточек ленинградских рабочих, 2800 «карточек-формуляров» по двум крупным московским учреждениям — Наркомпроду и Московскому почтамту, а также данные всесоюзных и республиканских переписей населения, им изучался уровень школьного образования рабочих и служащих, условия и характер труда учителей, учебная нагрузка и зарплата и т. д.³

Важным источником сведений о реальном поведении, нравах, установках людей того времени служили массовые опросы по

¹ Колотинский П. Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар: Красная новь, 1929.

² Банк Б., Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга (Опыт исследования читательских интересов). М.: Молодая гвардия, 1929: Как и для чего нужно изучать читателя. М.; Л.: Долой неграмотность, 1926; Фридьева Н., Валика Д. Изучение читателя. Опыт методики. М.; Л.: Долой неграмотность, 1927; Бек А. Книга и рабочая молодежь // Рабочий читатель, 1925. № 10.

³ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 107.

проблемам отношений между полами (М. С. Бараш, И. Гельман, С. Я. Голосовкер, З. А. Гуревич, Ф. И. Гроссер, Д. И. Ласс¹), впервые в мировой истории проведенные в таких масштабах в разных регионах и социальных слоях.

В методологическом плане эмпирические исследования тех лет, по мнению О. М. Масловой и Ю. Н. Толстой², носили описательный и экстенсивный характер и охватывали почти все сферы жизнедеятельности общества. В методах сбора данных сохраняется традиционный подход статистического наблюдения, в котором сочетаются непосредственное наблюдение, учет (когда речь идет о регистрации предметов быта) и вопросник, включающий оценочные вопросы и вопросы о мнениях (когда определяется, например, степень изношенности этих предметов). Подробное описание методологии исследования на этапах сбора и анализа эмпирических данных — общепринятая норма публикаций 1920-х гг. Главными тенденциями, характеризующими развитие методологических принципов советской социологии этого периода, являются ее ведомственная специализация, связанная с этим отраслевая дифференциация, преобладание дескриптивных эмпирических социологических исследований, дающих богатейший материал.

Подавляющая часть исследовательских центров в то время принадлежали ведомствам, что придавало научному изучению ярко выраженную отраслевую специфику. Редакции газет развертывают широкое изучение своих читательских аудиторий, библиотечные работники исследуют читателей массовых библиотек, сеть которых активно развивается в рамках кампании за ликвидацию неграмотности населения, педагоги анализируют детское и молодежное чтение и т. д. Здесь известны имена Я. Шафира, изучавшего аудиторию «Рабочей газеты»³, Е. Хлебцевича, занимавшегося организацией армейских библиотек и исследованием читательских интересов красноармейцев⁴, Б. Банка и А. Виленкина, изучавших рабочих — читателей библиотек⁵.

¹ Бараш М. С. Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925. № 6; Гельман И. Половая жизнь современной молодежи: Опыт социально-биологического обследования. М.; Л.: Месполиграф, 1923; Голосовкер С. Я. К вопросу о половом быте современной женщины. Казань, 1925; Гуревич З. А., Гроссер Ф. И. Проблемы половой жизни. Харьков: ГИЗ Украины, 1930; Ласс Д. И. Современное студенчество: Быт, половая жизнь. М.; Л.: Молодая гвардия, 1928.

² Маслова О. М., Толстова Ю. Н. Методология и методы // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 70—103.

³ Шафир Я. М. Рабочая газета и ее читатель. М., 1926.

⁴ Хлебцевич Е. И. Массовый читатель и работа с книгой. М.: Учпедгиз, 1936.

⁵ Банк Б., Виленкин А. Рабочий читатель в библиотеке. М.; Л.: Работник просвещения, 1930.

В первой половине 1930-х гг. изучали деятельность партийных организаций в уездах и округах, а также работу школ, больниц, клубов. В обследованиях участвовали и ученые — статистики, историки, социологи, этнографы. Крестьянские хозяйства изучались по специальным подворным карточкам, которые заполнялись исследователями со слов интервьюируемых. Для более детальных частных обследований применялись специальные анкеты, в которых могло содержаться более 400 вопросов¹.

В середине и конце 1930-х гг. эмпирические исследования, не сумевшие (и добавим — по природе своей не имеющие возможности) выполнить социальный заказ власти и на деле доказать преимущества социализма (таковых объективно не было), начинают сворачивать; начинаются систематические фальсификации и засекречивания статистических данных. Теоретическим оправданием разгрома социологии служило утверждение о том, что «исторический материализм — это и есть социология марксизма», а это автоматически вело к выведению конкретных исследований за пределы социологии и науки вообще. Коренным образом поменялась обстановка внутри страны и политика властей. Насильственная коллективизация, кровавое раскулачивание, массовые репрессии, голод уже не требовали объективного анализа положения. Наоборот, на первый план выступили задачи приукрашивания и мистификации социальной реальности. Социологические опросы, обращенные непосредственно к населению, если соблюдались все методические требования, никак не могли дать информацию, расходящуюся с действительностью. В результате социология как эмпирическая наука сама подписала себе смертный приговор. На поверхности осталась теоретическая социология, которая была немедленно превращена в составную часть марксистской философии.

В 1934 г. власти закрыли 29 научно-исследовательских педологических учреждений, журнал «Психотехника». Постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе народного образования» (1936) нанесло серьезный удар по общественным наукам.

В 1938 г. для «Краткого курса истории ВКП (б)» Сталин написал раздел «О диалектическом и историческом материализме», где исторический материализм приписал к сфере философского знания. Следствием явилось то обстоятельство, что важнейшие положения социологии стали рассматриваться только на философском, т. е. абстрактно-теоретическом, уровне, а методика эмпирических исследований и сами исследования были полностью прекращены.

¹ Рывкина Р. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 162.

Со второй половины 1930-х гг. массовые опросы как особый канал, при помощи которого широкие слои общественности получили открытую информацию о своем обществе, прекратились.

На самом деле запрет касался не эмпирических исследований, а именно социологических, данные которых, как это принято в мировой практике, должны публиковаться в открытой печати. Функцию изучения частной жизни граждан, их мнения, образа жизни, взглядов, мировоззрения и намерений взяли на себя секретные отделы НКВД. При партийных комитетах всех уровней решением ЦК ВКП(б) создаются отделы партийной информации. Используя самые разные источники (сообщения информаторов-активистов, сбор сведений собственными силами и с помощью НКВД-КГБ), эти отделы регулярно готовили обобщающие записки о настроениях в среде рабочих, на селе, в среде студенчества, молодежи вообще (этим занимались аппаратчики службы комсомольских комитетов), интеллигенции, в армии, в партийных ячейках и в самих органах НКВД-КГБ. Информационные отделы парткомитетов собирали и доносили руководству объективную информацию о политических настроениях и по широкому кругу проблем производственной и бытовой жизни всех слоев населения. По мере ужесточения политического режима они стали выполнять функцию «партийной разведки» и политического сыска. «Их главная задача состояла теперь в доносительстве об антипартийных и антисоветских настроениях, с одной стороны, а с другой — в создании впечатления о том, что широкие массы с энтузиазмом принимают очередные партийные решения. Между отделами информации парткомов (начиная с районного звена и выше) и организационными отделами устанавливалась прямая связь (часто оба отдела «курировал» один и тот же секретарь): орготдел организовывал мероприятие массовой поддержки партийных решений, и отдел информации обобщал в своих «записках» наблюдения с митингов, цитировал высказывания партийцев и беспартийных, осуждающих «врагов народа», поддерживающих стахановское движение, послевоенные «инициативы» на местах и т. д.»¹

Анкетные опросы, данные переписей населения, сеть осведомителей (якобы проводивших включенное наблюдение) и другие формы закрытых обследований использовались не ради приращения фундаментальных знаний, а для «прикладной» цели — осуществления политического контроля. Собранные по закрытым ка-

¹ Мансуров В., Петренко Е. Изучение общественного мнения традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 572.

налам данные обобщались и доводились до сведения директивных органов. Практика ограничения социологических исследований и запрета на открытую публикацию их результатов продолжалась вплоть до начала 1990-х гг. Известный российский социолог Б. А. Грушин в 1990-е гг. опубликовал статью под названием «Ученый Совет при Чингисхане», в которой показал, что партийные органы даже тогда, когда разрешали и сами инициировали социологические обследования, делали это преимущественно для подкрепления аргументов в пользу проводимой политики, но вовсе не для того, чтобы использовать социологическую информацию для переосмысления заданного очередным съездом партии курса на «дальнейшее развитие» социалистического общества. В результате ужесточение идеологических требований к социологии привело к резкому ограничению количества исследований в стране, созданию системы партийного контроля за всеми проводимыми исследованиями. В ИКСИ АН СССР все опросы общественного мнения были сосредоточены в отделе прикладных социальных исследований и проводились только по прямому указанию отделов ЦК КПСС. Данные опросов публиковались крайне ограниченно¹.

Превращение социологических исследований в разновидность слежки за гражданским населением в послереволюционный период наиболее ярко проявляется в таких «проблемных» для советской власти сферах, как религия и идеология. Еще с 1924 г. в центральном аппарате — Агитпропе ЦК РКП(б) — начали вести документальный и статистический анализы состояния религиозности по регионам страны на основании сведений, поступавших от местных партийных органов. Он дополнял сведения из исследований, которые предпринимались время от времени. Так, в 1929 г. в Москве было проведено исследование среди рабочих наиболее крупных фабрик и заводов. Было роздано 12 тыс. анкет, получено обратно — 3 тыс. Неверующими среди опрошенных назвали себя 88,8%. Эти результаты послужили основанием для вывода, будто около 90% рабочих столицы освободились от религиозного дурмана. В тех случаях, когда результаты исследований вскрывали «неблагоприятную» религиозную ситуацию, они становились достоянием архивов под грифами различной степени секретности. Как правило, в выступлениях партийно-государственных деятелей в 1920—1930-е гг. давались оптимистические оценки и прогнозы относительно «отхо-

¹ Мансуров В., Петренко Е. Изучение общественного мнения традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 578.

да трудящихся от религии». Партия большевиков даже запланировала процесс поэтапного освобождения народа от религиозного дурмана. Если на начало 1920-х гг. планировался отход от религии 10% населения, к концу десятилетия — 20%, то к середине 1930-х численность верующих и атеистов должна быть одинаковой¹.

Разумеется, социологи не могли превратить $\frac{2}{3}$ горожан в атеистов, как задумали большевики. Но они могли подправить цифры и отрапортовать о выполнении плановых заданий. Это было сделать тем более легко, что, во-первых, уровень квалификации социологов после эмиграции старой профессуры резко снизился, во-вторых, новое поколение специалистов, занимавшихся опросами, вышли из самых низов общества, являлись малооплачиваемыми работниками, проводили исследования часто на общественных началах и, как правило, были лояльны к марксизму. Они разделяли партийные установки о том, что религия — вредный «пережиток прошлого», свидетельство культурной отсталости, а ее носители — политические враги. Преодоление религии выдвигалось в качестве одной из главных задач идейно-воспитательной работы в массах. Но еще долгое время она так и не была решена. Согласно данным переписи 1937 г., проводившейся с грубейшими нарушениями (опрос не являлся анонимным), около 50% граждан СССР заявили о своей религиозности.

В 1926 г. в порядке подготовки партийного совещания по антирелигиозной работе в нескольких губерниях был предпринят опрос и разработан опубликованный в журнале «Антирелигиозник» (1927. № 6) «Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах», составленный Ф. М. Путинцевым. Опрос проводили лица, специально уполномоченные местными организациями Союза безбожников. Инструкция требовала от анкетера проверенных фактов и цифр. Так, в вопросе о «сектантской культурности» надо было проверить: «сектанты более грамотны потому ли, что они сектанты, или потому, что среди них много зажиточных; сектанты более зажиточны потому ли, что они сектанты, или же они более религиозны, потому что среди них больше зажиточных и кулаков»².

Таким образом, в условиях культа личности Сталина, с середины 1930-х годов до 1953 г., обстановка для научных социологических исследований была крайне неблагоприятной.

¹ Гараджа В. Социология религии // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 311.

² Путинцев Ф. М. Методы изучения и критики сектантства // Коммунистическое просвещение. 1926. № 5.

Послевоенный период

После смерти Сталина и под влиянием XX съезда постепенно возобновились конкретные исследования социальных проблем. Как вспоминает В. Н. Шубкин: «Появление социологии, начало “конкретных социальных исследований” после смерти Сталина и XX съезда КПСС были неожиданными. И для власть предержащих, ибо она возникла не по велению *сверху*, как это было с научным коммунизмом, историей партии, истматом, а *снизу*. Возрождение социологии было сюрпризом и для западных политологов, советологов и социологов»¹.

Первый шаг к реабилитации эмпирической социологии был сделан в статье академика В. С. Немчинова «Социология и статистика» (1955)², за которой последовал его доклад на заседании Президиума Академии наук СССР 23 декабря 1955 г. Видный экономист ратовал за возобновление социологических исследований, которые необходимы не только экономической науке, но и практике народного хозяйства. Вскоре его поддержал А. А. Зворыкин, утверждавший о том, что уж если на базе плохой буржуазной философии социологические исследования приносят миллиардные прибыли, то на базе хорошего истмата они могут давать еще больший эффект. Результатом их усилий явилось создание двух академических институтов — ЦЭМИ в первом случае и ИКСИ — во втором (в нем А. Зворыкин возглавил сектор социологии науки)³.

Уже в 1950-е гг. в лексикон советского марксизма начинает проникать непривычный ему термин «конкретные исследования». С помощью подобных исследований прогрессивная прослойка в идеологическом отделе ЦК КПСС и Президиуме Академии наук СССР пытались, вполне в духе времени, наваянном хрущевской оттепелью, избавиться от «догматизма, талмудизма и начетничества», быть ближе к народу, постигая «реальную жизнь советских людей». На международном совещании социологов в Москве в январе 1958 г. термин «социологические исследования» получил законные права и был введен в академический лексикон⁴. В 1960—1970-х гг. говорили о конкретно-социологическом исследовании. Впоследствии, примерно к середине 1980-х гг., этот термин сходит на нет и вместо него употребляют выражение «эмпирическое исследование».

¹ Шубкин В. Н. Возрождающаяся социология и официозная идеология // Российская социология шестидесятых годов: в воспоминаниях и документах. СПб.: РХГИ, 1999. С. 69.

² Немчинов В. С. Социология и статистика // Вопросы философии. 1955. № 6.

³ Бестужев-Лада И. К. Почему я не написал «историю Института социологии». [К истории ИКСИ АН СССР] // Социологический журнал. 1995. № 4. С. 183—189.

⁴ Федосеев П. Н. Проблема мирного сосуществования в социологических исследованиях и в преподавании социологии // Вопросы философии. 1958. № 4.

Во многом переломным оказался визит советской делегации на III Всемирный социологический конгресс «Социальные изменения XX века» в Амстердам (1956), результатом которого явилось осознание необходимости проведения социологических исследований и международного сотрудничества с зарубежными социологами. После учреждения в 1958 г. Советской социологической ассоциации (ССА) появился легитимный орган, ответственный за организацию и проведение эмпирических исследований. Вслед за тем формируются различные исследовательские структуры: группы, лаборатории, центры. В 1960-е гг. в нашей стране начал восстанавливаться статус социологии как социального института, вновь были возобновлены и стали активно проводиться конкретные социологические исследования. Так, в 1963 г. в Научно-исследовательском институте ЦСУ СССР, директором которого в это время стал А. Я. Боярский, был создан сектор демографии и трудовых ресурсов, позднее, в 1965 г., преобразованный в отдел демографии. По инициативе ЦК ВЛКСМ была даже создана первая всесоюзная сеть исследовательских центров, с помощью которой проведено несколько всесоюзных опросов молодежи, из которых особенно известен проведенный перед XV съездом ВЛКСМ в 1966 г. В 1968 г. на базе экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова был создан Центр по изучению проблем народонаселения. Формальной точкой в многолетнем процессе реставрации эмпирической социологии в стране надо считать создание в 1968 г. Института конкретных социальных исследований Академии наук СССР.

Правда, еще раньше, а именно 3 ноября 1951 г., наметился прорыв в области конкретных социально-экономических исследований. Совет Министров СССР принял постановление об улучшении организации обследований бюджетов рабочих, служащих и колхозников. В нем отмечалось, что основной задачей ЦСУ СССР в области бюджетной статистики следует считать разработку данных о бюджете квалифицированных и малоквалифицированных рабочих по отраслям промышленности, тружеников совхозов и колхозов по производственным направлениям и экономическим районам. Эти сведения, говорилось далее, должны характеризовать все доходы семей и все расходы по их назначению, личное потребление членов семьи, источники и размеры приобретения ими продовольственных и промышленных товаров. Количество обследуемых семей было доведено до 50 тыс., в том числе 15 тыс. семей рабочих промышленности СССР. Одновременно бюджеты стали разрабатываться по отраслям производства и группам квалификации. С 1960 г. начали обследоваться также семьи железнодорожников и строителей. В 1970—1980-е гг. в стране ежегодно проводилось обследование 62 тыс. семейных бюджетов рабочих, слу-

жащих, инженерно-технических работников и колхозников¹. В 1960-е гг. под руководством А. М. Востриковой ЦСУ СССР провели обследование рождаемости, фактически повторившее методику обследования С. Г. Струмилина 1934 г.²

В 1960 г. при газете «Комсомольская правда» начал работать Институт общественного мнения (под рук. Б. А. Грушина). За первые два года своей деятельности Институт провел 8 всесоюзных опросов, используя различные модели выборки и методы сбора информации³. Газета предлагала вопросы, а читатели письменно отвечали, чаще подписываясь, реже анонимно. Разумеется, здесь не было никакой специальной выборки. Темы опросов 1960—1967 гг. следующие: отношение к войне и миру, изменение уровня жизни, «автопортрет молодого поколения», наиболее яркие события и выдающиеся личности XX века, досуг (преимущественно горожан), опрос коллективов коммунистического труда, локальный опрос школьников — на понимание устаревающих слов (например, бюрократ, хохол и Богородица)⁴.

Грушинский институт инициировал создание исследовательских групп и лабораторий по всей стране. В 1964 г. при ЦК ВЛКСМ возникает группа социологических исследований под руководством В. Г. Васильева, после чего аналогичные структуры появились более чем в 40 областных, краевых и республиканских комитетах комсомола, главной функцией которых было изучение общественного мнения молодежи по самым разным проблемам.

В 1960-е гг. в стране проведение конкретных социологических исследований становится все более массовым явлением. Стихийно складываются социологические центры: на Урале в Свердловске (М. Н. Руткевич), в Перми (З. Файнбург), в Ленинграде (В. Ядов и А. Здравомыслов), в Москве (Г. Осипов, Ю. Левада, Н. Наумова, В. Колбановский и др.), несколько позднее в Новосибирске (В. Шубкин, Т. Заславская, Р. Рывкина, В. Шляпентох) и Тарту (Ю. Вооглайд, М. Лауристин, П. Вихалемм). Здесь стали создаваться первые социологические подразделения (лаборатории, группы, сектора).

¹ Алексеев В. В., Букин С. С. Бюджетные обследования советских рабочих (репрезентативность, значение, методы анализа) // Источниковедение истории советского общества. Вып. 4. М.: Наука, 1982. С.171—173.

² Вострикова А. М. Методы обследования и показатели рождаемости в СССР // Вопросы народонаселения и демографической статистики. М.: Статистика, 1966.

³ Грушин Б. А. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы исследований общественного мнения. М.: Политиздат, 1967; Капелюш Я. С. Общественное мнение о выборности на производстве. М., 1969.

⁴ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

В середине 1960-х гг. социологическими исследованиями в стране занимались, по официальной, вероятно, завышенной оценке, две тысячи специалистов¹. К этому времени был накоплен немалый опыт социологической работы. Проводились исследования общественного мнения и аудиторий центральных газет (Б. А. Грушин, В. Э. Шляпентох), ленинградский проект «Человек и его работа» (руководитель В. А. Ядов) в течение десятилетий служил методологическим эталоном для социологов, в Новосибирске активно изучались профессиональные ориентации школьников (В. Н. Шубкин), начал выпускаться сериальный сборник «Социальные исследования», и вообще социологическая библиотека насчитывала уже десятки наименований².

В середине 1960-х гг. появляется ряд работ, обобщающих итоги многих исследований. В 1964 г. выходит книга А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР» (М., 1964), в которой автор обобщил широкий круг проведенных исследований социальных проблем брака и семьи. В 1965 г. был издан пятитомник избранных произведений С. Г. Струмилина. Заметным явлением в сфере социологии труда стали коллективные монографии «Копанка 25 лет спустя» (М., 1965), «Рабочий класс и технический прогресс» (М., 1967) под редакцией Г. В. Осипова и «Человек и его работа» (М., 1967) под редакцией А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и В. П. Рожина.

В 1960—1980-е гг. изучением социально-экономических процессов на селе, специфики и образа жизни сельских тружеников, их трудовой деятельности занимались Е. И. Бабосов, Н. А. Васильева, П. П. Великий, С. Г. Ентелис, К. Исаев, В. А. Калмык, Л. В. Корель, А. П. Кирсанов, Т. А. Кудрина, Б. П. Мельников, И. Б. Мичурин, Ю. Н. Никифоров, С. И. Семин, Н. В. Смирнов, В. Б. Самсонов, С. Н. Соскин, М. Г. Щадрин, П. К. Ферцев. Изучению взаимоотношения города и деревни в этот период были посвящены работы М. А. Базина, М. П. Василенко, П. М. Варзаря, Е. П. Губина, Р. Б. Камаева, А. П. Малиновского, А. С. Негруду-Водэ, Н. В. Островского, И. Ю. Сивченко, В. Т. Сака, В. И. Староверова, А. И. Тимуша, Н. В. Цуркану, Л. С. Флорентьева.

Двухтомник «Социология в СССР» (1966)³ подводил своеобразный итог развития эмпирической социологии за предшествующее десятилетие. Эмпирические исследования, проведенные в ряде областей и регионов страны, касались закономерностей, форм

¹ Развитие исследований в области общественных наук // Вестник Академии наук СССР. 1966. № 5.

² Батыгин Г. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 23—44.

³ Социология в СССР. М.: Мысль, 1965—1966. Т. 1.

проявления, механизмов социального развития рабочего класса, совершенствование профессионально-квалификационного состава рабочего класса. В книге подробно рассматривались крестьянство, интеллигенция, социальные проблемы труда и отдыха, рабочего и внерабочего времени, города и деревни и др. Были представлены также первые опыты междисциплинарного подхода (экономико-социологического, социопсихологического). Эта работа, а также целая серия трудов, выходящих по итогам участия советских социологов во Всемирных социологических конгрессах¹, интересны тем, что позволяют документированно рассматривать динамику ее развития по содержанию и объему проблематики, тематике исследований, их методологическому уровню, по характеру методов сбора и анализа первичной информации, по расширению географии исследований, а также в области освоения и разработки теорий среднего уровня и т. д.²

В этот период появилось много ярких ученых, среди которых наиболее известными не только в нашей стране, но и за рубежом стали Б. А. Грушин, И. С. Кон, Ю. А. Левада, Г. В. Осипов, А. Г. Харчев, В. Э. Шляпентох, В. Н. Шубкин, В. А. Ядов и др. Ведущие социологи страны внесли заметный вклад в изучение и решение проблем методологии и методики проведения конкретных социологических исследований.

В феврале 1966 г. в Ленинграде проходит симпозиум на тему «Опыт проведения конкретных социологических исследований в СССР» (600 участников), а в марте того же года симпозиум организуют в Москве (700 участников). В июне 1966 г. в АОН при ЦК КПСС проходил всесоюзный теоретический семинар «Конкретные социологические исследования и идеологическая деятельность». В апреле 1967 г. состоялось совещание в Сухуми по количественным методам в социологии. Им руководил А. М. Румянцев, который в эти же дни был избран вице-президентом АН СССР по общественным наукам. В подготовке совещания приняли участие Ю. Н. Гаврилец, Ф. М. Бородкин, В. М. Квачахия, В. В. Колбановский. С тех пор конференции, семинары и «круглые столы» по методике и технике социологического исследования становятся регулярными. В середине 1980-х гг. в рамках Советской социологической ассоциации был создан особый исследовательский комитет (в течение нескольких лет его председателем был В. Г. Андреенков, с 1989 г. сопредседателями являются Ю. Н. Гаврилец и Ю. Н. Тол-

¹ Советская социология / отв. ред. Г. В. Осипов. М.: Наука, 1982. Т. 1—2.

² Голенкова З., Гридчин Ю. Историко-социологическая проблематика // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 56.

стова). Под эгидой комитета с середины 1980-х гг. в Москве (в ЦЭМИ и ИСАНе) работал семинар по математическим методам в социологии. Разработками в этой области занимались и продолжают заниматься многие известные ученые: В. А. Ядов, И. М. Слепенков, Л. Я. Аверьянов, В. Г. Андреенков, Ф. Э. Шереги, В. Г. Гречихин, И. А. Бутенко, Г. С. Батыгин, О. М. Маслова, М. С. Косолапов, Г. И. Саганенко, Ю. Н. Толстова, Г. Г. Татарова и др.

Важную роль в разработке методико-методологических вопросов эмпирической социологии сыграл отдел методики социологических исследований (отдел существовал до 1991 г.) Института социологии АН СССР. Сотрудники отдела изучали методические аспекты использования в социологии методов качественного регрессионного анализа (К. Д. Аргунова), типологию шкал (М. С. Косолапов), вопросы оцифровки и сравнения различных парных коэффициентов связи (О. В. Лакутин), проблемы типологического анализа (Г. Г. Татарова), социологического измерения (Ю. Н. Толстова). В 1990-е гг. руководимая М. С. Косолаповым группа сотрудников ИСАН совместно с выдающимся специалистом в области выборочных методов Л. Кишем (Мичиганский университет, Анн Арбор) создала первую в России надежную общероссийскую выборку, основанную на отборе хозяйств. Институт опубликовал немало работ, которые создавали основу математико-социологической культуры того времени.

В ленинградской социологической школе (филиал ИСАН, лаборатория В. А. Ядова) с 1960-х гг. интенсивную работу в области измерения социологических показателей (Г. И. Саганенко, Б. З. Докторов), факторного и путевого анализа (В. С. Магун), многомерного шкалирования и нелинейного типологического анализа (В. Т. Перекрест), энтропийного анализа (О. И. Шкаратан и И. Н. Таганов).

На волне политической «оттепели» появились крупные исследования в сфере труда, давшие заметный толчок развитию прикладной социологии. Конкретные результаты были получены при исследовании проблем рабочего и вне рабочего времени (Институт экономики Сибирского отделения АН СССР), подъема культурно-технического уровня рабочего класса (Уральский университет), процесса превращения труда в первую жизненную потребность (Педагогический институт Красноярска). В конце 1950-х—начале 1960-х гг. сотрудники сектора социологических исследований Института философии АН СССР (А. А. Зворыкин, Г. В. Осипов, И. И. Чангли и др.) провели комплексное изучение новых форм труда и быта на предприятиях Москвы, Горьковской области и других регионов страны. Специалисты Московского университета под руководством Г. М. Андреевой исследовали социальные проблемы автоматизации производства на Первом шарикоподшипниковом заводе (Москва).

Активная работа в области социологии науки на рубеже 1960—1970-х гг. начала разворачиваться в Ленинграде. Она связана с именами Ю. С. Мелещенко, И. И. Леймана, И. А. Майзеля, С. А. Кугеля, М. Г. Лазара и др. В 1968 г. был создан первый в стране сектор социологии науки ЛО ИИЕТ, который возглавил С. А. Кугель. Здесь занимались анализом науки как социального института, проблемами адаптации молодежи в науке, социального обеспечения новых научных направлений, формирования научных школ, структуры и мобильности научных кадров.

Согласно данным Н. В. Пилипенко, в 1960-е гг. в стране существовало около 160 лабораторий и отделов по социологии при обществоведческих институтах АН СССР и республиканских академиях наук, а также вузах, свыше 40 институтов и советов по социологическим исследованиям на общественных началах при республиканских, краевых и областных комитетах партии. Исследования социологического характера вели многие научные институты ведомственного подчинения, крупные предприятия, агропромышленные комплексы. В середине 1960-х гг. уже оформились московская, ленинградская, новосибирская, свердловская, уфимская, минская, таллинская, тбилисская, кишиневская, киевская социологические школы в виде научных сообществ. «Большинство этих подразделений пытались исследовать социальные проблемы, связанные с деятельностью человека, его положением в обществе, трудовом коллективе, в семье, с его потребностями, интересами, ценностными ориентациями и степенью их реализации, с его отношением к самому себе, к различным явлениям и процессам, происходившим в нашем обществе. Однако качественный уровень социологических исследований нередко оказывался низким, выводы носили локальный характер. Отсутствовал единый методологический инструментарий, не позволявший обобщать эмпирический материал, собранный по одной и той же проблеме... Был и большой дефицит подготовленных социологов. Поэтому вместо объективной информации многими социологическими подразделениями собиралась информация субъективная, представлявшая из себя совокупность однотипных суждений лиц по тем или иным социальным вопросам, которую невозможно было использовать для принятия управленческих решений (не только директивными органами в центре, но часто и в регионах)¹.

В ходе конкретных социальных обследований были получены значительные научные результаты. Так, при изучении культур-

¹ Пилипенко Н. В. Институт конкретных социальных исследований и развитие социологической науки в СССР (1968—1978 годы) // Российская социология 60-х годов в воспоминаниях и документах. СПб: РХГУ, 1999. С. 331—332.

но-технического уровня рабочего класса группа уральских социологов (М. Т. Иовчук, Л. Н. Коган, Ю. Е. Волков) на большом эмпирическом материале показала, что на смену расчленению труда между отдельными рабочими приходит процесс овладения несколькими специальностями, сочетания функций различной сложности, создающий объективные условия для повышения общекультурного и производственно-технического уровня рабочих. С середины 1960-х гг. социологические исследования села касались таких тем, как: 1) социальная структура сельского населения; 2) миграция сельского населения в города; 3) бюджеты времени и образ жизни сельского населения; 4) труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством; 5) уровень жизни сельского населения, личные подсобные хозяйства, семейная экономика¹.

На промышленных предприятиях Горьковской области в 1960—1964 гг. Г. В. Осипов, В. В. Колбановский, С. Ф. Фролов и др. изучали влияние научно-технической революции на развитие рабочего класса. Изменения в содержании труда, происходящие на автоматизированном производстве, измерялись по соотношению затрат умственного и физического труда. Как полагали исследователи, «был эмпирически зафиксирован один из важнейших результатов научно-технической революции в промышленности — появление новой группы рабочих, в содержании труда которых на качественно новом, прогрессивном уровне сочетаются умственные и физические операции». В 1961—1965 гг. в Ленинграде было проведено изучение отношения к труду молодых рабочих, в 1976 г. осуществлено повторное исследование этой проблемы и выявлен ряд существенных закономерностей формирования социальных установок к труду. В частности, анализ ценностных ориентаций обнаружил заметный сдвиг у современных рабочих в сторону сбалансированного интереса и к содержанию работы, и к материальному вознаграждению.

В начале 1960-х гг. в Академгородке под Новосибирском под руководством В. Н. Шубкина были начаты крупные исследования социологических проблем образования². Изучались объективные и субъективные факторы, влияющие на систему образования в целом, профессиональные склонности выпускников средних и не-

¹ Рывкина Р. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 163.

² Шубкин В. Н., Артемов В. И., Москаленко Н. Р., Бузукова Н. В., Калмык В. А. Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии // Количественные методы в социологических исследованиях / под ред. А. Г. Аганбегяна и В. Н. Шубкина. Новосибирск: НГУ, 1964.

полных средних школ, выбор профессии, трудоустройство, жизненные пути молодежи; престиж различных занятий и видов труда; социальная, профессиональная и территориальная мобильность; эффективность производственного обучения в школах, проблемы профессиональной ориентации. Новосибирское исследование В. Н. Шубкина получило высокую оценку в США и было названо социологической классикой¹. По новосибирской методике стали проводить обследования в других регионах страны. Исследования проводились в Ленинградской области, в десяти областях центра России, в Латвии, Эстонии, Узбекистане, Таджикистане, Армении, среди малых народов Сибири и Дальнего Востока. В последующий период (1970—1980 гг.) количество публикаций по социологии образования увеличилось в два с лишним раза и, достигнув максимума в 1975—1979 гг., стабилизировалось на уровне примерно 150 в год².

В 1958—1962 гг. были предприняты первые попытки использования бюджетов времени для решения урбанистических проблем, а именно определения планировочной структуры городов, расчета и размещения учреждений обслуживания и др.³ Систематические исследования города велись Ленинградским зональным институтом типового и экспериментального проектирования, Ленинградской кафедрой философии АН СССР, позже — Институтом социально-экономических проблем АН СССР, десятками ведомственных проектных институтов. Основные усилия были сосредоточены на разработке планов социального развития городов. В 1965 г. О. Н. Яницкий через газету «Неделя» провел опрос общественного мнения населения 30 городов об организации общественного обслуживания⁴. А. В. Баранов и Ж. А. Зайончковская предприняли серию полевых работ, посвященных формированию социальной структуры новых городов, проблемам приживаемости новоселов, адаптации к городскому образу жизни⁵. В 1969 г. в Институте международного рабочего движения, а затем и некоторых других институтах АН СССР были созданы сектора социологии города. С начала 1970-х гг. в институтах Академии строительства и архитектуры СССР, ведомственных проектных институтах почти повсеместно

¹ Lear J. An interrogation of public opinion in the USSR // Saturday Review. 1968. 5 oct.

² Социология образования. Библиографический указатель публикаций на русском языке / отв. ред. В. С. Собкин. М.: ЦСО РАО, 1993. С. 4.

³ Статистика бюджетов времени трудящихся / В. А. Артемов и др. М.: Статистика, 1967.

⁴ Социальные проблемы жилища / научн. ред. А. Г. Харчев и др. Л., 1969.

⁵ Баранов А. В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика. 1981. Зайончковская Ж. А. Новоселы в городах (методы изучения приживаемости населения). М.: Статистика, 1972.

были созданы подразделения, занимающиеся прикладными градосоциологическими исследованиями. Согласно расчетам О. Н. Яницкого, за период 1969—1989 гг. в стране было издано более 150 монографий и сборников по урбансоциологии, а с учетом ведомственных изданий и междисциплинарных работ — более 300¹.

Либерализация духовной обстановки, последовавшая после XX съезда КПСС, оживление поэтических движений, пробуждение массового интереса к философии, литературе и культуре свидетельствовали о начале строительства в СССР гражданского общества. Оно еще было крайне хрупким и существовало преимущественно в трех видах: а) аудитории центральных газет, тиражи которых значительно выросли; б) студенческих кружков и сообществ, проводивших коллективные дискуссии, круглые столы, встречи с общественными деятелями; в) поклонников знаменитостей (театра, кино, литературы), формировавших первые фанатские тусовки, группы по интересам и выступавших мощными катализаторами неполитических коммуникаций.

Социологи не могли остаться в стороне от происходивших в советском обществе процессов. Они выступали инициаторами опросов общественного мнения, руководство газет привлекало их к изучению читательских предпочтений, ценностных ориентаций и духовных запросов самых разных слоев населения. В исследованиях аудитории центральных газет активно использовалось анкетирование и интервью как по месту жительства, так и по месту работы. Проводились и почтовые опросы. При обследовании читательской аудитории «Правды» анкеты были доставлены подписчикам вместе с номером газеты из расчета одна анкета на 50 подписчиков². При аналогичном обследовании в «Литературной газете» также с помощью почты было разослано 80 тыс. анкет, а получено обратно только 5 тыс. Исследование читательской аудитории газеты «Правда» включало 6 ступеней по региональному признаку, было

¹ Яницкий О. Социология города // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 148—159.

² Руководитель этого исследования В. Шляпентох, тогда работавший в Академгородке под Новосибирском, перед опросом читателей «Правды», органа ЦК КПСС, встретил недоверие со стороны редакции. Партийные журналисты полагали, что отлично знают свою аудиторию и опрос не нужен. Тогда В. Шляпентох предложил редакторам отделов самим заполнить анкету для читателя, указать в процентах ожидаемые распределения ответов по всем пунктам и оценить степень уверенности в своем прогнозе. Эти, скажем, экспертные оценки читательской аудитории были положены в сейф главного редактора и спустя время, в присутствии тех же лиц были сопоставлены с полученными при опросе читателей данными. Редакция была в шоке (см.: Мансуров В., Петренко Е. Изучение общественного мнения традиции // Там же. С. 577).

задействовано 47 страт по социально-экономическим критериям, из которых с помощью процедуры контрольного отбора было выделено 20¹. В конце 1960-х гг. одним из наиболее заметных событий являлся опрос читателей центральных газет (по общенациональной выборке), которым руководил сотрудник ИКСИ АН СССР В. Э. Шляпентох, а в Ленинграде в это время проводил опросы телезрителей Б. М. Фирсов.

Для измерения общественных процессов использовались методы адресных, почтовых опросов, анкетирование. Применялись также и экспертные оценки. Но анкетный опрос и формализованное интервью оставались самыми распространенными в практике эмпирических исследований приемами. Интервьюеры привлекались к исследованиям, как правило, на общественных началах. В ходе фундаментальных исследований оттачивался методический инструментарий эмпирической социологии и решались принципиальные методологические вопросы. Именно так строились регулярные научные семинары в рамках проекта «Таганрог», которыми тогда (1967) руководил Б. А. Грушин. По существу, они стали крупнейшей по тем временам исследовательской методологической лабораторией. Результаты ее деятельности, опубликованные в сборнике «47 пятниц»², сыграли роль учебного пособия для целого поколения советских социологов.

В 1960—1970-е гг. в советской социологии достаточно четко обнаружились пять региональных научных школ: ленинградская, новосибирская, московская, уральская и таллиннская. Каждая из них, несмотря на общее тематическое поле, присущее всей советской социологии труда, характеризовалась некоторым «проблемным уклоном», т. е. предпочтением нескольких тем, которые изучались особенно глубоко и где было достигнуто наибольшее продвижение. Так, в новосибирской школе доминировали аграрная социология (Т. И. Заславская), социальное планирование (В. И. Герчиков), социология управления (Р. Рывкина), социальный конфликт (Ф. Бородкин). В уральской школе наиболее продвинутыми областями оказались культура труда (Коган), социальное планирование (Антовы). В таллиннской школе наиболее усиленно изучались профессиональные ориентации и мобильность (Х. Титма) и прикладные аспекты управления (социологи фирмы «Майнор»)³.

¹ Читатель и газета: Итоги изучения читательской аудитории центральных газет. Читатели «Известий» и «Литературной газеты». М.: 1969. Вып. 2.

² 47 пятниц. Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов (программы и документы исследования). Вып. 1. М.: ССА, 1969.

³ *Zuzanek J. Work and Leisure in the Soviet Union. A Time-Budget Analysis.* N. Y.: Praeger Publishtrs, 1980

Сибиряками были построены типологии практически всех уровней структуры села: сельских регионов (Т. Заславская, С. Крапчан¹), сельских административных районов (В. Федосеев), сельских поселений (Е. Горяченко²), аграрных городов (А. Троцкий), типов сельскохозяйственных предприятий (П. Колосовский, Л. Косалс³) и типов поведения, например типология сельских потребителей товаров и услуг (В. Тапилина, Л. Хахулина, Т. Богомолова), образа жизни (Р. Рывкина, А. Артемов⁴), семейных экономик (А. Шапошников). Кроме того, в Сибири изучались проектирование и застройка сельских населенных пунктов⁵.

В Эстонии под руководством М. Х. Титмы изучались ценностные ориентации при выборе профессии⁶. В Ленинграде большую работу по социальным проблемам высшей школы и молодежи вели Л. Н. Лесохина, В. В. Водзинская, В. Т. Лисовский⁷. Интересные исследования по проблемам молодежи и студенчества осуществлялись на Украине⁸. В Москве начались социально-педагогические обследования под руководством Р. Г. Гуровой⁹. На Урале проводил исследования жизненных путей учащихся Ф. Р. Филиппов.

В 1960—1970-е гг. разворачиваются исследования проблем рационального использования вне рабочего времени трудящихся СССР (Институт экономики Сибирского отделения АН СССР), подъема культурно-технического уровня рабочих (Уральский университет с работниками Свердловского совхоза и других организаций), новых форм труда и быта рабочих (Институт философии АН СССР совместно с работниками совхоза и других организаций в г. Горьком), процессов превращения труда в первую жизненную потреб-

¹ Социально-демографическое развитие деревни. М.: Наука, 1986.

² Развитие сельских поселений / под ред. Т. И. Заславской, И. Б. Мучника. М.: Статистика, 1977.

³ Косалс Л. Я. Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, 1989.

⁴ Артемов В. А. Бюджеты времени населения города и деревни. Новосибирск: Наука, 1990.

⁵ Социально-экономическое развитие сибирского села / отв. ред. Т. И. Заславская, З. В. Куприянова. Новосибирск: Наука, 1987.

⁶ Жизненные пути молодого поколения / отв. ред. М. Х. Титма. Таллин: Ээсти раамат, 1985; Социально-профессиональная ориентация молодежи / отв. ред. М. Х. Титма. Тарту: Ээсти раамат, 1973.

⁷ Водзинская В. В. Ориентация на профессии // Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970; Лисовский В. Т. Советское студенчество: социологические очерки. М.: Высшая школа, 1990; Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.

⁸ Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979.

⁹ Гурова Р. Г. К вопросу о конкретных социально-педагогических исследованиях // Советская педагогика. 1966. № 2.

ность (Педагогический институт, совнархоз и другие организации в г. Красноярске) и др. Сектор социологических исследований института философии АН СССР (А. А. Зворыкин, Г. В. Осипов, И. И. Чангли и др.) изучает вопросы развития новых форм труда и быта на предприятиях Москвы, Горьковской области и других областей, Молдавской республики и т. д. Научные работники кафедры исторического материализма и лаборатория социологических исследований Московского университета (Г. М. Андреева и др.) исследуют социальные проблемы автоматизации производства на 1-м шарикоподшипниковом заводе и других предприятиях.

Исследование интеллигенции в рамках социологии науки началось одновременно с процессом ее становления в 1960-е гг. Особенностью социологии науки в России было то, что она существовала преимущественно в рамках науковедческого комплекса. В рамках этой отрасли социологии изучались специфика науки как социального института, ее социальные функции, взаимодействие науки и общества, профессиональные, деловые и межличностные отношения в научных сообществах и организациях, прежде всего в отраслевых НИИ, формы организации научной деятельности, место и роль ученого в обществе, личность ученого и др. Отечественные социологи изучали интеллигенцию главным образом на примере технической интеллигенции и прежде всего ее передового отряда — инженеров. Особенно успешными были исследования ленинградцев, обследование молодых инженеров С. Кутелем и В. А. Ядовым. Первый в своем исследовании проследил профессиональные пути молодых специалистов, особенности труда инженеров различных категорий, профессиональные ориентации выпускников технических вузов Ленинграда¹.

В 1965, 1970, 1976—1977 гг. группа социологов (Л. С. Бляхман, В. Р. Полозов, В. Я. Суслов, Ф. Л. Мерсон, Ю. Г. Чуланов, Г. Ф. Галкина, А. К. Назимова, Г. В. Каньгин и др.) под руководством О. И. Шкаратана провела повторное исследование на машиностроительных предприятиях Ленинграда, посвященное проблеме инженерного труда. Основная задача — изучение социальной структуры рабочей силы, изменений в содержании и характере труда, условий труда и быта, мотивации и отношения к труду.

Внимание отечественных социологов, проводивших эмпирические исследования, было направлено на изучение рабочего и вне-рабочего времени (Б. А. Грушин, Г. А. Пруденский, Г. Е. Зборовский, Ю. Г. Швецов и др.); образования и культуры (В. Н. Шубкин, Л. Н. Коган, Д. Л. Константинов, Ю. Н. Давыдов, Ф. Р. Филиппов,

¹ Кугель С. А. Новое в изучении социальной структуры. М.: Об-во «Знание» РСФСР, 1968.

А. Я. Куклин, Ю. В. Перов, М. Н. Руткевич, И. В. Бестужев-Лада, Л. Я. Рубина, Л. Г. Ионин, Л. И. Михайлова, Г. Е. Зборовский, Н. Г. Осипова, Ф. Э. Шереги, В. Г. Харчева, В. В. Сериков, В. Я. Нечаев и др.); социальная структура общества (О. И. Шкаратан, М. Н. Руткевич, В. Г. Подмарков, И. Н. Сиземская, Н. И. Лапин, В. В. Колбановский, В. И. Староверов, Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина, Ф. Р. Филиппов, В. В. Радаев, З. Т. Голенкова и др.); образа жизни (А. В. Безруков, И. В. Бестужев-Лада, В. Н. Иванов и др.), а также на изучение общественного мнения, средств массовой информации и пропаганды (Б. А. Грушин, Л. Н. Коган, Р. А. Сафаров, Я. С. Капелюш, Ж. Т. Тощенко, В. А. Мансуров, Б. М. Фирсов и др.). Дальнейшее развитие получили социология семьи (А. Г. Харчев, В. Б. Голофаст, С. И. Голод, М. С. Мацковский, В. А. Сысенко, А. И. Антонов, В. М. Медков и др.); социология личности (И. С. Кон, В. А. Ядов, А. Г. Харчев, Ю. А. Левада, В. Б. Ольшанский и др.).

Феномен расхождения социальных установок (вербальное поведение) и реального поведения в начале 1980-х гг. основательно будет изучен одесскими социологами во главе с И. М. Поповой. В опубликованной в 1985 г. монографии при помощи тонких методик были проанализированы данные 25 исследований на предприятиях, проведенных за период с 1970 по 1983 г. Ученые обнаружили сложные взаимоотношения между удовлетворенностью трудом (вербальное поведение) и текучестью кадров (реальное поведение), их расхождение и совпадение.

Труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством исследовали в 1960—1980-е гг. Л. В. Никифоров, Т. Е. Кузнецова, И. Т. Левыкин, В. А. Калмык, Р. К. Иванова, З. И. Калугина, Р. В. Рывкина, В. Д. Смирнов, Л. Косалс, С. Павленко и др.¹ Наиболее глубокие исследования здесь касались характера отношений собственности в колхозах и совхозах, а также путей сближения условий труда в сельском хозяйстве (включая и личные подсобные хозяйства) с условиями в городах (Л. Никифоров). Полезными оказались бюджетные обследования труда, а именно анализ значительной перегрузки работников (З. Калугина)². Бюджетами времени и образом жизни

¹ Рывкина Р. В., Косалс Е. В., Косалс Л. Я., Павленко С. Ю., Суховский М. Л. Управленческие кадры АПК: ориентации и поведение, готовность к перестройке. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987; Социально-управленческий механизм развития производства: методология, методика и результаты исследований / отв. ред. Р. В. Рывкина, В. А. Ядов. Новосибирск: Наука, 1989; Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования. Метод, разработка (Р. В. Рывкина, Л. Я. Косалс, С. Ю. Павленко и др.). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1990.

² Рывкина Р. Социология села // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 165.

сельского населения занимались В. Патрушев, Р. Рывкина, В. Артемов и др. Жилищные условия и обслуживание сельского населения, потребление общественных услуг, труд в личных подсобных хозяйствах, доходы сельской семьи изучали М. Сидорова, М. Можина, Т. Кузнецова, З. Калугина, А. Шапошников, В. Тапилина, Л. Хахулина и др.

Проблемы инженерного труда изучались в другом исследовании, которое, как и упомянутые выше, стало важным событием в отечественной социологии труда. В 1965, 1970, 1976, 1977 гг. группа социологов (Л. С. Бляхман, В. Р. Полозов, В. Я. Суслов, Ф. Л. Мертсон, Ю. Г. Чуланов, Г. Ф. Галкина, А. К. Назимова, Г. В. Каныгин и др.) под руководством О. И. Шкаратана провела повторное исследование на машиностроительных предприятиях Ленинграда. Основная задача — изучение социальной структуры рабочей силы, изменений в содержании и характере труда, условий труда и быта, мотивации и отношения к труду. Авторам удалось выявить ряд важных тенденций и особенностей в сфере труда: снижение престижа цеховых руководителей, изменение ценностных ориентаций на содержание труда у инженеров, связь внутризаводской мобильности и удовлетворенности работой, взаимосвязь эффективности труда с его условиями, зарплатой и квалификацией работника.

Примерно в те же годы, а именно в 1971—1979 гг., московские социологи из Института международного рабочего движения АН СССР (руководитель В. В. Кривневич) выступили соавторами международного исследования «Автоматизация и промышленные рабочие» в 15 странах (ВНР, ГДР, ПНР, СССР, СФРЮ, ЧССР, США, Австрия, Швеция, ФРГ, Англия, Дания, Италия, Финляндия, Франция). Координатором выступал Венский центр. Программа исследования предусматривала изучение влияния автоматизации на содержание, характер и условия труда рабочих, отношение к нему и оценку технологических нововведений, межличностные отношения, участие в управлении, ценностные ориентации, деятельность профсоюзов. Сравнение автоматизированных и неавтоматизированных цехов и участков на одних и тех же предприятиях проводилось методами наблюдения и опроса рабочих по 85 параметрам, характеризующим каждое рабочее место и разбитым на четыре блока: умственные и физические требования, условия труда, уровень механизации. Хотя внимание ученых было явно сосредоточено на микроуровне (рабочее место), основные выводы и гипотезы касались макроуровня: на развитие автоматизации основное влияние оказывают политическая система и социальный строй общества.

Однако советские социологи изучали человека не только в сфере труда, но и после работы, там, где он проводил свой досуг, бо-

ролся с бытовыми неурядицами, формировал сеть дружеских отношений. Одним из первых фундаментальных исследований такого рода стала изданная в 1972 г. книга Л. А. Гордона и Э. В. Клопова «Человек после работы»¹. Эмпирической базой послужили данные о времяпрепровождении рабочих нескольких промышленных предприятий в пяти городах Европейской части СССР, опрошенных Л. А. Гордоном в 1965—1968 гг., об условиях, структуре и формах повседневной бытовой деятельности (зафиксированные по затратам времени). Ученые учитывали не сообщения респондентов о продолжительности разного рода занятий, но последовательную самозапись своих действий за сутки (буднего дня, субботы и воскресенья) с указанием времени их начала и окончания. В результате эта книга не только стала одной из наиболее заметных социологических публикаций первой половины 1970-х гг., но и фактически положила начало новому исследовательскому направлению — социологии быта.

В конце 1960-х гг. в стране началось крупномасштабное исследование уровня жизни населения, завершившееся только в конце 1990-х. Уникальным явился его замысел: изучить буквально все стороны жизни населения России (семейное благосостояние, условия, уровень, образ и качество жизни, ценностные ориентации, бытовое обслуживание и т. д.) на примере большого индустриального города, расположенного в южной части страны². Был выбран типичный из них — Таганрог, отсюда и название всего проекта. План выборки среди населения Таганрога был построен как пропорциональная квотная выборка. Основу для нее исследователи получили, проведя сплошную перепись взрослых жителей Таганрога, по результатам которой рассчитывалась модель по четырем связанным квотным параметрам: социальное положение, пол, возраст, образование. Кроме того, ученые использовали также направленные типологические выборки по группам населения. Всего анкетными опросами было охвачено 16 159 респондентов, проведено 10 762 личных интервью и заполнено 8882 бланка дневников.

Стратегическая цель исследования состояла в попытке выявить социально-экономические проблемы, которыми болеет общество, условия и факторы их возникновения, механизмы и пути преодоления. Группа ученых (вначале под рук. Б. А. Грушина, затем — Н. М. Римашиевой) из Центрального экономико-математического

¹ Гордон Л. А., Клопов Э. В. Человек после работы: Социальные проблемы быта и вне рабочего времени: По материалам изучения бюджетов времени рабочих в крупных городах Европейской части СССР. М.: Наука, 1972.

² В чем-то таганрогский проект напоминал классическое исследование «Янки-сити» Уорнера и Сроула, проведенное в 1930-е гг.

института АН СССР (ныне — Лаборатория социальной инфраструктуры ИСЭПН РАН) провела в разные годы в г. Таганроге (Ростовской обл.) по существу четыре исследования: «Таганрог-1» (1968—1969) — реакция после «хрущевской оттепели»; «Таганрог-2» (1978—1979) — расцвет брежневского «застоя»; «Таганрог-3» (1988—1989) — зенит горбачевской «перестройки»; «Таганрог-3,5»¹ (1993—1994) — «шок» ельцинско-гайдаровской реформ². Наконец, в 1998—1999 гг. проведено новое исследование — «Таганрог-4». Эти исследования позволили выявить связи и закономерности формирования образа жизни и здоровья населения, типичные для многих промышленных центров страны, глубже и рельефнее раскрыть тенденции изменения условий жизни населения, более обоснованно определять пути их целенаправленного регулирования. Ученые обнаружили, что в течение многих лет такие важнейшие показатели, как обеспеченность жильем, оценка здоровья, потребление материальных и социально-культурных благ и услуг, имели тенденцию к снижению. Под руководством В. А. Мансурова почти по плану таганрогского проекта были проведены «три волны» изучения общественного мнения жителей г. Орска (1976, 1980, 1986 гг.)³.

С конца 1960-х—начала 1970-х гг. появились первые отечественные труды, положившие начало формированию социологии девиантного поведения и социального контроля как специальной социологической теории. В 1980-е гг. на территории бывшего СССР сложилось несколько центров социологических исследований девиантного поведения: в Санкт-Петербурге и Москве, в Эстонии и Грузии⁴. Исследованиями девиантного поведения занимались Я. И. Гиллинский, А. Лепс, Э. Раска, Ю. Саар, А. Г. Амбрумова, Г. Г. Заиграев, Б. М. Левин, И. М. Карпец, Б. С. Братусь, Б. М. Гузилов, В. В. Лунеев, В. М. Зобнев, А. А. Габиани, К. К. Горяинов, А. А. Коровин, С. И. Голод, А. Н. Игнатов, Я. М. Яковлев, Г. Ф. Хохряков, А. А. Тайбаков и др. Значительная роль в институционализации социологии девиантного поведения принадлежит академику В. Н. Кудрявцеву. В ССА успешно работал Комитет социологии девиантного поведения, имевший секции в ряде регионов страны. По инициативе Б. Левина, возглав-

¹ Данное исследование было реализовано как промежуточное. Его индексация определялась полупериодом (не десять, а пять лет спустя).

² См.: Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе / под ред. Н. М. Римашевской и С. А. Карапетяна. М.: Мысль, 1985; Семья, труд, доходы, потребление (таганрогские исследования) / под ред. Н. М. Римашевской и Л. А. Оников. М.: Наука, 1977; Народное благосостояние: Методология и Методика исследования / отв. ред. Н. М. Римашевская, Л. А. Оников. М.: Наука, 1988.

³ Пресса и общественное мнение. М.: Наука, 1986.

⁴ Гиллинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. С. 485—514.

лявшего секцию (комитет) социологии отклоняющегося поведения США, проводились всесоюзные конференции по проблемам социальных девиаций — в Черноголовке (Московская обл., 1984), Уфе (1986), Суздале (1987), Бресте (1988), Душанбе (1989), а с 1990 г. — Международные конференции в Москве, привлекавшие большое количество зарубежных исследователей. В результате многочисленных эмпирических исследований на территории бывшего СССР и России получены сведения о состоянии, структуре, уровне и динамике различных форм девиантного поведения, в том числе сравнение реального и официального уровней общеуголовной преступности, о росте латентной преступности, взаимосвязи между уровнем и динамикой убийств и самоубийств, подростково-молодежной делинквентности и др. Интересные эмпирические данные о проблемах алкоголизма содержатся в работах Г. Г. Заиграева, Н. Я. Копыта, Б. М. Левина, Ю. П. Лисицына, П. И. Сидорова и др. Социальным, медицинским и психологическим проблемам пьянства и алкоголизма посвящены исследования Б. С. Братуся, Б. М. Гузикова, В. М. Зобнева, А. А. Мейрояна. Проблемам подростковой наркомании и токсикомании посвящены работы А. Е. Личко, Г. Я. Лукачера, Н. В. Макшанцевой, Т. В. Ивановой, В. А. Чудновского. Большую роль в становлении отечественной социологии девиантного поведения сыграли работы А. А. Габиани, в течение многих лет проводившего эмпирические исследования алкоголизации населения и молодежной преступности в различных регионах СССР. Под его руководством в 1967—1972 гг. было проведено первое крупное эмпирическое социологическое исследование наркотизма на территории бывшего СССР¹. Решающий вклад в теоретико-методологическое осмысление эмпирических данных и становление социологии девиаций в России внес питерский ученый Я. И. Гилинский.

Десятилетие образа жизни — так, пожалуй, можно назвать период с середины 1970-х до середины 1980-х гг., когда умами советских социологов овладела мода на изучение советского образа жизни. Тогда в ИСИ, ИМРД, ЦЭМИ АН СССР, в академических институтах философии и экономики, в ИЭиОПП СО АН СССР, АОН при ЦК КПСС, других научных учреждениях были созданы сектора и группы, занимающиеся изучением образа жизни. Бесчисленным эмпирическим исследованиям предшествовала жаркая теоретическая дискуссия о содержании и границах новой научной категории, в которой приняли участие философы и социологи: Е. Ануфриев, И. Бестужев-Лада, А. Бутенко, А. Ципко, В. И. Толстых,

¹ Габиани А. Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977.

Л. В. Сохань, А. А. Возьмитель и др. В конечном итоге возобладала точка зрения, что под образом жизни следует понимать совокупность форм деятельности, взятых в неразрывном единстве с условиями этой деятельности¹. Среди региональных научных школ, занимавшихся тогда эмпирическим изучением образа, качества, уклада и стиля жизни, выделились московская, ленинградская, минская и киевская. Одними из первых разработкой вопроса в 1975—1978 г. занялся сектор прогнозирования образа жизни ИСИ АН СССР (под рук. И. Бестужева-Лады).

Сотрудники отдела комплексного изучения образа жизни ИСИ АН СССР (И. Левыкин, Т. Дридзе, А. Возьмитель, Э. Орлова, Я. Рейземаа) провели всесоюзное исследование «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни»², растянувшееся на много лет: первый этап проходил в 1981—1982 гг., второй — в 1986—1987 гг., третий — в 1990 г. В ходе этих исследований изучались общая удовлетворенность жизнью и такими ее сторонами, как материальное благополучие, отношение в семье, на работе, возможности для образования и воспитания детей, здоровье и т. п. Последним из крупномасштабных проектов, связанных с тематикой образа жизни, явился опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г., результаты которого легли в основу известной монографии «Советский простой человек» под редакцией Ю. А. Левады³.

Справедливости ради надо сказать, что первым значительным опытом изучения образа жизни в отечественной социологии явилось исследование, осуществленное в 1963—1966 гг. Б. А. Грушиным (по стратифицированной выборке, репрезентирующей взрослое городское население СССР, опрошено 2730 человек)⁴. С ним связывают начало становления в нашей стране социологии свободного времени.

В конце 1970-х—начале 1980-х гг. продолжались исследования профессиональных ориентаций и образа жизни отдельных групп молодежи, в частности работы, посвященные анализу профессио-

¹ Социалистический образ жизни / Л. И. Абалкин, В. Г. Алексеева, С. С. Вишневецкий и др.; Редкол.: С. С. Вишневецкий и др. М.: Политиздат, 1984.

² Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей / отв. ред. И. Т. Левыкин и А. А. Возьмитель. М.: ИСИ АН СССР, 1984; Социологические методы изучения образа жизни / отв. ред. И. Т. Левыкин и Э. А. Андреев. М.: ИСИ АН СССР, 1985. С. 136—154; Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1988.

³ Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / отв. ред. Ю. А. Левада. М.: Мировой океан, 1993.

⁴ Грушин Б. А. Свободное время: Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М.: Правда, 1966; Грушин Б. Свободное время: Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.

нальных ожиданий выпускников средних школ (Д. Л. Константиновский, В. Н. Шубкин¹), образу жизни и духовному облику студентов высших учебных заведений (В. Т. Лисовский²). В середине 1980-х гг. проходит международное исследование «Молодежь и новые технологии: ориентации европейской молодежи в отношении работы и окружающей среды», в рамках которого изучалось отношение молодых людей к новым техническим средствам, с которыми они сталкиваются в учебе, на работе и дома³. Публикуются монографии обобщающего исторического характера. В своей книге «От поколения к поколению: социальная подвижность»⁴ Ф. Р. Филиппов обобщил опыт проведенных под его руководством лонгитюдных обследований одних и тех же групп молодежи на протяжении относительно длительного периода их жизненного цикла в различных регионах страны (Урал, средняя полоса России, Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область, Псковская область и др.). Обнаружилась ярко выраженная поэтапность самоопределения молодежи, отмечалось, что каждый пройденный этап детерминирует прохождение следующих. А. А. Овсянниковым⁵ изучались информированность студентов о будущей профессии и месте работы, эмоциональные оценки по поводу получаемой профессии, мотивации, связанные с будущим трудоустройством, учебно-познавательная активность студентов.

Одним из активно развивавшихся в советское время и продолжающих развиваться сейчас направлений эмпирической социологии является изучение бюджета времени. Основные положения концепции изучения бюджетов времени были сформулированы еще в 1920—1930-х гг. С. Г. Струмилиным. Если в XIX—первой четверти XX в. бюджет времени выступал всего лишь дополнительной частью в исследованиях материального бюджета (доходы и расходы семьи), то в послевоенное время он постепенно выдвигается на первый план, а затем (в 1970-е гг.) полностью вытесняет своего конкурента. Советскую власть, занятую развернутым строительством коммунизма, не интересовало выявление уровня жиз-

¹ Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.

² Образ жизни современного студента: социологическое исследование / отв. ред. В. Т. Лисовский. Л.: ЛГУ, 1981.

³ Astafiev J., Firsova O., Shubkin V. Youth and New Technologies in the USSR // European Youth and New Technologies: A Comparative Analysis of 12 European Countries / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.

⁴ Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.

⁵ Высшая школа в зеркале общественного мнения / отв. ред. А. А. Овсянников. М.: Высшая школа, 1989.

ни населения, особенно в сравнении с зарубежными странами. Бюджет времени ей показался куда более безобидным средством объяснения социальной динамики.

В 1920—1930-е гг. запись о конкретных видах деятельности, осуществляемых человеком в течение суток, и их продолжительность проводилась путем опросов за обычный, средний день. Начиная с 1960-х гг. ученые прибегают также к дневниковым записям (самофотографии или саморегистрации данных обследуемыми), а с 1970-х — к анкетированию (оно предназначалось для выявления субъективных оценок по поводу условий использования рабочего и вне рабочего времени, измерения уровня удовлетворенности ими). Исследования бюджетов времени были одной из первых социологических областей, где при обработке и анализе эмпирических данных в полной мере стали применяться методы математической статистики, математическое моделирование, а также технические средства — ЭВМ (1963).

Эстафету у С. Струмилина первым подхватили в послевоенный период Г. А. Пруденский и его школа (середина 1950-х—конец 1960-х гг.). В 1959 г. ЦСУ РСФСР при участии Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР в Москве и Новосибирске проводит первое в послевоенный период обследование бюджетов времени рабочих и служащих. В 1963 г. было организовано сразу несколько обследований бюджетов времени в Красноярском крае, Горьковской, Ивановской, Ростовской и Свердловской областях, Новокузнецке, Свердловске, Омске, Иркутске, Костроме, Ереване, Таганроге, Горьком, Ленинграде, Новосибирске.

Показатели бюджета времени использовались при изучении труда, условий и образа жизни, быта городского и сельского населения, разных социально-профессиональных групп: учителей (Б. Л. Цыпин, В. Н. Турченко, Л. Г. Борисова и др.), врачей (А. Г. Кононов), учащейся молодежи (Р. П. Ламков, В. В. Софронова, В. А. Морохин и др.), партийных и комсомольских активистов (П. М. Дорофеев, В. А. Шабашев, В. И. Болгов), моряков (В. И. и Л. А. Галочкины) и других групп населения.

В 1970—1990-х гг. наибольшую известность получили исследования В. Д. Патрушева и возглавляемого им в ИСИ АН СССР сектора бюджетов времени. Кроме того, исследования такого рода проводили ЦСУ РСФСР, Всероссийский институт труда и управления в сельском хозяйстве и Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (Новосибирск). В ходе исследований, проводимых ЦСУ РСФСР в 1977, 1980, 1985 и 1990 гг., опрашивалось по 50 тысяч семей. Основные результаты заключаются в выявлении состояния и тенденций в использовании време-

ни городского населения. При этом исследователи бюджета времени, в отличие от представителей других направлений, постоянно сравнивали российские данные с зарубежными, участвуя в международных проектах. Уже в 1965—1966 гг. было проведено первое в мировой социологии крупномасштабное сравнительное исследование, охватившее 12 стран Европы и Америки (под рук. А. Салаи и Европейского центра координации исследований), результаты которого представлены на VI Всемирном социологическом конгрессе (1966) в Эвиане. В 1986 г. бюджеты времени населения г. Пскова изучались в рамках советско-американского повторного исследования¹.

К середине 1980-х гг. в отечественной социологии науки сформировалось несколько ведущих научных школ, в частности а) ростовская (М. М. Карпов, М. К. Петров, А. В. Потемкин, Э. М. Мирский, Е. З. Мирская и др.), киевская (Г. М. Добров, В. А. Малицкий), московская (А. А. Зворыкин, Д. Д. Райкова, С. Р. Микулинский, Н. И. Родный, П. П. Гайденок, М. К. Мамардашвили, А. П. Огурцов, В. Ж. Келле, Г. Г. Дюментон, Ю. В. Татаринев, Е. З. Мирская и др.), ленинградская (Ю. С. Мелещенко, И. И. Лейман, И. А. Майзель, С. А. Кугель), минская (Г. А. Несветайлов), новосибирская (А. Н. Коцгергин, Е. В. Семенов и др.)².

В середине 1980-х гг. у социологов появилась возможность проводить телефонные опросы, вести обширные панельные исследования по самым острым темам. С конца 1980-х гг. обычной практикой становятся опросы общественного мнения совместно с зарубежными исследовательскими и коммерческими центрами, в частности советско-японское (В. С. Коробейников) и советско-финское (В. А. Мансуров) исследования о том, как воспринимается образ данной страны гражданами страны-партнера.

В конце 1980-х гг. проводником новых опросных технологий и главной «фабрикой» подготовки репрезентативных эмпирических исследований становится Всероссийский центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ), возглавленный сначала Т. И. Заславской, а затем Ю. А. Левадой. После его создания в начале 1990-х гг. по стране прокатилась организационная волна: как грибы множатся независимые центры изучения общественного мнения, маркетинговых и политических опросов. Помимо ВЦИОМа, возникшего в 1988 г., появляются и другие опросные центры: в середине 1990 г. образо-

¹ Подробнее см.: *Патрушев В. Д.* Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 452—471.

² Подробнее см.: *Винклер Р.-Л., Келле В. Ж.* Социология науки // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. С. 369—400.

вალაქ независимая служба общественного мнения «Vox Populi» (Б. А. Грушин), в 1991 г. — Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), который с 1996 г. становится базовой социологической организацией предвыборного штаба Б. Н. Ельцина. Независимый исследовательский центр РОМИР был создан на рубеже 1980—1990-х гг. и стал одним из первых в России институтов, специализирующихся на социально-политических и маркетинговых исследованиях. Одной из первых организаций по проведению маркетинговых исследований в России была ГфК-Русь, возникшая в начале 1990-х гг. В 1991 г. была основана исследовательская компания СОМСОН. В короткие сроки независимая частная компания стала ведущей в области исследований рынка и средств массовой информации.

К этому времени только в Москве и Ленинграде действовало около двух десятков служб общественного мнения. Увеличивается приток заказов из-за рубежа, проводятся совместные исследования, оттачивается исследовательское мастерство социологов, в практику входят международные стандарты, новые техники и технологии исследования. Региональные опросные центры функционировали практически во всех частях страны, за исключением малонаселенных территорий и труднодоступных районов Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока. В стране создается несколько сетей интервьюеров на базе региональных опросных структур.

К середине 1990-х гг. в каждом экономико-географическом регионе России было создано по одному профессионально подготовленному региональному центру, проводящему опросы по заданию или по контрактам московских и других (включая зарубежные) центров. Многие из региональных служб были созданы ВЦИОМом во второй половине 1990-х гг. Эти службы стали опорными базами новых общероссийских центров, например ФОМа (А. А. Ослон, Е. С. Петренко), службы «Vox Populi» (Б. А. Грушин), «Мониторинга общественного мнения» (Институт социологии РАН) и др. Сотрудничество с профессиональными центрами содействовало повышению квалификации, профессионализму работников региональных российских служб. Ведущие центры изучения общественного мнения систематически проводят обучение интервьюеров в своих «штаб-квартирах», используя современные технологии (видео запись интервью, его анализ под руководством инструктора и т. п.)¹. В настоящее время ВЦИОМ, ФОМ, РОМИР, КОМКОН, ГФК-Русь стали лидерами эмпирической социологии.

¹ Мансуров В., Петренко Е. Изучение общественного мнения: традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 580.

В 1990-е гг. исследования общественного мнения все чаще ведутся в мониторинговом режиме. Прикладные исследования численно и в стоимостном выражении преобладают над фундаментальными. Тематика опросов, проводимых столичными и региональными маркетинговыми и политологическими фирмами, консалтинговыми центрами, расширяется — от повседневного потребления товаров и услуг до отношения к властям, политических и электоральных ориентаций. Разнообразнее становится методический арсенал социологов-прикладников, постоянно пополняемый приходящими из-за рубежа новинками бенчмаркинг, аутсорсинг, брэндинг, диалоговое интервью, home-test, информационно-аналитические технологии, исследование конкурентов, кейс-стади, клиппинг, маркетинговая разведка, медиа-измерения, нарративное интервью, онлайн-панель, пипл-метр, трекинг-исследования и т. п. Помимо общенациональных опросов, проводятся региональные, городские опросы отдельных социальных групп. Наряду с общепотребительным методом интервью по месту жительства используются анкетирование, прессовые, почтовые опросы. Некоторые службы применяют телефонные опросы (В. Андреенков), другие — методы контент-аналитического исследования, третьи специализируются на уличных опросах (Л. Кесельман).

В 1990-е гг. интересные данные были получены также в области фундаментальной социологии, в частности о социальных проблемах села. Они были получены в ходе осуществления межстранового проекта «Качество жизни сельского населения России и США», который подготовлен в 1991 г. совместно ИСЭПН РАН и Университетом Миссури — Колумбия США (В. Пациорковский)¹. За период работы было проведено три эмпирических исследования в трех российских селах. Новым моментом в них являются сравнение с США и анализ кризиса сельского уклада жизни в переходном российском обществе. Одно из последних исследований в знаменитой серии новосибирских исследований образования (рук. В. Н. Шубкин) проведено в 1994 г. Д. Л. Константиновским. Появилась уникальная возможность анализировать тенденции развития образования в российском обществе на протяжении 30-летнего периода². Выяснились глобальные закономерности, характеризующие аккумулярованный эффект социального неравенства в системе образования. Социологическое исследование (опрос проведен в 1994 г.

¹ Методология исследования и качество жизни сельского населения России и США / ред. В. В. Пациорковский, Дэвид-Дж.О-Брайн. Москва; Колумбия, 1996.

² Константиновский Д. Л. Молодежь в системе образования: динамика неравенства // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 92—123.

в 50 вузах 12 городов по квотной выборке: в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Сыктывкаре, Нижнем Новгороде, Воронеже, Казани, Екатеринбурге, Омске, Красноярске и Владивостоке) показало снижение притягательности Москвы и Санкт-Петербурга как центров образования, хотя всего несколько лет назад о вузах этих городов мечтали почти все выпускники средней школы и их родители. В 1992 г. по заказу Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом было проведено обширное исследование (руководитель Г. Г. Силласте), охватившее семь экономических зон России, опрос проводился в 12 городах.

В 1990-е гг. проведен ряд интересных исследований в социологии науки. В Москве сектор социологии науки Института истории естествознания и техники РАН под руководством Е. З. Мирской проводит мониторинг изменений, происходящих в российской академической науке под влиянием экономических реформ, анализируются национальные модели развития науки (Россия, США, Англия, Франция, Германия, Китай и др.). В Институте социологии РАН под руководством Д. Д. Райковой¹ организуется серия эмпирических исследований по темам: «Возможности выживания академической науки в кризисных условиях», «Исследование путей повышения жизнеспособности академической науки», «Работа по контракту и обмену за рубежом» и др. Изучены изменения параметров института академической науки, таких как связь науки и государства, направленность коммуникаций, организационные структуры, способы финансирования, престиж научной деятельности и т. д. Большой объем исследований в течение 1992—1995 гг. проведен по «утечке умов» из российской науки². Вызванные российскими реформами изменения в научном сообществе стали предметом изучения социологов Новосибирска. Начиная с 1992 г. ими было проведено несколько опросов ученых новосибирского «наукограда» (Академгородка), выявлено влияние снижения финансирования науки на ее статус и стабильность научного сообщества³.

В 1989—1991 гг. под руководством члена-корреспондента Н. И. Лапина Центр изучения социокультурных измерений Института философии РАН разработал и реализовал Программу мониторинговых всероссийских исследований «Наши ценности и интересы сегодня». Эта комплексная программа ориентирована на

¹ Райкова Д. Д. Как сохранить жизнеспособность академической науки? // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 9.

² «Брейн-дрейн» в современной России: внутренние и международные аспекты / ред. С. Н. Земляной и В. А. Кузминов. М.: ЮНЕСКО-РОСТЕ, 1992.

³ Плюснин Ю. М., Гордиенко А. А. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России. Новосибирск, 1995.

выяснение динамики базовых ценностей населения и его социальной структуры как взаимосвязанных факторов трансформации кризисно реформируемого общества, изучение трансформации современного российского общества, формирование новых социокультурных групп, консолидированных общими интересами и ценностными ориентациями¹. По сопоставимой методике были проведены три репрезентативных обследования (полуторачасовые интервью в домашних условиях) с интервалом через 4 года каждое: в 1990, 1994, 1998 гг. Сформирован компьютеризированный банк данных, включающий информацию, зафиксированную в 4100 полевых документах².

Именно в 1990-е гг. возрождается забытое направление эмпирической социологии — изучение бедности, которое активно разрабатывалось в дореволюционной России. Сегодня число исследований бедности резко возросло. Ими занимаются Л. А. Гордон, Н. М. Римашевская, М. А. Можина, В. С. Сычева, Л. Хахулина, Л. Г. Зубов, Л. С. Ржаницына и др.

Наряду с традиционными подходами в фундаментальной социологии возникают попытки альтернативного (или, как еще говорят, постмодернистского) рассмотрения мегасоциальных и социетальных категорий. Примером может служить крупный проект «Энергия социального интеллекта», который на протяжении нескольких лет реализовывался коллективом кафедры социологии и социологической лабораторией Таганрогского государственного радиотехнического университета под руководством известного в прошлом заводского социолога профессора В. В. Чичилимова на территории Таганрога — самого знаменитого в отечественной социологии города-полигона. За необычной терминологией (синергетика, эмерджентные свойства смысловых диспозиций, социологический дигитальный инфомодельный атлас), объемными монографиями и отчетами (каждый достигающий тысячи страниц), многочисленными таблицами, графиками и многомерными корреляциями кроется серьезная попытка глубоко проанализировать все стороны жизнедеятельности современного города — от Я-концепции и социальных практик до пространственно-групповой стратификации населения и социоландшафтных характеристик стиля жизни³.

¹ Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., 1994.

² Лапин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

³ См.: Жизнедеятельность молодежи среднего города России: молодежь Таганрога / под ред. В. В. Чичилимова. Таганрог, 1997; Чичилимов В. В. Энергия социального интеллекта населения среднего города России. Социологический дигитальный инфомодельный атлас. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2002.

Центром социологии региональных и национальных отношений ИСПИ РАН (руководитель, член-корреспондент РАН В. Н. Иванов) с 1992 по 2002 г. проведено 9 полевых исследований в северокавказском регионе, в том числе 2 — в Карачаево-Черкесии, 1 — в Кабардино-Балкарии, 1 — в Чечне, 2 — в Дагестане, 3 — в Северной Осетии-Алании. В этом регионе обнаружено до 30 точек напряженности. Широкомасштабные исследования характера и состояния межнациональных отношений, проведенные за десятилетний период в ряде регионов России, позволили составить карту социальной напряженности общества. Специалисты Центра выделили стабильные (по степени напряженности межнациональных отношений) регионы, такие как Уфа (где этот показатель в 1993—1997 гг. колебался от 29 до 33%), и нестабильные, в частности Москву, где индекс имел негативную динамику, изменяясь от 51 до 72%. Сравнение данных опросов, проведенных в последние два года (1998—2000), позволяет утверждать, что оценки состояния межнациональных отношений в массовом сознании со временем становятся менее тревожными¹.

В последнее десятилетие методический арсенал эмпирической и прикладной социологии пополнился новыми средствами, процедурами, техниками и стратегиями научного познания. Маркетологи активно применяют холл- и хомтесты, онлайн-овые и интернет-исследования. Наметились продвижения и в области фундаментальной социологии. Один из наиболее известных исследователей социальных движений французский социолог А. Турен считает, что действующими лицами («актерами») процесса самопроизводства общества выступают протестные движения. Смысл его идеи заключается в том, что движение есть такая форма коллективной деятельности, посредством которой социальные общности устанавливают, по выражению Турена, «контроль над историчностью», т. е. вмешиваются в ход истории. Это вмешательство становится возможным потому, что социальные движения носят конфликтный и наступательный характер: они оспаривают те или иные параметры существующих общественных отношений и культурных моделей и тем самым выступают как факторы изменений². Отправляясь от своей оригинальной концепции, А. Турен разработал метод конкретных социологических исследований, который он назвал методом «социологической интервенции»³. По его методике

¹ Иванов В. Н. Центр социологии региональных и национальных отношений // <http://www.ispr.ru/10LET/STATI10/stati11.html>.

² См.: Турен А. Введение к методу социологической интервенции // Новые социальные движения в России / под ред. Л. Гордона, Э. Клопова. М., 1993. С. 9—10.

³ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / пер. с французского Е. А. Самарской, ред. М. Н. Грецкий. М.: Научный Мир, 1998.

в середине 1990-х гг. научный коллектив отечественных социологов во главе с Л. Гордоном и Э. Клоповым провел серию исследований шахтерских забастовок.

Рывкина Р. В. Парадоксы российской социологии

Иногда считают, что наука не может эффективно работать из-за того, что ученым не платят зарплату. Но главный тормоз совсем другой: исследования стоят больших денег. В июле 1997 г. рыночная цена проведения одного интервью с руководителями любого ранга (от директора завода и выше) по экспертной оценке составляла не менее 20 долларов. Ученый, желающий собрать конкретную информацию на базе хотя бы 100 интервью, не сможет оплатить такие расходы.

В советские времена конкретные социологические исследования финансировались за счет бюджета. Сегодня это кажется странным. Автору пришлось много раз организовывать социологические экспедиции в сельские районы Новосибирской области и Алтайского края. 6—7 отрядов по 8—10 человек в каждом получали автомашины из Сибирского отделения Академии наук СССР и выезжали в деревни, вплоть до самых удаленных от областного центра. Жилье, питание, транспортные расходы — все это предоставлялось Институтом экономики Сибирского отделения наук. Ученым оставалось лишь разработать инструментарий сбора и анализа информации, сесть в машину, приехать на «объект» и приступить к работе. Сегодня этих условий нет, а цена информации — высокая.

Была еще одна более дешевая форма сбора информации: преподаватели использовали труд студентов, которые готовили курсовые или дипломные работы. Например, нынешний профессор кафедры экономической географии МГУ А. И. Алексеев на протяжении многих лет вывозил своих студентов «в поле» — в разные районы СССР, вплоть до Сибири. В течение месяца-двух студенты под его руководством собирали информацию, как социологическую (опросы населения), так и статистическую (данные из похозяйственных книг сельских советов, отчетность райстатуправлений и др.). Сбор сведений велся под контролем опытных преподавателей. Так что собираемая информация была качественной. Это позволяло руководителям студенческих отрядов проводить вторичный анализ данных, использовать их для научных докладов.

В постсоветской России получение информации для независимых ученых (например, работающих на кафедрах вузов) стало неразрешимой проблемой: ни покупать информацию, ни собирать ее своими средствами стало невозможно. Социологи лишились информационной базы. Но какая же наука без новой информации?

Рывкина Р. В. Парадоксы российской социологии // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 205—206.

ГЛАВА 2. Основные отрасли и направления

Социология классов в России

В отечественной дореволюционной социологии сосуществовали различные подходы к трактовке теории классов¹. Наиболее заметную роль играли марксистский, «распределительный» и «организационный» подходы. В «*распределительной*» теории (М. Туган-Барановский, В. Чернов и др.) классообразующим признаком выступал доход, его виды и размер; «*организационная*» теория (А. Богданов, В. Шулятиков) акцентировала внимание на роли в общественной организации труда. В полемике с ними складывалась и третья, «стратификационная» теория (П. Сорокин, К. Тахтарев и др.), которая в основу классов полагала несколько статусных признаков: профессиональный, имущественный, правовой и множество дополнительных черт (сходство вкусов, образа жизни, убеждений и т. д.). В 1919–1920 гг. П. Сорокин, в бытность директором «Социологического Института», собирал эмпирический материал по социальной перегруппировке населения Петрограда и изменениям в уровне жизни разных слоев населения за годы войны и революции.

На международных социологических конгрессах (Париж — 1903 г., Лондон — 1906 г.) с докладами об историческом развитии классов и сословий выступили русские социологи М. Ковалевский, Е. де Роберти, И. Лучицкий. Получили известность работы В. М. Хвостова, А. И. Стронина, С. И. Солнцева, К. А. Пажитнова, Г. Е. Полляка², В. И. Ленина и др. Многие материалы по рабочему классу в России были собраны в «социальном музее» при Московском университете.

Рассматривая особенности социальной структуры современного ему общества, русский социолог В. М. Хвостов предложил ее толкование как совокупности групп и классов. Если группы чаще склонны к солидарности и кооперации, тогда как классы — к конкуренции и борьбе³. Определенный интерес представляет разрабо-

¹ Подробнее см.: *Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д.* Социальная структура и стратификация // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых; Изд-во ИС-РАН, 1996. С. 259—290.

² *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1906; *Полляк Г. Е.* Профессия как объект статистического учета. СПб.: Политехнический институт им. Петра Великого, 1913.

³ *Хвостов В. М.* Социология. Ч. 1. М., 1917.

танная А. И. Строниним модель социально-экономической структуры общества, которую он представил в виде пирамиды. Она состоит из трех слоев: верхнего, нижнего и среднего; каждый слой он анализирует в двух разрезах — социально-профессиональном и интеллектуальном. Кроме того, автор вычленяет и горизонтальный срез социальной структуры, под которым понимает территориальные общности¹. По мнению современных специалистов, это была одна из первых попыток в русской социологии сформулировать многомерную стратификационную модель российского общества, хотя ее обоснование и в теоретическом, и в эмпирическом плане было недостаточным².

В работе «Развитие капитализма в России», написанной им в конце XIX в., В. И. Ленин, обобщив огромный фактический материал (данные земско-статистических подворных переписей), доказал, что в социально-классовой структуре России происходят существенные изменения: прежнее крестьянство не просто разрушается, возникают совершенно новые социальные группы — типы группировок сельского населения, которые характеризуются различной системой хозяйствования, образом жизни, культурным и образовательным уровнями и т. д. Аналогичные процессы происходят и в промышленности: формируется новая социально-профессиональная структура населения России, четко прослеживаются регионально-территориальные особенности этих процессов³.

Позже В. И. Ленин сформулировал наиболее полное в марксистской социологии определение классов: «Большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»⁴.

В. И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом продолжал развитие концепции социального класса как реальной группы: классы формируют сознание о своей исторической роли и свою идеологию

¹ Стронин А. И. История и метод. СПб., 1869.

² Голенкова З. Т., Игитханян Е. Д. Социальная структура и стратификация // Социология в России / Под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых; ИС РАН, 1996. С. 259—290.

³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.

⁴ Ленин В. И. Великий почин // Там же. Т. 39.

(от «класса — в себе» до «класса — для себя»); они политически организованы и имеют свою партию и классовые организации; выступают субъектами классовой борьбы.

В дискуссиях 20-х гг. при анализе социальной структуры общества значительное место занимали вопросы связи социально-экономических и организационно-социологических аспектов понятия классов, их различий, социальных слоев и профессиональных групп¹. В 30-е гг. дискуссии теряют свою методологическую остроту, они разворачиваются в русле, проложенном ортодоксальным марксизмом, и мало что нового привносят в научную мысль. Тем не менее специалисты отмечают три достаточно интересные статьи: первая подготовлена Б. Л. Маркусом «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР» и посвящена выявлению основных социальных слоев внутри рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период, а две другие — М. Авдеенко «Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке» и М. И. Гильбертома «К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны»².

После более чем двадцатилетнего перерыва, начиная со второй половины 50-х гг., появляется ряд работ с анализом численности, состава и источников пополнения рабочего класса на разных этапах развития советского общества. Главное внимание в них уделялось составу рабочего класса (по определенным признакам).

До середины 60-х гг. в отечественной литературе господствовала точка зрения об отсутствии социальной дифференциации не только в рабочем классе, но также в составе интеллигенции и крестьянства. Утвердилась трехчленная формула структуры советского общества (рабочий класс, колхозное крестьянство и как социальная прослойка с интеллигенция), восходящая к сталинскому «Краткому курсу истории ВКП(б)».

Прорыв произошел в 1965 г., когда появился первый том книги «Социология в СССР»³, где на основе исследований, проведенных в Московской, Ленинградской, Свердловской, Горьковской, Новосибирской областях РСФСР, Молдавской ССР и других регионах страны, описывались изменения в классовой структуре советского общества, внутриклассовые отношения и взаимоотношения различных слоев и групп, а также другие социальные проблемы города и деревни, производственного коллектива.

В январе 1966 г. в Минске состоялась первая научная конференция по предмету «Изменения социальной структуры советско-

¹ Розенталь К. Я. Экономический строй и классы в СССР. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929.

² История пролетариата в СССР. 1932. № 2.

³ Социология в СССР. Т. I—II / под ред. Г. В. Осипова. М.: Мысль, 1965.

го общества». В ее работе приняли участие свыше 300 философов, социологов, экономистов, историков, правоведов почти из всех регионов страны. Конференция научно узаконила отход от «трехчленки» в сторону более вариативного подхода. Ведущую роль в этом процессе сыграли Н. Аитов, Л. Коган, С. Кугель, М. Руткевич, В. Семенов, Ф. Филиппов, О. Шкаратан и др.

В 60-70-е гг. очень осторожно в научный лексикон начинают проникать принятые международным сообществом социологические термины. Пока еще вместо понятия «социальная мобильность» используются «социальные перемещения», а вместо «страты» — советский аналог «социальный слой».

Постепенно эмпирические исследования начинают прорывать жесткие рамки идеологического канона. Полученные результаты не умещаются в проложенном русле. В социологическом исследовании, проведенном на предприятиях машиностроительной промышленности г. Ленинграда в 1965 г. под руководством О. Шкаратана и изложенном в книге «Проблемы социальной структуры рабочего класса», отчетливо прослеживается социально-стратификационный подход. Автор выделил в составе рабочих обширные слои работников нефизического труда, в том числе технической интеллигенции, и предложил часть советской интеллигенции, связанной с промышленностью, включить в состав рабочего класса, а интеллигенцию, связанную с колхозным производством, — в колхозное крестьянство.

В 1963 г. исследования уральских социологов (руководитель Л. Н. Коган) выявили существенные различия культурных потребностей сельских и городских жителей. В это же время Ю. В. Арутюняном были начаты более масштабные обследования села¹. Основное содержание этих и других обследований сводилось к выделению классовобразующих признаков крестьянства и выявлению количественных пропорций отдельных слоев.

Исследования в 70-х гг. проходили под знаком утверждения социальной однородности как основной, доминирующей тенденции развития советского общества. В качестве критериев установления социальной однородности принимались: исчезновение эксплуататорских классов, частной собственности на средства производства и социального антагонизма. В Институте социологических исследований АН СССР были созданы сектора рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, объединенные в Отдел социальной структуры (руководитель Ф. Р. Филиппов). Основной акцент в эмпирических исследованиях переносится на анализ внутриклассовых различий.

¹ Проблемы изменения социальной структуры советского общества / под ред. Ц. А. Степаняна, В. С. Семенова. М.: Наука, 1968.

Характер труда объявляется основным слоеобразующим признаком. Различия по характеру труда становятся основными критериями дифференциации не только между рабочим классом, служащими, но и внутри них. Так, в рабочем классе выделяли три основных слоя (по уровню квалификации) и пограничный слой рабочих-интеллигентов — высококвалифицированных рабочих, занятых наиболее сложными, насыщенными интеллектуализированными элементами видами физического труда¹.

В 1980-е гг. исследователи отмечали, что рабочий класс состоит из определенных слоев, различающихся степенью социально-экономической неоднородности труда, уровнем механизации и автоматизации производственных процессов, характером и содержанием труда, уровнем квалификации, а также общеобразовательной и общетехнической подготовкой, порождающими различия и в культурном уровне развития рабочих². Исследования, проведенные в Горьковской области, Башкирской АССР и других регионах, выявили заметные различия между основными слоями рабочего класса³.

В связи с анализом классовой структуры начинается изучение их социального воспроизводства: изменение социально-демографического состава рабочих, социальные источники пополнения, трудовая и образовательная мобильность и т. д. Обнаружились следующие тенденции: уменьшение доли выходцев из крестьян и возрастание удельного веса выходцев из рабочих, интеллигенции, служащих; возрастание роли отраслевых и региональных факторов; качественные сдвиги в образовательно-квалификационном уровне; различия в адаптации молодых рабочих на производстве и др.

Идеологическим ориентиром исследований в 1980-е гг. служила принятая на XXVI съезде КПСС (1980) установка о возможности формирования бесклассовой структуры «в главном и основном» в исторических рамках «развитого социализма».

В исследованиях социально-классовой структуры сельского населения, особенно в конце 1970-х—начале 1980-х гг., были зафиксированы существенные сдвиги в составе сельского населения: из-

¹ Бляхман Л. С., Шкартан О. И. НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973; Костин Л. А. Производительность труда и технический прогресс. М.: Экономика, 1974; Социальная структура развитого социалистического общества в СССР / под ред. М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова. М.: Наука, 1976; Социальное развитие рабочего класса СССР / под ред. Э. В. Клопова. М.: Наука, 1977.

² Формирование социальной однородности социалистического общества / редкол. Ф. Р. Филиппов, Г. А. Слесарев. М.: Наука, 1981. С. 24—40.

³ Аитов Н. А. Советский рабочий. М.: Политиздат, 1981.

меняются меж- и внутриклассовые отношения, формируются пограничные социально-классовые элементы: рабочие-интеллигенты, крестьяне-интеллигенты, рабочие-крестьяне¹.

В 1980-е гг. на основе большого статистического материала Л. А. Гордон и А. К. Назимова² показали, что изменения, происходящие внутри рабочего класса, совершаются главным образом вследствие технико-технологического прогресса, изменений в социально-стратификационной структуре советского общества в целом. Сам термин как бы интегрирует профессионально-технологические особенности труда и существенные черты социального облика работника: условия труда, его социальные функции, своеобразие быта, культуры, общественной психологии и образа жизни.

В конце 1980-х—начале 1990-х гг., когда в России начались экономические реформы и обозначился сдвиг в сторону от социализма к капитализму, складывается новая парадигма изучения социального расслоения (стратификации): многомерный иерархический подход, использующий такие критерии, как позиция во властной структуре, в сфере занятости, доход, а также формирование новых социогрупповых самоидентификаций³. В научный обиход входят не только новые понятия и категории, как-то социальная мобильность, социальная стратификация, средние классы, маргиналы, бедность и неравенство, новые бедные, новые русские, новые новые русские, поляризация общества, многоукладность отношений собственности, имущественное неравенство и др., но и широкий круг новых теоретических моделей и подходов.

Теоретико-методологический прорыв в направлении к новой парадигме был совершен во многом благодаря статье С. Андреева о новом подходе к объяснению социальной структуры советского общества⁴. С него начинается традиция рассматривать социальную структуру СССР как сословно-иерархическую, разделенную

¹ Социальный облик среднерусской деревни / отв. ред. В. И. Староверов. М.: ИС РАН, 1992.

² Гордон Л. А. Социальная политика в сфере оплаты труда // Социологические исследования. 1987, № 4; Гордон Л. А., Назимова А. К. Рабочий класс СССР. Тенденции и перспективы социально-экономического развития / отв. ред. Э. В. Клопов. М.: Наука, 1985.

³ Подробнее см: Тихонова Н. Е. Динамика социальной структуры и социальная база экономических реформ в России / Обновление России: трудный поиск решений. Вып. 2. М.: РНИСиНП, 1994; Процессы социального расслоения в современном обществе / под ред. З. Т. Голенковой. М.: ИС РАН, 1993; Радаев В. В., Шкаратам О. И. Власть и собственность // Социологические исследования. 1991. № 11; Социальные структуры и социальные субъекты / под ред. В. А. Ядова. М.: ИС РАН, 1992; Формирование социально-структурных общностей городского населения / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1994.

⁴ Андреев С. Структура власти и задачи общества // Нева. 1989. № 1.

на два основных класса — элиту (номенклатуру) и неэлитные слои, в русле которой развивались некоторые отечественные исследования последующего периода, в частности В. В. Радаева, О. И. Шкаратана, Н. Е. Тихоновой, В. И. Ильина и др.

На рубеже 1980—1990-х гг. Т. И. Заславская предложила схему деления советского общества, включающую несколько подструктур, выделенных по критерию социального неравенства в экономических отношениях. На первом месте находился профессионально-должностной статус (кем работал человек), значимость которого велика в стратификационных процессах во всем мире. Второе место занимала социально-трудовая структура (где работал человек). Эта особенность социальной структуры была специфична для СССР, где условия жизнедеятельности трудовых коллективов в различных сферах и ведомствах резко дифференцировались. Третье место заняла семейно-хозяйственная структура, стягивающая на себя основную массу различий между группами в потребительской сфере. Важное место занимала также социально-территориальная подструктура, специфика которой заключалась в том, что она сильнее всех остальных была связана с другими подструктурами. Таким образом, на нее как бы проецировались различия, рождающиеся в других подструктурах¹.

В публикациях начала 1990-х гг., укрупнив в соответствии с полученными критериями значимости первоначальную классификацию населения, Т. И. Заславская стала выделять 4 основные группы, составлявшие реальную социальную структуру советского общества в предреформенный период: 1) правящий класс («номенклатуру»); 2) сравнительно небольшой средний класс, включающий директорский корпус и часть интеллигенции; 3) низший класс «наемных работников» (рабочих, колхозников, представителей интеллигенции средней и низшей квалификации); 4) «социальное дно». В новой системе стратификации должностное положение доминировало над профессионально-квалификационным, а ведомственная принадлежность места работы — над интеллектуальным содержанием труда².

С иных теоретико-методологических позиций подходили к анализу социальных классов и социальной структуры советского общества на рубеже 1980—1990-х гг. О. И. Шкаратан и В. В. Радаев. Их концепция являлась продолжением, с одной стороны, идеи

¹ Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука, 1991. С. 395—396.

² Заславская Т. И. Трансформация российского общества как предмет мониторинга / Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 3—4.

о неклассовом характере обществ советского типа (С. Оссовский, Е. Вятр), с другой — социологическим развитием идеи советского экономиста Я. А. Кронрода о том, что в СССР при формальном равенстве отношений собственности существует реальное неравенство людей в сферах производства, распределения, обмена и потребления¹. В частности, польские социологи С. Оссовский и Е. Вятр высказали предположение, что в СССР существует слоевая структура, и его можно считать неэгалитарным бесклассовым обществом². На окончательное формирование данной концепции, по мнению Н. Е. Тихоновой, оказали влияние идеи западногерманского социолога В. Текенберга о «феодалном» характере советского общества с соответствующей сословной, а не классовой структурой³. Социальное неравенство в обществах такого типа проявляется преимущественно в жизненном положении и престиже, а не в различном уровне доходов. Своеобразными «стержнями», вокруг которых образуются сословные группировки, являются определенные отрасли и даже отдельные крупные предприятия, предоставляющие своим работникам набор привилегий. Внутри сословий развивается немонетарная система взаимных обязательств (протекция, семейные кланы)⁴.

Советское общество О. И. Шкаратан и В. В. Радаев охарактеризовали как неклассовое этакратическое. Они выделили два доминирующих типа цивилизации: «европейский» — с наличием частной собственности, гражданского общества, приоритетом ценностей индивидуализма, и «азиатский» — со всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества и подчиненной роли (или отсутствии) частной собственности, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности. Россия столетиями являлась евразийским государством, совмещавшим в себе оба эти начала. Соответственно, основным критерием социальной стратификации О. И. Шкаратан и В. В. Радаев считали распределение власти. Формальные ранги, образующие реальную стратификационную систему этак-

¹ Кронрод Я. А. Законы политической экономии социализма. М., 1966.

² Ossowski St. Structura klasowa w spolecznej swiadomosci. Lodz, 1957; Wiatr 1. Społeczństwo. W., 1965.

³ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. С. 16—17.

⁴ Teckenberg W. The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // International Journal of Sociology. 1981—1982. Vol. XI. № 4; Teckenberg W. The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation: The USSR as an Estatist Society in Comparison with Class Societies. International Journal of Sociology. N.Y. 1989. Vol. 19. № 2.

ратического общества, они подразделили на наследуемые и приобретенные, а последние, в свою очередь, — на персональные и корпоративные, связанные с местом работы¹.

Легитимизация социальной иерархии обеспечивалась системой патернализма, при котором «правящие слои, обладая намного более весомыми привилегиями, обязаны гарантировать исполнителям минимум средств существования, независимый от их трудового вклада... При таком патерналистском обмене в наиболее невыгодных условиях оказывается более квалифицированная часть средних слоев... В итоге воспроизводство социального расслоения в обществе советского типа принимает форму асимметричного социального обмена, основанного на различиях в персональных и корпоративных рангах, из которых вытекают различия в присваиваемых привилегиях»². Существование привилегий вытекало из корпоративного характера советского общества, при котором отношения между социальными группами во многом замещались взаимодействием корпоративных субъектов. Внутри каждой корпорации действовала своя система стратификации. Однако в любой из них существовало три основных слоя: 1) управляющий слой, имеющий и власть, и привилегии; 2) слой полноправных исполнителей, не обладающих властью, но получающих определенные льготы; 3) слой непривилегированных исполнителей, которые не обладали ни властью, ни льготами.

В конце 1990-х гг. в нашей стране появились первые эмпирические исследования, выполненные в русле вебериянской/неовебериянской традиции³. Стратообразующими признаками выступают в таком подходе жизненные шансы на рынках труда и потребления. При этом наряду с капиталом под характеристиками рыночных позиций акторов понимается также место в системе управления, квалификация и другие индивидуальные особенности. Класс и страта интерпретируются Н. Е. Тихоновой в духе веберовской традиции, но класс, в отличие от страты, представляется как более массовое и устойчивое социальное образование, тесно связанное с самим типом общества и уровнем его развития. Для выделения страт внутри классов используются характеристики образа жизни, структуры потребления, социального самочувствия, ценностей и т. д. Сохраняется и термин «социальный слой», но по сравнению со стратой слой представляет более аморфное и гете-

¹ Радаев В. В., Шкартан О. И. Социальная стратификация. М., Аспект Пресс, 1996. С. 259—269.

² Там же. С. 280—282.

³ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.

рогенное явление, поэтому данный термин используется Н. Е. Тихоновой для характеристики тех страт, которые находятся еще в стадии формирования.

Однако отечественные авторы идут дальше механического подражания веберовской традиции. Осознавая специфику общества переходного типа, где многие процессы, в том числе социальной мобильности, протекают по-особенному, они предлагают при анализе классовой структуры наряду с веберовским использовать также элементы функционального подхода, в частности идеи Т. Парсонса о статусе как вознаграждении не только деятельности, но и желательных качеств индивида¹.

Согласно Н. Е. Тихоновой, советское общество на протяжении десятилетий строилось на слиянии властных отношений с отношениями собственности. В этих условиях традиционное деление общества на классы, предполагающее наличие независимых от государства субъектов собственности, утрачивало всякий смысл. Реальную основу социальной структуры составляло место в процессе нетоварного перераспределения, отношение к контролю над каналами распределительной сети (понимаемой как распределение всех видов ресурсов), а социальная структура относилась к структурам сословного типа.

Таким образом, советское общество, относившееся по типу существовавшей в нем социальной структуры к обществам сословно-корпоративного типа, подразделялось на десятки групп, но укрупненно, без учета элиты (номенклатуры) и «социального дна», оно состояло из двух основных групп. Одна из них — «средний класс» — включала руководство предприятий, высококвалифицированных специалистов, в том числе рабочую элиту, а также тех работников, основная деятельность которых была связана с системой распределения. Вторая объединяла представителей «низшего» класса — рабочих, колхозников и массовую интеллигенцию.

Такой была социальная структура дореформенной России. За 10 лет глубоких трансформаций структура общества изменилась. При анализе факторов социальной стратификации современного российского общества Н. Е. Тихонова опиралась на данные 21 исследования, в том числе ежеквартальных мониторингов, проведенных с ее участием в 1995—1999 гг. в 12 территориально-экономических районах России (согласно районированию Госкомстата РФ) плюс г. Москва. Число респондентов в этих исследовани-

¹ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. С. 10—11.

ях колебалось в пределах 1600—2200 человек в возрасте от 18 лет и старше, представлявших 11 социально-профессиональных групп: 1) рабочих предприятий, шахт истроек; 2) инженерно-техническую интеллигенцию; 3) работников торговли, бытовых услуг, транспорта и связи; 4) гуманитарную и творческую интеллигенцию; 5) служащих государственных и частных учреждений, предприятий; 6) военнослужащих и сотрудников МВД; 7) предпринимателей малого и среднего бизнеса; 8) пенсионеров городов; 9) студентов вузов; 10) жителей села; 11) безработных.

Выяснилось, что в период экономических реформ в России параллельно с сохраняющейся корпоративно-сословной социальной структурой возникает новая социальная структура классового типа, включающая шесть групп, что обусловлено сосуществованием двух относительно самостоятельных секторов экономики — государственного и частного. Верхняя и нижняя из шести выделенных страт (нищие и состоятельные) практически уже оформились в группы со своими субкультурами. Для остального же населения характерны достаточно плавные количественные сдвиги между различными стратами. Это позволяет предполагать, что в рамках четырех наиболее многочисленных страт процесс формирования еще не завершен, а их облик пока не до конца определен. Попадание в те или иные социальные слои на макроуровне обуславливается во многом теми же факторами, которыми детерминировалось место индивида в статусной иерархии в советское время (должностью, отраслью, местом жительства и т. п.). Что же касается тех, кто занимал в советском обществе низшие статусные позиции, то они в основном продолжают занимать их и сейчас. Однако углубление социальной дифференциации повлекло за собой ощущение снижения своего статуса у миллионов людей. Факторы, предопределяющие принадлежность к определенному классу, подразделяются на следующие: особенности рыночной позиции, место работы, место проживания, аскриптивные характеристики, семейное положение, социально-психологические особенности поведения, социализация и ближайшее окружение. Главным фактором стратификации в сегодняшней России является, как и прежде, работа в различных секторах экономики. Действие же остальных факторов связано с тем, как они влияют на возможность занятости в частном секторе¹.

Исследования Н. Е. Тихоновой продолжали на эмпирическом уровне то, что на теоретико-методологическом было сделано оте-

¹ Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике: автореф. ... дисс. соц. наук. М., 2000. С. 10—14.

чественными социологами десятилетием раньше. Концепция социальной структуры СССР В. В. Радаева и О. И. Шкаратана, созданная на рубеже 1980—1990-х гг., лежала в целом в русле веберовской традиции. На первый план в этой концепции выдвигался один из критериев веберовской триады — властный статус.

Неовеберовскую традицию в анализе социальной структуры российского общества на рубеже 1980—1990-х гг. развивал также В. И. Ильин, который пришел во многом к тем же выводам, что и О. И. Шкаратан и В. В. Радаев. Существовавшую в СССР социально-экономическую систему он охарактеризовал как государственный социализм, где в результате тотального огосударствления производства классовая структура ликвидируется, а на ее месте возникает сословно-слоевая, где все граждане являются служащими единого государства. При этом, как подчеркивал В. И. Ильин, в условиях государственного социализма ведущая роль принадлежит синтезу профессионально-должностной и социально-отраслевой стратификации. Накладываясь друг на друга, они образуют целый ряд страт, обладающих набором устойчивых существенных признаков: место в системе общественного разделения труда, размер и характер доходов, уровень и тип образования, особенности социальной психологии и др. По сути, это отраслевые общности, разделенные по критерию власти (профессионально-должностная стратификация). «В условиях большой многонациональной страны, — отмечал В. И. Ильин, — данная система социальной стратификации в значительной мере сливается или частично совпадает с другими системами одномерной и многомерной стратификации. Поскольку существует более или менее явное территориальное разделение труда, постольку на отраслевую стратификацию накладывается территориальная. Между работниками сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности — не только отраслевые различия, но и различия между городом и деревней... В результате противоречия приобретают особенно глубокий характер. Происходит накопление социально-дифференцирующих признаков»¹.

В 1990-е гг. продолжались исследования также с марксистско-ленинских позиций. Среди основных классов, существующих в современной России, М. Н. Руткевич выделяет рабочих (около 40% занятого населения), крестьян (15%), трудовую интеллигенцию (14%), мелкую и среднюю буржуазию (к которой он относит каждого четвертого работающего россиянина) и крупную буржуазию (около 1%).

¹ Ильин В. И. Социальная стратификация. Сыктывкар, 1991. С. 202—204.

В плане различий в имущественном положении М. Н. Руткевич противопоставляет «верхний» полюс, где сосредоточено менее 10% населения (крупная и средняя буржуазия, высшая государственная и хозяйственная бюрократия и «обуржуазившаяся верхушечная прослойка интеллигенции») и основную массу (около 70%) трудящихся. Оставшиеся 20% он располагает между этими полюсами, считая тем не менее, что в большинстве своем эти люди все же не дотягивают до уровня жизни квалифицированных рабочих и специалистов советских времен¹.

Более мягкий, хотя в целом находящийся в русле марксистских и неомарксистских традиций подход к стратификации предлагает Л. А. Беляева. За основу своей концепции социальной структуры российского общества она принимает отношения собственности. Отмечая, что в России сейчас происходит переход от сословной структуры к классовой, она подчеркивает, что в настоящее время в процессе становления находятся два экономических класса — класс собственников и класс наемных работников, которые в свою очередь глубоко дифференцированы в зависимости от сектора занятости, отраслевой принадлежности предприятий, региона проживания. Особый интерес представляют наемные работники частного сектора, по ряду характеристик значительно отличающиеся от наемных работников госсектора. Основное внимание Л. А. Беляева сосредоточивает на изучении среднего класса, которым традиционные марксисты не занимались².

Кроме отечественных социологов анализом классовой структуры нашего общества занимались в разные годы зарубежные ученые. Последние анализировали наше общество в тот период, а именно в 1950—1960-е гг., когда отечественные социологи еще не приступали к стратификационным замерам. Еще тогда им удалось обнаружить такие классы и слои внутри советского общества, о которых много лет спустя только еще заговорили наши ученые. К примеру, в начале 1990-х гг. Т. И. Заславская выделила в социальной структуре три группы: высший класс, низший класс и разделяющую их прослойку. Основу высшего слоя составила номенклатура, включающая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Социальную прослойку между

¹ Руткевич М. Какие же классы теперь существуют в нашей стране? // Российский обозреватель. 1996. № 1. С. 65—72.

² Беляева Л. А. В поисках среднего класса // Социологические исследования. 1999. № 7. С. 72—77; Динамика ценностей населения реформируемой России М., 1996; Беляева Л. А. Средний слой российского общества: проблема обретения социального статуса // Социологические исследования. 1993. № 10. С. 13—22; Социальная стратификация современного российского общества. Аналитическое обозрение / отв. ред. Л. А. Беляева. М.: Центр комплексных социальных исследований и маркетинга, 1995.

высшими и низшими классами образуют социальные группы, обслуживающие номенклатуру, не имеющие частной собственности и права распоряжаться общественной, во всем зависимые¹.

Однако еще до того похожую схему анализа социальной структуры советского общества предлагали зарубежные социологи, в частности Е. Бергель, А. Инкельс и В. Текенберг². Анализируя социальную стратификацию СССР в 1950 г., Алекс Инкельс обнаружил многослойную стратификацию, выделив в ней следующие группы населения.

1. *Правящая элита* — небольшая группа, состоящая из высокопоставленных партийных, правительственных, хозяйственных и военных чиновников, а также известных ученых, избранных артистов и писателей.

2. *Высшая прослойка интеллигенции*, которую составили промежуточные по своему статусу слои, включенные в перечисленные выше категории людей, с добавлением наиболее важных представителей технических специалистов.

3. *Массовая интеллигенция, или интеллигенция* в целом, состоящая из большинства групп профессионалов, бюрократии среднего уровня, менеджеров небольших предприятий, младших офицеров армии, техников и т. д.

4. Так называемые «*белые воротнички*», которыми в СССР называются просто служащими (бухгалтеры, кассиры, клерки, нижние чины руководителей и т. д.).

5. *Рабочий класс* подразделяется на следующие группы:

— «*аристократия*» рабочего класса, т. е. наиболее квалифицированные и производительные рабочие.

— *рядовые рабочие*, имеющие среднюю квалификацию и среднюю зарплату.

— *отстающие рабочие*, по разным оценкам составляющие около одной четверти рабочей силы. Они имеют низкий уровень квалификации, минимальный размер заработка, малопроизводительны и безынициативны.

6. *Крестьянство*, хотя является относительно более гомогенной группой по сравнению с рабочими, также подразделяется на несколько подгрупп:

— *преуспевающие крестьяне*, из так называемых колхозов-миллионеров, урожайность, техническая оснащенность и уровень подготовки кадров которых заметно отличается от средних колхозов;

¹ Заславская Т. И. Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. 1991. № 8.

² Bergel E. Social stratification. N.Y., 1962; Inkels A. Social structure and mobility in the Soviet Union 1940–1950 // Social stratification / J. Lopreato, ed. N. Y., 1951; Teckenberg W. Die Soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Munchen, Wien, 1977.

— *средние крестьяне*, включающие наименее производительные и наиболее бедные группы людей.

Кроме перечисленных выше категорий населения СССР А. Инкельс особо выделяет так называемую **резидуальную** (остаточную) группу, в которую он занес **заклоченных**, содержащихся в трудовых лагерях и исправительных колониях. Эта часть рабочей силы фактически стояла вне формальной классовой структуры.

Различия между интеллигенцией, рабочими крестьянами в большей мере зависят от вариаций в доходе и престиже, хотя «аристократия» рабочего класса отличается более высоким рангом и получает зарплату выше, чем некоторые категории служащих. В свою очередь некоторые колхозники живут лучше, чем некоторые рабочие. Разброс в доходах различных групп населения СССР оказывается даже большим, чем в США и некоторых странах Западной Европы¹.

Спустя полвека британские социологи Д. Эванс и С. Уайтфилд в ходе эмпирических исследований, проведенных в 1993, 1995 и 1996 гг. в рамках проекта «Новые формы выражения политических интересов и политического участия в Восточной Европе» и охвативших 51 регион (опрошено более 6 тыс. человек на основе многоступенчатой вероятностной выборки населения России), попытались выяснить влияние классовой принадлежности на политические предпочтения россиян². Они использовали к российскому обществу подходы, сложившиеся в британской социологии, и трактовали класс через совокупность профессиональных характеристик, объединяющих работников разных секторов экономики — наемных работников и людей, работающих на себя, тех, кто получает доход, и тех, кто получает зарплату, руководителей и руководимых, пользующихся льготами и тех, кому льготы не полагаются. Иными словами, таких характеристик, в соответствии с которыми люди строят различные экономические стратегии и имеют различные шансы в жизни³. При этом они тесно связаны с другими, такими как социальный статус и доход, хотя и не определяются ими⁴. По мнению Д. Эванса и С. Уайтфилда, классовое положение свидетельствует о трудовом положении (т. е. о положении работодателя, человека, работающего на себя, или наемного работника), а также о положении в рамках широкой категории наемных работников.

¹ *Chinoy T.* Society. An introduction to Sociology. N.Y. 1967.

² *Эванс Д., Уайтфилд С.* Социально-классовый фактор политического поведения россиян // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 39—51.

³ *Evans C.* Testing the validity of the Goldthorpe class schema // *European Sociological Review*. 1992. Vol. 8. P. 211—232.

⁴ *Evans G.* On tests of validity and social class // *Sociology*, 1998. Vol. 32. P. 189—202.

В данном исследовании классовое положение измерялось с помощью алгоритма, разработанного Голдторпом и Хитом¹ совместно с британским Центром изучения населения, переписи и социальных исследований (ISCO). Д. Эванс и С. Уайтфилд составили 11 стандартных категорий социальных классов. Эти категории в свою очередь были сгруппированы в пять более широких категорий с учетом особенностей российской социальной структуры: «белые воротнички» (класс I); мелкие служащие и работники умственного труда (классы II и III); мелкая буржуазия (классы IVa и IVb); рабочий класс (классы V, VI и VIIa); и, согласно принятой в Восточной Европе терминологии, крестьяне (классы IVc и VIIb). Еще более укрупненная схема предполагала простое дихотомическое деление на классы, при котором рабочие и крестьяне объединены в категорию «рабочий класс», а остальные образуют категорию «средний класс».

На основании полученных данных Д. Эванс и С. Уайтфилд, в отличие от других исследователей современной политики посткоммунистической России, обнаружили в России социальные различия, проистекающие из классового положения. «Мы убедились, что рост важности классовой принадлежности в России — это не просто результат индивидуальных, проистекающих из классового положения различий в социально-экономическом опыте, но также результат усиливающейся тенденции к соотносению этого опыта с более общими идеологическими взглядами и, наконец, с политическими предпочтениями. Различия между классами в политических предпочтениях в России опосредованы различиями классов в поддержке рынка, а также растущей связью политических предпочтений с экономическим опытом в результате, как мы полагаем, социального и политического образования. Российский электорат со временем становится как более политически грамотным, так и более экономически дифференцированным, и именно этим совокупным влиянием объясняется рост силы и характер взаимоотношений классовой принадлежности и голосования»².

Социология образования

Социология образования — один из крупных разделов современной социологии, получивший стремительный взлет в середине XX в. прежде всего в таких странах, как США, Великобритания,

¹ Goldthorpe J. H. Heath A. Revised class schema 1992 // JUSST Working Paper, 1992. № 13.

² Эванс Д., Уайтфилд С. Социально-классовый фактор политического поведения россиян // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 50.

Франция, Германия, Нидерланды, Италия, Австралия и Канада. В список лидеров вошли те державы, где высоко ценится интеллектуальный капитал, где созданы все условия для приобщения к образованию широких слоев населения, где успех экономики определяется прежде всего уровнем грамотности населения и высокой квалификацией специалистов.

Социология образования занимается изучением взаимосвязи и взаимодействия социального института образования с другими социальными институтами и сферами общественной жизни и общества в целом. Первые эмпирические исследования в этой области были проведены в европейских странах, в том числе в России, в начале XX в.

Впервые обсуждать и публикации статьи по социальным вопросам образования в России начали в 1960-е гг. XIX в., когда царское правительство, задумав очередную учебную реформу, обратилось к общественности, прежде чем внедрить ее на практике. Проект нового устава был разослан в вузы, его получили ученые и профессура, общественные деятели и журналисты не только в России, но и за рубежом. Изучив срез общественного мнения, специальная комиссия несколько раз передельвала проект согласно замечаниям. На университетских кафедрах и в прессе стали обсуждаться проблемы академических свобод и автономии профессорской корпорации, положения студентов в учебных заведениях, надзора за учащимися и др. По инициативе чиновников Министерства образования и самих студентов в стране проводятся социолого-статистические обследования. Эмпирическая и практическая работа проводилась студенческими семинарами, научными обществами учащихся высших школ, кружками под руководством видных профессоров-экономистов и юристов, землячествами. Выяснялось экономическое, материально-бытовое и правовое положение студентов, сословный состав, вероисповедание учащихся, их культурные запросы и политические ориентации¹.

Развитие земства стимулировало широкие дискуссии о роли системы образования, особенно местного — губернского и уездного — в стране. Земская статистика изучала имущественное положение и хозяйственную деятельность, социальную структуру населения и жизненные условия, образование, культуру во многих российских регионах (к началу XX в. систематические обследования велись в 17 губерниях). Земства, сыгравшие в истории России исключительно важную роль, отслеживали то, насколько эффективны запущенные ими культурные механизмы распространения

¹ Радин Е. П. Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб.: Н. П. Карбасников, 1913.

чтения: комитеты грамотности, просветительские общества, народные библиотеки, народные газеты и т. д. В «культурную программу» деятельности земств входило также изучение вопросов, связанных с материальной культурой народа, а именно социальной гигиены, условий труда и быта, бюджетов семей рабочих и служащих, табакокурения, пьянства, соблюдения правил поведения в быту.

Исследование А. Шингарева¹ представляет собой подробное монографическое описание повседневной жизни крестьян в селах Новожиотиново и Моховатка Воронежского уезда². Его книга представляет собой уникальное явление в истории социально-экономической мысли в России. Всесторонний научный подход автора к теме исследования поражает широтой затрагиваемых вопросов: культурный уровень населения, грамотность, образование, санитарное состояние селений и др.

В это время появляются первые теоретические публикации, где обсуждались вопросы автономии профессорской корпорации, положения студентов в учебных заведениях, надзора за учащимися. В отношении средней школы дискуссии велись главным образом вокруг проблемы, следует ли придать среднему образованию классический или «реальный» характер. Крупным шагом явилась книга П. Н. Милюкова «Очерки по истории русской культуры. Ч. IV. Школа и просвещение»³. Она посвящена преимущественно социальным вопросам истории школы и просвещения в России, начиная с православной школы Древней Руси. Обсуждается состояние знания в соответствующие периоды отечественной истории, соотношение духовного и светского, классического и реального образования, этапы политической борьбы за школу и просвещение в связи с пятью учебными реформами XIX в. Много места уделено обсуждению социального состава учителей и учащихся различных учебных заведений, характерных особенностей начальной, сельской школы, народных чтений, учительских семинарий, а также вопросам, связанным с народным чтением и книгоиздательской политикой⁴. Социологи выяснили, что в среде российского студенчества существует значительное социальное расслоение. В частности, у юристов доход был больше, чем у гуманитариев.

¹ Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — известный земский статистик, политический деятель, член Временного правительства.

² Шингарев А. Д. Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907.

³ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. Искусство. Школа. Просвещение. М.: Прогресс-Культура, 1994.

⁴ См.: Астафьев Я. У., Шубкин В. Н. Социология образования в СССР И России // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. С. 345—368.

К привилегированной социальной прослойке относились универсанты и аграрники, зато технологи и курсистки выделялись демократизмом. Двое из трех студентов заявляли о своей принадлежности к различным общественно-политическим движениям. Их умами владели преимущественно Л. Толстой, К. Маркс, Ч. Дарвин, Д. Писарев и Н. Михайловский. В целом дореволюционное российское студенчество отличали отзывчивость, восприимчивость, вдумчивое отношение к динамично меняющейся социальной ситуации в России¹.

Только факты

Группа сотрудников Института социологии РАН провела опрос московских школьников 6—11-х классов². Выяснились следующие оценки их успеваемости.

Успеваемость учащихся в разном возрасте (классах), %

Возрастная категория	Средний балл				
	(классы)	3,0	3,5	4,0	4,5
6—7-е	6	32	32	23	7
8—9-е	16	32	28	16	8
10—11-е	4	30	43	19	4

Анализ обнаружил, что не только отношение к учебе, но и успеваемость снижается в 8—9-х классах и возрастает в 10—11-х классах. Установлено: наихудшее отношение к учебе проявляют учащиеся 8—9-х классов. Вряд ли ее можно считать случайной, ведь анкеты распространялись среди учащихся разных школ.

Изучались также оценки по отдельным дисциплинам: литературе, математике (алгебре), истории, биологии, физкультуре. Самые высокие оценки у большинства обнаружены по физкультуре: в 62% случаев это была пятерка, а в 32% — четверка. Неплохо успевают школьники по биологии (у 46% — четверка, у 36% — пятерка). Видимо, обе дисциплины не вызывают особых затруднений у подростков. По литературе и истории четверки имеют примерно 50% учащихся. Те же результаты получены и по математике, правда, здесь очень высок процент троек (40%) и мало пятерок (10%). Таким образом, математика дается учащимся труднее других наук.

В истории российской мысли немалую роль сыграл проект известного представителя революционной демократии XIX в., философа и публициста Н. П. Огарева под названием «Народная поли-

¹ Петрова Т. Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социс. 1999. № 3. С. 122—124.

² Герасимова М. Школьник—91 // Перспективы гуманитарного образования в средней школе. М., 1992. С. 91—102.

техническая школа»¹. В нем обоснован и детально разработан новый тип сельской школы, которая предполагала органическое единство профессиональной подготовки и социализации. В детально разработанной программе жизни и труда в параграфе «Образ жизни учеников» отмечаются все аспекты их деятельности, включая рацион питания, отсутствие практиковавшихся в то время телесных наказаний, а также особо оговаривалось, что «по окончании курса, в награду за успех, они получают освобождение от крепостного состояния с условием пробыть 4 года в своем крае». Предполагалось разделение содержания профессиональной подготовки по годам обучения и даже сезонам. Например, в первый год обучения — столярное, кузнечное, слесарное и медное ремесло, летом — огород². Воспитанники проживали в обособленном помещении, где жили, учились наукам и труду.

Изучение читающей публики в те годы проводилось людьми, занятыми цензурой, книгоиздательством, библиотечным делом, редакциями газет и т. п. Основными методами исследования были анализ документов (объемов книгопродаж и тиражей изданий, читательских формуляров в библиотеках), опросы читателей библиотек, почтовые и прессовые опросы читателей газет и журналов³. В конце XIX в. Вятское губернское земство провело опрос 1500 крестьян и выяснило, что каждый четвертый в той или иной степени являлся читателем или слушателем «Вятской газеты» (газета читалась в крестьянских семьях вслух). Самыми активными читателями были молодые жители села, а также ремесленники и отставные солдаты⁴. Одновременно земские статистики Вятской губернии провели опрос работников сельских библиотек, которые характеризовали своих читателей, их интересы, а также отвечали на вопросы о роли сельской библиотеки⁵. Изучение читательских мнений проводилось в конце XIX—начале XX в. во многих губерниях России⁶. Можно упомянуть также интересное исследование

¹ Антология педагогической мысли: в 3 т. Т. 2. Русские педагоги и деятели народного образования о трудовом воспитании и профессиональном образовании / сост. Н. Н. Кузьмин. М.: Высшая школа, 1989.

² Там же. С. 79

³ Мансуров В., Петренко Е. Изучение общественного мнения традиции // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во ИС РАН, 1998. С. 570.

⁴ Михайлов Н. М. Материалы об издании народной газеты // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1899. № 1. С. 38—106.

⁵ Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 год. Вятка, 1901. С. 209—214.

⁶ Бобылев Д. Н. Запросы деревенского читателя // Сборник Пермского земства. 1899. № 1; Рубакин Н. А. К характеристике читателя и писателя из народа // Северный вестник. 1891. № 4.

взрослых читателей-учащихся воскресной школы, которое проводилось Х. Д. Алчевской на протяжении двух десятилетий. Оно получило высокую оценку научной общественности, а в 1899 г. — Гран-при на Первой Всемирной выставке в Париже¹. В экспериментальном исследовании Алчевской учителя оценивали доступность книг аудитории на основании личного опыта работы с читателями. Собирались также экспертные оценки содержания книг учеными с точки зрения качества популяризации и читательские оценки этих книг. Результатом ее исследования явилась трехтомная работа «Что читать народу?»².

Начинание земских статистиков подхватили и расширили журналисты, ученые, учителя, врачи, экономисты, инженеры, активно включившиеся в проведение эмпирических исследований. Возник своеобразный анкетный бум. Публикации отчетов об итогах эмпирических исследований в социологических журналах, составляя в 1900—1909 гг. $\frac{1}{8}$ часть всех социологических сюжетов, в дальнейшем заполнили их на четверть³.

В начале XX в. появляются первые работы, посвященные не педагогике и не теории воспитания или образования в целом, а совершенно конкретным и весьма насущным — отметим, не только тогда, — проблемам, а именно студенческой жизни. Вот почему некоторые авторы сегодня полагают, что 1900—1909 гг. можно считать периодом «зарождения социологии российского студенчества»⁴. Именно тогда было проведено большинство так называемых студенческих самопереписей, представлявших собой специальные статистико-социологические обследования студентов. Установлено, что за период с 1872 по 1917 г. в ряде российских вузов было проведено 65 студенческих самопереписей. Материалы 15 из них изданы в виде брошюр, 35 — в виде фрагментов в периодической печати, остальные известны только по упоминаниям⁵.

Студенческие самопереписи — это специальные статистико-социологические обследования студентов, которые проводились с целью изучения положения студентов при помощи массовых фактических данных. Как правило, самопереписи осуществлялись самими студентами по инициативе и под руководством пре-

¹ Коган В. З. Из истории изучения читателей в дореволюционной России // Проблемы социологии печати: Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969. Вып. 1.

² Алчевская Х. Д. Что читать народу? СПб., 1884. Т. 1; 1889. Т. 2; 1906. Т. 3.

³ Петрова Т. Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социс. 1999. № 3. С. 121.

⁴ Там же. С. 121.

⁵ Там же. С. 121.

подавателей. В некоторых случаях самопереписи проводились студентами самостоятельно.

А вам нужен такой выбор?

В средневековом университете студенты сами выбирали себе предмет, сами оплачивали своих профессоров, сами назначали время обучения. Особенно выборная демократия процветала в XII—XIII вв. в Италии.

Ректор университета часто выбирался из числа студентов. Правда, были ограничения социального, имущественного и возрастного порядка: аристократическое происхождение, возраст 22—25 лет.

Лишь немногие из опубликованных отчетов по итогам студенческих самопереписей 1872—1917 гг. введены в социологический оборот. К ним, в частности, относятся отчеты о самопереписях 1872 г. в Киевском университете под руководством проф. Н. Х. Бунге, 1892—1893 гг. в московских вузах среди членов землячеств, 1898 г. в Варшавском университете, 1901 г. в Томском университете и Томском технологическом институте, 1903 г. в Санкт-Петербургском технологическом институте, 1903 г. в Одесском университете, 1907 г. в московских вузах (под руководством профессора Н. А. Каблукова), 1907 г. в Юрьевском университете (под руководством профессора В. В. Святловского), 1909 г. на Санкт-Петербургских (Бестужевских) ВЖК (под руководством профессора А. А. Кауфмана) и др. Указанные в скобках имена свидетельствуют о том, что студенчеством в тот период занимались не только любители, но и выдающиеся русские статистики европейского и мирового уровня.

Особый интерес вызывает состоявшаяся в 1903/1904 академическом году в Московском Императорском университете по инициативе и под руководством приват-доцента М. А. Членова «Половая перепись московского студенчества»¹. Сегодня мы назвали бы такое исследование гендерным. Опрос был сплошным, хотя объем выборочной совокупности заранее не вычислялся. Но, как установили недавно Ж. В. Пузанова и П. А. Борисенкова², исследование можно считать репрезентативным, потому что сохранились квоты факультетов, и отклонение структуры выборки от генеральной совокупности несущественно. В ходе переписи получены ответы на широкий круг вопросов, в том числе об условиях социальной и культурной жизни студентов (проблемы семьи, школы, отношение к литературе, искусству и т. д.).

¹ Членов М. А. Половая перепись московского студенчества и ее общественное значение. М., 1909.

² Пузанова Ж. В., Борисенкова П. А. Студенты в начале и конце XX века: опыт сравнительной характеристики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 136—139.

Конец XIX—конец XX в. в России сближает одна любопытная деталь: исследования студентов проводят преподаватели конкретного вуза в том же самом вузе с привлечением своих же студентов-учеников. Академические ученые, которым свойственны сравнительные репрезентативные исследования на множестве объектов, в том и другом случае подключались очень редко. Яркий пример — попытка сравнить ценностные ориентации и образ жизни московских студентов начала XX и начала XXI в. на примере опроса студентов, в одном случае Московского Императорского университета (тогда исследование проводил приват-доцента М. А. Членов), в другом — Российского университета дружбы народов, проведенный Ж. В. Пузановой и П. А. Борисенковой¹. Сравнение оказалось возможным только потому, что оба раза опрашивались студенты одного вуза.

Фактически тогда и сейчас вузовская общественность изучала самую себя. Отсюда и характер полученных данных — локальность, охватывающая один вуз, невозможность выявить сопоставимые результаты, устойчивые закономерности, повторяющиеся тенденции, скажем так, местечковость социологии студенчества. Применить сложнейшие методики, что называется, поиграть математическими мускулами, коэффициентами и корреляциями в подобных условиях очень непросто. Практически все самопереписи XIX века, отмечает Т. Э. Петрова², производились с использованием метода «самосчисления», подобия современного раздаточного анкетирования, как правило, анонимно. Склонность к «самопереписи» доказывает желание дореволюционных социологов проводить сплошные обследования. На практике выходило все иначе — удавалось провести лишь малорепрезентативные опросы на случайной выборке. При обследовании студенчества чаще всего использовался инструментарий, апробированный земской статистикой: простые и перечневые, группировочные и комбинационные таблицы.

Только факты

В 1991 г. Институтом социологии АН (проблемная группа «Молодежь XXI века») и Международным центром общечеловеческих ценностей был проведен опрос экспертов, в роли которых выступили 58 директоров и заведующих учебной частью московских школ³. Выяснилось, что 70% опрошенных считают: отношения с учениками следует основывать на взаимном уважении и доверии, но они должны соче-

¹ Пузанова Ж. В., Борисенкова П. А. Студенты в начале и конце XX века: опыт сравнительной характеристики // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 136—139.

² Петрова Т. Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социс. 1999. № 3. С. 122.

³ Шатиرو В., Червяков В. Мы стали мыслить шире и смелее // Перспективы гуманитарного образования в средней школе. М., 1992. С. 34—36.

таться с требовательностью и умением учителя поддерживать необходимую дисциплину. А 14% экспертов убеждены: взаимоотношения учителя и учеников должны строиться на почтительном уважении младших к старшим, на признании авторитета педагога как наставника, на его превосходстве в знаниях и жизненном опыте.

После революции 1917 г. в отношении образования наступил коренной перелом. В первые два десятилетия советской власти эмпирические исследования студенчества развивались очень активно. По подсчетам Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка, за этот период студенческой молодежи было посвящено более 300 научных публикаций¹. Анализ публикаций в научной и периодической печати 1920-х гг. (в фондах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России) позволил Т. Э. Петровой зафиксировать более десяти социологических исследований российского студенчества: в 1922 г. в Московском Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова под руководством И. Гельмана, в 1923 г. в Пермском университете под руководством профессора М. И. Альтшулера, в 1925 г. в Вятском педагогическом институте им. В. И. Ленина под руководством В. А. Танаевского, в 1925 г. в Московской Тимирязевской сельскохозяйственной академии под руководством А. Васильева, в 1926 г. во 2-м МГУ под руководством М. Семенова, в 1926 г. в 14 вузах 6 регионов страны силами ЦСУ по инициативе Главпрофобра, в 1926 г. в московских вузах под руководством К. Х. Кекчеева, в 1926/27 уч. г. в Кубанском педагогическом институте под руководством Н. П. Маркова, в 1927 г. в десяти одесских вузах под руководством Д. И. Ласса, в 1927 г. в московских вузах и техникумах под руководством профессора М. М. Рубинштейна².

Знаете ли вы, что

с эпохи Средних веков берет свое начало общее обозначение *studentes*: не только учащиеся, но все, кто «штудирует», т. е. посвящает себя научным занятиям, учителя и ученики. И сегодня при переводе английского термина *student* речь может идти не только о студентах, но и об ученых, что-либо изучающих.

Особое внимание привлекали проблемы образования и социализации в условиях перехода к массовому профессиональному образованию. В первые годы советской власти, когда к грамоте приобщались широкие народные массы, исследования читательского интереса буквально за десятилетие превратились в самостоятель-

¹ Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т. Социология молодежи. Н. Тагил. 1995. С. 63.

² Петрова Т. Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социс. 1999. № 3. С. 120—125.

ную область прикладной социологии¹. Поскольку образование было поставлено на службу политике, его первоочередной задачей выступало воспитание нового поколения людей, преданных идеям социализма. В предпринятом в 1927 г. исследовании быта, половой жизни и половой идеологии одесского студенчества Д. И. Ласе исходил из того, что сексуальность в буржуазном и пролетарском государствах питается неодинаковыми корнями².

В огромном количестве проводились обследования мировоззрения учащихся выпускных классов, образовательного ценза учителей, исследовалось экономическое положение рабочей молодежи рабфаков, множилось число публикаций идеологического и директивного плана. Они относились скорее к педагогике, нежели к академической социологии. В области педагогики и воспитания осуществлялись обследования мировоззрения учащихся выпускных классов; образовательного ценза учителей; исследовалось экономическое положение рабочей молодежи, в частности на рабфаках³. Данные исследований подтвердили, что студенчеству жилось в те годы нелегко. Студенты не только страдали от недосыпания, но спали очень нерегулярно. Выявились основные линии социального расслоения, которые проходили по возрасту, курсу обучения, полу, сословно-классовым, семейным и партийным критериям.

Опросы проводятся в основном в форме группового анкетирования, обобщение их результатов производится при помощи методов не только корреляционного и факторного, но и кластерного анализа, а их интерпретация зиждется на положениях генетической социологии. Профессор М. М. Рубинштейн, исследуя переживания молодых людей в период перехода от отрочества к юности, апробировал оригинальное сочетание двух качественных методов — дневникового (восходящего к Ш. Бюлер) и автобиографических записей, при обработке полученных эмпирических данных им использовались подходы контент-анализа и типологического анализа.

Только факты

Как учатся москвичи в средней школе? Группа сотрудников Института социологии РАН провела опрос школьников 6—11-х классов⁴. Выяснились оценки за минувший год по основным учебным предме-

¹ Банк Б., Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга (Опыт исследования читательских интересов). М.: Молодая гвардия, 1929; Как и для чего нужно изучать читателя. М., Л.: Долой неграмотность, 1926; Фридьева Н., Валика Д. Изучение читателя. Опыт методики. М., Л.: Долой неграмотность, 1927; Бек А. Книга и рабочая молодежь. Рабочий читатель. 1925. № 10.

² Ласе Д. И. Современное студенчество (быт, половая жизнь). М., Л., 1928.

³ Колотинский П. Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар: Красная новь, 1929.

⁴ Герасимова М. Школьник—91 // Перспективы гуманитарного образования в средней школе. М., 1992. С. 91—102.

там, за исключением физкультуры, пения, рисования, черчения, этики и психологии семейной жизни, поведения и прилежания. Изучение успеваемости показало, что преобладают две группы: учащиеся со средним баллом 4,0 (34%) и 3,5 (31%). Каждый пятый имеет средний балл 4,5, каждый десятый учится на одни тройки. Лишь 5% учеников могут считаться отличниками.

Значительная часть эмпирических исследований касалась тогда бюджетов времени студентов и школьников. Исследовательская активность в этой области объясняется возросшим уровнем грамотности молодежи и ее желанием принять непосредственное участие в строительстве нового общества. К примеру, две слушательницы Московского педтехникума им. Профинтерна занимались учетом своего времени в течение целого года. В 1920—1930-х гг. запись данных о видах деятельности и их продолжительности чаще проводилась путем опросов за обычный, средний день. А начались бюджетные исследования еще до революции 1917 г. Таким являлось социологическое обследование слушательниц Бестужевских курсов (Санкт-Петербург), проведенное в 1909 г. В анкету были включены вопросы о затратах времени на учебные и некоторые внеучебные занятия. Руководитель обследования известный статистик А. А. Кауфман подчеркивал, что «учесть, как курсистки занимаются, можно, очевидно, по одному лишь признаку — по количеству времени, отдаваемого занятиям»¹.

Первые крупномасштабные исследования в области статистики и социологии образования в нашей стране относятся к 1920 гг. и связаны с именем выдающегося российского социолога и экономиста С. Г. Струмилина. Бюджет времени рассматривался им наряду с бюджетом денежных доходов как средство изучения характеристик образа жизни (труда и быта) семей крестьян, служащих, колхозников. Общей задачей исследований являлось изучение изменений в образе жизни по сравнению с дореволюционным временем и первыми годами советской власти.

Струмилин Станислав Густавович (1877—1974) — видный российский экономист, академик, один из наиболее последовательных представителей идеи разумного планирования национальной экономики. С 1921 г. работал в Госплане, занимая в нем различные должности, от начальника отдела до заместителя

Станислав Густавович
Струмилин
(1877—1974)

¹ Кауфман А. А. Русская курсистка в цифрах // Кауфман А. А. Сборник статей. Община. Переселение. Статистика. М.: Издание Лемана и Плетнева, 1915. С. 491.

председателя. Одновременно вел огромную научную работу, о чем красноречиво свидетельствуют свыше 700 его публикаций по различным проблемам экономической науки, планирования, социологии, статистики и т. п.

На материале, включающем около 50 тыс. профессиональных карточек ленинградских рабочих, 2800 «карточек-формуляров» по двум крупным московским учреждениям — Наркомпроду и Московскому почтамту, а также данные всесоюзных и республиканских переписей населения, изучался уровень школьного образования рабочих и служащих в 1924 г., условия и характер труда учителей, учебная нагрузка и зарплата и т. д. С. Г. Струмилин выяснил, что те рабочие, которые имеют больше лет школьного обучения, быстрее прибавляют в квалификации по сравнению с не имеющими образования: «год школьного образования дает примерно в 2,6 раза большую прибавку квалификации, чем год заводского стажа»¹. Он поставил вопрос шире, а именно так, как это вытекало из названия его работы: «Хозяйственное значение народного образования». Используя десятки таблиц и множество математических уравнений, С. Г. Струмилин выявил следующие закономерности и факты:

— высококвалифицированный рабочий в течение своей трудовой карьеры полностью возмещает затраченные государством средства на его образование;

— каждый год дополнительного обучения повышает доход рабочего, семейный бюджет больше, чем обычный производственный стаж;

— прибавочный продукт возрастает вместе с ростом производительности труда и квалификации рабочего;

— квалифицированный рабочий дает в бюджет страны в два раза больше, чем неквалифицированный;

— выгоды от повышения продуктивности труда превышают соответствующие затраты государства на школьное обучение в 27,6 раза;

— при этом капитальные затраты государства окупаются уже в первые же 1,5 года, а в течение следующих 35,5 года оно получает ежегодно чистый доход на этот «капитал» без каких-либо затрат;

— влияние школьного обучения и «образовательного ценза» работников физического труда велико, но оно еще выше в сфере умственного труда, т. е. служащих (четырёхлетняя начальная школа дает служащему прибавку квалификации на 90% большую, чем для рабочего, а семилетняя — в 2,5 раза).

¹ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 107.

В 1913 г. расходы на содержание одного ученика в мужских гимназиях и реальных училищах достигали 172,5 руб., в 1924 — 76 руб. Средняя зарплата учителя — 30 руб. в месяц.

В нашей начальной школе в 1920 г. на одного учителя приходилось в среднем 35 учеников.

Процент неуспевающих в младших группах больше, чем в старших.

Процент неуспевающих для средней школы и вузов ежегодно — 5%; среднее число уроков начального учителя в неделю — 27, а в день — 4,5. Средний возраст учителей — 29 лет; средний педагогический стаж — 7,5 лет; стоимость обучения в вузах — 1362 руб.

В 1924 г. советское государство планировало переход на всеобщее начальное образование. Перед учеными была поставлена задача просчитать экономическую эффективность школьной реформы. Группа специалистов под руководством С. Г. Струмилина выяснила, что затраты на осуществление реформы превысят 1600 млн руб. Однако отдача инвестиций в образование превысит затраты в 43 раза и составит 69 млрд. Конечный выигрыш народного хозяйства выразится в повышении производительности труда, которую дадут стране более квалифицированные рабочие и служащие. «При этом капитальные затраты уже к концу первого десятилетия будут окуплены с избытком соответствующим повышением национального дохода, а рентабельность затрат на последующие три десятилетия превысит 125% в год. И финансовая тягость реформы может ощущаться страной лишь в первые 5—6 лет ее существования»¹.

По расчетам С. Г. Струмилина выходило, что затраты государства на высшую школу, в отличие от начальной и средней, не окупаются. (Хотя при дореволюционных расценках труда затраты на высшее образование вполне окупались.) Ученый признавал, что в будущем стране понадобятся тысячи дипломированных врачей и инженеров, но сейчас, в трудном 1924 г., ощущается известное «перепроизводство» лиц интеллигентного труда. «Правда, это перепроизводство было очень относительное. В нашей деревне миллионы больных лишены были какой-либо медицинской помощи, но платить врачам у нас не было средств, и врачи тысячами оставались без дела в крупных городах и столичных центрах. В нашей стране около 70% населения было неграмотно, но учителям платить было нечем, и они десятками тысяч пополняли армию безработных. Но если платежеспособный спрос на интеллигентный труд в эти годы сильно падал, то производство новых кадров

¹ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С. 112.

интеллигенции в вузах даже заметно расширилось за время революции. В 1913 г. у нас числилось не свыше 90 тыс. студентов, а в 1923 г. — до 200 тыс., т. е. на 120% больше»¹. В то время как подготовка специалистов с высшим образованием увеличилась, их оплата труда по сравнению с дореволюционным временем упала в 2,5 раза. В 1913 г. рабочий получал (в переводе на цены 1924 г.) 300 руб. в месяц, профессор и госслужащий — 3000, директор департамента — 8000. Таким образом, образование позволяло человеку надеяться увеличить свой доход в 10—15 раз.

На основе многочисленных расчетов С. Г. Струмилин установил два эмпирических закона:

- закон убывающей продуктивности школьного обучения;
- закон убывания продуктивности каждого последующего года служебного стажа.

Первый гласил, что каждый последующий год обучения дает меньший прирост квалификации, чем предыдущий. Иными словами, начальное образование позволяет надеяться на более высокий прирост квалификации, чем среднее и высшее. Второй закон утверждал, что темпы прироста квалификации служащего с увеличением его производственного стажа падают. Эти законы напоминали известный в экономике закон убывающей предельной полезности: каждая новая дополнительная единица потребляемого товара добавляет к совокупной полезности меньше, чем предыдущая. «Квалификация работника, т. е. его умение работать, его хозяйственная продуктивность, повышается, судя по расценкам рынка, медленнее, чем число лет, затраченных на его школьную выучку. А если это верно, то высокая рентабельность начального обучения, а также средней школы по сравнению с высшей получает в этом «законе» убывающей продуктивности школьной выучки вполне достаточное объяснение. Если даже наименее продуктивный по своим результатам последний год школы по законам рынка должен в оплате труда работника окупить полностью школьные издержки обучения за этот год, то более продуктивные в этом отношении годы школы, несомненно, будут тем рентабельнее, чем выше их продуктивность и чем ниже связанные с их прохождением школьные издержки»².

Знаете ли вы, что

Парижский университет в Средние века прозвали «Синаем учености», поскольку на него ориентировались при возникновении все прочие европейские университеты. Специалисты именуют такого рода за-

¹ Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М.: Наука, 1982. С.121—122.

² Там же. С. 124.

ведения (в том числе университеты Болоньи, Оксфорда и Саламанки) материнскими университетами.

В Средние века учителя звали схолярхом, а студента или ученика — школяром.

Теоретическое и практическое значение исследований С. Г. Струмилина трудно переоценить. Во-первых, он разработал строго научную методологию эмпирико-социологического и статистического изучения системы образования. Во-вторых, он обосновал ценность умственного труда и значение образования для народного хозяйства. Это тем более важно, что в 1920-е гг. большинство специалистов считало труд рабочих гораздо более полезным для общества, чем труд ученых, врачей и инженеров. Первых относили к престижной категории производительного труда, а вторых — к непрестижной категории непроизводительных работников. С. Г. Струмилин не только развеял миф, но доказал прямо противоположную закономерность. Думается, что именно его разработки подготовили почву для того, чтобы в советское время невиданными доселе темпами росло среднее и высшее образование.

Почин С. Г. Струмилина по обследованию бюджета времени нашел последователей. Так, под руководством профессора Альтшуллера проведено изучение распределения времени у студентов Пермского университета¹. Собрали 117 анкет (было роздано 230), выяснилось, что партийный студент (мужчина) тратит на академические занятия около 5 ч в день, курсистка — 6 ч; непартийный студент тратит на академическую работу 5,5 ч, курсистка — 6,5 ч; излишек в полчаса или час, получающийся за счет увеличения времени, которое непартийные студенты расходуют на учебные занятия, распределяется так, что непартийные тратят значительно меньше времени на общественную работу (около 1 ч в день против 3 ч у партийного студента и 2 ч у партийной курсистки). Зато партийные студенты в Перми несколько лучше обеспечены, чем беспартийные, поэтому служба отнимает у них в среднем только 1 ч в день, у беспартийных студентов — 2 ч в день. Партийные студентки вообще не служат; беспартийные студентки расходуют на службу в среднем около 1 ч в день. Исследователи пришли к выводу: общее количество времени, затрачиваемого на академическую работу в Перми, равняется всего 5 ч 40 мин в сутки — слишком мало для выработки квалифицированных работников.

Подавляющая часть исследовательских центров в то время принадлежала ведомствам, что придавало научному изучению

¹ Штильрейн И. Бюджет времени пролетарского студента пермского университета // Время. 1924. № 12.

ярко выраженную отраслевую специфику. Редакции газет развертывают широкое изучение своих читательских аудиторий, библиотечные работники исследуют читателем массовых библиотек, сеть которых активно развивается в рамках кампании за ликвидацию неграмотности населения, педагоги анализируют детское и молодежное чтение и т. д. Здесь известны имена Я. Шафира, изучавшего аудиторию «Рабочей газеты»¹, Е. Хлебцевича, занимавшегося организацией армейских библиотек и исследованием читательских интересов красноармейцев², Б. Банка и А. Виленкина, изучавших рабочих-читателей библиотек³.

Знаете ли вы, что

в 1914/1915 г. насчитывалось 105 высших учебных заведений, в которых обучалось 127 тыс. студентов, главным образом из имущих слоев населения. Большинство этих учебных заведений находилось в Петрограде, Москве, Киеве и некоторых других городах Европейской части страны.

К концу 1920-х гг. идеологический контроль в сфере науки усилился, что привело к фактическому прекращению развития социологии образования и студенчества. А с 1931 г. по стране прокатилась волна политических разоблачений «меньшевистско-идеалистического эклектизма» педологов. К 1934 г. закрылось 29 научно-исследовательских педологических учреждений и прекратил существование журнал «Психотехника», а в 1936 г. вышло в свет знаменитое постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе народного образования» (1936 г.), которое поставило окончательную точку в разгроме фундаментальной и прикладной науки в СССР.

В 1930-е гг. в связи с общим кризисом науки и эмпирических исследований в СССР, последовавшим за уничтожением кадрового состава ученых и политическими преследованиями, социологические и педагогические исследования прекращаются⁴. Как следствие социологические поиски в 1920–1930-е гг. носили характер

¹ Шафир Я. М. Рабочая газета и ее читатель. М., 1926.

² Хлебцевич Е. И. Массовый читатель и работа с книгой. М.: Учпедгиз, 1936.

³ Банк Б., Виленкин А. Рабочий читатель в библиотеке. М., Л.: Работник просвещения, 1930.

⁴ Подробнее познакомиться с институциональными особенностями системы образования в послереволюционной России (1920—1930-е гг.), становлением и разгромом педагогического движения, особенностями языка в социологии образования того периода, а также с социологическими исследованиями, выявляющими профессиональные ориентации советского просвещенца и учащегося, можно в работе: Фараджев К. В. Прикладные аспекты проекта социальной инженерии: социология образования в послереволюционной России (1917—1930). Труды по социологии образования. Т. VII. Выпуск XI / под ред. В. С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2002.

редких методических и теоретических вкраплений в исследованиях образования и экспериментах, проводимых с позиции социальной педагогики и педагогической психологии.

Возрождение социологии образования произошло в 1960-е гг. В Эстонии под руководством М. Х. Титмы изучались ценностные ориентации при выборе профессии¹. В Ленинграде большую работу по социальным проблемам высшей школы и молодежи вели Л. Н. Лесохина, В. В. Водзинская, В. Т. Лисовский². Интересные исследования по проблемам молодежи и студенчества осуществлялись на Украине³. В Москве начались социально-педагогические обследования под руководством Р. Г. Гуровой⁴. На Урале проводил исследования жизненных путей учащихся Ф. Р. Филиппов, Обследование молодых инженеров было осуществлено С. Кутелем и В. А. Ядовым. Первый в своем исследовании проследил профессиональные пути молодых специалистов, особенности труда инженеров различных категорий, профессиональные ориентации выпускников технических вузов Ленинграда⁵.

В начале 1960-х гг. в Академгородке под Новосибирском под руководством В. Н. Шубкина были начаты крупные исследования социологических проблем образования⁶. Изучались объективные и субъективные факторы, влияющие на систему образования в целом, профессиональные склонности выпускников средних и неполных средних школ, выбор профессии, трудоустройство, жизненные пути молодежи; престиж различных занятий и видов труда; социальная, профессиональная и территориальная мобильность; эффективность производственного обучения в школах, проблемы профессиональной ориентации.

В первой серии обследований (1962—1973 гг.) роль социологов заключалась в том, чтобы весной с помощью «Анкеты выпускни-

¹ Жизненные пути молодого поколения / отв. ред. М. Х. Титма. Таллинн: Ээсти раамат, 1985; Социально-профессиональная ориентация молодежи / отв. ред. М. Х. Титма. Тарту: Ээсти раамат, 1973.

² Водзинская В. В. Ориентация на профессии // Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970; Лисовский В. Т. Советское студенчество: Социологические очерки. М.: Высшая школа, 1990; Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.

³ Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979.

⁴ Гурова Р. Г. К вопросу о конкретных социально-педагогических исследованиях // Советская педагогика. 1966. № 2.

⁵ Кугель С. А. Новое в изучении социальной структуры. М.: Знание, 1968.

⁶ Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии / В. Н. Шубкин и др. // Количественные методы в социологических исследованиях / под ред. А. Г. Аганбегяна, В. Н. Шубкина. Новосибирск: НГУ, 1964.

ка» зафиксировать личные планы, ожидания, отношение к различным профессиям тысяч юношей и девушек, а осенью собрать данные о том, какие профессии они избрали, в какой мере осуществили свои планы сразу после окончания средней школы. Поскольку речь шла о первых самостоятельных шагах молодежи в возрасте 17 лет, исследование называлось «Проект 17—17». Позже эти идеи были развиты во второй серии, в «Проекте 17—25», когда изучались жизненные пути молодых людей, о которых хранилась стартовая информация, уже в возрасте от 17 до 25 лет¹.

В результате ученые обнаружили так называемые «пирамиды профессий». Первая пирамида отражала потребности общества в кадрах по профессиям, которые были ранжированы по привлекательности от самых непрестижных внизу до наиболее престижных вверху. Потребности же в рабочей силе по каждой из профессий фиксировались по горизонтали. В итоге получилось нечто вроде пирамиды. Вторую пирамиду составили данные об ожиданиях выпускников. Она получилась по отношению к первой как бы перевернутой: школьники выбирали совсем не те профессии, которые им приготовило производство. Если на производстве больше всего вакансий было на малооплачиваемых, непрестижных, ручных работах, то молодежь в большинстве своем стремилась к высокооплачиваемым творческим квалифицированным видам труда. Оказалось, что в сознании молодежи складывалась одна иерархия профессий, а в планах и постановлениях правительства — другая, противоположная.

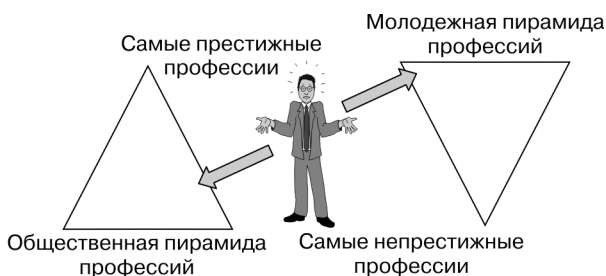

Рис. 1. Прямая и обратная пирамиды профессий. Советская молодежь была поставлена перед сложным выбором: она ориентировалась на престижные профессии, а общество предлагало ее на непрестижные

На пересечении двух пирамид не только общество, но и люди теряли очень многое. Свободные вакансии никто не хотел зани-

¹ Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.

мать, производство простаивало. А в вузы на творческие специальности был невероятно высокий конкурс. Непрошедшие устраивались на завод, но трудились с неохотой. Юноши и девушки пережидали время до следующего конкурса либо навсегда смирились с невозможностью устроиться по своим желанием. Молодость вообще присущи завышенные оценки своих способностей и своей роли в истории. Они прямоиком ведут людей в вузы. Оставшиеся на заводе на всю жизнь считают себя неудачниками. Позже социологи выяснили еще один факт: многие учащиеся не были уверены в том, что они смогут работать по тем профессиям, которые им нравятся, еще и потому, что производственное обучение в школе поставлено плохо. Качество профессионального обучения и профориентации в школе отслеживалось социологами на протяжении более чем 30 лет, вплоть до середины 1990-х гг., и всякий раз фиксировалась общая беда: школа не успевала за изменениями в общественном производстве.

В 1970 г. на Всемирном социологическом конгрессе в Варне по предложению советских специалистов при Исполкоме Всемирной социологической ассоциации был создан Научно-исследовательский комитет по социологии образования, который стимулировал международное сотрудничество. Был реализован ряд международных проектов, в которых активное участие принимали советские ученые. Так, специальный международный проект был реализован в конце 1970-х гг. исследователями из СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии. Он был нацелен на изучение общего и специфического в сознании и поведении различных групп молодежи в период завершения образования и начала трудовой деятельности: анализ ценностных ориентаций, профессиональных склонностей, личных планов и т. п. и реального поведения, т. е. социальной, профессиональной, территориальной мобильности, жизненных путей выпускников школ¹.

Знаете ли вы, что

положение дел с обеспечением учащихся горячим питанием в 2003 г. улучшилось, но эта проблема все еще далека от решения, считают санитарные врачи. Лишь 23% учащихся получают горячую пищу 2—3 раза в день. Число детей, пользующихся школьными столовыми, в последние 10 лет сократилось на 30% из-за неспособности многих семей оплачивать школьные завтраки и обеды. Практически повсеместно финансирование горячего питания школьников из федерального бюджета или отсутствует, или объем его крайне низок.

NEWSru.com. 04.08.2003

¹ Трудящаяся молодежь. Ориентации и жизненные пути / под ред. Ф. Гажо и В. Н. Шубкина. Будапешт: ИОН, 1980.

Региональные эмпирические исследования охватывали в 1960—1970-е гг. вопросы профессиональных ориентаций, трудоустройства, жизненных путей групп молодежи, престижа разных видов труда, профессиональной и территориальной мобильности, эффективности производственного обучения (В. Н. Шубкин, В. И. Артемов, Н. Р. Москаленко, Н. В. Бузукова, В. А. Калмык, М. Х. Титма, Э. А. Саар, А. А. Терентьев, В. В. Туранский, В. Ф. Черноволенко, В. А. Оссовский, В. И. Паниотто и др.)¹.

Ряд работ был посвящен истории и теории социологии образования, роли образования в обществе (Ф. Р. Филиппов), общественным потребностям в получении образовательных услуг (Л. Я. Рубина, М. Н. Руткевич), социологии личности (И. С. Кон, Л. П. Буева и др.), изучению студенчества и вузов (В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, А. В. Дмитриев, Я. Рубина, А. А. Овсянников, В. М. Маневич, В. Г. Немировский, А. К. Зайцев), социальному портрету учительства (Ф. Г. Зиятдинова, С. Г. Вершловский, В. В. Тумалев, И. С. Урсу и др.), проблеме воспитания. Серия работ Центра социологии образования РАО и Института молодежи посвящена социальным и культурным ориентациям старшеклассников. Исследования важных с практической точки зрения вопросов позволяли выявлять проблемы в социальном развитии групп учащейся молодежи, учителей и лучше оценить роль образования в отдельных аспектах социального воспроизводства. В 1970-х гг. появляются работы, стремящиеся к более обобщенному изложению теоретических вопросов социологии образования, которые получили развитие и в 1990-х (В. Н. Турченко, Ф. Р. Филиппов, Г. Е. Зборовский, В. С. Собкин, С. Писарский и др.). Глубже стали рассматриваться вопросы институционализации и сущности образования (В. Я. Нечев), социальная природа и динамика стандартов образования (В. И. Байденко), социальные и экономические показатели эффективности образовательной политики (Н. П. Литвинова, А. В. Воронцов, С. И. Григорьев и др.)².

¹ Шубкин В. Н. Социологические опыты. М., 1970; Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975; Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М., 1977; Социально-профессиональные ориентации молодежи. Тарту, 1977; Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев, 1979; Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985

² Осипов А. М. Социальные проблемы советской школы. Материалы прикладных исследований к курсу социологии / отв. ред. А. М. Осипов. Новгород: НГПИ, 1991; Осипов А. М. Общество и образование. Лекции по социологии образования. Новгород: Новгородский университет, 1998; Осипов А. М. Теоретико-методологические проблемы развития социологии образования: автореф. ... дисс. соц. наук. СПб., 1999.

Знаете ли вы, что

гипертрофированные масштабы вечернего и заочного образования приводят к диспропорциям в структуре подготовки кадров. С 1960-х гг. в СССР началась экономия на образовании. В США доля расходов на него в бюджете быстро росла, а у нас постоянно снижалась: в 1950 г. она составляла 10% национального дохода, в США — только 4%. Сегодня США тратят 12%, а мы — только 7%.

Становление и ускоренная динамика этой дисциплины выпадают на период 1960—1980-х гг., когда группа социологов, философов, экономистов, юристов, педагогов стала осуществлять широкомасштабные исследования проблем перехода от образования к труду, профессиональному самоопределению и карьере. Научный интерес отечественных ученых к этой области был обусловлен тем, что в советском обществе важным фактором социального расслоения стало образование. Его уровень и качество начали играть большую роль в социальной мобильности, в процессах формирования элитных групп, в силу чего дискуссии в советской социологии образования часто имели острый политической подтекст¹. Социологи касались таких явлений, как трудоустройство, занятость, безработица, различия в шансах молодых людей различных демографических когорт на получение образования и успешную профессиональную карьеру.

В эти годы исследования активно велись в самых разных регионах страны. Количество работ в это время возросло в два с лишним раза². Это прежде всего работы М. Х. Титмы в Эстонии по ценностным ориентациям при выборе профессии³. В Ленинграде большую работу по социальным проблемам высшей школы и молодежи вели Л. Н. Лесохина, В. В. Водзинская, В. Т. Лисовский⁴. В социологии образования выделяются внутриотраслевые направления, ориентированные на формирование социологических концепций отдельных проблем или элементов системы образования (социология школьного образования, высшей школы и др.).

¹ Подробнее см.: *Астафьев Я. У., Шубкин В. Н.* Социология образования в СССР и России // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. С. 345—368.

² Социология образования. Библиографический указатель публикаций на русском языке / отв. ред. В. С. Собкин. М.: ЦСО РАО, 1993.

³ *Жизненные пути молодого поколения* / отв. ред. М. Х. Титма. Таллинн: Ээсти раамат, 1985; *Социально-профессиональная ориентация молодежи* / отв. ред. М. Х. Титма. Тарту: Ээсти раамат, 1973.

⁴ *Водзинская В. В.* Ориентация на профессии // Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970; *Лисовский В. Т.* Советское студенчество: Социологические очерки. М.: Высшая школа, 1990; *Лисовский В. Т., Дмитриев А. В.* Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.

Анализ социальных аспектов образования, ориентации и поведения молодежи в социологии за прошедшие годы осуществляли В. Н. Шубкин, Л. Н. Коган, Д. Л. Константинов, Ю. Н. Давыдов, Ф. Р. Филиппов, А. Я. Куклин, Ю. В. Перов, М. Н. Руткевич, И. В. Бестужев-Лада, Л. Я. Рубина, Л. Г. Ионин, Л. И. Михайлова, Г. Е. Зборовский, Н. Г. Осипова, Ф. Э. Шереги, В. Г. Харчева, В. В. Сериков, В. Я. Нечаев, В. В. Водзинская, Л. Я. Рубина, С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский, М. Х. Титма. Проблеме барьеров социализации — подростковой наркомании и токсикомании — посвящены работы А. Е. Личко, А. А. Габиани, Г. Я. Лукачер, Н. В. Макшанцевой, Т. В. Ивановой, Я. И. Гилинского, В. А. Чудновского.

На Урале выделяются работы о жизненных путях учащихся Ф. Р. Филиппова. В 1972 г. в Нижнем Тагиле он изучал изменения в социальном составе школьников и учащихся профтехучилищ одного и того же поколения по мере их продвижения к выпускному классу. Ему удалось установить, что средняя школа — не только социальный лифт, но и социальный фильтр, отсеивающий детей рабочих после 8 класса, соответственно увеличивая представленность детей специалистов и служащих в выпускном классе¹. В 1973 г. почти аналогичные результаты дало обследование учащихся различных учебных заведений шести регионов страны, проведенное под руководством М. Н. Руткевича и Ф. Р. Филиппова Институтом социологических исследований АН СССР. Обнаружилось неравномерное распределение учителей-выпускников университетов и педагогических институтов между школами города и села, оседание значительной части выпускников наиболее крупных вузов в местах расположения этих учебных заведений, низкий уровень приживаемости выпускников крупных вузов в сельской местности, особенно в восточных районах страны. В результате выявилась еще одна функция средней школы — воспроизводства социальных различий в обществе². В работах Ф. Р. Филиппова второй половины 1970-х—начала 1980-х гг.³, которого считали одним из лидеров отечественной социологии образования в те годы, в поле зрения попала взаимосвязь выбора выпускником школы своего социального статуса (соответственно и профессии) с его социальными ориентациями. В своей книге «От поколения к поколению:

¹ Филиппов Ф. Р. Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы. М.: Мысль, 1976.

² Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989; Филиппов Ф. Р. Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы. М.: Мысль, 1976; Филиппов Ф. Р. Школа и социальное развитие общества. М.: Педагогика, 1990.

³ Филиппов Ф. Р. Социология образования. М.: Наука, 1980.

социальная подвижность»¹ Ф. Р. Филиппов обобщил опыт проведенных под его руководством лонгитюдных обследований одних и тех же групп молодежи на протяжении относительно длительного периода их жизненного цикла в различных регионах страны (Урал, средняя полоса России, Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область, Псковская область и др.). В центре научного интереса — роль образования в формировании жизненных стратегий самоопределения основных групп молодежи. Обнаружилась ярко выраженная поэтапность самоопределения молодежи, отмечалось, что каждый пройденный этап детерминирует прохождение следующих.

Важную роль в развитии социологии образования сыграли работы И. С. Кона по проблемам социологии личности², а также А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова³, С. Н. Иконниковой⁴, В. В. Водзинской⁵ по социологическим и социально-психологическим проблемам образования (работы и др.). А. А. Овсянниковым⁶ изучались информированность студентов о будущей профессии и месте работы, эмоциональные оценки по поводу получаемой профессии, мотивации, связанные с будущим трудоустройством, учебно-познавательная активность студентов.

Знаете ли вы, что

в годы советской власти, говорят, маленьких чукчей и детей других северных народов отлавливали в тундре с вертолетов (пока родители не спохватывались) и помещали в интернаты, после обучения в которых обратно в тундру ребята возвращаться не могли и не хотели. Приноровиться толком к жизни в «цивилизованном» мире у большинства из них тоже не получалось.

Первое сентября. 2001. 11 августа.

Советских философов и социологов эпохи развитого социализма огорчало противоречие между интересами высшей школы, «стремящейся привлечь наиболее квалифицированных, сознательных рабочих», и предприятий, заинтересованных в «оставлении таких рабочих у себя», а также то обстоятельство (сказываю-

¹ Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.

² Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

³ Человек и его работа / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина и В. А. Ядова. М.: Мысль, 1967.

⁴ Иконникова С. Н. Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л.: ЛГУ, 1974.

⁵ Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / отв. ред. В. Я. Ядов. М.: Мысль, 1969.

⁶ Высшая школа в зеркале общественного мнения / отв. ред. А. А. Овсянников. М.: Высшая школа, 1989.

щеся на формировании контингента подготовительных отделений), что зарплата квалифицированных рабочих значительно выше зарплаты инженеров, и рабочие, естественно, не хотят учиться на инженеров, по несознательности препятствуя делу «стирания граней». Задача высшей школы виделась в «дальнейшей демократизации системы высшего образования, расширения его социальной базы», ожидалось, что в 10-й пятилетке основная масса специалистов придет из среды рабочих и крестьян, и отмечалось, что широкий приток в вузы рабочей и крестьянской молодежи, по словам Брежнева, «полностью вытекает из политики партии, направленной на сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, на укрепление социального единства нашего общества»¹.

В студенчестве они видели тот плавильный котел, попав в который рабочие, колхозники и интеллигенция в конечном итоге превращаются в однородную массу. Собственно говоря, теория, созданная учеными, так и называлась — концепцией социального однородного общества, которое должно наступить в связи с переходом СССР из эпохи социализма на более высокую стадию коммунизма. Следовали и соответствующие рекомендации: «Вопрос о социальных источниках пополнения интеллигенции в современных условиях необходимо рассматривать с учетом общих изменений в социальной структуре общества, усиления его социальной однородности, стирания различий между классами и социальными группами. Последнее необходимо учитывать и при решении практических вопросов регулирования социального состава студенчества, в том числе путем повышения социальной эффективности подготовительных отделений вузов», ибо «социальное происхождение и тип вуза оказывают заметное дифференцирующее воздействие на степень адаптации молодых специалистов к условиям их труда и быта»².

К середине 1980-х гг. в отечественной социологии науки сформировалось несколько ведущих научных школ, в частности ростовская (М. М. Карпов, М. К. Петров, А. В. Потемкин, Э. М. Мирский, Е. З. Мирская и др.), киевская (Г. М. Добров, В. А. Малицкий), московская (А. А. Зворыкин, Д. Д. Райкова, С. Р. Микулинский, Н. И. Родный, П. П. Гайденко, М. К. Мамардашвили, А. П. Огурцов,

¹ Филиппов Ф. Р. Социология образования. М., 1980. С. 127—128.

² Указывалось, что к этим условиям наиболее высокую степень адаптации показывают дети рабочих, на втором месте — дети крестьян и на последнем — специалистов (Формирование социальной однородности социалистического общества. М., 1981. С. 101—103).

В. Ж. Келле, Г. Г. Дюментон, Ю. В. Татаринов, Е. З. Мирская и др.), ленинградская (Ю. С. Мелешенко, И. И. Лейман, И. А. Майзель, С. А. Кугель), минская (Г. А. Несветайлов), новосибирская (А. Н. Кочергин, Е. В. Семенов и др.)¹.

Только факты

Группа сотрудников Института социологии РАН провела опрос школьников 6—11-х классов². Выяснился любопытный факт. В младшей и старшей возрастных категориях численность тех, кто оценивает свое отношение к учебе в основном позитивно (45%), и тех, кто оценивает негативно (36%), оказалась практически одной и той же. Как видим, в обеих группах дети скорее любят учиться, нежели относятся к учебе с пренебрежением. Напротив, в средней возрастной группе появляется резкий и необъяснимый скачок в отношении к учебе: с удовольствием учатся лишь 29%, а без удовольствия — 50% респондентов. Ученые пока не в силах точно объяснить причины отворачивания к учебе.

В середине 1980-х гг. проходит международное исследование «Молодежь и новые технологии: ориентации европейской молодежи в отношении работы и окружающей среды», в рамках которого изучалось отношение молодых людей к новым техническим средствам, с которыми они сталкиваются в учебе, на работе и дома³. Во второй половине 1980-х гг. осуществляются исследования социального облика учащихся на базе Института молодежи, бывшей Высшей комсомольской школы (Л. А. Коклягина). Изучались региональные проблемы воспроизводства социальной структуры за счет включения в трудовую жизнь когорты учащейся молодежи, составляющей значительную часть молодого поколения. Тем же коллективом осуществлены крупные проекты «Духовный облик студента» и «Преподаватель на работе и дома»⁴. Удалось воссоздать социальный портрет вузовского преподавателя. Выяснилось, что политехнические и инженерные вузы являются наиболее «мужскими» (76% преподавательского состава — мужчины) и одновременно самыми неустроенными в бытовом отношении. Сравнительно «молодыми» и феминизированными (42% женщин) оказались юридические и экономические институты. Они же — самые неустроенные в семейном отношении. Самыми женскими ока-

¹ Подробнее см.: Винклер Р.-Л., Келле В. Ж. Социология науки // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. С. 369—400.

² Герасимова М. Школьник—91 // Перспективы гуманитарного образования в средней школе. М., 1992. С. 91—102.

³ Astafiev J., Firsova O., Shubkin V. Youth and New Technologies in the USSR // European Youth and New Technologies: A Comparative Analysis of 12 European Countries / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.

⁴ Нечаев В. Я. Социология образования. М.: МГУ, 1992.

зались педагогические, медицинские вузы, институты культуры (49% женщин), а самыми «старыми» по преподавательскому составу — сельскохозяйственные.

В лаборатории педагогической социологии Временного научно-исследовательского коллектива (ВНИК) «Школа» при Академии педагогических наук СССР под руководством В. С. Собкина изучались проблемы современного состояния средней школы, основные направления перестройки системы среднего образования, взаимодействие средств массовой коммуникации и школы¹. Выявились снижение уровня культуры и профессиональной этики, приспособление подрастающих поколений к требованиям командно-административной системы, наличие затяжного конфликта учителей с учениками.

На базе этого научного коллектива в 1992 г. при Российской Академии образования учрежден Центр социологии образования². За 12 лет существования им проведено более 40 исследований, в том числе исследование ценностно-нормативных ориентаций, динамики художественных предпочтений, отношения к образованию старшеклассников³, международный кросскультурный социологический опрос учителей, учащихся и родителей Москвы и Амстердама⁴.

Сегодня Центр состоит из семи лабораторий и одной группы, объединенных в два отдела:

Отдел теории и методологии социологии образования

— Лаборатория теоретических и методологических проблем социологии образования;

— Лаборатория социоэтнологических проблем в образовании;

— Лаборатория сравнительных социальных исследований в образовании;

— Редакционно-издательская группа;

Отдел конкретных социологических исследований в образовании

— Лаборатория мониторинговых социологических исследований образования;

— Лаборатория социологии дошкольного воспитания;

— Лаборатория социологии девиантного поведения и здорового образа жизни детей и подростков;

— Лаборатория массовых коммуникаций и информационных технологий в образовании.

¹ Школа с 1988. Проблемы. Противоречия. Перспективы / отв. ред. В. С. Собкин. М.: ВНИК «Школа», 1988.

² Web-адрес Центра: <http://socioedu.ru/>

³ Российская школа на рубеже 90-х: Социологический анализ / отв. ред. В. С. Собкин. М.: ЦСО РАО, 1993.

⁴ Собкин В. С., Писарский П. С. Жизненные ценности и отношение к образованию: Кросскультурный анализ, Москва с Амстердам. М.: ЦСО РАО, 1994.

Многолетний опыт эмпирических исследований получил освещение в ряде последних монографий работников Центра социологии образования РАО, среди них — книга «Социология семейного воспитания»¹, где приводятся материалы социологического опроса родителей и обследования детей старшего дошкольного возраста. В работе анализируются ценностные ориентации и воспитательные стратегии родителей, их отношение к государственной системе дошкольного воспитания. Особое внимание уделено изучению влияния демографических и социально-стратификационных факторов на формирование родительских стратегий воспитания. Специальный акцент сделан на выявлении типов реализуемых родителями стратегий при воспитании мальчиков и девочек в полной и неполной семье. Исследовано влияние родительских воспитательных стратегий на развитие ребенка.

На Ваш взгляд, сегодня в России людей с высшим образованием больше, чем нужно, меньше или столько, сколько нужно?

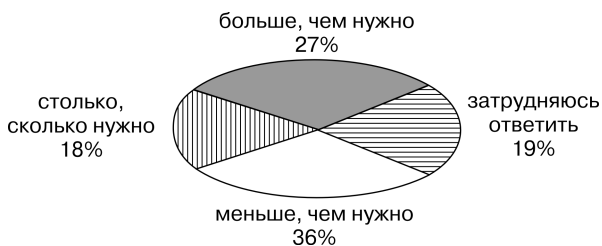

Рис. 2. Опрос населения 4—5 августа 2001 г.
Фонд «Общественное мнение», 2001 г.

Социальные перемены 1980—1990-х гг., повлекшие за собой кризис отечественной науки, привели к заметному сокращению исследований сферы образования. Однако в последние годы произошел подъем интереса исследователей к этой проблематике. Среди них Ф. Г. Зиятдинова, В. С. Магун, В. Я. Нечаев, А. А. Овсянников, В. С. Собкин, В. И. Чупров, Ф. Э. Шереги и др. Влияние социальных изменений в России на поведение молодежи в сфере образования, ее ценностные ориентации исследуется в работах С. А. Баклушинского, Е. П. Белинской, Ю. А. Зубок, В. М. Слуцкого, О. Я. Дымарской и др. Заслуживают внимания работы Л. Г. Борисовой, В. И. Добрыниной, С. Г. Вершловского, С. И. Григорьева, Г. Е. Зборовского, Ф. Г. Зиятдиновой, Т. Н. Кухтевич, В. Т. Литов-

¹ Собкин В. С., Марич Е. М. Социология семейного воспитания: дошкольный возраст. Труды по социологии образования. Т. VII. Вып. XII. М.: Центр социологии образования РАО, 2002.

ского, В. В. Матвеева, А. М. Осипова, П. С. Писарского, М. Н. Руткевича, В. С. Собкина, В. В. Тумалева, И. С. Урсу, Ф. З. Ходячего, Е. А. Шуклиной и других социологов.

Наиболее проработанным является социальный аспект дифференциации и неравенства в сфере образования, анализируемый в работах Д. Л. Константиновского. Социальный характер дифференциации в школах с углубленным изучением иностранного языка впервые был комплексно исследован в начале 1990-х гг. Г. А. Чередниченко, которая продемонстрировала принцип работы механизмов, обеспечивающих социокультурное воспроизводство. Кроме того, проблема социальной селекции рассматривалась в работах Г. А. Чередниченко, посвященных элитарным школам. К проблеме элитного и элитарного образования также обращались Г. К. Ашин, Л. Н. Бережнова, В. А. Долганова, В. Н. Иванов, Л. Н. Карабущенко, А. П. Ляликов, Р. Г. Резаков, О. А. Скепко, Е. Г. Трубина, В. М. Фигуровская и другие. Также рассматривались педагогические аспекты неравенства в образовании (А. Г. Асмолов); затрагивалась роль специализированных школ в воспроизводстве научных кадров (И. Г. Дежина).

Дифференциация по способностям и природным задаткам анализировалась, как правило, в работах психологов, занимающихся проблемами одаренности: Ю. Д. Бабаевой, Д. Б. Богоявленской, А. В. Брушлинского, Э. А. Голубевой, Н. А. Дудниковой, З. И. Колмыковой, В. А. Крутецкого, Н. С. Лейтиса, А. М. Матюшкина, В. Э. Чудновского, В. Д. Шадрикова, Н. Б. Шумаковой и др.

В 1990-е г. проведен ряд интересных исследований в социологии науки. В Москве сектор социологии науки Института истории естествознания и техники РАН под руководством Е. З. Мирской проводит мониторинг изменений, происходящих в российской академической науке под влиянием экономических реформ, анализируются национальные модели развития науки (Россия, США, Англия, Франция, Германия, Китай и др.). В Институте социологии РАН под руководством Д. Д. Райковой¹ организуется серия эмпирических исследований по темам: «Возможности выживания академической науки в кризисных условиях», «Исследование путей повышения жизнеспособности академической науки», «Работа по контракту и обмену за рубежом» и др. Изучены изменения параметров института академической науки, таких как связь науки и государства, направленность коммуникаций, организационные структуры, способы финансирования, престиж научной дея-

¹ Райкова Д. Д. Как сохранить жизнеспособность академической науки? // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 9.

тельности и т. д. Большой объем исследований в течение 1992—1995 гг. проведен по «утечке умов» из российской науки¹. Вызванные российскими реформами изменения в научном сообществе стали предметом изучения социологов Новосибирска. Начиная с 1992 г. ими было проведено несколько опросов ученых новосибирского «наукограда» (Академгородка), выявлено влияние снижения финансирования науки на ее статус и стабильность научного сообщества². Изучением перспектив воспроизводства кадров российской науки занимались А. И. Ракитов, А. И. Терехов, Б. М. Фирсов и др.

В отечественной социологии немало внимания уделялось изучению студенчества, главным образом проблемам мотивации и особенностям ценностного отношения к получению высшего образования и будущей профессиональной деятельности. Эмпирические данные выявили динамику ценностных ориентаций, которая ярче всего проявила себя в конце 1980-х—начале 1990-х гг.: снизился общий уровень образования и профпригодности работников. В литературе появились факты, отражающие неблагоприятную тенденцию — несбалансированность профессиональной структуры специалистов, имеющих дипломы вузов, и структуры рабочих мест для них. Так, В. И. Добрынина и Т. Н. Кухтевич отмечают, что происходящая либерализация трудовой деятельности и оплаты труда ведет к возможности зарабатывать «большие деньги» за счет малоквалифицированного труда, а это в свою очередь снижает уважение к профессионализму и к своей будущей специальности. Как показывает анализ результатов исследований, проведенный И. И. Асановой³, интерес к получению образования снизился даже у студентов, которые довольно осознанно выбирали свой жизненный путь. Всего лишь 35% опрошенных студентов считали, что человек, обладающий общим уровнем культуры, пользуется авторитетом. Немалая часть студентов выглядит «начитанными детьми», «эрудитами», которые буквально до получения диплома не знают, кем они будут работать, что конкретно делать, сколько получать и т. д.

В 1990-е гг. иерархия мотивов выбора существенно меняется. Начинают лидировать экономические мотивы, а потому стремле-

¹ «Брейн-дрейн» в современной России: внутренние и международные аспекты / под ред. С. Н. Земляной и В. А. Кузминова. М.: ЮНЕСКО-РОСТЕ, 1992.

² Плюснин Ю. М., Гордиенко А. А. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России. Новосибирск, 1995.

³ Асанова И. И. Отношение студентов к образованию как общественной ценности // Социология образования. Тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции. Т. 1. Л., 1990.

ние стать богатым и преуспевающим у современной молодежи выходит на первый план. Однако в 1994 г. ситуация меняется. Ведущими мотивами становится желание быть высокообразованным, культурным человеком (58%), добиться успеха в жизни (54%), сделать карьеру (37%), иметь определенный социальный статус (20%). Хотя мотив получения профессии продолжает занимать достаточно высокое место (41%), исследования показывают падение этого показателя. Появились установки, порожденные современной ситуацией в стране: отношение к эмиграции, профессиональному статусу и карьере, к материальному положению. Так появился и такой новый для нашей страны мотив, как возможность работы за рубежом (18%)¹.

Из материалов к заседанию Госсовета 29 августа 2001 года

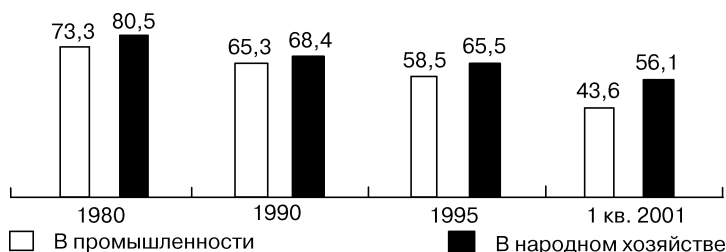

Рис. 3. Отношение средней заработной платы в образовании к средней зарплате в промышленности и в народном хозяйстве (в %)

С этого времени возрастает значение мотива «интерес к профессии»: 29% в 1994 г. и 53—58% в 1996 г.² В начале 1990-х гг. лидирующим мотивом стало желание просто получить диплом об окончании вуза, но не сами знания. Тогда вуз не давал квалификации, необходимой для работы в рыночных условиях. Она устаревала, как только молодежь покидала стены гостеприимной альма-матер. Получившим груз устаревших сведений приходилось учиться заново уже на производстве.

Массовая ориентация молодежи на высшее образование еще в 1970-е гг. сформировала некую всеядность студентов — поступление в любой вуз — лишь бы учиться, а не трудиться. Как след-

¹ Щепкина Е. Опыт историко-социологического анализа мотивации студентов [www.informika.ru]

² Молодежь Германии и России. М.: Социум, 1994; Паддалко О. В. Молодые специалисты с высшим образованием: динамика профессионального самоопределения // Преемственность поколений: диалог культур. Материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 1996.

стве $\frac{1}{3}$ студентов при выборе вуза не руководствуются мотивом интереса к профессии, а каждый десятый осуществлял свой выбор случайно¹. Это подтверждается и данными другого опроса, в котором двое из пяти опрошенных абитуриента пришли «просто поучиться»².

Если в 1970-х гг. важность успеха для дальнейшей жизни отмечали всего 10—25% студентов³, то в середине 1990-х гг., по данным ЦСИ МГУ, — уже более половины (среди экономистов и юристов — 71%). Одновременно возрастает в глазах студентов значение качественного образования, обеспечивающего конкурентоспособность выпускников: его рейтинг повысился с 5-го места до 2-го за несколько лет, отеснив везение, стечение обстоятельств, умение устраивать дела. Хотя такой фактор, обеспечивающий успех, как связи, поддержка влиятельных лиц, все еще стоит на первом месте⁴. Это положение подтверждается и данными другого исследования, проведенного в 1993 г.⁵, в котором среди слагаемых успеха у самых молодых (группа до 20 лет) на первом месте стоит хорошее образование; на втором — высокая профессиональная квалификация и способности; на третьем — способность много работать; у группы 20—29 лет соответственно умение работать, протекция, хорошее образование и предприимчивость.

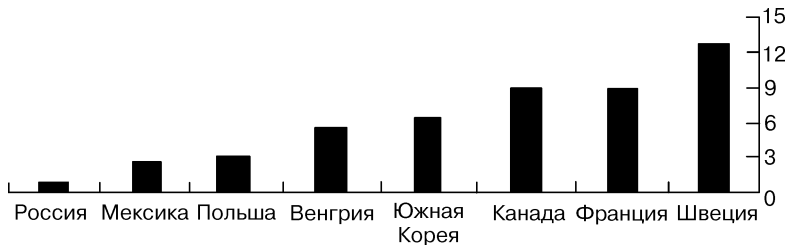

Рис 4. Расходы на одного студента учреждений высшего профессионального образования в различных странах в 1998 г. (в тыс. долл. по паритету покупательной способности). Из материалов к заседанию Госсовета 29 августа 2001 года

¹ Журавлева Г. А. Изучение профессиональной направленности студентов и задачи воспитательной работы в вузе // Студент в учебном процессе. Каунас, 1972. С. 312.

² Хайруллин Ф. Г. Некоторые проблемы формирования профессиональных интересов молодежи // Мотивация жизнедеятельности студента. Каунас: 1971. С. 126.

³ Рубина Л. Я. Советское студенчество: социологический очерк. М.: Мысль, 1981. С. 105—106.

⁴ Эфендиев А. Г. Московский студент: проблемы и настроения. М., 1996. С. 48—49.

⁵ Баранова Л. А., Петрушенко Т. К. Об оценке молодежью условий успеха в жизни // Молодой человек в условиях кризиса. Материалы международной научно-практической конференции. М.; СПб., 1994. С. 145.

В 2000 г. количество высших учебных заведений в России составляло: государственные — 562 (45,9%), из них подчиненные Минобразования РФ — 338 (26,0%); негосударственные — 662 (54,1%), из них имеющих аккредитацию — 203. Численность студентов в вузах России (включая негосударственные) в 2000 г. — 4 млн 739,5 тыс. человек, из них на дневном отделении — 2 млн 624,3 тыс. человек (для сравнения: в 1992 г. всего 2 млн 638,0 тыс. человек, из них на дневном отделении 1 млн 657,0 тыс. человек). На каждые 10 тыс. населения, таким образом, приходится сегодня 280 студентов (178 в 1992 г.).

В вузы на дневные отделения по укрупненным группам специальностей в 2000 г. были приняты: инженерные специальности — 224,8 тыс. человек; гуманитарные дисциплины и просвещение — 152,6 тыс. человек; экономические — 114,0 тыс. человек; естественные — 48,6 тыс. человек; сельскохозяйственные — 31,0 тыс. человек; медицинские — 30,7 тыс. человек. (Для сравнения: в 1995 г. список специальностей по убыванию популярности среди абитуриентов выглядел так: инженерные, гуманитарные дисциплины и просвещение, экономические, сельскохозяйственные, естественные и медицинские.)

Сегодня подготовка специалистов с высшим профессиональным образованием ведется по 92 направлениям и 443 специальностям. За последние три года открыто 15 новых специальностей высшего профессионального образования, в том числе 10 инженерных.

Численность профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений в 2000 г.: штатный персонал — 265,2 тыс. человек; кандидаты наук — 125,4 тыс. человек; доценты — 89,8 тыс. человек; доктора наук — 28,0 тыс. человек; профессора — 27,0 тыс. человек. Всего в высшем профессиональном образовании заняты 650 тыс. человек.

В 1999/2000 учебном году контингент аспирантов и докторантов, обучающихся в вузах и научных организациях Российской Федерации, составлял: аспиранты (всего) — 107 031, аспиранты очного обучения — 75 371, докторанты — 3993.

Процент студентов дневных отделений вузов России, получающих стипендию: 1970 — 72,0; 1980 — 78,0; 1990 — 88,0; 1999 — 58,9; 2000 — 54,4.

Источник: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/1/af-pr.html>

Многие из нынешнего поколения студентов, более прагматичного и утилитарного, чем прежние, используют вуз как удачную стартовую площадку для приобретения полезных знакомств и связей. В этом смысле образование в молодежной шкале ценностей постепенно набирает очки. Позади те беспечные времена, когда наличие диплома для достижения успеха в жизни считалось необязательным. Таким образом, формула социализации нового поколения молодых россиян — «успех через образование». Как показывают данные исследований, проведенных в нескольких московских вузах, в числе приоритетных ценностей студенты чаще всего называют престижную, высокооплачиваемую работу и личную свободу. В будущем они смотрят спокойно, хотя и без осо-

бых иллюзий. На место романтическому студенческому братству приходит суровый индивидуализм¹. Исследования Л. С. Щенникова показывают, что в 1990-е гг. образ интеллектуала, который ориентируется не только в технических, но и в гуманитарных вопросах, уходит в прошлое².

Многолетние обследования студенческой молодежи, проведенные учеными МГТУ им. Н. Э. Баумана³ и завершенные в 2003 г., были посвящены изучению представлений студентов о возможностях собственной социализации в первые годы после окончания вуза и связанной с этим мотивацией учебной и профессиональной деятельности: сравнение мотивов обучения в вузе, представлений о возможностях профессионального самоопределения через 3 года после окончания вуза, некоторых основных характеристик личности. Обнаружено, что чем выше уровень профессиональных притязаний у студентов, тем более значимыми в их мотивации получения высшего образования являются следующие детерминанты: стать преподавателем вуза по своей специальности, расширить культурный кругозор, хорошо зарабатывать, материально обеспечивать себя и свою семью, занять высокую руководящую должность, стать учеником и последователем крупного ученого. Относительно низкое место занимает такой мотив, как возможность стать дипломированным специалистом узкой области. Как выяснилось, 81,1% студентов ожидают, что через 3 года после вуза их ежемесячный заработок будет находиться в интервале от 300 до 1000 долл.; только 8,6% ориентированы получать после вуза не более 300 долл. в месяц; 10,3% ожидают, что через 3 года после вуза ежемесячный заработок будет превышать 1000 долл.

Интересные данные, касающиеся социального портрета заведующего кафедрами, получили пензенские специалисты⁴. Анкетированию подверглись 300 заведующих кафедрами 66 вузов России. Выяснилось, что средний возраст руководителей кафедр — 51,6 года. Самые пожилые — заведующие техническими кафедрами (56,3 года), а самые молодые — гуманитарии (49,8 года). Среди завкафедрами 82,6% женщин и 17,4% — мужчин. У «технарей» преобладают мужчины (96,1%), у гуманитариев растет (до 30,7%) доля женщин. Среди заведующих кафедрами 54,7% докторов

¹ Кольчик С. Студент сегодня уже не бедный // Аргументы и факты. 2000. № 16.

² Щенникова Л. С. Духовные ориентиры псковских студентов // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 98.

³ Багдасарьян Н. Г., Немцов А. А., Кансузян Л. В. Послевузовские ожидания студенческой молодежи // Социс. 2003. № 6. С. 113—119.

⁴ Резник С. Д., Васин С. М., Сазыкина О. А. Заведующий кафедрой вуза: черты коллективного портрета // Социс. 2003. № 6. С. 106—108.

наук, профессоров, 45,3% не имеют степени доктора наук или звания профессора. Средний стаж работы на основной должности у мужчин—заведующих кафедрами равен 10,1 года, у женщин — 7,9 лет. Иначе говоря, современные менеджеры среднего звена в вузах — представители нового, пореформенного поколения. К сожалению, основная масса заведующих кафедрами не имеет специальной управленческой подготовки, ибо в большинстве своем (64,2%) вышли из рядовых специалистов или преподавателей. Опрос показал, что около 40% заведующих кафедрами совершенствовали свою квалификацию в ИПК и ФПК, а 60% — лишь на курсах и стажировках при вузах. В среднем заведующие экономическими кафедрами последний раз повышали свою квалификацию 2,02 года назад, гуманитарными — 4,6 года назад, а техническими — 2,4 года назад; однако немало руководителей, которые проходили соответствующее обучение в последний раз лишь 10 лет назад.

Опрос

Как Вы полагаете, сегодня важно или не важно иметь высшее образование?

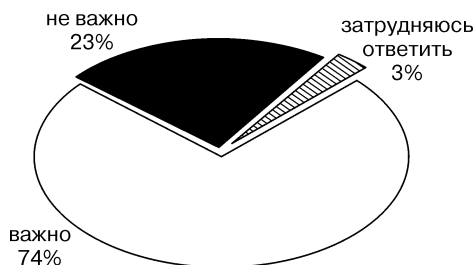

Рис. 5. Опрос населения 4—5 августа 2001 г.
Фонд «Общественное мнение», 2001 г.

На протяжении многих лет сотрудники кафедры и лаборатории социологии образования Санкт-Петербургского университета педагогического мастерства проводят исследования (под руководством профессора Е. Э. Смирновой) в рамках проекта «Петербургская школа: достижения и проблемы»¹. Всего было обследовано 24 школы самого разного профиля, а в исследовании 1999 г. «Образовательная система района» приняли участие 248 учителей, 904 стар-

¹ Смирнова Е. Э., Смотрина Т. А. О процессах демократизации школы // Социс, 2001. № 4. С. 94—99.

шекласника (9-х, 10-х и 11-х классов) и 558 родителей учащихся старших классов 11 школ¹. Исследования показали, что одним из первых шагов демократизации школы стало делегирование ряда полномочий директора школы своим заместителям и профессиональным группам учителей, в роли которых чаще всего выступают методические группы, а также группы, решающие концептуальные задачи школы. Социологи обнаружили в нынешней российской школе множество изменений по сравнению с советским периодом. Важным этапом демократизации школы явилось создание профессиональных объединений, выполняющих в педагогическом коллективе различные специализированные функции. Возникают многочисленные исследовательские группы, например «Школьная социологическая лаборатория», объединившая учителей и учеников, совместно изучающих перипетии социализации школьников, отрабатывающих технологию преподавания социологии как школьного предмета. В проблемных школах с трудными подростками и неблагополучными семьями работают профессиональные группы, состоящие из социального педагога, психолога, классных руководителей, воспитателей, которые ищут пути как социальной помощи детям и родителям, так и педагогической (помощь в освоении школьной программы и адаптации к школе).

Постоянно растет число школ с коллегиальным управлением. Требование времени — появление органов общественного управления, в том числе с участием родителей учащихся. Совет школы обычно включает в свой состав учителей, руководство школы и родителей. Возрастание роли родителей повело к созданию различных общественных органов с их участием — попечительских советов, советов родителей, родительских комитетов и т. д. В ходе опроса 75% учителей города указали, что в их школах есть органы соуправления школой. Работу попечительского совета отметили 34% учителей — респондентов, совета школы (с участием школьников) — 59%, органов детского соуправления — 38%. Его работа направлена главным образом на преодоление материальных трудностей, вот почему нынешняя школа воспринимает родителей как «экономических доноров». Существовавшая при советской власти институция шефской помощи предприятий школам ныне преобразовалась в институт спонсорства. Помощь проявляется в виде спонсорских взносов, передачи школам техники (компьютеров),

¹ Выборочная совокупность строилась как модель, воспроизводящая структуру генеральной совокупности, т. е. всех учителей района, детей, обучающихся в образовательных учреждениях, и их родителей. В пределах данной типологии проводилась целенаправленная выборка школьных образовательных учреждений для получения модели, адекватной генеральной совокупности.

мебели, лабораторного оборудования, в оплате родителями различных видов дополнительного обучения, в других делах школы. Кроме того, родители помогают организовать туристические мероприятия, экскурсии, выпускные вечера, посещение музеев, театров, поездки за город. Однако родители еще мало вовлечены в «святая святых» школы — ее учебную деятельность. Участие родителей в обсуждении концепции развития школы отметили 25% опрошенных учителей, влияние родителей на учебные вопросы — 16%. Парадокс, но родители и не спешат участвовать в делах школы: только 11% родителей готовы участвовать в обсуждении учебных программ, 15% — в обсуждении новых предметов, 13% — в организации кружков и секций. И это происходит на фоне того, что 28% родителей недовольны учебной нагрузкой своих детей, расписанием, 26% — уровнем психологической комфортности школьников. Вывод социологов: родительский корпус сегодня имеет много прав, однако не является пока инициатором школьных дел, важных для семьи, обучения и воспитания детей.

Чем мы подменяем общение?

Специалистам известно: дети, в семьях которых общение не сводится в дежурным фразам («Как дела?» — «Нормально»), менее склонны к асоциальному поведению, страхам и депрессиям. Ритуалы домашнего общения чрезвычайно важны для детей, милые семейные традиции поддерживают их в бурном мире, полном противоречивой информации, и как ни странно это звучит, но они помогают становлению индивидуальности, личности ребенка.

Многие дети часами сидят перед телевизорами и зачастую лишены возможности нормального общения. Отчасти это связано с увеличением числа неполных семей, отчасти — из-за того, что ребенок лишен возможности восполнить недостаток внимания со стороны родителей, хотя бы общаясь с бабушками и дедушками (если нормальные отношения с ними не поддерживаются). Но самая серьезная проблема состоит в том, что часто сами родители не имеют знаний, умения и желания общаться и не желают работать в этом направлении.

КМ.RU. 18 января 2003 г.

Исследования Ю. Л. Лобкова, проведенные в Брянской, Тульской и Курской областях, выявили негативное влияние последствий аварии на Чернобыльской АЭС на социализацию школьников: неблагоприятная ситуация в семейной, школьной и социальной жизни детей; отставание детей по уровню развития видов деятельности; интеллектуальная и общая личностная пассивность; снижение эмоционально-волевой регуляции деятельности. Население загрязненных районов отличается повышенным восприятием радиационного фактора. Особенно ярко эта тенденция обнаруживается у подростков: они проявляют очень низкую сте-

пень удовлетворенности взаимоотношениями с учителями; в отношении с группами сверстников у подростков обнаруживается тенденция к снижению удовлетворенности этими отношениями; ядром ценностного мира подростков оказываются, как правило, приватные ценности, ценности личной жизни. Таким образом, возникшая в результате Чернобыльской катастрофы социальная депривация напрямую связана не столько с фактами радиоактивного загрязнения, сколько с психологическим давлением на сознание людей, считающих себя прямо или косвенно затронутыми этой аварией.

Среди отечественных ученых, внесших значительный вклад в развитие социологии образования, стоит отметить В. М. Глушкова, Н. Н. Моисеева, А. И. Ракитова, А. В. Соколова, А. Д. Урсула и др. В настоящее время активно работают в этом направлении Г. Т. Артамонов, К. К. Колин. Анализ социальных процессов в системе образования и социальной структуры общества дан в работах З. Т. Голенковой, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, Ю. А. Левады, В. А. Мансурова, Ж. Т. Тощенко, В. В. Радаева, О. И. Шкаратана.

Сегодня социология образования — одна из активно развивающихся отраслей как в зарубежной, так и в отечественной социологии. Однако в ней наблюдаются определенные диспропорции. Эмпирические исследования главным образом проводят преподаватели, привлекая студентов. Основным объектом исследования выступают студенты, в меньшей степени — преподаватели. Исследования в средней школе проводятся реже, чем в вузах. По мнению одного из ведущих специалистов в области социологии школы Е.Э. Смирновой, примерное соотношение — 10 : 1 в пользу вузов. Причины: незнание техники эмпирических исследований учителями, их высокая загруженность, отсутствие заинтересованности в социологических данных и неумение применять их на практике. Проведенный анализ информации, содержащейся в каталогах Российской государственной библиотеки¹, показал, что соотношение количества диссертационных работ, связанных с изучением бюджета времени различных категорий трудящихся, с одной стороны, и студентов, а также школьников — с другой, составляет примерно 20 : 6 : 1. И здесь школьники оказались обойденными. Первые публикации по бюджетам времени школьников появились в конце 1960-х гг. В частности, изучалась структура видов деятельности учащихся в свободное время², возможности взрослых

¹ Ланшов В. А. О бюджете учебного времени школьников // Социс. 2001. № 4. С. 102.

² Свободное время школьников. М.: Просвещение, 1969.

использовать досуг детей как средство их воспитания¹. Более масштабное исследование было опубликовано в 1977 г. Р. А. Поддубной². Она изучила затраты времени школьников с 4-го по 10-й классы на выполнение домашних заданий и влияние на них таких факторов, как пол, класс, контроль со стороны взрослых. В исследовании В. А. Лапшова³ предпринята попытка изучить затраты времени учащихся 5-х, 8-х, 11-х классов различных типов школ на все виды учебной деятельности в 1997—1998 учебном году⁴. При сопоставлении данных с результатами исследования Р. А. Поддубной в 1972 г. обнаруживается сокращение средней продолжительности выполнения домашних заданий, но увеличение по всем другим видам учебной деятельности. Кроме того, произошло смещение интересов со школьной программы на дополнительные (внешкольные) занятия, которые помогают лучше подготовиться к вузу. Поколение конца 1990-х характеризуется раскрепощенностью и большей свободой, чем поколение конца 1960-х—начала 1970-х гг. У современных детей снижен страх получить неудовлетворительную отметку, а родители, занятые добытием средств существования, а может, и по иным соображениям, меньше контролируют их и проводят с ними время. Возможно, потому они на 6,6% снизили затраты времени на посещение уроков, но на 3,7% увеличили время на дополнительные занятия. Последние приобрели более индивидуальный характер, и в целом структура учебной деятельности в 11 классе помогает нынешним школьникам лучше адаптироваться к вузовской системе.

Дореволюционный период

С целью изучить сексуальный опыт молодежи в 1902 г. В. Фавр опросил в Харькове около 2000 студентов трех высших учебных заведений. По результатам опроса В. Фавра, 73% студентов в возрасте 17—20 лет уже имели опыт половой жизни. Медианный возраст сексуального дебюта в первую треть XX в. у студентов коле-

¹ Зборовский Г. Е., Орлов Г. П. Правильное использование свободного времени школьника — одно из средств воспитания // Советская педагогика. 1966. № 6.

² Поддубная Р. А. Свободное время школьника как фактор формирования его личности (на материалах конкретно-социологического исследования свободного времени учащихся общеобразовательных школ). Свердловск, 1972.

³ Лапшов В. А. О бюджете учебного времени школьников // Социс. 2001. № 4. С. 102—107.

⁴ В опросе участвовали 1433 школьника из самых разных городов России. Ежедневно в течение первого полугодия 1997—1998 учебного года интервьюер опрашивал учащихся о затратах времени на выполнение домашнего задания, посещение уроков и факультативов, чтение книг. Время измерялось с точностью до 5 минут.

бался между 17 и 18 годами. До начала Первой мировой войны в России проведено по крайней мере 5 крупномасштабных обследований сексуальности. Кроме обследования в Харькове, были проведены три «половые переписи студенчества»: в 1904 г. в Московском университете (М. Членов), а затем по аналогичной программе — в университетах Томска и Юрьева (Тарту). В 1908 г. В. Жбанков провел первое в мире обследование «половой жизни учащихся женщин». Он опросил студентов и учительниц Москвы¹.

В социальной статистике категория рабочей молодежи появилась еще раньше: еще в переписи 1897 г. присутствовала категория работающей молодежи, которая относилась к молодежи рабочих в возрасте от 10—12 лет до 20 лет, появлялись публикации по тяжелому положению рабочих-подростков на производстве и в бытовой сфере, их большей правовой незащищенности по сравнению с более старшими возрастными группами (И. И. Янжул², А. Бернштейн-Коган³).

Самостоятельной страницей дореволюционного этапа в развитии российской социологии молодежи следует считать творчество великого соотечественника П. Сорокина (1889—1968). К изучаемой нами проблематике он обратился еще в молодые годы. Обширное научное наследие П. А. Сорокина включает и этнографические исследования, посвященные народу коми, которые написаны преимущественно в дореволюционный период. Первым опубликованным этнографическим сочинением Сорокина стал очерк «Рыт пукалом». Это рассказ из жизни северной деревни, повествующий о традиционных посиделках в коми деревне. Наибольший научный интерес у Сорокина вызывали темы, связанные с анализом традиционного мировоззрения коми, восходящие к глубокой, явно дохристианской древности. П. А. Сорокин посвятил этой проблеме статью «Пережитки анимизма у зырян», фрагменты которой опубликованы в альманахе «Памятники Отечества»⁴. Очень интересна «Программа по изучению зырянского края»⁵, составленная П. Сорокиным «для собирания сведений о быте зырян». Здесь затрагиваются семейные и общественные отношения (о степени свободы взаимоотношений между полами, о различиях между кровным и духовным родством, термины родства, стереотипы пове-

¹ Подробнее см.: Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83—87.

² Янжул И. И. Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882—1883 г. СПб., 1884.

³ Бернштейн-Коган А. Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910.

⁴ Сорокин П. А. Душа — это дыхание // Памятники Отечества. 1996 С. 122—127.

⁵ Сорокин П. А. Программа по изучению зырянского края. Яренск, 1918. С. 1—12.

дения молодежи на посиделках, свадьбах, играх). Особый блок вопросов касается древних, дохристианских верований коми народа, зафиксированных в похоронном обряде, о духах («лов», «орт», «олься», «вцрса», «пывсянайка», «рынышайка»), о колдунах и знахарях, порче, «шева», подмене детей.

В своей работе «Кризис современной семьи»¹ (1916) П. Сорокин молодое поколение выделяет как общность со статусом «социализируемые». Понятие социализации использовано им в широком, социетальном значении, а именно как обобществление, превращение чего-либо или кого-либо в общественное достояние, переход от индивидуализма к коллективизму. Именно так и подается Сорокиным процесс взросления индивида — как переход ребенка из лона семьи (приватного, или частного, пространства) в систему социальных институтов, где, собственно говоря, молодежь и проявляет себя во всей полноте. Ребенок социализируется, но молодежь уже социализирована, ибо она участвует в коллективной деятельности, сотрудничает со всеми ради общественного блага. Потому с социологических позиций «молодое поколение» — это совокупность всех людей, прошедших одинаковый путь социализации и переживших одни и те же исторические события. Иными словами, это общность, члены которой обладают сходным статусом «социализируемых».

Описывая процесс распада традиционных семейных связей, в качестве отдельного аспекта П. Сорокин выделил проблему разрыва традиционных связей между родителями и детьми в рамках семьи и передачу воспитательных и опекунских функций по отношению к подрастающему поколению в руки государства. П. Сорокин писал, что воспитание и обучение перестало быть исключительно семейной прерогативой. Широкая сеть детских учебных учреждений, воспитательных заведений и т. п. означает, по существу, что не только функция первого воспитателя и «скульптора» отнимается у семьи, но даже время, проводимое ребенком в кругу семьи, резко сокращается. Замена семейного воспитания и обучения профессиональным обучением имеет, по мнению Сорокина, свои позитивные стороны, так как должна привести к усилению степени «социализированности» молодого поколения, пропитыванию его общественными мотивами и интересами, большей просвещенности².

¹ Сорокин П. Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916. № 1.

² Там же. С. 171—172.

Проблемы семьи и перехода к системе «обобществленной» социализации почти одновременно с П. Сорокиным анализировались в работах М. М. Рубинштейна «Кризис семьи как органа воспитания»¹ и А. Чекина «Семейный распад и женское движение»².

В более поздних работах он подходил к возрастной, в том числе молодежной, проблематике уже не с этнографических, а с широких социологических позиций. В частности, П. Сорокин писал о том, что революции и войны усиливают дезинтеграцию общества, под лозунгом улучшения жизни, «всеобщего равенства и братства» власть в социуме переходит от одной социальной группы к другой. Революции и войны вызывают негативные изменения в численности и качественном составе народонаселения, увеличивается смертность, рождаемость уменьшается, погибают цвет нации, молодежь, высококвалифицированные работники, интеллигенция и т. д.³

Исследования 1920—1930-х гг.

В 1920—1930-е гг. осуществлялись обследования мировоззрения учащихся выпускных классов, изучалось экономическое положение рабочей молодежи, в частности на рабфаках⁴. В первые годы Советской власти, когда к грамоте приобщались широкие народные массы, исследования читательских предпочтений крестьянской и рабочей молодежи буквально за десятилетие превратились в самостоятельную область прикладной социологии⁵. Редакции газет развертывают широкое изучение своих читательских аудиторий, библиотечные работники исследуют читателей массовых библиотек, сеть которых активно развивается в рамках кампании за ликвидацию неграмотности населения, педагоги анализируют детское и молодежное чтение и т. д. Здесь известны имена Я. Шафира, изучавшего аудиторию «Рабочей газеты»⁶, Е. Хлеб-

¹ Рубинштейн М. М. Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915. № 3.

² Чекин А. Семейный распад и женское движение // Русское богатство. 1914. № 5.

³ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4.

⁴ Колотинский П. Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар: Красная новь, 1929.

⁵ Банк Б., Виленкин А. Крестьянская молодежь и книга (Опыт исследования читательских интересов). М.: Молодая гвардия, 1929; Как и для чего нужно изучать читателя. М., Л.: Долой неграмотность, 1926; Фридьева Н., Валика Д. Изучение читателя. Опыт методики. М., Л.: Долой неграмотность, 1927; Бек А. Книга и рабочая молодежь. Рабочий читатель. 1925. № 10.

⁶ Шафир Я. М. Рабочая газета и ее читатель. М., 1926.

цевича, занимавшегося организацией армейских библиотек и исследованием читательских интересов красноармейцев¹, Б. Банка и А. Виленкина, изучавших рабочих—читателей библиотек².

В этот период доминирующей темой выступала трудовая деятельность молодежи, которая мыслилась как главная опора советской власти, залог ее будущего. Новое социалистическое общество призван был творить новый человек, а для этого он должен преодолеть техническую отсталость производства, низкую культуру труда, дезорганизацию производства, доставшуюся как наследие царского режима и разрушительных войн. Молодежь составляла значительную долю трудовых ресурсов: каждый пятый был в возрасте с 14 до 22 лет, при этом основная часть (28 млн) находилась в деревне и лишь 4 млн в городе³. Интерес к труду и быту работающей молодежи — естественное следствие потребности поближе познакомиться с первым поколением строителей коммунизма⁴. Популярными стали такие темы, как исследование условий жизни и быта рабочего класса (Е. А. Кабо, Б. Б. Коган, М. С. Лебединский) и изучение интересов рабочей молодежи (А. И. Колодная, А. И. Тодорский, В. А. Зайцева).

В первые два десятилетия советской власти эмпирические исследования студенчества развивались очень активно. По подсчетам Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка, за этот период студенческой молодежи было посвящено более 300 научных публикаций⁵. Анализ публикаций в научной и периодической печати 1920-х гг. (в фондах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России) позволил Т. Э. Петровой зафиксировать более десяти социологических исследований российского студенчества: в 1922 г. в Московском Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова под руководством И. Гельмана, в 1923 г. в Пермском университете под руководством проф. М. И. Альтшулера, в 1925 г. в Вятском педагогическом институте им. В. И. Ленина под руководством В. А. Танаевского, в 1925 г. в Московской Тимирязевской сельскохозяйственной академии под руководством А. Васильева, в 1926 г. МГУ под руковод-

¹ *Хлебцевич Е. И.* Массовый читатель и работа с книгой. М.: Учпедгиз, 1936.

² *Банк Б., Виленкин А.* Рабочий читатель в библиотеке. М., Л.: Работник просвещения, 1930.

³ *Шварц Г., Зайцев В.* Молодежь СССР в цифрах. М.: Вопросы труда, 1924. С. 14.

⁴ *Бернштейн М. С.* Как поставить учет времени нашей молодежи. М.; Л., 1925; *Зайцев В. А.* Труд и быт рабочих подростков. М.: Вопросы труда, 1926; *Кац Я. Д.* Труд и быт рабочих подростков Сибири. Новосибирск: Просвещение, 1927; *Коган Б. Б., Лебединский М. С.* Быт рабочей молодежи. М., 1929; *Куркин П. И.* Московская рабочая молодежь. М.: Вопросы труда, 1924; *Струмилин С. Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 гг. М., Л.: Вопросы труда, 1924.

⁵ *Вишневский Ю. Р., Шапка В. Т.* Социология молодежи. Н. Тагил, 1995. С. 63

ством М. Семенова, в 1926 г. в 14 вузах 6 регионов страны силами ЦСУ по инициативе Главпрофобра, в 1926 г. в московских вузах под руководством К. Х. Кекчеева, в 1926/27 уч.г. в Кубанском педагогическом институте под руководством Н. П. Маркова, в 1927 г. в московских вузах и техникумах под руководством профессора М. М. Рубинштейна¹. В 1927 г. исследование быта, половой жизни и половой идеологии одесского студенчества предпринял Д. И. Ласе².

В огромном количестве проводились обследования мировоззрения учащихся выпускных классов, образовательного ценза учителей, исследовалось экономическое положение рабочей молодежи рабфаков, обследования мировоззрения учащихся выпускных классов; образовательного ценза учителей; исследовалось экономическое положение рабочей молодежи, в частности на рабфаках³.

Значительная часть эмпирических исследований касалась тогда бюджетов времени студентов и школьников. Бюджетная традиция в нашей стране стала формироваться еще в дореволюционный период. Таким примером является социологическое обследование слушательниц Бестужевских курсов (Санкт-Петербург), проведенное в 1909 г. Уже в послеоктябрьский период под руководством профессора Альтшуллера проведено изучение распределения времени у студентов Пермского университета⁴.

И до революции, и в 1920-е гг. изучался широкий круг вопросов, относящихся к сексуальному поведению, в частности отношение к семье и браку; мотивация сексуальных отношений; характеристики первого сексуального партнера; эротическое восприятие; мастурбация; венерические болезни; аборт и методы контрацепции; проституция и т. д. Настоящий расцвет исследований сексуального поведения наблюдался в Советском Союзе в 20-е гг., когда было проведено более 30 массовых социологических опросов преимущественно среди молодежи в самых разных городах и селах⁵.

Тогдашние опросы проводились главным образом в форме группового анкетирования, обобщение их результатов производилось при помощи методов не только корреляционного и факторного, но и кластерного анализа, а их интерпретация зиждется на положениях генетической социологии. Профессор М. М. Рубинш-

¹ Петрова Т. Э. Студенчество начала XX века как объект социолого-библиографического анализа // Социс. 1999. № 3. С. 120—125.

² Ласе Д. И. Современное студенчество (быт, половая жизнь). М.; Л., 1928.

³ Колотинский П. Н. Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар: Красная новь, 1929.

⁴ Шпильрейн И. Бюджет времени пролетарского студента пермского университета // Время. 1924. № 12.

⁵ Подробнее см.: Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83—87.

тейн, исследуя переживания молодых людей в период перехода от отрочества к юности, апробировал оригинальное сочетание двух качественных методов — дневникового (восходящего к Ш. Бюлер) и автобиографических записей, при обработке полученных эмпирических данных им использовались подходы контент-анализа и типологического анализа. Кроме того, использовались тестирование, анализ личных документов, повторные длительные обследования. Нередко это были крупномасштабные проекты, например Всесоюзный опрос молодежи, проведенный в 1927 г., где опрошено 120 тыс. учащихся¹.

Со второй половины 1930-х гг. массовые опросы как особый канал, при помощи которого широкие слои общественности получили открытую информацию о своем обществе, прекратились. Молодежь не столько изучали, сколько воспитывали и направляли. Даже публикации, построенные на эмпирических данных, имели явно идеологическую направленность. Так, главы и разделы в статистическом сборнике «Молодежь в СССР»² (1936), подготовленном к X съезду ВЛКСМ, назывались: «Молодежь в социалистическом строительстве», «Молодежь в борьбе за свеклу», «Молодые орденоносцы», «Образование молодежи» и т. д.

Современные исследования

Возрождение социологии в 1960-е гг. ознаменовалось восстановлением ее статуса как социального института и отрасли научного знания, началом широкомасштабных эмпирических исследований. Интерес к молодежной проблематике отчасти был следствием политической «оттепели» и активизацией поколения шестидесятников. В те времена модным было сочинять стихи, в результате чего редакции газет были попросту завалены письмами графоманов, обращаться со стихами и поэмами к широкой аудитории со стадионов и по радио, интересоваться общественным мнением. Именно тогда он и родился — удивительный феномен общественного мнения, и как субъект формирующегося гражданского общества, и как объект пристального изучения. Как грибы тут и там — при газетах, институтах, при обкомах и горкомах комсомола — возникали многочисленные бюро, службы, комиссии, лаборатории, группы и группки исследователей общественного мнения. Первая такая группа возникла при ЦК ВЛКСМ в де-

¹ Блинов Н. М. Социологические исследования труда и воспитания советской молодежи 20-х годов // Социологические исследования. 1975. № 1. С. 145—155.

² Молодежь СССР. Статистический сборник. ЦУНХУ Госплана СССР / под ред. В. Косарева. М., 1936.

кабре 1964 г. и первоначально состояла из трех человек: В. Васильева, А. Кулагина и В. Чупрова¹. Вскоре по инициативе ЦК ВЛКСМ была создана первая всесоюзная сеть исследовательских центров, с помощью которой проведено несколько всесоюзных опросов молодежи.

В 1960-е гг. основная масса социологических опросов среди молодежи проводилась исключительно по проблемам нравственности и коммунистического воспитания², в то время как за рубежом данная тема вообще не числилась в категории социологических. Социологами из ВКШ при ЦК ВЛКСМ были разработаны типовые методики изучения социально-политической и трудовой активности, идейно-политического уровня молодежи и осуществлены такие исследования, как «Моральные ориентации и формирование активной жизненной позиции молодежи», «Формирование достойного пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства» и др. Проводились такие исследования по стандартной программе и не требовали от исследователя высокой квалификации, основная цель — выяснить пути формирования личности «молодого строителя коммунизма».

Наряду с поддерживаемым партией и партийными органами направлением в изучении молодежи существовали так называемые инициативные исследования, часто проводившиеся под эгидой крупных газет, заинтересованных в анализе реального положения дел. В 1960 г. при газете «Комсомольская правда» начал работать Институт общественного мнения (под рук. Б. А. Грушина). За первые два года своей деятельности Институт провел 8 всесоюзных опросов, в том числе направленных на изучение молодежной проблематики³. Грушинский институт инициировал создание исследовательских групп и лабораторий по всей стране. В 1964 г. при ЦК ВЛКСМ возникает группа социологических исследований под руководством В. Г. Васильева, после чего аналогичные структуры появились более чем в 40 областных, краевых и республиканских комитетах комсомола, главной функцией которых было изучение общественного мнения молодежи по самым разным проблемам.

Если «комсомольские исследования» носили скорее «заказной» идеологический характер, то работа другого, более академического направления чаще ориентировалась на объективный анализ молодежной проблематики. Это направление заложило реальную основу для становления социологии молодежи как особой научной

¹ См.: Социология молодежи / отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996. С. 26.

² Семенова В. В. Социология молодежи // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М., 1996. С. 330.

³ Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

отрасли. В Институте конкретных социальных исследований были сформированы два подразделения, ориентированные на исследование молодежи как субъекта общественного развития: «Социальные проблемы образования» (руководитель В. Н. Шубкин) и «Прогнозирование социальных потребностей молодежи» (руководитель И. В. Бестужев-Лада). Исследования здесь носили академический характер и основывались на объективном анализе молодежной проблематики.

Региональные эмпирические исследования охватывали в 1960—1970-е гг. вопросы профессиональных ориентаций, трудоустройства, жизненных путей групп молодежи, престижа разных видов труда, профессиональной и территориальной мобильности, эффективности производственного обучения (В. Н. Шубкин, В. И. Артемов, Н. Р. Москаленко, Н. В. Бузукова, В. А. Калмык, М. Х. Титма, Э. А. Саар, А. А. Терентьев, В. В. Туранский, В. Ф. Черноволенко, В. А. Оссовский, В. И. Паниотто и др.)¹.

Анализ социальных аспектов образования, ориентации и поведения молодежи в социологии за прошедшие годы осуществляли В. Н. Шубкин, Л. Н. Коган, Д. Л. Константинов, Ю. Н. Давыдов, Ф. Р. Филиппов, А. Я. Куклин, Ю. В. Перов, М. Н. Руткевич, И. В. Бестужев-Лада, Л. Я. Рубина, Л. Г. Ионин, Л. И. Михайлова, Г. Е. Зборовский, Н. Г. Осипова, Ф. Э. Шереги, В. Г. Харчева, В. В. Сериков, В. Я. Нечаев, В. В. Водзинская, Л. Я. Рубина, С. Н. Иконникова, В. Т. Лисовский, М. Х. Титма. Проблеме барьеров социализации — подростковой наркомании и токсикомании — посвящены работы А. Е. Личко, А. А. Габиани, Г. Я. Лукачер, Н. В. Макшанцевой, Т. В. Ивановой, Я. И. Гилянского, В. А. Чудновского.

Постепенно в области социологии молодежи выделилось несколько научных школ: новосибирская (В. Н. Шубкин), свердловская (Ф. Р. Филиппов, М. Н. Руткевич и в дальнейшем Л. Я. Рубина), ленинградская (В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, А. В. Лисовский) и эстонская (М. Титма).

В начале 1960-х гг. в Академгородке под Новосибирском под руководством В. Н. Шубкина были начаты крупные исследования социологических проблем образования². Изучались объективные и

¹ Шубкин В. Н. Социологические опыты. М., 1970; Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975; Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М., 1977; Социально-профессиональные ориентации молодежи. Тарту, 1977; Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев, 1979; Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.

² Шубкин В. Н., Артемов В. И., Москаленко Н. Р., Бузукова Н. В., Калмык В. А. Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии // Количественные методы в социологических исследованиях / под ред. А. Г. Аганбегяна и В. Н. Шубкина. Новосибирск: НГУ, 1964.

субъективные факторы, влияющие на систему образования в целом, профессиональные склонности выпускников средних и неполных средних школ, выбор профессии, трудоустройство, жизненные пути молодежи; престиж различных занятий и видов труда; социальная, профессиональная и территориальная мобильность; эффективность производственного обучения в школах, проблемы профессиональной ориентации. В первой серии обследований (1962–1973 гг.) роль социологов заключалась в том, чтобы весной с помощью «Анкеты выпускника» зафиксировать личные планы, ожидания, отношение к различным профессиям тысяч юношей и девушек, а осенью собрать данные о том, какие профессии они избрали, в какой мере осуществили свои планы сразу после окончания средней школы. Поскольку речь шла о первых самостоятельных шагах молодежи в возрасте 17 лет, исследование называлось «Проект 17—17». Позже эти идеи были развиты во второй серии, в «Проекте 17—25», когда изучались жизненные пути молодых людей, о которых хранилась стартовая информация, уже в возрасте от 17 до 25 лет¹.

В отечественной социологии В. Н. Шубкина можно считать основателем академической школы по исследованию проблем жизненного старта молодежи и престижу профессий. Он также разработал методику лонгитюдных исследований молодежи, что позволяло фиксировать изменения в профессиональной карьере индивида через определенные промежутки времени.

По новосибирской методике стали проводить обследования в других регионах страны. Исследования проводились в Ленинградской области, в десяти областях центра России, Латвии, Эстонии, Узбекистане, Таджикистане, Армении, среди малых народов Сибири и Дальнего Востока. В последующий период (1970—1980 гг.) количество публикаций по социологии молодежи и образования увеличилось в два с лишним раза и, достигнув максимума в 1975—1979 гг., стабилизировалось на уровне примерно 150 в год².

В Новосибирске успешно функционировала научная школа бюджетов времени Г. А. Пруденского (середина 1950-х — конец 1960-х гг.). Показатели бюджета времени использовались при изучении труда, условий и образа жизни, быта городского и сельского населения, разных социально-профессиональных групп: учителей (Б. Л. Цыпин, В. Н. Турченко, Л. Г. Борисова и др.), врачей (А. Г. Кононов), учащейся молодежи (Р. П. Ламков, В. В. Софронова, В. А. Моро-

¹ Шубкин В. Н. Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.

² Социология образования. Библиографический указатель публикаций на русском языке / Отв. ред. В. С. Собкин. М.: ЦСО РАО, 1993. С. 4.

хин и др.), комсомольских активистов (П. М. Дорофеев, В. А. Шабашев, В. И. Болгов), моряков (В. И. и Л. А. Галочкины) и других групп населения.

В Эстонии под руководством М. Х. Титмы изучались ценностные ориентации при выборе профессии¹. В Ленинграде большую работу по социальным проблемам высшей школы и молодежи вели Л. Н. Лесохина, В. В. Водзинская, В. Т. Лисовский². Интересные исследования по проблемам молодежи и студенчества осуществлялись на Украине³. В Москве начались социально-педагогические обследования под руководством Р. Г. Гуровой⁴. На Урале проводил исследования жизненных путей учащихся Ф. Р. Филиппов. Обследования молодых инженеров проводились С. Кугелем и В. А. Ядовым. Они проследили профессиональные пути молодых специалистов, особенности труда инженеров различных категорий, профессиональные ориентации выпускников технических вузов Ленинграда⁵.

С конца 1960-х—начала 1970-х гг. появились первые отечественные труды, положившие начало формированию социологии девиантного поведения, объектом которой выступали подростки и молодежь. В 1980-е гг. на территории бывшего СССР сложилось несколько центров социологических исследований девиантного поведения: в Санкт-Петербурге и Москве, в Эстонии и Грузии⁶. Исследованиями девиантного поведения занимались Я. И. Гилинский, А. Лепс, Б. Левин, Э. Раска, Ю. Саар, А. Г. Амбрумова, Г. Г. Заиграев, Б. М. Левин, И. М. Карпец, Б. С. Братусь, В. Н. Кудрявцев, Б. М. Гузиков, В. В. Лунеев, В. М. Зобнев, А. А. Габиани, К. К. Горяинов, А. А. Коровин, С. И. Голод, А. Н. Игнатов, Я. М. Яковлев, Г. Ф. Хохряков, А. А. Тайбаков и др. Проблемам подростковой наркомании и токсикомании посвящены работы А. Е. Личко, Г. Я. Лукачер, Н. В. Макшанцевой, Т. В. Ивановой, В. А. Чудновского.

Большую роль в становлении отечественной социологии девиантного поведения сыграли работы А. А. Габиани, в течение мно-

¹ Жизненные пути молодого поколения / отв. ред. М. Х. Титма. Таллинн: Ээсти раамат, 1985; Социально-профессиональная ориентация молодежи / отв. ред. М. Х. Титма. Тарту: Ээсти раамат, 1973.

² Водзинская В. В. Ориентация на профессии // Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970; Лисовский В. Т. Советское студенчество: Социологические очерки. М.: Высшая школа, 1990; Лисовский В. Т., Дмитриев А. В. Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.

³ Черноволенко В. Ф., Оссовский В. А., Паниотто В. И. Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979.

⁴ Гурова Р. Г. К вопросу о конкретных социально-педагогических исследованиях // Советская педагогика. 1966. № 2.

⁵ Кугель С. А. Новое в изучении социальной структуры. М.: Знание, 1968.

⁶ Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения и социального контроля // Социология в России / под ред. В. А. Ядова. М.: На Воробьевых, 1996. С. 485—514.

гих лет проводившего эмпирические исследования алкоголизации населения и молодежной преступности в различных регионах СССР. Под его руководством в 1967—1972 гг. было проведено первое крупное эмпирическое социологическое исследование наркотизма на территории бывшего СССР¹. Решающий вклад в теоретико-методологическое осмысление эмпирических данных и становление социологии девиаций в России внес питерский ученый Я. И. Гишинский.

Исследования И. С. Кона способствовали углублению понимания проблем социализации поколений и жизненного цикла, расширили представление о юности как особой фазе жизненного цикла, психологии юношеского возраста и гендерной тематики, самосознании личности, самоидентификации, возрастных кризисах, молодежной субкультуре.

В конце 1970-х—начале 1980-х гг. продолжались исследования профессиональных ориентаций и образа жизни отдельных групп молодежи, в частности работы, посвященные анализу профессиональных ожиданий выпускников средних школ (Д. Л. Константиновский, В. Н. Шубкин²), образу жизни и духовному облику студентов высших учебных заведений (В. Т. Лисовский³). В середине 1980-х гг. проходит международное исследование «Молодежь и новые технологии: ориентации европейской молодежи в отношении работы и окружающей среды», в рамках которого изучалось отношение молодых людей к новым техническим средствам, с которыми они сталкиваются в учебе, на работе и дома⁴. Публикуются монографии обобщающего исторического характера.

В своей книге «От поколения к поколению: социальная подвижность»⁵ Ф. Р. Филиппов обобщил опыт проведенных под его руководством лонгитюдных обследований одних и тех же групп молодежи на протяжении относительно длительного периода их жизненного цикла в различных регионах страны (Урал, средняя полоса России, Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область, Псковская область и др.). Обнаружилась ярко выраженная поэтапность самоопределения молодежи, отме-

¹ Габони А. Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977.

² Константиновский Д. Л., Шубкин В. Н. Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.

³ Образ жизни современного студента: социологическое исследование / отв. ред. В. Т. Лисовский. Л.: ЛГУ, 1981.

⁴ Astafiev J., Firsova O., Shubkin V. Youth and New Technologies in the USSR // European Youth and New Technologies: A Comparative Analysis of 12 European Countries / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.

⁵ Филиппов Ф. Р. От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.

чалось, что каждый пройденный этап детерминирует прохождение следующих. А. А. Овсянниковым¹ изучались информированность студентов о будущей профессии и месте работы, эмоциональные оценки по поводу получаемой профессии, мотивации, связанные с будущим трудоустройством, учебно-познавательная активность студентов.

В 1960—1970-е гг. развернулись исследования молодежи в рамках социологии труда, в частности трудовые проблемы молодежи изучали В. Т. Лисовский, Ю. Е. Волков, Ф. Р. Филиппов; профориентацию и профотбор молодежи — В. В. Водзинская, К. М. Гуревич, И. Н. Назимов, В. Ф. Подмарков, М. Х. Титма, В. М. Шубкин; участие молодых рабочих в управлении производством — Н. И. Алексеев, И. А. Рязских, Ю. Е. Волков.

Социологи-прикладники (заводские социологи) в Москве, Днепропетровске, Ленинграде, Свердловске, Горьком, Перми, Львове, Уфе исследовали проблемы сокращения текучести кадров и соблюдения трудовой дисциплины у молодого пополнения рабочего класса, занимались внедрением прогрессивных систем адаптации молодежи, системы профотбора и профориентации молодых кадров.

Значительный вклад в развитие социологии молодежи внесли В. Боровик, В. Васильев, А. Капто, А. Колесников, В. Мансуров, Л. Рубина, В. Староверов, С. Фролов, В. Шубкин и др. Они изучали тенденции формирования молодого пополнения рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции, его социальное положение, трудовую и общественную активность, а также проблемы несоответствия профессионального статуса и квалификационной подготовки уровню образования и материального обеспечения. Конфликт отцов и детей изучали Л. Архангельский, С. Иконникова, И. Кош, В. Лисовский, В. Ольшанский, Д. Фельдштейн, В. Щердаков и др.

В 1980-х—начале 1990-х гг. предпринимались попытки обобщающих оценок положения молодежи. Они были двоякого рода. Первый тип исследований строился по единой программе и репрезентативной выборке, освещал разные стороны жизни молодежи под единым углом зрения. Он включал крупные исследования — международные, всесоюзные, общероссийские, среди которых выделялись: 1) межрегиональный лонгитюдный проект «Пути поколения» (руководитель М. Х. Титма с 1983 г.)²; 2) международный исследовательский проект «Жизненные пути молодежи в со-

¹ Высшая школа в зеркале общественного мнения / отв. ред. А. А. Овсянников. М.: Высшая школа, 1989.

² Начало пути: Поколение со средним образованием / под ред. М. Х. Титмы, Л. А. Коклягиной. М., 1989; Жизненные пути одного поколения / под ред. М. Х. Титмы. М., 1992.

циалистическом обществе» (советскую часть проекта возглавлял В. Н. Шубкин)¹; 3) исследование «Социальное развитие молодежи: показатели и тенденции» ИСПИ РАН (руководитель В. И. Чупров)². Второй тип исследований, а его можно назвать эклектическим, подразумевал сбор данных из разных источников, не объединенных единой исследовательской программой и репрезентативных только в рамках своих целевых выборок. Такими, в частности, были: 1) аналитические отчеты НИЦ ВКШ при ЦК ВЛКСМ (руководитель И. М. Ильинского)³; 2) ежегодные государственные доклады о положении молодежи в РФ, подготовленные в 1993—1996 гг.⁴; 3) монографии и сборники, выполненные на основе подобных отчетов⁵.

В 1993 г. И. Кон, В. Червяков и В. Шапиро начали самую фундаментальную серию обследований сексуального поведения в России. Они опросили 1615 учащихся школ и ПТУ в Москве и Санкт-Петербурге. Опрос, проведенный в 1995 г., охватил 2871 подростка 16—19 лет в Москве, Новгороде, Борисоглебске и Ельце; а в 1997 г. — 4000 школьников 7—9 классов, их педагогов и родителей в восьми регионах России. Эти обследования продемонстрировали на примере поколений, насколько «помолодел» секс за прошедшие годы, особенно у девушек⁶.

В последнее время в Центре изучения занятости Института социологии РАН (Л. Коклягина) успешно изучаются новые формы потребительского поведения молодежи. Жизненным стратегиям возрастных социальных групп посвящены проекты В. С. Магуна⁷. Сотрудники Института социологии РАН В. В. Семенова и Л. А. Коклягина проводят исследование жизненных карьер молодежи. На основе массовой выборки лонгитюдного исследования они органи-

¹ *Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н.* Молодежь вступает в жизнь: Социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М.: Мысль, 1985.

² Молодежь России: социальное развитие / отв. ред. В. И. Чупров. М.: Наука, 1992.

³ Молодежь—89: Общественное, положение молодежи и вопросы молодежной политики в СССР. Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ. М., 1989; Положение молодежи в советском обществе: Аналитический отчет ВКШ при ЦК ВЛКСМ. М., 1990.

⁴ Молодежь России: положение, тенденции, перспективы: Доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи / науч. рук. И. М. Ильинский. М., 1993; Молодежь России: воспитание жизнеспособных поколений: Доклад Комитета Российской Федерации по делам молодежи / науч. рук. И. М. Ильинский, А. В. Шаронов. М., 1995; Положение молодежи в Российской Федерации: Доклад Государственного комитета Российской Федерации по делам молодежи Правительству Российской Федерации / сост. и отв. ред. В. А. Луков. М., 1996.

⁵ Молодежь России: Тенденции и перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. М.: Молодая гвардия, 1993; Молодежь: будущее России / ред. кол.: И. М. Ильинский. М., 1995.

⁶ Подробнее см.: *Денисенко М. Б., Далла Зуанна Ж.-П.* Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83—87.

⁷ Революция притязаний и изменения жизненных стратегий молодежи 1985—1995 гг. / под ред. В. С. Магуна. М., 1999.

зуют глубинные интервью, представляющие разные типы жизненных траекторий: стабильные /мобильные социальные траектории; представители новых социально-профессиональных групп (например, предприниматели, безработные); жизненные карьеры женщин и мужчин; академическая карьера профессионалов; анализ изменений в социальных идентификациях¹.

В 1996—2001 гг. видным питерским социологом В. Т. Лисовским были проведены выборочные анкетные опросы молодежи, а в 1999 и 2001 гг. — и представителей старшего поколения больших и малых городов России. В 1996 г. было опрошено 1577 человек в 14 городах, в 1997 г. — 2366 человек в 18 городах, в 1998 г. — 3625 человек в 10 больших и 20 малых городах и в 1999 г. — 1053 человека в 6 больших и 28 малых городах России. Были охвачены все категории городской молодежи, молодые люди различных взглядов и убеждений. В 1999 и 2001 гг. наряду с молодежью по программе «Социологический анализ духовной преемственности поколений» были опрошены и представители других возрастных групп. В 1999 г. число респондентов старше 30 лет составило 749 человек, а в 2001 г. — 572 человека. Всего в пяти исследованиях были опрошены более 11 тыс. человек. Выяснялись ценностные ориентации, образ жизни, политические приоритеты, идеалы и верования, социально-экономическое положение российской молодежи².

Изучение молодежных субкультур

Изучение молодежных субкультур составляет важное направление социологии молодежи. С 1960-х гг. к этой проблематике обратились ведущие социологи разных стран мира, а в 1980-е гг. — и отечественные социологи.

Активный интерес к молодежным субкультурам в России пришелся на конец 1980-х гг., когда на волне перестройки и гласности они стали настоящим «хитом» mass-media, буквально не сходя с экранов телевидения. Уже в 1990-е страсти поутихли и субкультуры развиваются своим чередом, практически не будоража общественное сознание. Первоначально молодежная субкультура выступала сферой интересов по преимуществу социальных наук, криминологии, педагогики в связи с проблемой «трудных подростков».

¹ Семенова В. В. Путь в новую социальную группу предпринимателей: жизненные истории одного поколения // Судьбы людей: Россия. XX век / под ред. Е. В. Фотеевой, В. В. Семеновы. М.: ИС РАН, 1996.

² См.: Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пос. 2000. Социология молодежи: учеб / отв. ред. В. Т. Лисовский. СПб., 1996; Лисовский В. Т. Социальные изменения в молодежной среде // <http://credo-new.narod.ru>.

Парадоксально, но рассвет социологии молодежи в СССР приходится на тот исторический период, когда молодежь как преобразующую одряхлевшее общество силу власти загнали в подполье либо вытравили из нее весь инновационный потенциал. Такими были 1970-е гг., получившие в литературе название периода застоя. При Брежневе от социологов требовалось выполнение социального заказа партии и доказательство морального превосходства советского общества, которому соответствует идейно преданная, образованная и воспитанная в духе кодекса строителя коммунизма советская молодежь. Подобный тезис постулировался в самом начале эмпирических исследований, а потому и само исследование обнаруживало в выборочной совокупности только эти и никакие другие черты. С реальным многообразием молодежной субкультуры, с модными веяниями и девиантными отклонениями разбирались органы власти, социологов туда не допускали. Потому и в книгах, статьях и очерках тех лет можно встретить причесанный образ молодого человека — с идеологической точки зрения вполне репрезентативный социальный тип, но совершенно не отвечающий свойствам генеральной совокупности. К примеру, первый круглый стол с представителями движения хиппи ведущий журнал «Социологические исследования» смог организовать только во времена горбачевской перестройки, а до того ни одного исследования, где хоть как-то отражались проблемы молодежных субкультур, на его страницах не появлялось. В конце 1970-х—начале 1980-х гг. мы начали изучать проблемы социализации новых поколений городских жителей и эффективность работы молодежных учреждений (клубов, кружков, школ, общественно-политических организаций), но ни о каких неформальных молодежных организациях речи не шло.

В начале эпохи гласности (1985—1986 гг.) сохранялись «застойные» стереотипы, газеты еще писали о социалистическом соревновании, деятельности ДНД и студенческих бригад, об участии молодежи в строительных проектах и возведении новых городов, а специалисты в области социологии труда — о превращении труда в первую жизненную потребность. Почти революционными выглядели тогда материалы о проблемах в МЖК¹, трудностях на комсомольских стройках и противоречиях в управлении студенческими бригадами. Вовсю раскручивался хит тех лет — молодежь на строительстве БАМа. Центральной темой исследований

¹ В 1985 г. движение за строительство молодежных жилых комплексов (МЖК) силами самой молодежи отмечало свое 10-летие. Юбилею и была посвящена подборка материалов на страницах журнала «Социологические исследования» (Социс. 1985. № 1).

был вопрос о социалистических идеалах молодого поколения и приверженности молодежи революционным традициям отцов.

Воспитание молодежи сводилось к усвоению господствующих в обществе норм и ценностей, идеологических постулатов дедов и отцов. Молодежная субкультура и неформальные молодежные движения рассматривались как формы девиантного поведения. Октябрьско-пионерские организации и комсомол были инструментами официальной партийной политики. В свое время И. Сталин назвал эти организации, наряду с профсоюзами, «приводными ремнями» партии. Эта формула прочно утвердилась в советской педагогике и политико-воспитательной работе.

Своеобразие отечественной традиции некоторым авторам видится в преувеличении структурных и умалении культурных факторов в развитии молодежи. Действительно, зародившаяся еще в советские времена тенденция все явления, процессы и события рассматривать непременно через призму классового подхода привела к тому, что на первый план у наших социологов вышла молодежь как элемент социальной структуры общества, активнейший агент социальной мобильности (действительно, молодежь перемещается сверху вниз и по горизонтали общества как никто другой), наконец как резерв рабочего класса, мощный источник решения демографических проблем (опять же рождаемость у молодежи больше, чем у любого другого возраста), но отнюдь не как тема для поколенческих культурных изменений и молодежной субкультуры.

Ярким примером служат проводившиеся в 1970-е гг. в Свердловске исследования Ф. Р. Филиппова и М. Н. Руткевича, изучавшие молодежную проблематику в связи с воспроизводством социальной структуры и учетом межпоколенной социальной мобильности. На них были ориентированы такие проекты, как «Высшая школа» (1973—1974) и международное компаративное исследование воздействия высшего образования на социальную структуру общества (1977—1978).

Так продолжалось практически до исхода 1980-х гг., пока во всю мощь не заговорили о себе неформальные молодежные организации и группировки, особенно казанские дворовые банды и люберецкие выездные бригады. Если западную общественность пришлось напугать студенческой революцией 1968 г., для того чтобы она всерьез занялась молодежными контркультурами, то для советской общественности таким жупелом выступил всплеск молодежной преступности второй половины 1980-х гг. Только после выступлений журналистов, взбудораживших общественное мнение «криминогенными» публикациями о молодежных группировках, начался настоящий бум социологических исследований.

Теперь уже ученые осознали, что молодежь — это не просто преддверие взрослости, а молодежная субкультура — несколько побретушированный вариант взрослой культуры. У нее совершенно иные, нередко противоречивые, а то и парадоксальные траектории развития. Взрослых можно увлечь массовыми мероприятиями по месту жительства, привлечь в клуб по интересам или в художественную самодеятельность, построив по всей стране дворцы и клубы. Но молодежи такое неинтересно. Она почему-то жмется по подъездам, подвалам, чердакам, частным квартирам и прочим непосещаемым взрослым местам.

До начала 1980-х гг., отмечают специалисты¹, молодежная культура не была предметом исследования со стороны официальной науки. В середине 1980-х гг. большинство исследователей рассматривало молодежную культуру только как разновидность девиантного поведения, криминогенную по своей природе. Этому способствовали публикации в прессе, посвященные криминальным молодежным группировкам. Вскоре В. Ливанов, В. Левичева и Ф. Шерега² (НИЦ ВКШ) стали изучать молодежные неформальные объединения, Н. В. Кофырин (Ленинградский университет) — неформальные молодежные группировки непосредственно на местах их «тусовок»³. Преступным молодежным группировкам были посвящены работы И. Сундиева⁴ (Академия МВД), Г. Забрянского (Правовая Академия министерства юстиции) и журналиста Ю. П. Щекочихина⁵. Изучались также проблемы нравственной деградации армии (Б. Калачев⁶), наркомании и проституции среди молодежи, феномен рок-музыки (в Ленинграде — М. Илле и О. Сакмаров⁷, в Москве — Н. Саркитов⁸) с применением методов глубинного и включенного интервью.

¹ Социология молодежи: учеб. пособие / Ю. Г. Волков и др.; под ред. проф. Ю. Г. Волкова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. С. 18—24.

² Каталог-справочник неформальных самодеятельных организаций и независимой прессы СССР / под ред. В. Ф. Левичевой. М., 1990; Неформальная волна / под ред. В. Ф. Левичевой, В. Ливанова. М., 1989.

³ Кофырин Н. В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социологические исследования. 1991. № 1.

⁴ Сундиев И. Ю. Самодеятельные объединения молодежи // Социологические исследования. 1989. № 2.

⁵ Щекочихин Ю. П. Алло, мы вас слышим. М.: Молодая гвардия, 1987;

Щекочихин Ю. П. По ком звонит колокольчик? // Социологические исследования. 1987. № 1.

⁶ Калачев Б. Ф. Наркотики в армии // Социологические исследования. 1989. № 4.

⁷ Илле М. Е., Сакмаров О. А. Рок-музыка: таланты и поклонники // Социологические исследования. 1989. № 5.

⁸ Саркитов Н. Д. От «хард-рока» к «хеви-металлу»: эффект оглушения // Социологические исследования. 1987. № 4.

Белорусские социологи И. Андреева и Л. Новикова¹ изучали молодежные субкультуры крупных городов. Они пришли к выводу, что маргинальные субкультуры имеют в советских условиях особую социальную базу — «полугородскую» (мигрантскую) молодежь — и становятся способом включения в городскую культуру². Подобное обстоятельство, по их мнению, отличает два типа общества, так как в западных городах молодежная субкультура формируется в среде расовых или национальных меньшинств.

Методы изучения неформальных организаций в 1990-х гг. значительно отличались от приемов исследования формальных организаций советской молодежи 1960—1980-х гг. Поскольку субкультурные формирования — это чаще всего малые группы, закрытые сообщества криминального, полукриминального или асоциального характера, то формой изучения выступали неформализованное интервью, включенное и невключенное наблюдение, анализ прессы, методы глубинного и включенного интервью, проективные вопросы. Куда проще было комсомольским активистам, организовавшим многотысячные опросы по стандартной анкете с привлечением сотен добровольных помощников, опрашивавших респондентов прямо на рабочем месте или во время запланированного досуга.

С конца 1980-х гг. разделы по молодежной субкультуре выделяются в учебных пособиях. Так, в учебнике «Социология молодежи» З. В. Сикевич под молодежной субкультурой понимает «культуру молодого поколения, обладающего общностью стиля жизни, поведения, групповых норм, ценностей и стереотипов».

Опираясь на идеи М. Мид, отечественные ученые В. Боровик, В. Добрынина, Л. Коган, В. Култыгин, В. Немировский, Е. Слуцкий, В. Харчева изучали молодежные субкультуры в связи с ценностной и мировоззренческой дифференциацией в молодежной среде, девиантное поведение, внешнюю атрибутику, досуг и неформальные молодежные объединения.

Сейчас хиппи, панками или байкерами интересуются только специалисты. Даже молодежь им не уделяет им особого внимания. Так, по данным одного исследования³, 45% молодых респондентов ответили, что им безразличны любые молодежные течения, а 7,5% заявили, что вообще ничего не знают о них (табл. 1). Наибольшую индиффе-

¹ Андреева И. Н., Новикова Л. Г. Субкультурные доминанты нетрадиционных форм поведения молодежи // Неформальные объединения молодежи вчера, сегодня, а завтра? / под ред. В. В. Семенов. М., 1988.

² См.: Андреева И. Н., Новиков Л. Г. Субкультурные доминанты нетрадиционных форм поведения молодежи // Неформальные объединения молодежи вчера, сегодня, а завтра? / отв. ред. В. В. Семенова. М., 1989.

³ Потребность молодежи в самоорганизации // http://www.fesmos.ru/file_6.html.

рентность по отношению к молодежным субкультурам проявили молодые жители Башкортостана (48% безразличных плюс 10% неведущих).

Таблица 1

**Осведомленность молодежи о субкультурных течениях
(в % к числу ответивших на вопрос)¹**

Субкультуры	Молодежь 15—30 лет			
	В среднем по выборке	Республика Башкортостан	Владимирская обл.	Новгородская обл.
«Хиппи»	2,5	1,9	1,1	4,6
«Панки»	2,4	1,3	2,6	3,3
«Скинхеды (бригоголовые)»	2,7	1,3	2,6	4,1
«Байкеры»	3,3	3,7	2,2	4,1
«Рокеры»	4,9	3,9	5,5	5,2
Спортивные фанаты	11,4	14,3	9,8	10,0
«Рэперы»	4,0	4,3	3,3	4,3
«Рейверы»	1,5	0,9	2,2	1,5
«Брейкеры»	2,3	2,2	2,0	2,8
«Металлисты»	2,3	1,5	2,6	2,8
Считают, что все эти движения вредны для общества	17,5	13,2	22,3	16,9
Безразличны ко всем молодежным течениям	45,2	48,4	45,7	41,4
Ничего не знают об этих течениях	7,5	10,4	4,8	7,4
Ответили на вопрос (чел.)	1381	463	457	461

Значительная часть респондентов выразила негативное отношение к молодежным субкультурам, посчитав их вредными для общества (17%). Чаще всего осуждение высказывают молодые владимирцы. Обратим внимание на то, что среди представителей старшего поколения негативное отношение к молодежным субкультурам преобладает над позитивным: вредными, разлагающи-

¹ Потребность молодежи в самоорганизации // http://www.fesmos.ru/file_6.html.

ми молодежь субкультурные молодежные объединения считают 39% респондентов старше 40 лет. Не видят в них ничего плохого 14% взрослых, и лишь 4% находят субкультурные объединения полезными для молодежи. Среди молодежи доля сочувствующих поднимается до 39%. Таким образом, с возрастом интерес к молодежным субкультурам снижается и нарастает безразличие.

Интересно, что и поклонники субкультур обособляются или враждуют между собой. В результате аудитория каждой из них не превышает 2—3%. Самая широкая аудитория сегодня у спортивных фанатов (11%). Если в городе есть хоккейная либо футбольная команда, выступающая в высшем дивизионе, число фанатов растет. Спортивный фанатизм наименее идеологизирован, а если учесть, что нынешняя молодежь в большинстве своем равнодушна к общественной и политической жизни, то фан-клубы — это как раз то, что ей больше всего по душе. Да и выразить свою агрессию, будучи привлеченным к уголовной ответственности, в такой форме легко удастся. В 1990—2000-е гг. спортивный вандализм и погромы приобрели по всему миру и в России в частности невиданные масштабы. При этом спортивные фанаты не симпатизируют представителям других субкультур. И это понятно: у спортивного фанатизма нет ни идейной, ни культурной составляющей.

В конце XX—начале XXI в. интересные исследования молодежных субкультур проводили Ю. Н. Давыдов, И. Б. Роднянская, З. В. Сикевич, Т. Б. Щепанская, В. Ф. Пирожков, А. Н. Тарасов, Д. Петров, Е. Л. Омельченко и др.¹ Особо стоит выделить деятельность заведующего отделом ювенологии Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс» А. Н. Тарасова, автора 490 публикаций по проблемам молодежи и образования, конфликтологии, политическому радикализму в России и за рубежом, массовым общественным движениям, массовой культуры, межкультурным и межцивилизационным противоречиям, компаративистским исследованиям. Ему удалось увидеть мир молодежных субкультур изнутри, часто изучавшему их что называется мето-

¹ Субкультурные объединения молодежи: критический анализ. М., 1987; Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы. 1986—1989 гг. СПб., 1993; Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь. М., 1980; Молодежный экстремизм / под ред. А. А. Козлова. СПб., 1996; Сикевич З. В. Молодежная культура: за и против. Л., 1990; Петров Д. Молодежные субкультуры. Саратов, 1996; Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга (социологический и антропологический анализ). СПб., 1999; Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М.: ИС РАН, 2000; Пирожков В. Ф. Криминальная субкультура: Психологическая интерпретация функций, содержания, атрибутики // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 2.

дом участвующего наблюдения. В 1975 г. был арестован по делу Неокоммунистической партии Советского Союза (НКПСС), после предварительного заключения и годичного пребывания в спецпсихбольнице освобожден, он был чертежником, лаборантом в проектном институте, сторожем на Ваганьковском кладбище, машинистом, слесарем по ремонту котельного оборудования, библиотекарем, редактором, фельдшером, оператором газовой котельной, бухгалтером, осветителем в театре, научным сотрудником, преподавателем вуза, консультантом в Миннауки и т. д. С 1984 г. выступает (под псевдонимом) в зарубежной прессе и в самиздате. Печатался, помимо России, в США, Канаде, Великобритании, Франции, Греции, Венгрии, Индии и т. д. Таким исследовательским и жизненным опытом в избранной тематике мало кто обладает не только в нашей стране, но и за рубежом.

В ходе многолетнего включенного наблюдения собирала эмпирический материал по истории бытового инакомыслия молодежи второй половины 1980-х гг. питерский этнограф и социолог Т. Б. Щепанская¹. Когда задумывалась ее фундаментальная работа по субкультуре хиппи, она сама была в возрасте, близком к молодежи. В сообщество молодежного андеграунда она была принята как «своя» и наблюдала ее одновременно и изнутри, и извне, вооруженная этнографическим образованием и современными социологическими идеями. Это очень важно, потому что среда, в которую она с легкостью проникала, была закрыта для «чужаков». На этапе сбора материала она действовала по законам этнографического поля: выбрали одно конкретное сообщество и наблюдали его обычаи, обряды и традиции. Большая часть информации была получена автором непосредственно в Системе методами опросов и включенного наблюдения. Записывался городской молодежный фольклор (анекдоты, поговорки, байки, прозвища, песни). Полезный материал дала периодика 1986—1989 гг. К тому же периоду относятся записи бесед с пиплами. Ценным источником послужили граффити, оставленные пиплами на стенах нескольких домов в Москве и Ленинграде, где обычно собирались Системные тусовки. В Москве это Булгаковский дом на Садовой улице, в Ленинграде — Ротонда, которую еще называют Центром мироздания. Применяя методы включенного наблюдения, непосредственного участия в разного рода проявлениях тусовочной жизни, интервью, анализ документов, Т. Б. Щепанская получила уникальный эмпирический материал, который уже никогда не удастся повторить.

¹ Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы 1986—1989 гг. СПб., 1993.

Она описывает мир хипповской и постхипповской тусовки как часть социальной структуры советского общества, ее символику, стиль и образ жизни.

Совсем иначе строилась исследовательская работа Е. Л. Омельченко, проект которого задуман и осуществлен в рамках международного сотрудничества европейской Программы Tempus/TACIS. Выражая свою признательность доктору Хилари Пилкингтон, профессору С. Кларку, доктору К. Райт, доктору М. Ниави — его коллегам по факультету социологии (Уорикский университет), проф. Л. Бовоне (Миланский католический университет), профессору Х. Девису (Кентский университет), доктору Т. Флету (Билефельдский университет), профессору С. Фрису (Университет Глазго), профессору К. Гриффин (Бирмингемский университет), профессору А. Физаклеа (Лейстерский университет), автор фундаментальной книги¹ показывает, с каких позиций и в каких традициях должна сегодня изучаться молодежная субкультура. Видимо, ушла в прошлое эпоха диссидентов, включенных наблюдений в молодежный андеграунд конца 1980-х—середины 1990-х гг., когда собирались уникальные данные, имеющие сугубо национальную специфику, и наступает время для широкой международной интеграции, изучения того, каким образом российская молодежь встраивается в глобальную цивилизацию, воспринимает западный образ жизни, включается в общеевропейские образовательные программы и обмен культурными ценностями. Именно так формулируется одна из глав книги Е. Л. Омельченко — «Глобализации и молодежная культура».

¹ Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М., 2000.

Список литературы

Abbott A. Department and Discipline: Chicago Sociology at One Hundred. Chicago: The University of Chicago Press, 1999.

Abrams Ph. The Origins of British Sociology (1834—1914). Chicago; London, 1968.

Adams B. N., Sydie R. A. Contemporary Sociological Theory. Thousand Oaks, Calif.: Pine Forge Press, 2002.

Alexander J.C. Theoretical Logic in Sociology. Vol. 3.: The Classical Attempt at Theoretical Synthesis: Max Weber. Berkeley, 1983.

An Introduction to the History of Sociology. Ed. by H.W. Barnes. Chicago, 1948.

Antoni C. From history to sociology: the transition in German historical thinking. L.: Merlin Press, 1959.

Ashley D., Orenstein D. M. Sociological Theory: Classical Statements. 5th ed. Boston: Allyn and Bacon, 2001.

Bernard L. L., Bernard J. Origins of American sociology. New York, 1943.

Blackwell Dictionary of Twentieth-Century Social Thought / Ed. by William Outhwaite & Tom Bottomore. Oxford: Blackwell, 1993.

Bottomore T. The Frankfurt School. Chichester: Ellis Horwood, 1984.

Breuer S. Soviet communism and Weberian sociology // Journal of Historical Sociology. 1992. Vol. 5. № 3. P. 267—290.

Bulmer M. The Chicago School of Sociology: Institutionalization, Diversity, and the Rise of Sociological Research. Chicago: The University of Chicago Press, 1984.

Cahnman W. Weber and Toennies: Comparative Sociology in Historical Perspective. New York: Transaction Publishers, 1994.

Carver T. Marx's social theory. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Charon J. M. Symbolic interactionism: an introduction, an interpretation, an integration. London: London: Prentice-Hall International, 2001.

Classical sociological theory A reader / Ed. by I. McIntosh. Washington Square: New York University Press, 1997.

Collins R. Weberian sociological theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Contemporary Sociological Theory: Continuing The Classical Tradition. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1995.

Coser L. A. *Masters of Sociological Thought. Ideas in Historical and Social Context.* 2nd edn. N. Y., 1977.

Craib I. *Classical social theory.* New York: Oxford University Press, 1997.

Durkheimian sociology: cultural studies / Ed. Alexander J. C. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 1988.

Faris R. E. L. *Chicago Sociology, 1920—1932.* San. Francisco: Chandler, 1967.

Ferdinand Toennies: a new evaluation, essays and documents / Ed. by Cahnman, W.J. Leiden: E.J. Brill Publishers, 1973.

Formal sociology: the sociology of Georg Simmel / Ed. by Ray L. J. Aldershot: Edward Elgar, 1991.

Freund J. *The Sociology of Max Weber.* L., 1968.

Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology.* Cambridge, England: Polity Press, 1992.

Georg Simmel and contemporary sociology. L.: Kluwer Academic Publishers, 1990.

Giddens A. *Durkheim.* L.: Fontana Press, 1978.

Gillin J. L. *The Development of Sociology in the United States // Publications, American Sociological Society. Vol. XXI (1926).*

Greenfeld L. *Soviet sociology and sociology of Soviet Union // Annual Review of Sociology. 1988, No. 14.*

Halsey A. H. *A History of Sociology in Britain — Science, Literature, and Society.* Oxford: Oxford University Press, 2004.

Handbook of sociological theory / Ed. by J.H. Turner. New York: Kluwer Academic/Plenum Pub., 2001.

Hecker J. *Russian Sociology.* New York: Augustus M. Kelley Publishers, 1969.

Hough J. *The Soviet Union and social science theory.* Cambridge: Harvard University Press, 1977.

Jones S. *Durkheim reconsidered.* Cambridge, UK: Polity, 2001.

Kasler D. *Max Weber. An Introduction to his Life and Work.* Cambridge: Polity Press, 1988.

Klirminster R. *The sociological revolution: From the enlightenment to the global age.* L.; N. Y.: Routledge, 1998.

Lazarsfeld P., Oberschall A. *Max Weber and empirical social research // Amer. Sociol. Rev. 1965. Vol. 30. № 2. P. 185—199.*

Lazarsfeld, Paul F. *On Social Research and Its Language.* Edited and with an Introduction by Raymond Boudon. Chicago: The University of Chicago Press, 1993.

Le Play F. *La reforme sociale en France.* Paris, 1864.

Lecuier B., Oberschall A. *Sociology: the Early History of Social Research // International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. Vol. 15. P. 36—52.*

Littlejohn G. A sociology of the Soviet Union. L.: Macmillan Press, 1984.

Lopreato J., Crippen T. Crisis in sociology: The need for Darwin New Brunswick (N. J.). L.: Transaction publ., 1999.

Lukacs G. Max Weber and Cerman Sociology // Max Weber: critical assessments. / Ed. by Hamilton P. Vol. 1. L.: Routledge, 1991. P.103—115.

Madge J. The Origins of Scientific Sociology. N. Y., 1968.

Marianne Weber. Max Weber: A Biography. Tr. H. Zohn. N. Y.: Wiley, 1975.

Max Weber and Modern Sociology / Ed. by Sahay A. L., 1971.

McDonald L. Early origins of the social sciences. London: McGill-Queen's University Press, 1994.

Mestrowich S. Emile Durkheim & the Reformation of sociology. L., 1993.

Morgan G. Toward an American sociology: questioning the European construct. Westport, Conn.: Praeger, 1997.

New directions in Soviet social thought: an anthology / Ed. by Yanowitch M. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1989.

New horizons in sociological theory and research: The frontiers of sociology at the beginning of the twenty-first century / Ed. by L. Tomasi. Burlington, VT: Ashgate Pub., 2001.

Oberschall A. Empirical Social Research in Germany (1848—1914). Paris; Hague, 1965.

Obershall A. The Institutionalization of American Sociology // The Establishment of Empirical Sociology. N. Y., 1972.

Parkin F. Max Weber. L., 1982.

Positivist sociology and its critics / Ed. by P. Halfpenny and P. McMylor. Aldershot: E. Elgar Publication, 1994.

Ritzer G. Postmodern social theory. New York McGraw-Hill, 1997.

Roucek J., Mohan R. Contemporary sociology in the Soviet Union / / The handbook of contemporary developments in world sociology / R. Mohan, D. Martindale, eds. Westport: Greenwood Press, 1975.

Schuerkens U. The Congresses of the International Institute of Sociology from 1894 to 1930 and the Internationalization of Sociology // Revue Internationale de Sociologie. 1996. V. I.

Schutz A. Concept and Theory Formation in Social Sciences // Schutz A. Collected Papers. Vol. 1. Netherlands: Martinus Nijhoff, 1971.

Shahlin D. Development of Soviet Sociology 1956—1976 // Annual Review of Sociology. 1978. Vol. 4. P.171—192.

Social thought in the Soviet Union / Ed. by A. Simirenko. Chicago: Quadrangle Books, 1969.

Sorokin P. Contemporary Sociological Theories. New York, London, 1928.

The Blackwell dictionary of twentieth-century social thought / Ed. by W. Outhwaite, Bottomore T. Oxford: Blackwell, 1993.

The classical tradition in sociology: The American tradition / Ed. by Alexander J. et al. L. etc.: Sage, 1997. Vol. 1—4.

The Establishment of Empirical Sociology: Studies in Continuity Discontinuity and Institutionalization / Ed. A. Oberschall. N. Y., 1972.

The Nature and Types of Sociological Theory (2nd Ed.) by Don Martindale. Prospect Heights, Illinois, 1981.

The new social theory reader: Contemporary debates / Ed. and intr. by S. Seidman, J. C. Alexander. New York: Routledge, 2001.

Timasheff N. G. Sociological theory. N. Y., 1967.

Turner, J.H. et al. The emergence of sociological theory. Belmont, CA: Wadsworth Publishing, 1995.

Waters M. Modern sociological theory. L.: SAGE Publications, 1994.

Weber M. Basic Concepts in Sociology / Tr. H. Secher. L., 1962.

Weber M. Economy and Society: An outline of interpretive sociology. Berkeley: University California Press, 1978. Vol. 1.

Weinberg E. The development of sociology in the Soviet Union. London: Routledge and Keegan Poul, 1974.

Алексеев В. А., Маслин М. А. Русская социальная философия конца XIX—начала XX века: психологическая школа. М., 1992.

Американская социологическая мысль: тексты / Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. М., 1994.

Американская социология. Перспективы, проблемы, методы / под ред. Т. Парсонса. М., 1972.

Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология: Критич. очерк. М., 1965.

Антология русской классической социологии / под ред. Д. С. Клементьева, Л. Н. Панковой. М., 1995.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

Баразова Е. С. Американская социология: Традиция и современность: курс лекций. Екатеринбург, 1997.

Батыгин Г. С. Преемственность российской социологической традиции // Социология в России. М., 1998.

Бачинин В. А., Сандулов Ю. А. История западной социологии. М., 2002.

Беккер Г., Восков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.

Биографии русских и советских социологов / ред. Р.-Л. Винклер. З. Т. Голенкова. Берлин, 1987.

Борисова Н. Л. История русской социологии: лекции. М., 1992.

Буржуазная социология на исходе XX века. М., 1986.

Буровой М. Развитие американской социологии: дилеммы институционализации и профессионализации // Рубеж. 1991. № 1.

Бутенко И. А. Социальное познание и мир повседневности. Горизонты и тупики феноменологической социологии. М., 1987.

Васильева Т. С., Орлов В. В. История социологических учений // Социальная философия: учеб. пособие. Пермь, 1993.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Верт Н. Революция в советской социологии. Рождение опросов общественного мнения // Социология как предмет специального научного исследования. М., 1992. С. 99—111.

Винклер Р. Л., Голенкова З. Т., Гриднич Ю. В. Становление и развитие марксистско-ленинской социологии в СССР в 20—30-е годы // История становления советской социологической науки в 20—30-е годы: сб. ст. М., 1989. С. 8—42.

Галактионов А. История русской социологии. М., 2002.

Гамбаров Ю. С. Русская высшая школа общественных наук в Париже. Ростов-на-Дону, 1903.

Голосенко И. А. Русская социология: Ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986.

Голосенко И. А. Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX—начала XX века: библиогр. указ. М., 1984.

Голосенко И. А. Исторические судьбы идей Огюста Конта: Трансформация позитивизма в русской социологии XIX—XX веков // Социологические исследования. 1982. № 4. С. 146—152.

Голосенко И. А. Питирим Сорокин: Судьба и труды. Сыктывкар, 1991.

Голосенко И. А. Процесс институализации буржуазной социологии в России конца XIX — начала XX вв. // Социол. исслед. 1978. № 2.

Голосенко И. А. Социологическая литература России второй половины XIX—начала XX века: библиогр. указ. М., 1995.

Голосенко И. А. Социология в дореволюционной России (научно-ведческие аспекты) // Филос. науки. 1988. № 1.

Голосенко И. А. Социология Питирима Сорокина (русский период деятельности). Самара, 1992.

Голосенко И. А. История русской социологии: библиографический указатель. М., 1990.

Голосенко И. А., Козловский В. В. История русской социологии XIX—XX вв. М., 1995.

Гофман А. Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995.

Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

Давыдов Ю. Н. Эволюция теоретической социологии XX века // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 53—59.

Давыдов Ю. Н. Социология в ФРГ // Социология и современность. Ч. 2. М., 1977.

Де-Роберти Е. В. Современное состояние социологии // Новые идеи в социологии. СПб., 1913.

Западная теоретическая социология 80-х годов. М., 1989.

Здравомыслов А. Г. Социология в России // Вестник РАН. 1994. Т. 64.

Из истории буржуазной социологии XIX—XX веков. М., 1966.

Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М., 1986.

История буржуазной социологии XIX—начала XX века. М., 1979.

История буржуазной социологии первой половины XX в. М., 1979.

История социологии (XIX—первая половина XX века). М., 2003.

История социологии в Западной Европе и США. М., 1993.

История социологии в Западной Европе и США: учеб. для вузов. М., 2001.

История социологии. Минск, 1993.

История социологии: учеб. пособие. Минск, 1998.

История становления советской социологической науки в 20—30-е гг. М., 1989.

История теоретической социологии: в 4 т. М., 2002

История теоретической социологии: в 5 т. М., 1995—1997.

Капитонов Э. А. История и теория социологии. Социология XIX века: учеб. пособие. М., 2000.

Капитонов Э. А. Социология XX века. Ростов-на-Дону, 1996.

Кареев Н. И. Основы русской социологии. СПб., 1996.

Ковалевский М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. 1913. № 1.

Ковалевский М. М. Очерк истории развития социологии в конце XIX и в начале XX века // История нашего времени (Современная культура и ее проблемы). Пг., 1914. Вып. 27—29.

Ковалевский М. М. Современные социологи. СПб., 1905.

Ковалевский М. М. Сочинения: в 2 т. М., 1997.

Ковалевский М. М. Страницы из истории нашего общения с западной философией // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 157—168.

Козлова Л. А. Институт красной профессуры (1921—1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1.

Колбановский В. В. К истории постсталинской социологии: от Ренессанса до Реформации // Российская социология шестидесятых годов: В воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 19—41.

Кон И. С. Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX—начала XX в. // История социологии в Западной Европе и США: учеб. для вузов. М., 1999. С. 79—102.

Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.

- Конт О.* Дух позитивной философии. СПб., 1910.
- Конт О.* Курс позитивной философии // Родоначальники позитивизма. СПб., 1912. Вып. 4.
- Коротец И. Д.* Россия в ожидании: очерк теорет. социологии постлеокт. периода. Ростов-на-Дону, 1994.
- Кравченко А. И.* Социология труда в XX веке: Историко-критический очерк. М., 1987.
- Кравченко А. И.* История отечественной социологии: учеб. пособие. М., 2005.
- Добренъков В. И., Кравченко А. И.* Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. М., 2003.
- Добренъков В. И., Кравченко А. И.* Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 2. Эмпирическая и прикладная социологии. М., 2004.
- Краткий очерк истории социологии: Концептуальная схема. М., 1990.
- Кукушкина Е. И.* Русская социология XIX—начала XX в. М., 1993.
- Кукушкина Е. И.* Социологическое образование в России XIX—начала XX в. М., 1994.
- Култыгин В. П.* История российской социологии. М., 1994.
- Култыгин В. П.* Классическая социология. М., 2000.
- Култыгин В. П.* Ранняя немецкая классическая социология: Лекции по истории социологии. М., 1991. Вып. 2.
- Култыгин В. П.* Становление и развитие социологии США: Лекции по истории социологии. М., 1994. Вып. 5.
- Култыгин В. П.* Французская классическая социология XIX—начала XX веков: Лекции по истории социологии. М., 1991. Вып. 1.
- Медушевский А. М.* История русской социологии. М., 1993.
- Миненков Г. Я.* Введение в историю русской социологии. Минск, 2000.
- Монсон П.* Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992.
- Немировский В. Г., Невирко Д. Д.* Теоретическая социология: нетрадиционные подходы: учеб. пособие. Красноярск, 1997.
- Новикова С. С.* История развития социологии в России: учеб. пособие. М., Воронеж, 1996.
- Новикова С. С.* Особенности развития социологической мысли в России // Социол. исслед. 2002. № 10. С.122—130.
- Новикова С. С.* Социология: история, основы, институционализация в России. М., 2003.
- Новые направления в социологической теории. М., 1978.
- Осипов Г. В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М., 1979.
- Очерки по истории социологии: учеб. пособие. Ростов-на-Дону, 1994.

Очерки по истории теоретической социологии XIX—начала XX вв. М., 1994.

Пугачева М. Г. Российская социологическая традиция 1960-х годов и современность // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 205—208.

Родоначальники позитивизма: в 5 вып. СПб., 1910—1913. Вып. 2, 4—5.

Российская социология шестидесятых годов: В воспоминаниях и документах. СПб., 1999.

Российская социология. СПб., 1993.

Русская высшая школа общественных наук в Париже: Лекции профессоров / под ред. Е. В. Де-Роберти, Ю. С. Гамбарова, М. М. Ковалевского. СПб., 1905.

Русская социология: межвуз. сб. СПб., 1993.

Семенов Е. Высшая русская школа в Париже // Русская мысль. 1902. № 2. С. 167—181.

Современная американская социология. М., 1994.

Современная буржуазная философия. М., 1972.

Современная западная историческая социология. М., 1989.

Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990.

Современная западная теоретическая социология. Вып. 1. Юрген Хабермас: реф. сбор. / отв. ред. Н. Л. Полякова и др. М., 1992.

Современная западная теоретическая социология: реф. сб. Толкот Парсонс (1902—1972). М., 1994.

Современная зарубежная социология (70—80-е годы): реф. сбор. М., 1993.

Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: учеб. пособие. Новосибирск, 1995.

Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / пер. с англ. М., 1961.

Современные западные исследования социологической классики: реф. сб. М., 1992.

Современные зарубежные теории социального изменения и развития: реф. сб. М., 1992.

Современные социологические теории общества. М., 1996.

Сорокин П. А. О русской общественной мысли. СПб., 2000.

Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.

Сорокин П. А. Русская социология в XX в. // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. № 4. С. 9—18.

Сорокин П. А. Система социологии: в 2 т. М., 1993.

Сорокин П. А. Состояние русской социологии за 1918—1922 гг. // Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 414—418.

- Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Социологи России и СНГ XIX—XX вв.: библиогр. справочник. М., 1999.
- Социологическая мысль в России: Немарксистская социология последней трети XIX—начала XX вв. Л., 1978.
- Социологические исследования в СССР, 1990—1991 гг.: реф. сбор. М., 1993.
- Социологические исследования в СССР. М., 1978.
- Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна: научно-аналитический об. М., 1996.
- Социология в России XIX—начала XX в. Вып. 1—2. Тексты. М., 1997.
- Социология в России: для вузов. М., 1998.
- Социология в СССР. Т. 1—2. М., 1965.
- Социология и власть: документы и материалы. 1953—1968. М., 1997.
- Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М., 1998.
- Социология сегодня: Проблемы и перспективы (Американская буржуазная социология середины XX века). М., 1965.
- Тахтарев К. М. Основные идеи социологов // Современный мир. 1914. № 4.
- Тахтарев К. М. Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского // Социобиблиологический вестник. 1919. № 4—5.
- Теоретическая социология: учеб. пособие. Саратов, 1994.
- Фирсов Б. М. История советской социологии 1950—1980-х гг.: курс лекций. СПб., 2002.
- Хвостов В. М. Социология: исторический очерк учений об обществе. М., 1917.
- Чагин Б. А. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917—1969). Л., 1971.
- Щипанов И. Я. Философия и социология русского народничества. М., 1983.
- Ядов В. А. Мы все — самоучки в социологии // Российская социология шестидесятих годов: В воспоминаниях и документах. СПб., 1999. С. 42—63.
- Яковенко В. И. Огюст Конт: его жизнь и философская деятельность: биографический очерк. СПб., 1894.

Содержание

РАЗДЕЛ I

ГЛАВА 1. Исторические траектории социологии	3
Начальный этап развития социологической мысли	3
Становление и развитие социологии как науки	7
ГЛАВА 2. Основные школы социологии	17
Французская социологическая школа	18
Марксистская школа социологии	24
Немецкая школа социологии	27
Чикагская социологическая школа	32
Франкфуртская школа социологии	36
ГЛАВА 3. Основные парадигмы и перспективы	40
Сциентистская и гуманистическая перспективы	41
Развитие сциентистской перспективы	45
Варианты гуманистической перспективы	50
Понимающая социология	51
Символический интеракционизм	54
Феноменологическая социология	58
Драматургическая социология	59
Этнометодология	60

РАЗДЕЛ II

ГЛАВА 1. Социологическая классика	63
Античная Греция	63
Социально-философское учение Платона	64
Социополитическое учение Аристотеля	75
Новое время	85
Учение о государстве и обществе Н. Макиавелли	85
Теория общественного договора Т. Гоббса	91
Географическая школа	99
Классический этап	102
Трехстадийная концепция О. Конта	103
ГЛАВА 2. Общность и общество в учении Ф. Тенниса	111
ГЛАВА 3. Органическая и механическая солидарность Э. Дюркгейма	139
ГЛАВА 4. Концепция социального действия М. Вебера	166
ГЛАВА 5. Учение П. Сорокина	184
Социальное пространство	191
Теория стратификации П. Сорокина	195
Социология революции П. Сорокина	200

ГЛАВА 6. Теория социального действия Парсонса	217
ГЛАВА 7. Теория социального пространства П. Бурдьё	243
РАЗДЕЛ III	
ГЛАВА 1. История эмпирической социологии	262
Дореволюционный этап	262
Эмпирические исследования в 1920—1930-е гг.	274
Послевоенный период	290
ГЛАВА 2. Основные отрасли и направления	318
Социология классов в России	318
Социология образования	333
Дореволюционный период	370
Исследования 1920—1930-х гг.	373
Современные исследования	376
Изучение молодежных субкультур	384
Список литературы	393